Гневное небо Тавриды

Василий Иванович Минаков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: Документальная повесть и очерки о действиях морской авиации в боях за освобождение Крыма, о подвигах отважных воздушных бойцов-черноморцев, многие из которых, как и сам автор — в то время командир звена бомбардировщиков-торпедоносцев, — удостоились высшего признания Родины звания Героя Советского Союза.

Для массового читателя.

- Минаков Василий Иванович.
  - СО СТОРОНЫ СОЛНЦА. Крымская тетрадь
    - Первый шаг
    - Над Эльтигеном — Литвинчук с товарищами
    - Тихая работа
    - От Бориса Громова
    - Летучие минеры
    - Победы и утраты
    - С рассвета до рассвета
    - В боевом содружестве
    - Комбинированный, одновременный
    - Первый, второй…
    - На нашем счету «Тейя»
    - У пилотов морских…
    - Крым свободен!
  - ГВАРДЕЙСКИЙ ХАРАКТЕР. К портретам друзей
    - Пятый боевой…
    - Командир "счастливой девятки"
    - Стрелок-радист Андрей Засула
    - Штурман Василий Галухин
    - Пятнадцать вылетов Дмитрия Старикова
    - "Мы — рязанские!"
    - Снайперский экипаж
    - Комэск Николай Николаев
    - Награжденный посмертно
    - К строкам летной книжки
    - И еще один друг
    - Полет в бессмертие
  - И СНОВА ВЕСНА… Эпилог

Минаков Василий Иванович. Гневное небо Тавриды

СО СТОРОНЫ СОЛНЦА. Крымская тетрадь

Первый шаг

Дощатый, с облупленной довоенной побелкой барак, служивший нам попеременке то клубом, то классом, то временным штабом для разработки очередного удара, напоминал в этот вечер до отказа забитый вагон-теплушку. На уплотненных рядах скамеек, на приставленных к ним табуретах и чурбаках плечо к плечу стиснулись летчики и штурманы. Стрелки-радисты и воздушные стрелки по привычке расположились в "заднем отсеке" — на составленных в два этажа столах. Экипажи, прибывшие с аэродрома последними, — прямо на полу, привалившись к стене, протянув под скамейки натруженные в кабинах ноги. Эти парились в летном — в регланах и яловых сапогах, с планшетами и шлемофонами на коленях. Туго надышанный воздух с гарью от крупнокалиберных гильз — штабных «катюш» — едва не грозил взрывом. В разборе полетов участвовал сам комдив. По обычаю это означало одно из двух. Или полковник доволен работой полка и почитает своим непременным долгом лично поблагодарить отличившихся, или весьма недоволен, что также предпочитает выразить в устной форме, пока готовится в штабе приказ.

И то и другое им делалось с блеском, запоминалось надолго, передавалось из уст в уста. Как, впрочем, и все, что ему доводилось делать в авиации: имя Героя Советского Союза Николая Александровича Токарева было известно каждому из присутствующих еще с незабвенных курсантских времен.

К настоящему случаю, однако, ни один из двух вариантов не подходил. Экипажи высотных и низких торпедоносцев, как это явствовало из обстоятельного доклада начштаба и сдержанных выводов командира полка, действовали в сегодняшнем бою грамотно, атаковали продуманно и смело, в результате чего уничтожили вражеский транспорт и нанесли повреждения охранявшим его кораблям. Но это гвардейцам давно уже было не внове. Учинять же разнос оснований и вовсе не находилось.

Полковник взял слово последним. Коротко высказав несколько замечаний по тактике проведенного боя, пытливо вгляделся в тонущие во тьме ряды.

— Попробуем, однако, взглянуть пошире, — бережно передвинул одну из взрывоопасных «катюш», так чтобы свет ее падал на карту. — Предпринятое в конце прошлого месяца — сентября сорок третьего года — наступление войск Южного, ныне 4-го Украинского, фронта на сильно укрепленную оборонительную линию противника по реке Молочная встретило

ожесточенное сопротивление и было приостановлено во избежание лишних потерь. До 9 октября длилась оперативная пауза: наши войска перегруппировывались и пополнялись всем необходимым для новой попытки прорыва "Восточного вала". Гитлеровское командование, со своей стороны, стремясь любой ценой удержать этот важный рубеж — опору южного фланга всего Восточного фронта, — спешно организовало переброску сюда значительных подкреплений. За три недели в район Мелитополя было передислоцировано — в основном из Крыма — до восьми свежих дивизий противника…

Плавно текущая в русле военных приказов речь вызвала поначалу у слушателей лишь любование. Но оно вскоре сменилось недоумением: с чего это вздумалось комдиву отбивать хлеб у замполита? Южный фронт в стороне, его поддерживает 8-я воздушная армия…

Полковник сделал паузу. Неторопливо достал из кармана вчетверо сложенный безукоризненной белизны платок, щурясь на жаркий огонь коптилок, провел по сухому, без капельки пота, лбу.

— До восьми, — повторил. — За неполные три недели. Дальнейший ход операции, надеюсь, известен. Возобновив наступление и вновь натолкнувшись на сильное сопротивление, командование фронта предприняло смелый маневр. Искусно перегруппировав войска в ходе сражения, перенесло основные усилия на вспомогательное направление, где наметился наибольший успех. В результате оборона врага на участке южней Мелитополя была окончательно сломлена, и под угрозой потери коммуникаций он начал общее отступление. Стремительно развивая успех в степных просторах Северной Таврии… — Комдив вновь оторвался от карты, пощурился в настоявшуюся тьму.

— Северной Таврии, — повторил. — Собственно же Таврией, или Тавридой, в древности именовался… Старший лейтенант Киценко, какое значение для противника имеет Крым?

В замершем, как по коварному уговору, бараке раздался ничем не прикрытый всхрап, стук контактов упавшего шлемофона.

— Стратегическое! — бухнул порядком осипший, но неожиданно бодрый бас.

Полковник помедлил, как бы обдумывая ответ. В напрягшейся тишине было слышно потрескивание соли в заправленных авиационным бензином «катюшах».

— Во! — поднял вверх палец. — Опыт! Поставив себя на место противника, Киценко представил, что тот спит и видит…

Хлипкие стены барака потряс богатырский хохот. Затем

новый взрыв: кто-то из задремавших в заднем отсеке стрелков загремел с перепугу с «балкона» в «партер».

— Виноват, товарищ полковник, — словно сквозь бурю пробился голос обескураженного Киценко. Лицо комдива вновь стало серьезным.

— Садись, Иван Иванович, садись, дорогой! Уж если кому извиняться… Хорош командир, одно слово — отец! Мало, что не дает отдохнуть после многочасового полета… Не обижайся, пожалуйста, пришлось за твой счет встряхнуть хлопцев. А то от моей академии…

Вот он, Токарев! А? Не отец? Какая уж тут обида. Ивана сейчас хоть обратно к румынскому берегу посылай. Да что его — любого!

— И правильно — стратегическое! И политическое! Сосредоточив в Крыму почти двухсоттысячную армию, фашистская Германия оказывает давление на Турцию, удерживает в своем блоке Румынию и Болгарию. Центральное положение Крыма на черноморском театре военных действий позволяет противнику осуществлять быстрые маневры живой силой и техникой. С выходом войск 4-го Украинского фронта к низовьям Днепра и Крымскому перешейку вся эта группировка будет захлопнута, как в мышеловке. В этих условиях решающее значение для врага приобретут морские коммуникации…

Головы летчиков больше не опускались. В самом деле, ну разве стал бы комдив их задерживать попусту? Что-то тут было, сверх всех этих слов…

Это мы узнали буквально через несколько часов.

В ночь на 1 ноября 1943 года части 318-й Новороссийской стрелковой дивизии и батальон морской пехоты, погрузившись на катера и вспомогательные суда, совершили дерзкий бросок через штормовой Керченский пролив и высадились на крымский берег в районе рыбачьего поселка Эльтиген…

Наутро наш прифронтовой Геленджикский аэродром напоминал растревоженный улей. В небо один за другим взмывали истребители 11-го гвардейского, тяжело взбирались наши нагруженные «линкоры», над горизонтом выстраивались в боевые четверки и шестерки бронированные «утюги» соседей — штурмовиков…

Метеообстановка не благоприятствовала полетам: низкая облачность, резкий, порывистый ветер с дождем. Однако бывалые черноморские асы давно привыкли к капризам осенней погоды в здешних местах. А главное, понимали: помочь десантникам кроме них некому…

А десант зацепился. Своими глазами видели, кто летал.

Отбил себе клочок берега, окопался, сумел организовать огонь…

Появились и первые слухи. Рассказывали о слепящих лучах, о сплошь засверкавшем навстречу береге, о какой-то «сестричке», отчаянно бросившейся впереди всех: "За мной, братишки!.."

Постепенно все прояснялось.

…Отчалившие от Таманского полуострова вереницы мелких суденышек катеров, сейнеров, мотоботов, до отказа забитых людьми, вооружением, боеприпасами, — отважно устремились в штормовой, бурлящий пролив. Их заливало волнами, кидало друг на дружку и на не видные в кромешной тьме мины. Многие потонули. Но большая часть дошла. И — сколько раз приходилось на фронте дивиться правдивости самых, казалось, невероятных слухов — были и резанувшие по глазам лучи мощных прожекторов, и засверкавший сотнями орудийных и пулеметных вспышек — до самого неба, казалось, — берег… Но только чуть после, время врагом было упущено. Пехотинцы и моряки уже бросались с палуб в ледяные прибойные волны, плыли, брели, выбирались на отмель, не успев отдышаться, бежали наверх, врывались в окопы, разили фашистов огнем в упор, штыками, прикладами, кулаками…

Была и «сестричка» — санинструктор батальона моряков главстаршина Галя Петрова, — был и призыв: "Пошли, братишки!" Галина первой бросилась со своего катера в воду, первой выбралась на берег, взяла на себя командование группой бойцов. За этот подвиг отважная девушка была представлена к званию Героя Советского Союза…

Затем начались контратаки. По пятнадцать, по двадцать раз в день до зубов вооруженные гитлеровцы бросались на занятый храбрецами клочок земли — пять километров по фронту, два в глубину, — пытаясь во что бы то ни стало сбросить их в море…

Десант устоял.

А в ночь на 3 ноября был высажен и второй — основной — десант 56-й армии, у поселка Маяк, северо-восточнее Керчи…

Первый шаг в Крым был сделан.

Над Эльтигеном — Литвинчук с товарищами

2 ноября. Второй день боев за плацдарм у Эльтигена. И метеообстановка на круглую двойку — низкая облачность, резкий, порывистый ветер с дождем…

Да, но люди-то ведь летают! Вот это всего и досаднее… Тьфу! Летают, конечно, а как не летать. Ведь кроме авиации, помочь десантникам некому: до противоположного берега тридцать километров, а вражеские катера и быстроходные баржи наглухо блокируют подходы, артиллерия прицельно простреливает…

Вот что досадней всего — прицельно. И всех досаднее это нам. Из всех оставшихся по эту сторону Керченского пролива. Прицельно простреливают, гады, и прилагают все силы, чтобы сбросить десантников в море, вводят все новые и новые резервы, а силы ребят иссякают, а мы…

Мы сидим. Сидим и лежим, и встаем, и ходим, что вообще-то для нас все равно. Полное отупение, до этих вот двоек, до злости на тех, кто летает, а мы…

Мы — это экипаж морского бомбардировщика Ил-4, и нас четыре, а наш бортовой номер — пять. С рассвета вчерашнего дня загораем в готовности к взлету. Под фюзеляжем пара УХАП-500 — приборчики по полтонны. В них, в свернутом виде, двухкилометровая занавесь, что должна сейчас висеть у Эльтигена, прикрывая подход наших катеров с подкреплением от цейсовских окуляров, направленных на пролив поверх узкой полоски суши, занятой десантниками.

Дней десять назад мы прошли специальную подготовку. Не зная, конечно, еще для чего. Но уже это одно говорит об ответственности задачи. Как и то, о чем вслух поминать не пристало, — что выбрали именно наш экипаж. После летних потерь мы в полку «старички», ветераны.

Дело освоили хорошо. Да и не хитрое, в общем-то, дело. Одна и забота, считай, — высота. Не оставить «подзор» между дымзавесой и водой, не размазать нижний край полосы, что дает возможность вражеским наблюдателям просматривать пролив с прибрежных высот.

Об остальном думать не приходилось. Ясно, что самолет-дымзавесчик — движущаяся мишень. И с берега, и с воды по нему без помех будут бить «эрликоны», орудия всех калибров и назначений, пулеметные установки всех комбинаций и всех систем. А ты — как на тросе. Маневр исключен. Кому нужен

путаный серпантин над морем?

Ждали сигнала. Больше с неба, чем с вышки дежурного: пустить дымок на ветер толку и вовсе мало.

Сначала сидя. На парашютах, на свернутых самолетных чехлах, то и дело оборачиваясь в сторону сигнальной вышки. Затем полулежа, раскинув чехлы и стащив парашютные лямки, спинами привалившись друг к другу, прикрывшись воротниками от ненавистных налетов ветра. Потом вовсе улегшись, глядя то в небо, то на крыло нашей виды видавшей «пятерки», считая заплаты и вспоминая историю каждой — где, чем пробило, когда, почему…

Шторм не стихал, сигнала не поступало.

Ожидание изматывает хуже, чем сам полет. Сколько раз мысленно прохожу в гуще черных разрывов, вдоль ощетинившегося сотнями трасс берега, над поворачивающимися стволами орудий на палубах вражеских катеров, сколько новых пробоин с рваными звездчатыми краями успело привидеться на изученном до последней заклепки крыле. Вот она вспучилась, плоскость, у основания, поплыла чуть заметно назад, между ней и обшивкой фюзеляжа возникла зубчатая щель, пошла раздвигаться, как лезвия ножниц…

Сел, покрутил головой, встряхнулся.

— Вздремнули, командир? — Саша Жуковец, воздушный стрелок. В покрасневших от ветра глазах беспокойство. — Хотел вас спросить насчет этих… топмачтовиков. Вчера тут один из тридцать шестого. Говорит, капониры для них уже строют…

Золото парень. Молчать в таких случаях — гроб. На что ни смотри, о чем ни вспоминай — о «мессерах» над Дунаем или о первом свидании над Кумой, — все это поверху, скользом пойдет, а в душе-то одна все веселенькая картинка.

— С торпедной атакой и то, говорят, не сравнить!

— Кто говорит? — уточняет ревниво стрелок-радист Коля Панов, начисто игнорируя в таком деле возможность подначки. — Тот, кто с торпедами не летал?

О топмачтовом бомбометании слухи в дивизии ходят давно, но достоверно известно не многое. Новый способ атаки плавсредств, никем еще не виданный. На Черном море, по крайней мере.

— А ты сам представь! Воображение-то имеешь? Это на сколько сблизиться надо, чтобы бомба в корабль рикошетом… А высота? Чтобы скользнула и не зарылась?

В самом деле невероятное что-то. Ближе четырехсот мы с торпедой не подходили, а и то возвращались все в дырках.

— А выход? Чтобы мачты у фрица не повредить. И ястребкам

не снилось!

— Ну, ястребкам-то, положим… Или про «цирк» позабыл?

Жуковец сделал вид, что и вовсе не слышал. Намек ясен — очередь подключаться мне. Одним из главных «циркачей» был мой друг Борис Литвинчук.

— В самом начале войны, учти, было!

— Да, это учесть нелишне…

Штурман Коля Прилуцкий. Не говорун. Зато, как всегда, в точку. В том-то и дело, что в самом начале. Немцы хозяева были в небе. Но ведь теперь-то — мы? Или и не такой уж отчаянный трюк это топмачтовое, или…

— Двести тысяч в Крыму. Фюрер прикажет стоять до последнего. И нам нет расчета их выпускать. С суши навесить замочек на Крым — это, конечно, дело. Но если с моря всех дыр не заткнуть…

— Стратегия, штурман! — я Жуковцу мигаю. Долго на ней, мол, не просидишь.

— Правда, лучше про «цирк», командир! Ведь вы же с Литвинчуком…

Все четверо в сговоре. Против кого? Глупый вопрос. Против фрица, конечно. Против шторма проклятого, что не дает от земли оторваться, помочь ребятам…

— Вон он, Литвинчук!

Даже я вздрогнул. Хоть видел Бориса не далее как вчера.

Над аэродромом красивой параболой взмыли два ястребка — как связанные паутинкой. Не нужен и штурманский глаз Прилуцкого — эту-то пару по почерку не узнать! Борис и его верный «щит» Жора Колонтаенко. Вместе летают с тех памятных… Незапамятных? Сколько прошло с тех пор времени? Сколько его должно было. пройти, чтобы действительность стала легендой?

Именно, что в начале… Да нет же, нет! В том-то и дело, что до войны еще! Как это раньше-то в голову не пришло? Значит, кто-то предвидел… Инженер Вахмистров, например, что разработал технику этого немыслимого трюка…

В конце сорокового сформировали специальную эскадрилью, командиром назначили капитана Шубикова, героя боев в Испании. Первыми освоили необычайный полет лейтенанты Борис Литвинчук и Евграф Рыжов, обучили товарищей.

И тут — война. С первых часов — жесточайшие схватки. Неравенство в силах приходилось восполнять нечеловеческим напряжением, беззаветной отвагой. Взлетали по пять раз на дню. Победы, потери. Об эксперименте и думать забыли…

И вдруг — приказ. Четырем самолетам эскадрильи Шубикова

нанести удар по нефтеперегонному заводу и нефтехранилищам в военно-морской базе Констанца.

"Ишачкам" — на Констанцу? Им, на нее. Запасная цель — корабли в гавани. Ведущим группы истребителей И-16 назначается комэск капитан Шубиков, его заместителем — лейтенант Литвинчук.

И вот два огромных ТБ-3 выруливают на взлетную полосу. На каждом в движении шесть винтов: четыре своих, два — «пассажиров». Подвешенные под плоскостями летучего авианосца «ишачки» питаются горючим из его объемистых баков. Собственный запас — на выполнение задания и обратный путь на ближайший аэродром.

На летном поле весь полк. Все взоры — на стартовую площадку. Сигнал! Первая из двухэтажных громоздких сцепок взревывает шестью моторами, набирает разбег…

"Странное чувство! — вспоминал Борис. — Будто в детстве на карусели. Я всегда «самолет» выбирал, очередь пропускал, если видел, что кто-то его уже занял…"

Странное и само дело. Задание — на бомбардировку? Ну так вот же бомбардировщик, еще и какой! Взял бы сам бомбы и полетел, разбомбил.

Брали, летали… Но их там и ждали. Задолго до цели встречали заградогнем, атаками истребителей. Тихоходные, маломаневренные ТБ, выйдя за радиус действия своих ястребков, становились для «мессеров» легкой добычей…

"Мы с Шубиковым летели на подвеске у Серафима Гаврилова — летчик что надо, еще до войны нас катал. Под вторым ТБ-3, Николая Огнева, тоже опытного "возницы", — «ишачки» Филимонова и Самарцева. Мы с Арсением видим друг друга, объясняемся знаками. Над морем опробовали пулеметы — работают "на большой". Опять делать нечего, только следить за режимом моторов да друг за другом, чтоб не заснуть. Хорошенькое было бы дело! Но вот и береговая черта. "Внимание!" вспыхивает сигнальная лампочка над козырьком. "Есть, внимание!" — тем же способом отвечаю Гаврилову. "Срыв!" — сигнал на щитке под плоскостью бомбардировщика. Киваю Шубикову, рывком поворачиваю ручку отцепки заднего замка. Чувствую: самолет обрел одну свободную ось. Ручку управления от себя полная отцепка, истребитель плавно скользит носом вниз. Все, свободен! Спасибо Сергеичу, отличную придумал системку…"

Сергеич — упомянутый выше конструктор Вахмистров, тезка и довоенный знакомый Литвинчука, не раз бывал в их эскадрилье.

Как и ожидалось, противник принял их за своих: откуда здесь взяться советским истребителям? Шубиков и Литвинчук точно спикировали на нефтебазу, Филимонов с Самарцевым — на порт. Только когда внизу заполыхали разрывы сброшенных ими фугасных бомб, вражеские зенитки открыли беспорядочный огонь. Поздно! Юркие ястребки, выйдя из почти отвесного пике, на малой высоте проскочили к морю.

С ближайшего аэродрома взмыла пара «мессеров». Но тут-то уж Шубиков с Литвинчуком были в своей стихии. После каскада умопомрачительных маневров устремились в лобовую. Ошеломленные гитлеровцы в панике отвернули…

Затем вся четверка соединилась и благополучно долетела до промежуточного аэродрома под Одессой. Пока самолеты заправляли горючим, возбужденные летчики обменивались впечатлениями. "Задали фрицам задачку!" — подвел итог Арсений Шубиков.

Начало было положено. И хоть «задачку» немцы вскоре разгадали, бороться с истребителями-бомбардировщиками у себя в глубоком тылу им надо было еще научиться.

В следующий раз полетели шестеркой, ночью. На рассвете накрыли корабли в порту. Отбомбившись, вступили в неравный бой с «мессерами». В Одессу первыми прилетели Шубиков и Литвинчук. Минут через десять сели еще двое. А Серафима Кузьмина и Дмитрия Скрынника не дождались. Поклялись за них отомстить…

Случай для этого вскоре представился: эскадрилья получила задание разрушить Черноводский мост на Дунае. Важнейший, стратегический, можно сказать, объект. Бомбардировщики не раз ходили на него, но отлично прикрытая узкая цель оставалась неуязвимой. С большой высоты, горизонтальным бомбометанием, поразить ее было практически невозможно.

Решили лететь вчетвером: Шубиков, Литвинчук, Филимонов, Каспаров. Тщательно подготовились: изучили по снимкам конструкцию моста, подходы к нему, расположение средств обороны. Вылетели глубокой ночью. Каждый из истребителей нес две двухсотпятидесятикилограммовые авиабомбы (самостоятельно с таким грузом излететь «ишачку» — нечего было и думать) и дополнительный бензобак: отцепляться от авианосцев решили задолго до подхода к цели.

Однако внезапно появиться у моста не удалось: противовоздушная оборона противника находилась в постоянной боеготовности. Шквалы огня взметнулись навстречу тяжело нагруженным ястребкам. Орудия, «эрликоны», пулеметы ощетинились огнем с обоих берегов Дуная, с островов, со

специальных люлек, подвешенных к фермам моста, даже с вершин этих ферм, находящихся на семидесятипятиметровой высоте…

Тем не менее прорвались. Вошли в пике. Лента моста стремительно полетела навстречу. Четыреста метров. Бомбы несутся вниз…

Есть! В центральный пролет! Гигантская стальная ферма переламывается, как шея жирафа, утыкается во вспененную воду. Из перебитого нефтепровода под настилом хлещет горящая нефть, вниз по течению на воде — сплошное бушующее пламя…

Все четыре машины целы. Скользнув над плавнями, уходят в сторону Одессы. Посадка, осмотр матчасти. Самолеты имеют пробоины, но до Крыма дотянут. Заправились, уселись в кабины. И тут на аэродром поступило сообщение: на одесский порт идет группа вражеских бомбардировщиков. Взлетели с местными истребителями. После короткого боя «мессеры» были отогнаны, «юнкерсы», оставшись без прикрытия, беспорядочно побросали бомбы в море.

Опять посадка, заправка. И наконец-то — домой! Там их ждало начальство. Командующий военно-воздушными силами флота поздравил с успешным выполнением ответственной задачи, обещал представить к наградам. Вскоре комэску Шубикову был вручен орден Ленина, Литвинчуку, Филимонову и Каспарову — Красного Знамени.

Спустя два дня налет на Черноводский мост повторили. Шестерка И-16, отцепившись от трех ТБ-3, вновь сумела пробиться к цели и снайперски положить бомбы…

Слава об отважных маленьких пикировщиках вышла за пределы флота. По просьбе армейского командования два доставленных авианосцем «ишачка» — Бориса Литвинчука и Павла Данилина — под прикрытием двадцати шести истребителей нанесли удар по мосту через Днепр. Несмотря на плотный заградогонь и беспрерывные атаки «мессершмиттов», задача была выполнена блестяще.

Затем той же паре было поручено атаковать тяжелую артиллерийскую батарею, сильно досаждавшую нашим поискам, обороняющим Перекоп. На прикрытие вылетел сам комэск. В районе цели их встретила группа «мессеров». Арсений с ходу связал фашистов боем, но силы были слишком неравны. В жестокой схватке Арсений Васильевич Шубиков погиб как герой…

Сколько с тех пор прошло времени? И по какому счету? Что успел перечувствовать, передумать, накопить в памяти, в сердце — по счету души? Или по счету жизни — насколько стал опытнее, мудрей, что обрел, чем нужнее стал людям? А по отсчету войны,

потерь?

Арсений погиб, прикрывая его, Бориса. Борис его заменил. Трудно заменить хорошего командира, еще трудней — любимого всеми человека. Борису это удалось. Потому, наверно, что он сам больше всех любил Шубикова. Эскадрилья славится на весь флот, командир в ней не только командир, но и лучший боец, первый по числу сбитых вражеских самолетов. В любой «карусели», где «мессеров» больше, сражается Литвинчук. Каждый ведущий бомбардировщиков, торпедоносцев, идя на задание, просит: "Дайте Литвинчука!" Пока группу сопровождает Борис со своими ребятами, за «воздух» можно не волноваться…

…Поползла вправо стрелка указателя скорости. Литвинчук оглянулся, больше для порядка: от Жорика и захочешь, не убежишь. Шли междугорьем, то и дело приподнимаясь над гривами устоявшегося в ущельях тумана. Спускались до бреющего, осматривались, взмывали вновь.

— В Крыму, может, погодка получше, а, Жора? Чем на Кавказе у нас?

— Шикарно живем, командир! Летаем себе с курорта да на курорт…

— Не очень поддавайся курортному настроению, Жора. А то фрицы такую тебе процедурку назначат…

Пересекли пролив, вышли в район Эльтигена. Над плацдармом — разорванная облачность. Сквозь мутную смесь из тумана и дыма просвечивают вспышки орудийных выстрелов, багрово-черные костры…

Избрали высоту — круговая видимость. Ждать долго не пришлось.

— Жора, засек? Считай!

Из-за горизонта поплыли черные точки. Один ряд, второй…

— "Юнкерсы", командир! Позади — «мессеры»! Бомбардировщики шли тремя группами, по девятке в каждой. «Мессершмитты» вились чуть сзади и выше.

— Атакуем первую! — принял решение Литвинчук, вызвав с земли подкрепление.

Неожиданный удар ошеломил противника. Несколько метких очередей, и пикировщики Ю-87 начали в панике освобождаться от бомб. «Мессеры» прозевали не только атаку, но и стремительный выход из нее дерзкой пары советских истребителей.

Боевым разворотом уйдя в сторону, Литвинчук нацелился на вторую группу. Сближение под ракурсом две четверти со стороны солнца. С пятисот метров стрелки «юнкерсов» открыли огонь. Литвинчук ввел машину в пологое пикирование. Небольшой доворот, и перекрестие прицела совместилось с фюзеляжем

«юнкерса». Еще несколько секунд на сближение…

Оранжевая трасса полоснула по серому телу врага. Тот вспыхнул, потянул к берегу…

— Рухнул, командир! Возле Камыш-Буруна… Смотри, «мессеры»!

В атаку заходила первая пара. Литвинчук моментально развернулся. Ведущий гитлеровец нырнул вниз, ведомый отвернул вправо. Борис бросился за ним, гитлеровец не рассчитал маневр, оказался под носом у Колонтаенко.

— Бей! — крикнул комэск, отворачивая, чтоб не попасть под его очередь.

Колонтаенко моментально поймал гитлеровца в прицел, ударил. «Мессер» неуклюже завалился на крыло…

— Есть, командир!

Литвинчук шел навстречу второму, лоб в лоб. Выждал, когда у врага сдали нервы. Затем молниеносный переворот через крыло, заход в хвост. Колонтаенко, чтоб не мешать, пристроился в хвост к командиру. Три самолета неслись друг за другом, то чуть не отвесно ныряя к земле, то крутой горкой взмывая вверх. Оторваться от Литвинчука… Колонтаенко улыбался. Наконец это понял и сам фашист. Бросился на отчаянный трюк: переломил машину в отвесное пике, затем вертикально взмыл вверх. Литвинчук разгадал маневр, выждал, встретил. Судьба врага была решена…

Но как раз в это время подоспел со своим звеном вызванный на помощь лейтенант Краснов. С ходу поймал в прицел зависший «мессер» и сбил его одной очередью.

— Дарю на память, Петя! — крикнул Литвинчук.

— Спасибо, Борис! В долгу не останусь, — уверенно обязался Краснов.

Через несколько минут вся фашистская армада была рассеяна. Побросав бомбы куда попало, «юнкерсы» убрались восвояси…

Я поздравил Бориса со сбитым «арадо».

— Редкая дичь! Стоило перышко взять на память. Деткам показывать после войны.

Женатый Борис такой шутки не принял. С сомненьем пощурился вдаль, будто пытаясь там разглядеть это «после», что я так просто ему обещал.

— С креста надо было тогда начинать, — заметил без сожаления, впрочем. Что фриц мне на память дарил.

— Друг? Вместе летали? В одной «карусели»?

— Летали. В одном самолете. Вдвоем.

— Ну, знаешь, Боря, — я покосился в сторону штаба. —

Считай, я не слышал. Кстати, на днях мы тут вспоминали ваш «цирк»…

— Вот в то как раз время и довелось прокатиться…

Оказалось, не шутит.

Обозленные налетами маленьких бомбардировщиков немцы разнюхали их аэродром. Вечером 23 августа береговые посты наблюдения предупредили: идут в вашу сторону. Командир полка поднял дежурное звено. Борису достался сектор в глубь моря километров на двадцать.

— Луна взошла рано, и от заката щелочка оставалась. На этой полоске его и засек. Пропустил мимо, чтоб окончательно убедиться, глаз-то не очень еще был наметан на них. Точно, «хейнкель»! Один идет, разделились, значит, как темнота наступила, поодиночке пробраться хотят. Не торопясь развернулся. Заметил? Нет, позволяет зайти себе в хвост. Ну, значит, я ему и хозяин. Подкрался не больше как на полсотни, выбрал, как в тире, правый мотор. Где ж тут промажешь? Дым белым парком, как из чайника, потянулся. Застрочили его стрелки. Повторно с маневром пришлось заходить, но попал и в левый. Фриц провалился, но опытный, видно, тут же опору обрел. Пламя сумел сбить скольжением, но из пике выйти пороху не хватило. До берега все ж дотянул, приземлился на пляже у Донузлава. Как на картинке, распластанный под луной! Горючее у меня еще оставалось, проштурмовал его с двух заходов, чтоб пограничников к месту привлечь…

Наутро стало известно, что пограничники захватили фашистских летчиков, когда те собирались удрать на резиновой лодке. Один из стрелков был убит очередью Литвинчука в воздухе, второй ранен при штурмовке на берегу. Борис живых фашистов еще не видел, попросился слетать на заставу на По-2.

Пограничники вынесли его на руках из кабины, давай качать. Тут же, понурясь, стояли три гитлеровца.

— Командир их, матерый зверь, вдруг увидел у меня орден. Отбрыкнулся от охранника, просунулся сквозь толпу. "Циркус? Циркус?" — показывает на ладонях. Может, отсюда потом и пошло это — «цирк». Я машинально кивнул. Он вдруг вытянулся передо мной, каблуками прищелкнул. Расстегнул китель, главный свой крест отвинтил. Протягивает торжественно: "Битте…" Я головой мотаю — на кой. "Европа, Европа", — он поясняет: не за разбой, мол, на вашей земле получил. Я, как могу, ему объясняю: мол, все равно за разбой…

— Но ты сказал, что летал с ним?

— Тут же и полетели. "Что с ними будете делать?" — спрашиваю у хлопцев. "В Симферополь отправим". — "Может,

летчика сначала к нам отвезу? Что-то полезное нам расскажет". Начальник заставы подумал. "Бери! Только уж пусть извинит, свяжем. Мало что может в башку ему в воздухе там прийти". Ребята специалисты, к спинке сиденья его прикрутили. "Во, — говорят, — осанка, как генерал!" Полетели. Тут мне молодость вспомнилась, аэроклуб, машина сама подсказала, родненький наш У-2, для солидности марку сменивший. Не удержался, серию заложил на высшую сложность. Оглянулся — фриц бледный, но улыбается, понял: "Гут, гут!" Так вот и долетели…

Вечером дома в Евпатории — жили еще по довоенному, с семьями, — жена Шура, сама летчица, встретила, как обычно, вопросом: "Трудный был, Боря, полет?" "Веселый!" — ответил Борис, расхохотавшись…

— А с «арадо» трудно было? — задал я тот же почти вопрос.

— Бывало и потрудней. Живучая каракатица! Но сама по себе-то, вот именно, дичь. Если б не «мессеры»…

Это было 22 ноября, над Эльтигеном.

К боевым действиям полк приступил с рассвета. Перед вылетом группы Литвинчука над плацдармом уже побывали сначала третья, за ней вторая эскадрильи. Бои завязывались с ходу и заканчивались, когда кончался в баках бензин. Прошло три недели со дня высадки десанта, в сражение вовлекались все новые и новые силы…

Взлетели двумя звеньями — восемь машин. Видимость в небе была хорошая, облачность стояла невысоко. Над Керченским полуостровом увидели шестнадцать Ме-109 — пришли расчистить воздушное пространство для своих бомбардировщиков. Вступать в бой почему-то не торопились.

Выждал и Литвинчук. Обе группы прошли своими курсами, строем, словно бы не заметив друг друга. И тут Борис, стремительно развернувшись, ринулся в самую гущу вражеской стаи. Ведомые моментально поняли его. Закрутилась воздушная карусель.

Стесненные невысокой облачностью, машины маневрировали в основном по горизонтали. Фашисты действовали нахально: их было ровно вдвое больше. Один, зайдя в хвост Краснову, уже готовился открыть огонь. Петр резким маневром развернул машину и в лоб расстрелял фашиста. Пыл вражеских летчиков поостыл.

Но вот показались бомбардировщики — восемнадцать Ю-87. Литвинчук бросился с одним звеном на них, четверка Краснова осталась сковывать боем «мессеры». Гвардейцы дрались бесстрашно. «Юнкерсы», не ожидавшие нападения, сломали строй, принялись сбрасывать бомбы. Они рвались в расположении

гитлеровских войск. Рассеяв и обратив бомбардировщики в бегство, Литвинчук вернулся к «мессерам».

Но фашистские истребители уже потеряли охоту драться, стали уходить в облака. Вскоре восьмерку Литвинчука сменила другая.

Уже был взят курс на свой аэродром, когда Георгий Колонтаенко вдруг передал:

— Внизу «арадо»!

— Вижу, — отозвался Литвинчук. — Атакую звеном. Петя, прикрой от «мессеров»!

Огромная каракатица летела на высоте тридцати метров, вела наблюдение за передвижением наших плавсредств в Керченском проливе. Литвинчук, сделав полупереворот, зашел в атаку. Ведомые не успели повторить его маневр, как он уже бил из пушки и пулеметов.

Атакованный гидроплан оказал остервенелое сопротивление. Две его пушки и два пулемета, казалось, заполнили огнем все пространство над ним. Машина Бориса стремительно взмыла вверх. Его сменило звено Краснова. Вся четверка открыла огонь одновременно. Гидроплан задымил, но продолжал лететь и вести прицельный огонь. Исключительная живучесть этой машины не раз обманывала наших истребителей.

Вновь атакует Борис. С ним рядом идет Колонтаенко. Сближение. До предела. Меж огненных трасс. И вот… Вся длинная очередь вошла в темно-зеленую тушу «арадо», он загорелся, ткнулся в воду носом и сразу стал погружаться.

— Сбор, идем домой, — спокойно оповестил своих товарищей Литвинчук.

Убедившись в бесплодности попыток сбросить десант в море, гитлеровцы вели бои на изнурение. Старались не дать возможности расширить и укрепить плацдарм. При этом на авиацию возлагалась одна из главных задач — контроль коммуникаций, связывающих плацдарм с Кавказским побережьем.

…Вторым звеном в эскадрилье Литвинчука командовал старший лейтенант Дмитрий Зюзин. 25 ноября он вылетел во главе восьмерки на прикрытие плацдарма от вражеских бомбардировщиков. Барражирование решил проводить двумя звеньями на разных высотах — это облегчало своевременное обнаружение противника.

Над позициями врага появились наши штурмовики в сопровождении «яков». Они с ходу обрушили вниз ураган огня. Зюзин видел, как взрывались боеприпасы на вражеских артиллерийских позициях, как слетали башни с танков, сосредоточившихся для атаки. Бомбы и реактивные снаряды

ложились густо и точно, экипажи «илов» работали на совесть, не обращая внимания на вспыхивающие вокруг них разрывы, на трассы «эрликонов» и пулеметов.

Группа «яков» была начеку. Когда на горизонте появились темные точки, быстро обретавшие форму «мессершмиттов», она заняла выгодную позицию и решительно иступила в бой.

Зюзин горел желанием помочь «якам», но его задачей было другое.

Испытывать нервы пришлось недолго. Не прошло и пяти минут, как в воздухе появилось свыше двух десятков Ю-87 под прикрытием шестерки Ме-109. Зюзин распределил силы: одно звено связало боем «мессеры», другое с ходу врезалось в строй бомбардировщиков.

Первая же атака увенчалась успехом. Один из «юнкерсов» потянул дымовой хвост к земле: его с короткой дистанции срезала пулеметно-пушечная очередь Зюзина. Бой разгорался. Было сбито и подбито еще несколько бомбардировщиков противника. Остальные, сбросив бомбы куда попало, повернули на свой аэродром…

Дмитрий Зюзин участвовал в боях с начала войны. Не сразу пришли к нему победы. Первое время мешала горячность. Как-то в сорок первом году, осенью, в составе группы вылетел к Перекопу. Заметив идущие навстречу «мессеры», ведущий группы стал набирать высоту. Немцы — тоже. Выше и выше, выжимая из моторов все, что возможно. Гитлеровцев было больше. И вот они в четком строю первыми устремились навстречу. Зюзин услышал в наушниках: "Спокойно, держать строй!" когда уже несся впереди всех, целясь в лоб головному «мессеру». Справа и слева мелькнули силуэты неприятельских машин, трассирующие очереди…

Потом — пустое безоблачное небо. Где же ведущий гитлеровец, где остальные враги, где свои? Далеко позади внизу вилась тугая наклонная «карусель». Друзья сражались, может быть, гибли…

К счастью, все обошлось. Гитлеровцы выключились из боя, ушли в свою сторону: видимо, у них кончался запас горючего…

Были и другие уроки. Были даже победы, которые вспоминать теперь не хотелось. Представление, что храбрость превыше всего, постепенно сменилось убеждением: успех обеспечивается способностью сохранять ясность мысли и полное самообладание в самых критических положениях. Точная оценка возможностей противника, соответственный выбор действий. Неустанное совершенствование летного и тактического мастерства.

Всему этому Дмитрий учился у своих замечательных

командиров — Арсения Шубикова, Бориса Литвинчука.

В эти дни Дмитрий Зюзин одержал свою двенадцатую победу.

Его четверка вылетела по тревоге к Керченскому проливу: бившиеся с «мессерами» однополчане нуждались в помощи. Зюзин увидел «карусель» издали, по неуловимым признакам угадал: горючее у товарищей на исходе. Надо немедленно обеспечить им выход из боя…

Случай для этого тут же представился: один из «мессеров» задымил и кометой понесся вниз. Внимание фашистских летчиков на какой-то момент было отвлечено. Дмитрий искусным виражом воткнулся в «карусель». Немцы, решив, что новая четверка пришла на усиление своих, поспешили выйти из боя.

Звено Зюзина осталось одно — ждать очередную волну вражеских бомбардировщиков. Чтобы захватить их врасплох, Дмитрий решил выдвинуть свой воздушный патруль вперед.

— Следовать за мной на Багерово, — передал ведомым.

Над вражеской территорией вести бой опаснее, зато можно рассчитывать на внезапность. Расчет оказался верным вдвойне: «хейнкели» появились без сопровождения истребителей. Очевидно, «мессершмитты» поспешили вперед расчистить воздух над плацдармом. Бомбардировщики, надеясь на них, вряд ли как следует ведут наблюдение…

Подав команду на атаку, Зюзин ввел самолет в пикирование. Нацелился на ведущего, сблизился до предела. Длинная очередь прошила моторы «хейнкеля», он загорелся, перевалился через крыло, сорвался в штопор. В строю немцев возникла паника, они начали освобождаться от бомб, сбрасывая их в поле в расположении своих войск…

На разборе в полку действия старшего лейтенанта Зюзина получили самую высокую оценку. Особо отмечались его хладнокровие, трезвый и точный расчет, способность правильно оценить обстановку.

Последним подошел поздравить Литвинчук.

— Спасибо, Дима! Толково соображаешь. Есть чему поучиться.

— Тебе? У меня?

— Мне у тебя. Сегодня. Завтра может быть наоборот.

— А послезавтра? — пошутил Зюзин.

— Послезавтра, возможно, обоим. У Пети Краснова, например.

27 ноября, рассвет. Над командным пунктом взвивается зеленая ракета. Пара за парой выруливает на полосу звено Краснова. За ним взлетают Борис и Жора Колонтаенко.

Вот тоже вопрос. Кому в бою легче, ведущему или его

«щиту»? Вернее, кому тяжелее? Литвинчук скажет — Жоре. Жора — конечно, Борису. И оба будут правы. Литвинчуку труднее быть на месте Жоры, Жоре — на месте Литвинчука. Разные роли, разные характеры. Во всех лучших парах ведущий как будто самой природой создан быть ведущим, ведомый как бы еще не больше создан «щитом».

Вот и плацдарм. На исходе четвертая неделя ожесточенных боев за ничтожный клочок земли. Кажется, на нем не должно бы остаться живого места. И, однако, десант живет. Живет, укрепляет свои позиции, пополняет личный состав и вооружение. Потому что в этом клочке — залог освобождения всего Крыма.

Над окопами немцев — облака пыли и дыма. Только что поработали наши штурмовики. Теперь надо ждать гитлеровских бомберов.

Пронизая жидкую облачность, Борис с Колонтаенко набирают высоту. За ними звено Краснова. Вот и противник — шестерка Ю-87.

— Петя, держи прикрытие!

Прикрытие — двенадцать «мессеров». Сразу устремляются на четверку Краснова, намеренно отставшую от пары Литвинчука. Петр искусно выводит звено из-под удара, разворачивается, предлагает лобовую. Гитлеровцы благоразумно воздерживаются, отходят в сторону солнца.

Тем временем Литвинчук атакует «юнкерсы».

"Мессеры" разделились. Шестерка устремилась за ним, другая осталась караулить Краснова. Именно это и надо Борису. Демонстрируя сумасшедший каскад фигур, он отводит «своих» фрицев в сторону. Краснов отрывается от «своих», устремляется к бомбардировщикам. Удар с ходу. «Юнкерсы» нарушают строй, беспорядочно освобождаются от груза…

— Жора, прикрой!

Борис врезается в строй «мессеров», длинной очередью упирается в хвост одного. Устремляется к следующему. Пара гитлеровцев нависает над ним. Колонтаенко самоотверженно принимает на себя атаку…

"Юнкерсы" рассеяны, бегут на запад. Краснов делает вид, что преследует их. Часть «мессеров» снова отвлекается на него. Он моментально разворачивается и, оставив их далеко за хвостом, спешит на помощь комэску…

Фашист, сбитый Литвинчуком, втыкается в землю возле немецкой траншеи. На горизонте появляется восьмерка «аэрокобр» — однополчане спешат на смену. Гитлеровские истребители, увидев их, порознь покидают пространство над плацдармом…

— Отбился, Жора? — Литвинчук оглядывается: ведомый уже за хвостом. Спасибо!

— Поздравляю, командир!

Отворот в море, курс на аэродром. У береговой черты Керченского полуострова, метров на тысячу ниже, ползет Ю-88. Очевидно, разведчик направляется из Феодосии к Кавказскому побережью.

— Жора, премия! Горючее есть? Атакуй, прикрою на случай!

"Юнкерс" их замечает, снижаясь, выжимает скорость. Колонтаенко увеличивает обороты до максимальных.

— Врешь, гад, не уйдешь!

— Не забывай о горючем, Жора!

Враг огрызается очередями. Литвинчук маневрирует, отвлекая огонь на себя. Колонтаенко сближается, чтобы ударить наверняка: на вторую атаку бензина не хватит. Двести, сто метров, пятьдесят…

— Жора, врежешься…

Очередь. Снаряды тридцатисемимиллиметровой пушки прошивают фюзеляж, моторы, крылья. «Юнкерс» разваливается на глазах…

— Молодец, Жора!

— Спасибо за подарочек, командир!

Четыре недели боев — полдюжины сбитых самолетов противника.

Так работали над Эльтигеном Борис Литвинчук и его товарищи.

Тихая работа

Нас на бомбежку переднего края не посылали — прошли, видимо, те времена. Хватало там и штурмовиков, и «Петляковых». Наш 5-й гвардейский, как и соседний 36-й, — полки минно-торпедные, "длинная рука" командования ВВС флота. Мы занимались своими, морскими делами.

Кое-что, правда, еще оставалось "в наследство" от прошлых времен. Почетное наследство…

Положение 17-й немецкой армии в Крыму становилось все более сложным, моральный дух ее солдат падал. Захватчикам, блокированным на полуострове, был крайне необходим спокойный тыл — как для удержания этого важного стратегического района, так и на случай возможной эвакуации своих войск.

Обеспокоенное высадкой наших десантов гитлеровское командование предприняло решительные действия против крымских партизан. В горы были посланы новые карательные части, каждая из которых поддерживалась артиллерией, танками, бомбардировочной авиацией.

Народные мстители еще раньше получили задачу навязать оккупантам непрерывную, изнурительную войну в тылу.

"В течение ноября 1943 года партизаны совершили 48 нападений на гарнизоны и колонны противника. По далеко не полным данным, уничтожили 1067 солдат и 44 офицера, 4 воинских железнодорожных эшелона, два склада горючего и боеприпасов, 20 грузовиков, 60 повозок и много другого военного имущества, пленили 40 солдат и 8 офицеров, взяли трофеи: 2 танка, 32 пулемета и автомата, 205 винтовок, 7 автомашин, 267 лошадей…".

Но партизаны нуждались в оружии, боеприпасах, продовольствии, медикаментах. Авиация Черноморского флота с самого начала привлекалась к их снабжению, лучшие экипажи нашего полка имели достаточный опыт ночных полетов в горах, поиска заданных районов, точного сброса грузов.

Однако для выполнения таких заданий нужны хорошие метеоусловия. А погода вот уже несколько недель стояла — хуже некуда…

17 ноября во второй половине дня нас со штурманом вызвал начальник штаба майор Немировский.

— Вчера танки противника прорвались под гору Калан-Баир. Партизаны крайне нуждаются в гранатах, патронах для противотанковых ружей, пулеметов и автоматов. Место сброса

мешков и сигналы уточнит майор Конзелько. Повторяю: задача ответственная. Подумайте, что делать, если район сброса будет закрыт облачностью. Задание должно быть выполнено при любых условиях!

Начальник разведки полка Николай Александрович Конзелько тщательно изложил обстановку в районе Калан-Баир. Указал поселок в тридцати километрах от партизанского лагеря: в нем находился один из карательных отрядов врага.

— Имейте в виду. Вас могут попытаться обмануть. Сигнал партизан — ромб из костров, ориентированный север — юг.

На стоянке уже шла подготовка самолета. На внешние замки подвешены три мешка, на земле лежат еще пять: их должны втащить в кабину воздушных стрелков, разместить возле бомболюков.

Прилуцкий проложил маршрут, тщательно произвел расчеты. Предложил подвесить в бомболюки светящие авиационные бомбы. Партизаны знают: там, где спускаются «люстры», надо искать и груз.

Время! Самолет рванулся вперед, поднимая клубящийся хвост пыли…

Над морем облачность. Сосредоточиваю все внимание на приборах. Первый слой. Второй. «Шуба» толщиной в тысячу метров. Третий ярус. И вот, наконец, чистая голубая даль, пронизанная лучами заходящего солнца.

— Да… Если так же и там… — ворчит про себя Прилуцкий.

— При любых условиях, — сказал начштаба.

— Да, а если врежемся в гору, так сам же потом…

— "Потом" не будет, Коля. Тот свет будет. Тот, представляешь? А Немировский на этом останется. Григорий Константинович. Так что можешь не беспокоиться.

Солнце падает за горизонт, сразу наступает темнота. Облачность понижается, в ней появляются разрывы. Летим на высоте полутора тысяч. Над берегом в районе Алушты лишь редкие отдельные облачка. Впереди вырисовывается вершина Чатыр-Дага — огромный стол. Берем курс на Калан-Баир. Опять облачность. До места сброса считанные минуты. Снижаюсь до высоты гор.

— Ну как, Коля?

Не отвечает. Приник к остеклению в носу кабины.

Отрывается, открывает боковую форточку — в кабину врываются струи переохлажденного дождя.

— Рискнем еще, командир?

— Тебе виднее…

— Виднее… Все шутишь? Пожалуй, можно метров на шести…

Снижаюсь. Чувствую холод в спине. Отношу за счет открытой форточки.

— Ну как, Коля?

Внизу мелькают какие-то бесформенные пятна. Прилуцкий дает команду на доворот. Еще. В одну сторону, в другую…

— Ни фига, командир! Может, еще… Из-под шлема на очки стекают струи пота. Спина прилипла к бронеспинке.

— Смотри, Николай.

— Давай, сколько можешь…

Могу. Сжимаюсь в ожидании страшного удара…

— Вправо десять!

— Нашел?

— Кажется, вижу… Ага, вроде ромбом!

— Панов, Жуковец! Приготовиться к сбросу!

— Давно готовы, командир!

Кружу на месте, боясь задеть крылом гору. Штурман опять молчит.

— Два градуса вправо! Так держать! Выбери крен! Наконец нажимает на кнопку электросбрасывателя. Машина вздрагивает. Невольно вздрагиваю и я.

— Панов?

— Сбросили, командир!

С минимальным креном иду по кругу. Выбираюсь из смертельных объятий гор.

Все парашюты раскрылись? Светить не будем?

— Все! Не требуется светить.

— Уф-ф!.. Молодец, штурман!

— Уф-ф!.. Молодец, командир!

— Значит, не будет, Коля, того-то света?

— Вроде не будет. Пока. Только насчет Немировского ты ошибаешься, Вася. Он бы и там нас нашел. Представляешь? Всю загробную жизнь заниматься разбором…

Представили. И мы со штурманом, и стрелки. Дружно погоготали в ларингофоны.

Несколько дней подряд над морем и побережьем стояла сквернейшая погода. Самолеты-разведчики улетали и возвращались с полпути — кругом туман, низкая облачность, грозящая обледенением…

5 декабря подготовили торпедоносец к вылету, заступили в боевое дежурство. Вдруг распоряжение: снять торпеду. Когда стальная сигара уже лежала на аэродромной тележке, к стоянке подкатила штабная «эмка». Майор Немировский против обыкновения торопливо распахнул дверцу:

— Минаков! Вас и штурмана срочно вызывает начальник

штаба дивизии. Садитесь в машину!

— Что бы означала такая честь? — подтолкнул меня локтем Прилуцкий.

— Садись, там увидим. Планшет прихватил? Обычно задачу на боевой вылет нам ставили в полку, в эскадрилье. И вдруг, да еще по такой погоде…

Начальник штаба дивизии подполковник Петр Григорьевич Кудин встретил как старых знакомых.

— Садитесь, гвардейцы! Прошлое задание вы выполнили отлично. Весь груз попал по адресу. У партизан опять чрезвычайная обстановка. Несколько дней назад немцы, прочесывая лес, зажали один из отрядов. Окружили. Ребята отчаянно сопротивляются, отбивают атаку за атакой. Но… кончились продукты, кончаются и боеприпасы. Пятый день едят ремни. Понятно?

— Понятно…

— Тогда прошу к карте.

На крупномасштабной штабной карте район обведен кружком с копейку. На наших его пришлось обозначить жирной точкой. Вот тут и попади…

— Шесть стокилограммовых десантных мешков возьмете? Понимаю, аэродром раскис…

— Можно взять больше. Три подвесим на внешних замках, семь — в фюзеляж.

— Поднимешься? Молодец! Время взлета рассчитайте сами. Задание командования флота! Впрочем, что вас убеждать…

Обратно доставили той же «эмкой».

К самолету уже подвезли дополнительные мешки.

Затащили их через нижний люк кабины стрелков.

Штурман проложил маршрут, сделал расчет полета. Решили взлетать за два часа до захода солнца, чтобы в светлое время пройти над морем, в глубоких сумерках пересечь береговую черту, с началом полной темноты войти в район сбрасывания.

Метеорологи не утешили: погода по всему маршруту прежняя.

Однако после обеда над аэродромом облачность приподнялась. Командование решило провести тренировку молодых экипажей, прибывших в полк недавно.

Мы выжидали свое время на стоянке. Близкий шум моторов привлек внимание. Машина шла со снижением со стороны гор. На границе аэродрома выровнялась и понеслась в горизонтальном полете на высоте метров сорок-пятьдесят.

— Провозят на низкополетной, — заметил Николай.

— Для торпедной высоковато…

— Для начала. Наверно, попал слабачок. На следующем заходе снизятся.

Самолет подходил к центру летного поля. Вдруг резко перешел на снижение и врезался в землю. Взрыв… Разлетающиеся во все стороны обломки — последнее, что запечатлелось в глазах…

Несколько секунд мы стояли в оцепенении.

— Кто был инструктором? — ухватил Николай за плечо пробегавшего мимо техника с белым, как мел, лицом.

— Мой командир… Пустите…

Техник Громова! Неужели Борис… Сердце сжалось от нестерпимой тоски.

На месте катастрофы мы увидели только воронку и догорающие в ней обломки машины. Борис Громов, какой летчик! Очевидно, прежде времени доверился ученику, утратил чувство опасности…

— Командир! До взлета двадцать минут, — тронул меня за рукав Жуковец.

В тяжелом молчании вернулись к своему самолету. Аэродромная команда спешно засыпала воронку, трамбовала, растаскивала обломки. Впрочем, взлетная полоса повреждена не была.

Места в кабинах заняли так же молча.

Взлетел, не заметив ни мокрой, грязной полосы, ни груза лишних мешков. Так же машинально лег на заданный курс, выбрал удобную высоту.

Полчаса, час… Под крылом бескрайняя водная равнина, белые полосы валов. Прямо над кабиной — густые облака. Метеообстановка — хуже некуда. Надо встряхнуться, забыть… Задание командования флота…

— Сколько до берега, штурман?

— Полчаса еще, командир.

— А дальше?

— Пробьем облака, посмотрим… Может быть, за горами почище.

— За горами, за лесами… Думай, штурман. Слышь! Думай!

Это больше себе. Борис был моим другом, Прилуцкий как следует и узнать его не успел. В стольких переделках побывал человек, и вот… Выбросить, выбросить из головы, забыть на время полета! Иначе…

— Берег, командир! Поднимись на двести… Самолет входит в плотные облака. В кабине почти темно, капли сползают по остеклению…

— Пробивай!

Выходим за тысячу метров. Теперь облака под нами. Пересекаем береговую черту.

— Что будем делать, командир? Под таким покрывалом…

— Вся надежда, Николай, на твои кошачьи.

У Прилуцкого дар — редкой остроты зрение. Как-то он увидел корабль за двадцать километров, да еще и сквозь дымку…

Гора Чатыр-Даг. Вершина открыта. По расчету времени от нее направляемся к заданному району.

Снижаемся, пересекаем межоблачный слой. Снова облака. Правда, чуть реже.

— Район, командир.

— Ищи, Коля. Искать всем!

Сам изо всех сил напрягаю зрение, чтобы не врезаться в гору. Район-то знакомый, но видимость…

В наушниках невнятные ругательства штурмана.

— Все! Проскочили, командир…

— Клади на обратный! Будем ходить, пока не найдем!

Смотрю на бензоуказатель. Много-то не походишь: горючего взяли в обрез, чтобы побольше нагрузить мешков. Штурман об этом, должно быть, забыл…

— Можешь чуть ниже, а, Вася?

— Я-то, Коля, могу…

— Метров на сто хоть. Врежемся, так я первый… Ну штурман! Нашел-таки аргумент. В самом деле его кабина впереди, я проживу на сотую долю секунды больше. Как это раньше-то в голову не пришло?

Снижаюсь. Каждый миг жду: вот-вот надвинется черное…

— Есть, командир! Впереди три костра… Чуть доверни… влево десять…

— Коля, не потеряй!

— Нет уж, черта…

— Не поминай его, Коля! Панов, Жуковец!

— Готовы!

— Курс сброса, командир. Так держать!

Держу. Черта его упущу! Тьфу, и сам тоже… Как раз с Борисом и трепались о чертях…

Первым нажимает кнопку штурман, за ним сбрасывают груз стрелки. С неизъяснимым облегчением чувствую, как вздрагивает машина.

— Сбрось светящие, Николай! Фрицы в такую погоду не полетят… Как парашюты, Панов, не видел?

— По-моему, все раскрылись. Передать на землю, командир?

— Непременно! Задание флота!

Захотелось запеть, закричать ура. Смотрю на бензин: хватит?

Сажать самолет придется при плохой видимости…

— Штурман, кратчайший маршрут!

— Понимаю, командир.

Значит, помнил и он о горючем. Снова кромешная тьма, облака. Пилотирую по приборам. Очертания берега штурману помогает распознавать Панов. Их спокойный обмен репликами вселяет уверенность: видят.

— Слева Мысхако!

Смотрю на бензоуказатель. Встречный ветер сменился попутным, должно хватить. И вот под крылом буруны берегового прибоя, посадочная полоса…

На стоянке — Шевченко и Немировский.

Начштаба гладко выбрит, подтянут, сияет ослепительно белым подворотничком.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, постройте экипаж!

С недоумением смотрю на Шевченко. Тот незаметно подмигивает. Строю. Сам становлюсь на правый фланг трогательно куцей шеренги.

— Не хватает оркестра, — скрывая смущение, бормочет Прилуцкий.

— За боевое мастерство и самоотверженность, проявленные при оказании помощи партизанам, — как перед строем полка, чеканит начштаба, — экипажу гвардии старшего лейтенанта Минакова Военный совет Черноморского флота объявляет благодарность!

Ответ звучит жидковато. Не столько от усталости, сколько от неожиданности церемониала.

Немировский снисходительно качает головой, пожимает всем руки. За ним замполит.

— А теперь в машину! — бодро командует Иван Григорьевич. — Это дело надо отметить!

Вообще-то следовало. «Глухой» сезон, полетов из-за погоды в полку почти нет, а благодарность командования флота и в лучшие времена — редкость. Но… Сколько терял друзей и, кажется, никогда не переживал так остро. Что-то было во всем его облике, в его нелегкой судьбе…

— Помянем Бориса Громова, — первым успел поднять кружку, когда уселись за накрытый заранее стол.

В полутьме пустого зала повисла неожиданная тишина.

Закусили, помолчали.

— И правда, — первым поднялся Иван Григорьевич. — Ты извини, брат… Отложим это дело до…

Пристально вгляделся в меня. Кажется, в самом деле начинают сдавать нервы. Вообще-то немудрено. Полтораста

боевых вылетов за полтора года. Почти полтораста и почти за полтора.

От Бориса Громова

Громов прибыл к нам месяц с лишним назад. Откуда — спрашивать было не надо. Плотный и по-особому ладный в своем добротном летном облачении, он как бы вносил с собой дыхание суровых стихий. Каленая кожа лица, глубокая складка над переносьем, белесоватые лучики возле глаз — покойно сосредоточенных, равно привычных к невыносимому свету и к непроглядной, кромешной тьме. На разборах молчал, лишь изредка выдавая свое нетерпение легким постукиванием пальцев по целлулоидной крышке планшета. Скромность «новичка» озадачивала: капитан, под распахнутым комбинезоном — тесная шеренга из четырех боевых орденов…

На вопросы о Севере лишь пожимал плечами. Со мной был не откровенней: "Везде война… Умирать, например, там полегче…" И рассмеялся, представив, должно быть, что выглядит как довоенный полярник, приехавший на курорт.

Мы подружились сразу. Повода искать не пришлось: последние полтора года Борис прожил в моем "отчем доме". В том полку и в той эскадрилье, где должен был служить я. Как бы меня замещая там, хоть заместителем по всем меркам скорей полагалось быть мне.

В летной биографии Громова на это имелась своя причина. В моей же… Неумолимая воля войны. Проще — случайность. Совсем просто — черт. Гоголя не забыли еще со школы — а кто другой может так ножку на каждом шагу подставлять?

Помогают и шутки осмыслить судьбу на войне. Чаще всего — невеселые шутки.

Из училища нас выпустили досрочно. Младшими лейтенантами. Значит, нужда. Сразу на Тихий. Ну ясно, там и начнется, все же песни — о Дальнем Востоке. Началось в противоположном конце. Ну ладно, но и у нас фронт Дальневосточный, — неделя, другая, и… Проходят и та и другая, и… тишина. Учеба, наряды, полеты по расписанию. Месяц проходит. Хоть глохни! И фронт сам собой переименовался в Тихий. Не по океану, конечно. Вообще-то и хорошо, что тихий, в стратегическом плане, это мы понимали. Но ведь и нас должны понимать. В нашем, личном-то плане. Люди воюют там, гибнут… Может, что-нибудь есть уже в штабе? Ага, как не быть. Работа вовсю идет, простыня во весь стол, писаря над ней, пот с четырех лбов на ватман. Что это, братцы? Ну что, в самом деле, товарищи лейтенанты, будто не видно…

Видно, за километр. Расписание занятий на следующий

месяц. Всем, кроме нас, видно — влипли. Ух, пошли рапорта строчить! После отбоя только разговоров: "Ты — третий? Я завтра пятый подам. А что, черт возьми…"

Вот тут-то бы в первый раз и заметить. И как раз к ночи. Коробочка-то не дура была. Назавтра — всем строиться на летном ноле, встречать начальство. Ну, наконец-то! Надраились, как на парад. Списки уже подготовлены, местные знатоки разъяснили, не хватало чтоб из-за какой-нибудь пуговицы несчастной…

Начальство явилось без пуговиц вообще. В летном комбинезоне с неба свалилось на «уточке», подрулило, спрыгнув с крыла, разминаясь, направилось в центр «каре». Точь-в-точь как на ринг, по перчатке похлопывая перчаткой. Где же тут списки? Примолкли и знатоки. Решили, наверно, что на другом самолете везут. "Замкомандующего… Остряков! На «Дейчланде» снес башню главного калибра… Еще и один из котлов к чертям…"

Ну вот, и тут. Будто и так не известно. Два Красного Знамени за Испанию… Еле ноги унес в Гибралтар этот суперлинкор фашистский…

Так же и тут. С ходу, по-остряковски. "Будете воевать, твердо вам обещаю! Не менее твердо — за рапорта, за нытье. Вплоть до разжалования!"

Ну и, конечно, — учиться. Вопросов не разрешил. Хоть разрешают обычно при таких встречах. Причину все те же опять знатоки разъяснили. Сам писал тоже. Еще раньше нас. И точно такое же получил обещание. И невзирая на генеральское звание, главную башню и на один из котлов.

Так все, значит? Влип, и сиди, не чирикай? Кто-то, с отчаяния: "А что? На рядовом война держится… С воздухом распрощаться? А что толку болтаться в нем, в девяти тысячах километров от самого ближнего фронта…"

"Несерьезно, ребята", — Попович, комэск. "Да? А как серьезно? У вас идея?" — "Идея, — не стал скромничать капитан. — Поделиться?" И поделился. Что генерал-то сказал? Учиться? И в недостатки ткнул носом. Ну вот и покажем ему: выучились, дальше некуда!

Ребята подумали. А что? А главное — Попович. Не тот человек, чтоб на пушку брать.

Ух, взялись! Комэск изучал все штабные сводки, тактические новинки, уловки врага, подробно разбирал «показательные» бои… Все вместе вырабатывали возможные контрприемы. Не отставать от фронтовиков, а расти быстрее их! Для этого у нас все условия. Можно воевать и в тысячах километров…

Вот это пошла учеба! «Зигзагообразный» полет с повторением абриса береговой черты, душу вытряхивающий

«волнообразный»… Рисковали, конечно. Попович больше всех. И не должностью только. Ныть стало некогда, после «настоящих» полетов дай бог ноги до койки дотащить…

Месяц, другой… И вдруг — приказ. Восторжествовала идея! Наиболее подготовленные экипажи направить на усиление действующих флотов. Всю нашу эскадрилью! На заводе в Сибири получить новые модифицированные машины… Добились, довоевались в тылу, черт возьми!

Ну вот и опять. А чем еще объяснить? В Москве эскадрилью безжалостно разделили. Шесть экипажей на Северный флот, три — на Черноморский. Будто одни мы на все моря. А если так, почему же нас столько мариновали…

С начальством не спорят. Пошел попробовал все же комэск. Вернулся — лег молча на койку. Мы трое уже лежали. Прощай, любимый командир, прощайте, друзья… Повезло ребятам! Будут сражаться в полку Бориса Сафонова, прославленного североморского аса, а мы…

А что, собственно, мы? Главное-то сражаться? И чем, в конце концов, тьфу…

Так, так. Вообще-то, ничем и не хуже, конечно, Черное море, чем Баренцево, например. Только мы тут при чем? Попович с ребятами получают нормально маршрут на Мурманск, а мы… ближе к Волге. Ну? Теперь-то хоть ясно? На Черноморский, вчера только сказано было. А порта такого на Черном море, уж как географию ни учили, а в пятом классе не вздумали бы искать.

В запасном утешение: "Назначаетесь командирами звеньев в формируемый 35-й авиаполк". Ничего себе, за день скачочек по службе! Но… раз формируемый, значит, будет же воевать? Хоть где-нибудь, хоть когда? Почему где-нибудь? Полк предназначен для Северного флота. Для Северного? Значит, все же к сафоновцам, черт…

Дальше уж и рассказывать невмоготу. Сформировались. Шесть экипажей посылают за самолетами. Ясно, что наши три — среди них. На заводе, на том же, в Сибири, — ждать, когда будут готовы самолеты. Ждем, терпим. Не вытерпел, иду к начальству: "Сколько же можно…"

Ну и, конечно, не удержался. И тут уже выяснилось, что черт — мой личный. Персональный, ребята страдали из-за меня.

Получаем машины, летим. Погода прекрасная — как же, июнь в начале, маршрут известен, как же, не в первый раз… Ладно, ладно, все позади, в полку нас заждались, денек и — Мурманск…

Последний бросок. К машинам привыкли, летим, песенки довоенные вспоминаем, штурман Володя Ерастов парень веселый. И вдруг… Тишина. "Что там, Володя, гитары, что ль, не

хватает?" — "Сдается, горим, командир!" Так и есть. Из-под правого мотора выбивается язычок…

Сели в Красноуфимске на куцем аэроклубовском поле, на одном моторе спасибо Поповичу, пригодились его уроки. Остальная пятерка, понятно, ушла по маршруту. Дали телеграммы, через два дня получили запчасти, за день отремонтировались, летим…

Вот и долгожданный аэродром. Но что это? Поле пустынно, на стоянках бесформенные темные пятна.

Встречает бедолага-техник, оставленный, видимо, за тыловые грешки. "Где полк?" — "Улетел на Север. Ваши едва успели…"

Немая сцена. Потом — а что? Заправимся и нагоним. Зато уже точно, на Север, к ребятам, к сафоновцам! Стратегические коммуникации, интенсивные перевозки, огромные вражеские транспорты…

Черта с два! Вот именно, кажется, прикрепили еще и второго. За ужином незнакомый майор с Золотой Звездой: "Командир тридцать шестого полка Ефремов. Поступаете в мое распоряжение. Завтра летим в Майкоп".

Перед сном обменялись со штурманом, как по делу. "Как думаешь, Володя, что он еще нам преподнесет?" — "Сам голову ломаю, командир. Одно утешение, он, говорят, повторяться не любит". — "Так уж и нечего ему повторять!"

Борис выслушал мою повесть серьезно.

— Ну с твоим еще можно ладить. Помурыжил вначале, но ведь потом-то отстал?

— Тьфу-тьфу! А что, разве…

Он не ответил. Пощурился, повторил:

— Увидел, ты выдержал, и отвязался. Порядочный черт.

С недругами на первый случай разобрались. Друзей не пришлось делить и вовсе.

— Ваши ребята — что надо! Володя Агафонов, Слава Балашов, Ткачев… Попович Григорий Данилович и там новую тактику разработал. На весь флот прогремел! Кой-кого уже нет, чай, знаешь… Зубков из ваших? Отличный был парень! Обеспечил выход группе на вражеский аэродром… Иошкин, Сидоров еще раньше…

О ребятах я знал. Хотелось узнать о нем. Гарбуз и Громов — фамилии эти мне были известны давно, и не только по письмам друзей.

Но о себе он молчал.

Все, что мне удалось узнать об этом замечательном летчике, я узнал не от него. Дружба наша еще не успела войти в привычные формы и поначалу, как это бывает, сильно походила

на влюбленность. По крайней мере с моей стороны. А влюбленность робка. Да и не очень-то все мы тогда были склонны к воспоминаниям. И дело тут не в опаске прослыть хвастуном, просто рано еще было предаваться лирике. Неизвестно, что будет с тобою завтра…

В Заполярье он попал с Балтики, уже бывалым воздушным бойцом. Воевал с первого дня, бомбил вражеские колонны на подступах к Ленинграду, аэродромы, скопления войск. Участвовал и в торпедных атаках, в бомбоударах по вражеским кораблям, в минировании фарватеров Финского залива.

На третий день после прилета на Север балтийцы получили первое боевое задание: подавить дальнобойную батарею в районе Западная Лица. Командир прибывшего звена старший лейтенант Гарбуз был здесь известен по слухам, по послужному списку: участник советско-финляндской войны, заслужил на ней орден Красной Звезды. Гарбуз, Громов и Хорев быстро обнаружили батарею, метко ударили пятисотками. Больше она ни войскам, ни железной дороге не досаждала.

Положение на мурманском направлении вскоре стабилизировалось, морская авиация стала использоваться по назначению. У северян опыт низких торпедных атак был невелик, первое время их преследовали неудачи. Звено балтийцев отличилось и тут.

В один из последних дней июня сорок второго Гарбуз и Громов вылетели на сильный конвой. В районе Порсангер-фьорда в сопровождении эсминца и десятка сторожевиков шли три больших транспорта. Выбрали наибольший — пятнадцать тысяч тонн. Прорвались сквозь адский огонь, сблизились, отцепили торпеды. Фотокамеры зафиксировали два взрыва одновременно. Огромная стальная посудина раскололась и сразу пошла ко дну…

Дальше — в отрывках.

…Середина декабря, раннее утро. Два торпедоносца ведут поиск далеко от родных берегов, в районе Берлевог-Нордкин. Снежные заряды, почти ураганный ветер. На протяжении часов приходится ходить на бреющем. Утомление достигает предела, однако ведущий — летчик Громов — упорно преодолевает галс за галсом. И вот на прояснившемся горизонте вырисовываются силуэты кораблей. Над ними хищной стаей барражируют Ме-110. Сближение. Громадина транспорта увеличивается с каждой секундой. С каждой секундой густеют разрывы вокруг смельчаков. "Сброс!" — кричит штурман Сидоровский Громову. Стальная сигара отрывается и от машины ведомого. Торпедоносцы проносятся сквозь строй вражеских кораблей, бьют по их палубам из всех пулеметов. С палуб неистово лупят по ним.

Взрыв! Торпеда Громова разрывается в чреве транспорта — шесть тысяч тонн…

Но бой не кончился. На пару торпедоносцев остервенело набрасываются шесть «мессеров». В мотор машины Громова попадает снаряд, за капотом взвихривается зловещий шлейф дыма. Летчик направляет самолет к берегу, экипаж ведет бой. Ведомый самоотверженно прикрывает Громова. Его стрелок-радист пулеметной очередью поражает один из «мессеров», остальные отворачивают, уходят…

Вскоре самому Громову приходится выручать товарища. Подбитым оказался самолет Володи Агафонова, одного из моих друзей-тихоокеанцев. Оставив в покое две другие машины, «мессеры» сосредоточили все атаки на нем, Громов с Ткачевым договорились без слов. Сбросили скорость, дали Агафонову пройти вперед. Самоотверженно приняли бой с истребителями…

В короткий срок экипаж Бориса Громова стал известен всему Северному флоту. От его метких ударов шли ко дну вражеские транспорты и корабли, горели самолеты на аэродромах, смешивались с землей артиллерийские и минометные батареи. За мужество и мастерство Громов был награжден вторым орденом Красного Знамени. К тому времени он уже стал командиром звена.

Громов всегда искал боя. Находил и поражал цель тогда, когда другой бы счел это невозможным.

14 января 1943 года разведка обнаружила большой конвой: четыре транспорта в охранении двух десятков боевых кораблей. Первая пара торпедоносцев, посланная на удар, вынуждена была вернуться — на пути ураганный ветер, сплошные снежные заряды. Как только стало стихать, командир полка послал опытнейшую тройку: ведущий — капитан Киселев, ведомые — капитаны Баштырков и Громов.

Когда первые два торпедоносца ушли в воздух, налетел плотный снежный заряд. Громов задержался на старте. Хлопья еще неслись над кабиной, когда он взмыл вдогонку. И сразу машина утонула в облаках. Найти товарищей нечего было и думать. Громов самостоятельно лег на заданный курс. Минут сорок летел вслепую. Затем в облаках прорезались окна, под крылом свинцово блеснули воды Баренцева моря. Еще посветлело, и сразу на горизонте означились силуэты судов. Над ними висели темные шапки зенитных разрывов: товарищи уже завершили свою атаку.

Громов выбрал один из двух транспортов что покрупнее. Враг открыл ураганный заградительный огонь. Снаряды рвались над самой кабиной. Посыпались осколки от остекления фонаря,

отказала часть приборов…

Но вот торпеда сброшена.

Пенящийся след потянулся к транспорту. Взрыв… Груженое судно водоизмещением в десять тысяч тонн накренилось и стало погружаться в воду. Громов выждал, пока над ним не сомкнулись волны…

На земле его ждала печальная весть: Андрей Баштырков с задания не вернулся. Киселев рассказал: машина его ведомого загорелась от попадания снаряда в тот момент, когда выходила на боевой курс. Летчик, не колеблясь, направил объятый пламенем самолет на цель, врезался в нее с боевым грузом. Транспорт водоизмещением около семи тысяч тонн был взорван и потонул.

Сам Киселев в этой атаке потопил транспорт в шесть тысяч тонн.

Все члены героического экипажа — летчик капитан Андрей Андреевич Баштырков, штурман сержант Владимир Николаевич Гаврилов, стрелок-радист старшина Михаил Васильевич Кузьмин и воздушный стрелок краснофлотец Николай Артемьевич Шунтов были посмертно награждены орденом Отечественной войны I степени. В феврале 1943 года капитану Баштыркову и сержанту Гаврилову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Летчики полка поклялись отомстить за погибших друзей.

На следующий день группой торпедоносцев было потоплено четыре транспорта противника и сбит один Ме-109.

Все участники этих двух боевых вылетов были награждены орденами и медалями. Нарком ВМФ СССР адмирал Николай Герасимович Кузнецов прислал летчикам-северянам приветственную телеграмму: "Поздравляю командование и весь личный состав особо отличившихся экипажей Балашова, Трунова, Агафонова, Макаревича, Киселева, Громова с достигнутым боевым успехом. Уверен, что в дальнейшем добьетесь еще больших результатов в своей боевой работе".

…19 февраля экипажи капитана Громова и лейтенанта Агафонова вылетели на "свободную охоту". Метеорологические условия были сложными: низкая облачность, снежные заряды. Снег залеплял козырьки кабин, самолеты то и дело приходилось вести вслепую. Прошли вдоль вражеского берега, завернули в один из фиордов. Там их встретил такой снежный заряд, что решили разворачиваться на обратный курс. И вдруг штурман Сидоровский заметил два корабля.

Пошли на сближение. Громов пробивался сквозь поредевший снежный заряд, за ним, метрах в ста, — Агафонов. Штурманы развернули прицелы, включили сбрасыватели. Все ясней

проступали контуры судна с вынесенной к корме трубой — танкер водоизмещением примерно в три тысячи тонн. Судя по посадке, до отказа заполнен горючим.

Громов скомандовал атаку, на палубе засуетились гитлеровцы, расчехляя орудия…

Залп, взрывы…

Горящий танкер пошел ко дну…

…16 марта радиостанция штаба военно-воздушных сил приняла донесение самолета-разведчика: у мыса Маккаур обнаружен конвой противника. Через несколько минут торпедоносцы были в воздухе. Экипажи командира 24-го авиаполка подполковника Ведмеденко, заместителя командира эскадрильи капитана Громова и командира звена старшего лейтенанта Шкарубы взяли курс к вражеским берегам. За ними шли шесть самолетов Пе-3 — они выполняли обязанности истребителей прикрытия.

Более часа летели над беспокойным Баренцевым морем. Хмурое небо, снежные заряды… Однако опытный Николай Никитович Ведмеденко (бывший наш командир полка на «тихом» Дальневосточном фронте) уверенно вывел группу в район поиска и первым обнаружил цель. Два транспорта гитлеровцев крались вдоль берега, тщательно маскируясь фоном заснеженных скал. Со стороны моря их прикрывало восемь боевых кораблей…

Ведмеденко подал сигнал «Атака» и устремился на сближение. Ведомые моментально заняли места в боевом строю «фронт». Сторожевики и береговая артиллерия немцев открыли ураганный огонь. Сплошная завеса из черных разрывов закрыла видимость торпедоносцам. Мужественные экипажи упорно пробивались к цели. Истребители сопровождения обрушили огонь на палубы кораблей. Свинцовый ливень хлестал по зениткам, разгоняя и расстреливая прислугу…

Торпедоносцы выдерживали боевой курс. Поврежден мотор и отбита часть киля на самолете Громова. Прострочены пулеметным огнем крылья машины Ведмеденко. Выбито из-под моторной гондолы шасси у Шкарубы…

Ведмеденко с Громовым шли на крупный головной транспорт. Штурман ведущего Ларин впился взглядом в прицел…

Залп!

Тут же сбросил торпеду и Сидоровский. Опытные летчики пронеслись у самого форштевня, на высоте борта транспорта, ошеломленные гитлеровцы не смогли их достать пулеметным огнем. Выполняя противозенитный маневр, оглянулись: два взрыва!

Транспорт переломился, стал быстро оседать. Через

несколько минут на его месте осталось лишь облако дыма и пара.

Транспорту, атакованному Шкарубой, удалось уклониться. На торпедоносце были повреждены рули, и он не смог вовремя довернуть на уходящий из прицела борт.

Израненные самолеты тянули к своему берегу. Грозное море клокотало внизу, лохмотья туч проносились над гребнями волн. При входе в Кольский залив окунулись в сплошную пелену снежного заряда. Потеряли из виду летящие впереди Пе-3. Чтобы не столкнуться друг с другом, разошлись по сторонам. Громов на мгновение увидел клочок родной земли, сориентировался. Почти вслепую пришел на свой аэродром, искусно произвел посадку под снегом и ветром. Следом приземлился Шкаруба, затем истребители…

Ведмеденко чуть запоздал. Поле закрыл большой снежный заряд. Машина кружилась над ним более часа, не видя даже огней прожекторов. Выжидать дальше было бессмысленно. В таких случаях экипаж имеет право покинуть самолет на парашютах. Но на это Ведмеденко пойти не мог…

Он взял курс на остров Кильдин. Привел избитый самолет к маленькой площадке, вовсе не предназначенной для посадки таких машин. В конце пробега самолет вкатился в глубокий снег и скапотировал. Кабину летчика плотно придавило к земле, Ведмеденко повис на привязных ремнях головой вниз. Тяжелую машину быстро поднять не удалось, Николай Никитович от кровоизлияния в мозг умер…

…29 марта Громов заступил на дежурство в паре с Константином Шкарубой. Воздушная разведка донесла, что конвой в составе двух транспортов и четырех кораблей охранения движется между Альстен-фьордом и Нордкапом…

Летели на малой высоте: видимость плохая, а цель надо атаковать с ходу, иначе парой не пробиться. Сидоровский точно вывел на конвой — он находился в Бек-фьорде. Головной транспорт со стороны моря прикрывался тремя кораблями охранения, концевой — одним. Против головного оказался Шкаруба, летчик отважный, но не очень опытный; Борис понял, что эта атака может стать для него последней Моментально обошел его и сам устремился на более защищенную цель. Переориентировался и сообразительный Шкаруба. Самолет Громова изрешетили осколки, прошил насквозь по случайности не разорвавшийся снаряд. Однако оба транспорта были потоплены. Громов сумел довести израненную машину до своей базы…

Как-то, «загорая» вместе с ним на дежурстве, я все же не вытерпел:

— Борис, почему ты расстался с Севером?

Он не ответил. Притворно зевнул, поглядел на часы. Потянулся к карману за портсигаром. Я, в свою очередь, сделал вид, что забыл про вопрос. Чуткий Борис оценил это. Выдохнул дым, проговорил так, будто тот разговор был не далее, чем вчера:

— Что ты про черта рассказывал — семечки.

Я сделал вид, что не понял. Он пояснил.

— Одно дело он тебя водит, другое… Дернул — слыхал, говорится?

— Тонкости, Боря, — небрежно заметил я. Это, видимо, и решило дело.

— Ничего себе тонкости! — он отшвырнул окурок, забыв о противопожарных строгостях. Встал, затоптал его и, наконец, рассказал.

1 Мая их отпустили в поселок, в гарнизонный клуб. В разгар веселья примчался посыльный: по тревоге на аэродром! Приехали, узнали: воздушный разведчик обнаружил конвой у мыса Кибергнес. На удар ушла пара торпедоносцев с пятеркой Пе-3. Борис остался в резерве. На поле никого из начальства не было, на глаза попался самолет Р-5. И он вдруг решил взлететь на нем, разведать ребятам погоду над аэродромом. Оторвавшись от земли, задел за провода. Повреждение машины, вынужденная посадка…

Выслушав лаконичную исповедь, я только руками развел — так непохоже это было на Громова.

— Да, именно дернул… И что?

— Ясно, что. На Рыбачий, в морскую пехоту. И вот, представляешь…

И вдруг преобразился. Всю жесткость, суровость как смыло с лица. Глаза потеплели, помолодели, в них засветилась добрая синева.

— Знаешь, каких там ребят узнал! Не жалел, что и влип, даже не очень скучал по небу. В газетах, по радио — это одно…

О Рыбачьем в войну знали все. Этот насквозь продуваемый неистовыми ветрами голый скалистый полуостров где-то на Крайнем Севере то и дело упоминался в сводках Совинформбюро и постепенно стал символом стойкости наших бойцов, несокрушимости их морального духа. Хребет Муста-Тунтури, легендарный погранзнак А-36… Все три первые года войны не стихали там ожесточеннейшие бои, то и дело переходящие в рукопашные схватки. И за все это время отборным гитлеровским головорезам не удалось продвинуться ни на шаг! Девять месяцев в году длилась на Рыбачьем зима, неделями выли снежные бури, ветры достигали такой силы, что между стрелковыми ячейками и

блиндажами приходилось протягивать канаты, вокруг в тундре не было ни деревца, оружие и руки отогревали, зажигая пропитанную тюленьим жиром ветошь. Месяцами не получали писем, а когда получали, то часто читали их чуть ли не наугад: мешок с почтой побывал в море вместе со сбитым самолетом или захлестнутым волнами мотоботом…

В морской пехоте Борис стал таким же своим, каким был и в морской авиации. Мерз ночами у пулемета, отбивал бешеные атаки остервеневших от неудач фашистских горноегерей, ходил в контратаки. В одной из рукопашных схваток был ранен и, наскоро подлечившись, вернулся обратно к своим «братишкам»…

В октябре его вновь направили в авиацию. Но вернуть в полк сочли, видимо, нецелесообразным.

В нашем 5-м гвардейском авиаполку Громов успел налетать немного. Но каждый, кто с ним летал, запомнил его почерк — твердый, раскованный, легкий. И — благородство, иначе не скажешь. Великодушие по отношению к менее опытным, а может, и менее храбрым воздушным бойцам.

18 ноября он и Николай Новиков наносили удар по вражескому транспорту. Самолет Громова атаковали два «мессершмитта». Спокойно маневрируя, Борис предоставлял своим стрелкам возможность отбивать атаку за атакой. Один из «мессеров» задержался на развороте и тут же получил от воздушного стрелка Петра Довбни смертельную пулеметную очередь. Второй в это время успел выпустить очередь по торпедоносцу. Задымил мотор, началась тряска. Машина плохо слушалась рулей. Борис хладнокровно боролся за ее жизнь. Сберегая каждый метр ускользающей высоты, дотянул до побережья. Затем и до своего аэродрома…

Тогда не погиб. Как и в десятках подобных переплетов на Севере. Как и в морской пехоте. А тут… Средь бела дня, на своем аэродроме, в учебном полете… А впрочем, какой учебный? Каждый полет на войне — боевой. И ввод в строй полка новых воздушных бойцов — такая же боевая задача, как и уничтожение вражеских кораблей. Может быть, еще и сложнее, недаром же ее поручают самым опытным, самым искусным пилотам.

Погиб смертью храбрых…

Вот и мой следующий вылет не в полном смысле был боевым. А стоил как бы не двух торпедных. По его нужности, необходимости на войне.

"Круглый" был вылет на моем личном счету — стопятидесятый. Это, наверно, имел в виду замполит, предложив тогда «отложить» наше скромное торжество в столовой.

Удивительная у Ивана Григорьевича память. Нет,

удивительная душа!

Конечно, неплохо бы украсить нашу видавшую виды "пятерку" еще одним кораблико м на фюзеляже. Поставив под ним и кругленькое число…

Но это все не серьезно. Положение партизан в Крыму хуже некуда: зажаты карателями в горах, обороняться почти нечем, а есть и вовсе нечего…

13 декабря — самая середина «глухого» месяца. Погода такая, что удивительно, как вообще разрешают взлет. «Доверяют», — подчеркивает Иван Григорьевич.

Приходится доверять.

— Вам там уже каждый кустик знаком! Хохочем. Гору-то хоть бы какую сквозь эту муть разглядеть.

— Во всяком случае, помните, ребята, — голос замполита серьезен. — Вас ждут, о вас мечтают! Мечтают, понимаете? Сберегая последнюю сотню патронов, последний сухарь…

В машине и под фюзеляжем — предельный груз.

Прилуцкий советует взлететь попозже, пересечь побережье в темноте. Погода погодой, но догадаться нетрудно: не с неба же падают к партизанам боеприпасы и сухари. То есть, что именно с неба и падают, и несмотря ни на что.

В самом деле, у берега «мессеры» могут перехватить. Решаем стартовать за полчаса до наступления темноты.

Последние напутствия.

— Только что передали: за вашим полетом будет следить командование флота! Но главное, помните, что сказал. О вас мечтают!

И вот под крылом сплошная рябь. Кое-где возвышаются башенки — облачность кучевая. Но это ничего не сулит. Так, нужно же на чем-нибудь дать остановиться взгляду.

— На что надеемся, штурман?

— На господа бога. Там же голодные ждут…

Берег пересекаем в районе Алушты. Как и рассчитано, в темноте. На всякий случай выполняю противозенитный маневр. Будто и в самом деле надеясь кого-то задобрить.

По времени — район сброса. Прилуцкий молчит. И вдруг:

— Разорванная, командир! Выбери окошечко, нырни метров на четыреста…

И в самом деле. Везучка! Надо же, именно в этом районе… Выбираю, ныряю. Внизу темнота…

— Вижу сигнал! Доверни вправо на десять…

Несколько секунд, и мешки из бомболюков сброшены. Панов и Жуковец что-то замешкались. Делаю повторный заход.

— Груз в воздухе, командир! Все парашюты раскрылись!

— Видели точно?

— Все!

Разворачиваемся на юг. Спустя полтора часа машина мягко касается земли родного аэродрома. Умолкают моторы, гаснут прожектора. Тишина и покой ощутимо облегают кабины.

— Много ли человеку на войне надо для счастья, — философствует явно довольный Прилуцкий, сбрасывая парашют и с удовольствием разминая богатырские плечи. Тут же с беспокойством оглядывается на полуторку. — Сдается, что-то было отложено, вроде как на сегодня… Не помните, командир?

Мое внимание привлекает Жуковец. Вертится подозрительно возле.

— Ну? — ловлю его за руку, предчувствуя неладное. В самом деле, уж слишком все гладко.

— Не знаю, правильно ли я сделал… — мямлит явно нарочно, помогая стянуть с плеча лямку.

— Ну? — сжимаю его напрягающийся в ответ бицепс.

— Да вы не бойтесь! (Я же и должен бояться). Перед отлетом газеты дал замполит, в мешок партизанам… А я в них еще и записку…

Ну вот.

— Еще? А знаешь, что за это бывает? А если к фрицам мешок попадет?

— Не попадет! А если бы… так и пусть думают, что это он сам…

Последние слова проходят уже мимо сознания. Замполиту придется, конечно, доложить. Хорошо, если этим и обойдется. Обойдется, жди…

— Говорю, не беспокойтесь! Между костров положил, точно видел…

Видел. А что же тогда юлит? Да и поди докажи, что он видел…

Масла в огонь подливает Прилуцкий. От злости: из кабины полуторки то и дело высовывается шофер.

— Хорошенький агитпроп! — замечает как о решенном. — Знаешь, что фрицы в газетах раззвонят? Что Громова сбили! Того! Имя-то указал хоть? Впрочем, поди им доказывай, что не слон!

Жуковец изумленно вскидывает ресницы. Такой оборот ему в голову не приходил. И вдруг взрывается:

— Да что вы все — фрицы да фрицы! Нарочно же выждал! Второго захода, чтобы наверняка… За свои беспокойтесь, штурман! В том разве дело? Перед майором как-нибудь отчитаюсь…

— Ну-ну, отчитайся, — мрачно кивает Прилуцкий. —

Поехали, командир?

Что-то не очень и хочется ехать. Громов? При чем тут… Ах тот, герой… Много ли человеку… А для несчастья много ли надо?

Вмешивается молчавший до сих пор Коля Панов. По профессии с подобными делами он знаком лучше всех.

— Что написал-то? — склоняется к другу. — Хоть бы мне показал.

— Да ты-то при чем! — сбрасывает с плеча его руку рассвирепевший Сашка. Командира касается! И меня! Не учел, что полет у него… круглый. Из башки вылетело, понимаешь?

Чувствую, как отлегает от сердца. В уши возвращается привычный моторный гул.

— Толком выкладывай, что там?

— А не обидитесь? Сам замполит же и подсказал — мечтают… Подарок, думал, от него… от вас то есть ему… Будто не вижу, переживаете…

— Что написал-то?

— "Груз сбросил летчик Громов".

Минута проходит в молчании. Из кабины полуторки высовывается удивленный шофер. Ничего не поняв, разряжает тишину жеребячьим ржанием. Прилуцкий грозит ему кулаком.

Потом все бросаемся обнимать Сашку.

— Молодчина!

— Пусть так и думают, Громов…

— Как это мы-то…

Ну вот. Вот и опять оно с нами, при нас — наше скромное фронтовое счастье.

— Сто грамм сверх положенного тебе, Сашок! За идею!

А что, в самом деле идея. Пусть так и запишут мне в летную книжку: "Стопятидесятый боевой вылет, памяти Бориса Громова". А еще лучше и вообще его пропустить. Пусть и будет буквально подарок…

Да, вот что нам надо для счастья еще. Верная память живых о погибших.

Летучие минеры

В течение двух с половиной месяцев наш экипаж находился в командировке: получали новые машины для пополнения самолетного парка полка. Тем временем капитально ремонтировалась и наша многострадальная «пятерка». На Кавказское побережье вернулись 7 апреля 1944 года, к началу решающего сражения за Крым.

Тут только узнали, что еще два месяца назад полк перебазировался под Мелитополь, в Сокологорное. Почти все это время он занимался тем, что перевозил имущество и личный состав других частей дивизии, также передислоцировавшихся в Северную Таврию — ближе к местам предстоящих боев. Это утешило: в тылу мы чувствовали себя неважно, думая, что ребята воюют без нас.

Были и другие новости. И среди них та, с которой свыкнуться казалось невозможным: погиб наш любимый комдив Николай Александрович Токарев…

Все, что мне довелось знать о жизни этого человека и что узнал теперь о его смерти, я постараюсь рассказать позже. Пока же предстояло как можно скорее занять свое место в боевом строю. Облетать отремонтированную машину, освоиться на новом аэродроме, привыкнуть к новым командирам. На должность комдива был назначен бывший наш комполка полковник Виктор Павлович Канарев, полком стал командовать майор Буркин, бывший инспектор ВВС флота. А нашей первой эскадрильей, взамен погибшего еще летом капитана Осипова, — капитан Чупров, прибывший из академии…

Произошло изменение и в моем экипаже: Панов уехал на учебу, на его место дали старшего сержанта Ивана Должикова.

8 апреля в полку состоялся митинг: 4-й Украинский фронт перешел в наступление на крымскую группировку врага со стороны Перекопа.

Для нас задача оставалась, по сути, прежней: блокировать полуостров с моря. Однако ответственность за ее выполнение возросла неизмеримо. Что Крым будет освобожден — это сомнений не вызывало. Но когда и какой ценой — во многом зависело от действий флота и его авиации. Доставить подкрепления своим войскам противник мог только морем. И только морем мог что-то спасти, когда неизбежность его поражения станет очевидной.

"Не выпустить из Крыма ни одного гитлеровца!" — этот девиз прозвучал в частях военно-воздушных сил Черноморского флота

сразу же после получения известия о переходе наших войск в наступление.

С первых же дней сражения движение вражеских кораблей и судов на черноморских коммуникациях резко активизировалось. Полку предстояло вновь вспомнить второе свое назначение, стоявшее в его наименовании даже первым: минно-торпедный. Не прекращая активных действий по уничтожению плавсредств противника, производить систематическое минирование подходов к севастопольским бухтам, к портам Констанца и Сулина, а также Сулинского гирла и самой реки Дунай — с целью закупорки этой жизненно важной для вражеских войск артерии.

В ночь на 11 апреля восемь экипажей получили задание сбросить мины на входах в бухты Севастополя. Девятый — нанести бомбоудар по причалам Южной бухты и железнодорожному вокзалу, чтобы отвлечь внимание противника от самолетов-миноносцев.

В полночь приехали на аэродром. До постановки задачи чуть более часа время проверки готовности техники. Направляемся к своей «пятерке». Тишина. Ясная безветренная ночь. Над четким абрисом крыльев машины — яркие россыпи звезд.

Луч фонаря скользит по обшивке, капотам, винтам, шасси. На крыле механик Петров, в руках у него заправочный пистолет, просунутый в горловину бака. Моторист Ястербилов и оружейник Сергиенко помогают минерам подвешивать мины. Электрик Клейман проверяет спецоборудование. Техник Миша Беляков, склонившись, наблюдает за его работой.

Я наблюдаю за Мишей. Сколько раз вот в такие предстартовые часы приходилось мне заново поражаться необычайной способности этого человека уходить целиком в дело. С головой, говорится? Как же без головы. Тут, однако, не то. Не то слово. Нет его, техника Миши, сейчас, рядом с Клейманом, нет вообще в этом мире. Ведь он во внутреннем мире, не видимом нам, своем. И этот мир — самолет. Та же наша родная, непробиваемая "пятерка"! Вся она в нем сотни, тысячи механизмов, узлов и креплений, приборов и тяг… Все их надо в определенном порядке перебрать в памяти — обязательно все, непременно в порядке, случалось же в авиации, что за мельчайшими заботами забывали, к примеру, заправить баки, — перебрать и представить себе в настоящем, сегодняшнем виде, после замен, перетяжек, починок, представить в работе, на разных режимах, под всеми нагрузками и перегрузками, во всех положениях, обычных и необычных, но тем более вероятных в условиях боя… Огромнейший труд! Воображения, памяти, мысли… Ну и, конечно, души. Без работы души упущение

неизбежно.

Еще час, полчаса, и самолет уйдет в небо. Уйдет без него и останется в нем. И все будет испытываться, уже бесцельно, на разных режимах и перегрузках, при повреждениях от огня. И только когда он вернется — этот вот, настоящий, закончит руление, заглушит моторы, и когда я, командир, встретив Мишин измученный взгляд, шагну к нему первый и, крепко хлопнув его по плечу, произнесу обычное "Спасибо, Миша!" — только в этот вот миг… Самый счастливый миг в его жизни! Миг встречи, слияния двух самолетов. Огромная тяжесть спадает с души!

Вот чем объясняется эта его замечательная улыбка в ответ на скупую привычную похвалу. И он возвращается сам к себе. Становится вновь деловитым, заботливым и спокойным, лезет наверх, осматривает обшивку, считает пробоины, щупает тяги, опробывает рули, дает указания «ассистентам»… А дальше работа. С фонариком, ночью, под хлещущим ветром, под снегом, под льющимся без перерыва дождем. Видная всем и ценимая всеми, трудная, сложная, кропотливая, то и дело срывающаяся из-за нехватки чего-то, из-за оплошности чьей-то, но только не от того, что кто-то свалился, присел, задремал. Просто работа, руками и головой, до следующего старта, до нового перевоплощения человека в невидимый самолет…

— Машина готова, командир!

Проверяем, расписываемся в приеме. Я и штурман Прилуцкий — положено проверять.

Оставив на стоянке Должикова и Жуковца, отправляемся на командный пункт.

В просторной землянке уже собрались летчики и штурманы. Командир полка Михаил Иванович Буркин кратко останавливается на обстановке. В итоге двухдневных напряженных боев прорвана первая, главная полоса обороны противника. Наступление развивается успешно, наши войска в ожесточенных боях заняли сильный узел обороны врага — Армянск. Гитлеровцы, неся большие потери в людях и технике, отходят на вторую полосу — Ишуньские позиции.

— Задача остается прежней. Последовательность взлета, ось маршрута, места постановки мин каждому экипажу укажет начальник штаба. С противовоздушной обороной в районе постановки ознакомит начальник разведки…

У стены на большом фанерном щите — крупномасштабная карта Севастополя. На ней с примерной аккуратностью нанесены аэродром ночных истребителей противника, позиции зенитной артиллерии, прожекторные установки — сплошное ажурное полукольцо из маленьких синих зловещих значочков.

— Надеюсь, все ясно? — ставит «катюшу» обратно на стол начальник разведки майор Конзелько.

— Куда ясней! — шумно вздыхает штурман Галухин. — Как бы на месте еще и больше не прояснилось…

— Если растревожите, окажетесь как под рентгеном, — уверенно подтверждает Конзелько. — Что вы хотите — Севастополь!

— Да, Севастополь… Думали ли когда…

— Ну, это уже лирика, — деловито прерывает начштаба майор Немировский. Товарищ Дуплий, приступайте к инструктажу штурманов…

Ровно в полночь поднимает в воздух свой до предела нагруженный бомбардировщик заместитель командира полка майор Корнилов. Затем на старт поочередно выкатываются самолеты-миноносцы. Взлетают Александр Дарьин, Федор Федоров, Александр Пресич, Валерий Федоров, за ним я, за мной — Александр Ковтун, Иван Киценко, Семен Самущенко.

Ночной полет, каждый экипаж действует самостоятельно.

Подходя к Севастополю со стороны моря, еще издали видим: голубые ножи прожекторов бешено мечутся по небу, скрещиваясь, будто затачиваясь друг о друга, меж ними, как искры, сверкают разрывы снарядов. Это работает Корнилов со своим штурманом Сергеем Прокофьевичем Дуплием. Да, нелегко им! Одна надежда — маневр. Мастерство Александра Васильевича известно. Непроизвольно передергиваю плечами, вспоминая собственные отвлекающие полеты — над Феодосией, Керчью, Таманью…

Два огненных меча скрестились, остановились, поползли, как бы борясь и одолевая один другого. К ним перекинулся через все небо еще один и еще, рамочка-пирамидка в месте их встречи срезалась в треугольник, тот, как бумажный, стал остригаться со всех трех сторон… Вот он, рентген, поймали, гады! С земли забили оранжевые фонтаны, разбрызнулись сотнями фосфорических искр…

И тут же все погасло. Затмилось огромным огненным полыханьем, раз за разом, внизу…

— В цистерны влупил! — захлебнулся восторгом Жуковец. — Сам, фриц, почитай газетку!

— При бесплатном освещении, — дополнил Должиков.

На боевом курсе схватили. Сейчас вырвется, если…

— Сколько до сброса? — спрашиваю Прилуцкого.

— Подходим, командир. Даю вертикальную скорость…

Снова тишина. Подбираю режим моторов. К бухте планируем почти бесшумно. Николай прилип к переднему блистеру — высматривает ориентир для отсчета времени. Миноносцы,

ушедшие раньше нас, противником, видимо, не были обнаружены. Отлично работают Корнилов с Дуплием, дай бог вырваться им из этого ада…

По воде бухты стелятся голубые расплющенные овалы: прожекторы с мыса Херсонес обшаривают морскую гладь у берега.

— Дрожат фрицы! — комментирует Жуковец. — Боятся, нет ли десанта.

Корнилов опять в лучах. Разрывы зениток бешено пляшут вокруг блескучего крестика. И вновь позади него, где-то в Южной бухте, вспухают клубящиеся разрывы.

Последние сбросил, теперь-то вывернется, — вздыхает Прилуцкий. — До цели пять минут, командир!

Подходим к берегу. Сам берег почти не виден, мы его больше определяем по вспышкам зениток и частоколу гигантских свечей.

— Снижайся еще, командир. Так… Разворот… Доворот…

Под нами Камышовая.

— На боевом!

Через минуту машина «вспухает». Еще через полминуты — опять.

— Мины сбросил!

Разворачиваюсь вправо. Облегченный самолет охотно набирает высоту, попутный ветер увеличивает скорость.

— Домой придем на двадцать минут раньше расчетного, — весело оповещает экипаж штурман.

— Как, Коля, после каникул?

— Все как по нотам, командир! Три месяца перерыва, не шутка. Замена обоих моторов на самолете…

У капонира нас ждет весь технический экипаж.

— Спасибо, Миша! — жму крепкую, приятно скользкую от въевшихся масел ладонь Белякова.

В ответ та улыбка, значение которой я понял по-настоящему, кажется, только сегодня.

Задание выполнили успешно все экипажи. Главная заслуга тут — штурманов. Ну и, конечно, Корнилова. Пострадала одна его машина, и то незначительно, если учесть, в каком побывала аду…

Утро 11 апреля. Наша эскадрилья вновь на дежурстве — пять бомбардировщиков, два торпедоносца. Готовность к вылету — тридцать минут. Ведущий всей группы — комэск капитан Чупров, пару торпедоносцев приказано возглавить мне. Задача — комбинированный удар по кораблям: их должны обнаружить экипажи самолетов-разведчиков 30-го разведывательного авиаполка.

Потянулось время. Погода сложная, с утра по низинам

залегал туман. Днем он поднялся, но высота нижней кромки оставалась не более двадцати — тридцати метров.

К вечеру на стоянку прибыл замполит майор Шевченко. Радостная весть: войска 4-го Украинского фронта прорвали оборону противника на всю глубину, овладели станцией Джанкой.

Экипажи ответили дружным «ура».

— Еще не все, — переждал шум Иван Григорьевич. — Только что стало известно: перешли в наступление войска Отдельной Приморской армии. Сегодня они освободили Керчь!

Не успело затихнуть второе «ура», появился посыльный из штаба: Минакова и Ковтуна со штурманами срочно вызывает командир полка.

— Ну вот, и работка подвалила, — улыбчиво прищурился Иван Григорьевич. Бегите, хлопцы, я тут проверю, все ли готово к ночному вылету.

В штабной землянке, кроме нас, собрались Корнилов, Чупров, Пресич, Федор Федоров, Алфимов. Все — со штурманами.

— Погода сложная, — несколько необычно начал постановку задачи командир полка. — Полетите во второй половине ночи. Приказано поставить минные заграждения в Сулинском гирле. Сейчас уясните задание и отправляйтесь на отдых.

На аэродром вернулись в час ночи. Здесь все уже было готово. Под фюзеляжем — новые, еще не испытанные нами мины. В лучах фонарей они выглядят особенно внушительно.

В два сорок пять взлетел первый. Жду своей очереди. Как назло начинает моросить дождь, мгла сгущается в мутный кисель. Выруливаю на старт, набираю скорость. Машина нехотя отрывается от земли, с трудом взбирается вверх. Осторожно, с небольшим креном — «блинчиком» — разворачиваюсь, ложусь на заданный курс. Лечу вслепую, ни земли, ни неба. Трудно будет штурману выйти в заданный район, если и дальше не прояснится. На всякий случай стараюсь предельно точно держать курс и режим.

Час полета над сушей, затем море. Облачность стала рваной, улучшилась видимость. А еще через тридцать минут открылось все звездное небо.

Прилуцкий подает команду на снижение. Затем начинается обычное:

— Командир, вправо пять. Еще пять вправо. Высоту так держать!

Увеличиваю обороты, перехожу в горизонтальный полет.

— Пошли! Легкий рывок. Самолет становится послушней.

— Парашюты раскрылись! — докладывает Должиков. О

точности не спрашиваю: в такой обстановке мой штурман промазать не может. Один из лучших минеров, в первых полетах участвовал, к устью Дуная, еще в тридцать шестом полку, с замкомэском Осиповым…

Ложимся на обратный курс. Экипаж молчит, убаюканный гулом моторов. Все заботы позади, мысли обращаются к дому. Сначала к ближнему — аэродрому, нашей кают-компании, где обитаем теперь чаще днем, чем ночами. Потом к дальнему, к родным Минводам. Как там мать, отец? Что-то долго нет писем. И от Тамары, моей милой невесты. Сколько времени уже нет? А сколько прошло, как побывали там в отпуске вместе с Прилуцким? Но считать лень, начинает клонить в сон…

— Штурман, сколько времени мы в полете?

— Три часа двадцать минут.

— А Минводы помнишь?

— Помню, как же! Держись, командир; Не хватало воткнуться в море… Как думаешь, освободят наши Крым к 1 Мая? И Севастополь?

Тут вмешивается Жуковец. О Севастополе он равнодушно слышать не может.

— Главное, оборону внешнего обвода прорвать, а там пойдет!

— Тебя бы командующим назначить, Сашок! — подает голос Должиков.

— Я и на зама, пожалуй, согласен. Ты там доложи…

— Ладно, поговорили, ребятки! Про воздух не забывайте, а то что-то больно уж нам везет.

— Возим подарочки, как невесте…

Угадал штурман слово. Или я сам машинально шепнул его в ларингофон? Может быть, мысль отзывается незаметно в колебаниях голосовых связок? Устарелое слово. Вслух я Тамару так не зову, даже с Прилуцким, когда вспоминаем свой отпуск в Минводах. А про себя — только так. А что — девушка? С девушками гуляют, девушки пишут, девушкам обещают… У нас — уговор. Уже и родители, ее и мои, как родные. От них, верно, слово-то и пошло…

— Светает, командир.

Светает. Внизу проглядывается лента шоссе Мелитополь — Геническ. Ориентир тебе, Коля!

— Не заблудимся, не в лесу!

Снова лишь гул моторов. Удачно сменили их, работают как часы. Сто раз, верно, проверил Миша. Опять как новенькая наша старушка «пятерка». Дотянет и до конца войны. Если, конечено…

— Сколько до дома, штурман?

— До которого, командир?

Опять угадал. Скоро, видно, и вовсе без слов обходиться будем…

12 апреля. Наши войска стремительно наступают, враг поспешно отходит к Симферополю. Почти полностью освобожден Керченский полуостров.

Рассаживаемся в штабной землянке. Лампочка от движка освещает сосредоточенные лица, планшеты с картами на коленях. Начальник штаба докладывает командиру полка: все экипажи, идущие ночью на задание, собраны.

Михаил Иванович Буркин в приподнятом настроении.

— Прежде чем ставить задачу, доведу до вас сводку по действиям ВВС ЧФ за прошедший день. 11 апреля тридцать четыре самолета-штурмовика под прикрытием сорока восьми истребителей нанесли ряд последовательных ударов по скоплению плавсредств противника в Феодосийском порту. При этом потоплены один тральщик, две десантные баржи, три катера…

С минуту в землянке стоит одобрительный шум.

— Нам предстоит поставить мины у порта Сулина и в Сулинском гирле. Трем экипажам обеспечить связью торпедные катера, совершающие переход с Кавказа в Скадовск, подсветить отдельные отрезки пути светящими авиабомбами. Экипажу Киценко перед тем сбросить груз партизанам. Значит, у вас две задачи, старший лейтенант.

Майор отыскивает взглядом Киценко, выдерживает значительную паузу. Продолжает, как будто обращаясь к нему одному:

— Метеоусловия ожидаются довольно сложные: видимость ограничена дымкой, к утру возможен туман.

Киценко смущенно кивает. На лицах летчиков появляются улыбка.

Дело в том, что Киценко недавно "отчудил номер", как выразился комэск. В ту ночь на маршруте встал грозовой фронт, всем экипажам был дан приказ вернуться. Все и вернулись. Кроме Киценко. Киценко прождали до утра. Утром садится, докладывает: "Задание выполнил". Комэск только плюнул, пошел к командиру полка. Михаил Иванович вызывает: "Где вы были до утра, Киценко?" "Как где? Задание выполнял. Отбомбились точно по цели". — "В такую погоду?" "Погода нормальная. Фрицы как раз не ждали". — "Значит, радист у вас никуда не годится!" — "Радист зверь!" — "Зверь, а радиограмму о возвращении не принял".

Киценко молчал, переступая с ноги на ногу. "Это я, товарищ майор. Радио гроза вывела из строя, ну я и решил… Обидно

возвращаться с бомбами…" Майор не знал, что делать. В первую секунду ему захотелось обнять и расцеловать летчика. В следующую — отругать, наказать, отстранить от полетов, отдать под суд…

Не отдал. И вот сегодня самое ответственное и трудное задание поручал ему. Что вообще-то понятно. Иван — опытный летчик, командир звена. Войну начинал на Балтике, в сорок втором оказался на Черноморском флоте. Воевал в 119-м разведывательном, где сверх выполнения основных задач сумел повредить фашистскую подлодку и разбомбить штаб одной из частей противника. У нас — с весны сорок третьего. Моментально освоил новый самолет, новое оружие, успел проявить себя и как воспитатель молодых пилотов. Словом, летчик от бога, но… Как и каждый талант — со своим характером.

— Со штурманом хорошенько все обсудите, — скрывая усмешку, хмурится Буркин. — Слетались с ним, наконец?

Штурманом у Ивана — Василий Басалкевич. Назначен к нему неспроста. После того «грозового» полета у них произошел такой разговор. "Вот что, Иван, иди к комэску и доложи, что летать со мной не хочешь". — "Так я же хочу, Вася!" — "Так я не хочу. А доложить ты должен. А то меня посчитают за труса. При таком-то, как ты, храбреце! Сегодня ты летал, считай, без радиста, завтра тебе не нужен будет штурман. А попкой у тебя в клетке я сидеть не согласен".

Киценко не обиделся. Спокойный и рассудительный Басалкевич ему нравился. Колдует молча в своей «клетке» над картой, а самолет выведет точно и цель поразит. И на аэродром до тумана поспеет. До войны Басалкевич был учителем в младших классах, в минуты откровения вздыхал: "Эх, скорей бы война кончалась! Распустились мои ребятишки, чай, без меня…"

— Слетались, товарищ майор! — поспешно заверяет Иван.

— Ну, а радиста я знаю, — в глазах у Михаила Ивановича мелькают опасные огоньки. — Сережкин его фамилия. Знаю, учтите! Надежный радист.

— Зверь! — подтверждает Иван и тут же прикусывает язык.

В село не поехали, поужинали на аэродроме. Весна в полном разгаре, все цветет, зеленеет, буйствует. Перекурили, лежа на травке, лениво перебрасываясь словечками. Постепенно летное поле стало оживать: люди задвигались, заработали прогреваемые моторы, первые машины порулили на старт.

— Ночные птицы, — определил Жуковец. — Как сумерки, так мы на крылышки…

Выруливаем на старт. По сигналу отпускаю тормоза. Машина медленно набирает скорость. Плавно подбираю штурвал, и

тяжелый самолет отрывается от земли.

Экипаж молчит. Ждут, когда первым заговорит летчик.

— Порядок, — говорю, набрав высоту.

— В задней полусфере порядок, — вторит Должиков. Штурман дает курс.

Пролетая над Таврическими степями, видим много пожаров.

— Что бы это значило?

— Бурьян выжигают колхозники, — откликается сведущий в сельском хозяйстве Сашок. — Трэба землицу запахивать, засевать!

Да, «трэба»… Какая она здесь, землица? Вспомнилось лето сорок второго, клубящиеся дымы вдоль дорог, сполохи орудийных вспышек от горизонта до горизонта… Вражеские лавины катились к Волге, бои шли в кубанских, донских, ставропольских степях. Авиация Черноморского флота забыла свое назначение. Бомбили переправы, шоссе, железнодорожные эшелоны, штурмовали скопления вражеских войск. Как во сне, путались дни и ночи, непрерывно ревели моторы, гремели разрывы бомб. Взлеты, посадки, снова взлеты — по два-три раза на дню, а потом еще ночью… Ад на земле, ад кромешный в воздухе…

В самолете молчание. Кажется, все вспоминают одно и то же. Вспоминают и радуются: в воздухе хозяева теперь мы. И на земле, на родной, на истерзанной, но свободной. Запахивать, засевать…

Метеорологи не ошиблись: море нас встретило дымкой. Яркие звезды на небе, внизу — мутная тьма. Горизонта не видно, хоть вечер едва наступил.

Тем не менее в район вышли точно. Команда штурмана на снижение. По давно знакомым ориентирам выходим к Сулине. Небольшая «площадка» — строгое выдерживание курса, скорости, высоты — и мины пошли в воду.

— Порядок?

— Порядок.

Разворачиваюсь, над плавнями проскальзываю в море.

— Научились работать, а, штурман?

— А ты только заметил, командир?

Да, минер из Прилуцкого классный. Вот здесь он и начинал. Самое первое задание выполнял по прямой нашей специальности. После степных тех бомбежек, штурмовок…

Наши мысли опять совпали.

— Вспоминал вот, летели сюда, бывшего своего командира. Не довелось Степану Михайловичу увидеть землицу эту опять свободной…

Многим не довелось. Осипов был потом нашим комэском. Погиб в конце лета прошлого года…

Закончилась еще одна ночь. Напряженная, боевая. Все самолеты-минеры успешно выполнили задачу и благополучно вернулись на свой аэродром. Хорошо действовали и осветители.

Иван Киценко, сбросив в Крымских горах груз для партизан, быстро вышел в назначенный район встречи с катерами. Штурман Басалкевич навесил на траверзе мыса Сарыч десять светящих бомб. "Зверь"-радист Николай Сережкин пять раз пытался выйти на связь с моряками, но с торпедных катеров не отвечали: очевидно, опасались радиоперехвата со стороны противника, который был рядом, решили обойтись световым ориентированием.

Командир звена Василий Бубликов в полночь вышел в район маяка Херсонес. Его штурман Александр Королев также навесил десяток «фонарей» с четырехминутным интервалом. Стрелок-радист Сергей Игумнов установил с катерами связь. Те обозначили свое местонахождение красной ракетой. Ввиду сплошной облачности в этом районе самих катеров экипаж наблюдать не мог.

Находчиво действовал в эту ночь экипаж летчика Семена Самущенко. Ему было приказано обеспечить проход катеров на траверзе мыса Тарханкут. Но незадолго до его вылета самолетом-разведчиком в этом районе был обнаружен вражеский конвой из двух больших барж и десяти катеров охранения. Он следовал курсом на Севастополь. На перехват из Скадовска немедленно вышли два наших торпедных катера и катер с «эрэсами». Первыми двумя командовали старшие лейтенанты Подымахин и Латошинский, третьим — лейтенант Иванов. Экипажу Самущенко приказали взаимодействовать с ними.

Штурманом у Самущенко был опытный Григорий Кондрашов. Он точно рассчитал место предстоящего боя и своевременно привел туда самолет. После непродолжительного поиска экипаж обнаружил вражеский конвой и сбросил над ним светящие авиабомбы. Находившиеся в пяти-шести милях наши катера полным ходом устремились на врага. Подымахин и Латошинский атаковали баржи. Катера охранения обрушили на них шквал огня. С самолета было видно, как трассы автоматических пушек и крупнокалиберных пулеметов буквально располосовали пространство над морем.

Пробиться через такой заслон было невозможно. Моряки изменили решение. Отбиваясь огнем пулеметов и пушек, оба торпедных катера вышли из боя и скрылись во тьме. Катер же Иванова приблизился и открыл огонь из пулеметов и ракетных установок.

Моментально сориентировавшись в обстановке, Самущенко и

Кондрашов сбросили еще серию «фонарей». В их свете, то отходя, то приближаясь, ракетный катер Иванова все больше и больше втягивал в бой фашистские сторожевики. И вот наступил момент, когда одна из барж оказалась неприкрытой. Ее моментально атаковали выскочившие из засады Латошинский и Подымахин. Торпеды достигли цели: тяжело нагруженная баржа подорвалась и пошла ко дну. Ее участь разделил и один из сторожевых катеров противника: он потерял ход и был метко расстрелян в упор. Остальные фашистские корабли в беспорядке рассеялись под покровом ночи.

Командир бригады торпедных катеров капитан 2 ранга Виктор Трофимович Проценко горячо благодарил экипаж Самущенко за умелое взаимодействие: это был первый и весьма удачный случай непосредственного наведения катеров на цель самолетом. С особенным вниманием эпизод разобрали и у нас в полку. Находчивость и решительность экипажа получили высокую оценку командования, всем штурманам были поставлены в пример безукоризненно точные действия Григория Кондрашова.

Победы и утраты

Раннее утро 13 апреля. Эскадрилья на дежурстве: пять бомбардировщиков и два торпедоносца в тридцатиминутной готовности. Ведущий всей группы — комэск Чупров, пары торпедоносцев — я.

После завтрака Иван Григорьевич приносит очередную весть: войска Отдельной Приморской армии полностью очистили Керченский полуостров, освободили Феодосию.

У нас день так и проходит в ожидании: от воздушных разведчиков 30-го авиаполка целеуказания не поступает.

Вечером меня со штурманом вызвали к начальнику штаба. Задание — сбросить в районе горы Черная пять мешков с оружием и боеприпасами для крымских партизан. Вместо заболевшего Должикова предложено взять в экипаж старшего сержанта Алексея Ливеровского.

— Ничего не имеете против?

Вопрос для формы. Ливеровский — один из опытнейших стрелков-радистов, долгое время летал с Николаем Александровичем Токаревым. В ноябре прошлого года вместе со мной получал орден Красного Знамени.

Торпеда с самолета снята, на ее месте три двухметровых десантных мешка. В люки затаскивают еще два. Укрывшись от резких налетов ветра за штабелем бомбо-тары, проверяем с Прилуцким расчет маршрута. Ведя карандашом по карте, штурман еще раз в воображении проходит весь путь. Горы с высокими вершинами, множество ущелий. В одном из них нужно отыскать крохотный ромбик из костров. Маршрут новый, с этого аэродрома мы к партизанам еще не летали.

Стартуем. Сумерки быстро накрывают землю. Идем по приборам через Геническ, Гнилое море, Карасубазар. Все чаще обращаю взор к штурману, тот — к карте. Последний разворот. Прилуцкий откладывает карту, прилипает к блистеру в носу кабины. Несколько напряженных минут.

— Вижу сигнал!

Доворачиваю по его командам. Сбрасываем три мешка с внешней подвески. Повторный заход. Штурман командует Ливеровскому и Жуковцу — приготовиться к сбросу груза из люка.

Еще одна прямая на ромб — в воздухе раскрывается парашют. Еще заход Ливеровский и Жуковец подтягивают последний стокилограммовый мешок к люку, выталкивают в воздух.

— Парашют раскрылся, командир!

Вот и вся работа.

В этот же вечер шесть экипажей произвели постановку мин в Сулинском гирле. Штурманы Дуплий, Незабудкин, Басалкевич, Прокопчук, Кондрашов и Кружков блестяще справились с этим нелегким заданием.

Наутро узнали: освобожден Симферополь — основной узел обороны противника, прикрывавший путь к портам южного побережья.

В тот же день, 13 апреля, восемьдесят штурмовиков 11-й штурмовой авиадивизии полковника Манжосова в сопровождении сорока двух истребителей совершили массированный налет на скопление транспортных средств, нагруженных отступающими войсками и готовившихся к выходу из порта Судак. В результате удара были потоплены три самоходные десантные баржи и пять повреждено, уничтожено много живой силы противника. Погрузка в порту прекратилась, румынские и немецкие солдаты предпочли бежать по суше в направлении Алушты.

В течение трех дней дивизия боевых вылетов не производила: не было горючего. Случается и такое на войне.

С рассветом 17 апреля все собрались у штабной землянки: бензин подвезли, за целями дело тем более не станет.

Так и есть, не прошло и часа — сообщение. Воздушной разведкой обнаружен вражеский конвой: два транспорта, четыре корабля эскорта. Следом — второй: транспорт, четыре быстроходные баржи с охранением.

Торпедоносцам нашего полка во взаимодействии с бомбардировщиками тридцать шестого приказано нанести удар по первому конвою.

В десять тридцать в воздух ушла четверка «илов», возглавляемая экипажем Киценко. В одиннадцать — с учетом разницы в скоростях — пятерка двухмоторных бомбардировщиков А-20. Первыми удар должны нанести они — расстроить системы противовоздушной обороны кораблей.

Рядом с машиной Киценко шел самолет младшего лейтенанта Василия Ольхового. Николай Синицын возглавлял вторую пару. Штурманом с ним летел лейтенант Александр Королев: его летчик Бубликов заболел надолго. Ведомой шла машина лейтенанта Виктора Токарева.

Группа вышла в море. Киценко заглянул в прорезь щитка — невозмутимый Басалкевич сосредоточенно прокладывал курс.

— Не промажем, штурман?

— Через пять минут район цели, — спокойно заверил бывший учитель.

Киценко бросил взгляд на ведомых, приказал своим стрелкам

усилить наблюдение за морем и воздухом.

Через десять минут был обнаружен конвой. Он состоял из двух транспортов водоизмещением в две тысячи и тысяча тонн, одного миноносца и четырех сторожевых катеров.

Наших бомбардировщиков в районе цели не оказалось.

— Атакуем головной транспорт с обоих бортов, — передал свое решение Киценко и отвернул со своим напарником влево.

Синицын — вправо. Снизились, пошли над водой, разомкнулись по фронту.

Противник открыл ураганный заградогонь. Затем — прицельный, по каждому самолету. Торпедоносцы легли на боевой курс. Зенитки били горизонтально, в лоб, но никакая сила уже не могла заставить гвардейцев свернуть с курса. Шестьсот, пятьсот, четыреста метров…

— Залп!

Басалкевич и Касаткин нажали на кнопки. Штурманы второй пары Королев и Лапницкий — тоже. Их машины находились в момент сброса в шестистах метрах от цели.

Транспорт маневрировал. На него с двух сторон неслись четыре торпеды. Прижавшись к воде, летчики выходили из атаки. Воздушные стрелки всех четырех машин поливали палубы кораблей огнем из пулеметов.

И вот — огромный взрыв, клубы черного дыма. Транспорт накренился на левый борт, стал погружаться в воду…

На земле выяснилось, что группа бомбардировщиков на заданную цель не вышла. Произвела удар по запасной — по второму обнаруженному разведчиками конвою — и повредила транспорт.

В тот день вечером нам предстояло вылететь на постановку мин в бухтах Севастополя. На задание шли семь экипажей, из них один с бомбами — для отвлечения внимания противовоздушной обороны противника. Эта роль была вновь возложена на экипаж Александра Васильевича Корнилова. Он первым и ушел в воздух. Следом взлетели Ковтун, Дарьин, Пресич, Алфимов, Самущенко, я.

Час полета в тишине. Вот и Севастополь. Начинаю планировать. Вскоре город оказывается выше нас, он лежит без огней, затаившийся, тихий. Вывожу машину в горизонтальный полет. Контролируя высоту по приборам. Кажется, слышу, как внизу лениво плещутся волны. Еще минута, и нас засекут с вражеских постов наблюдения.

— Штурман, как?

— Доверни вправо пять. Так держать!

И как раз впереди рвутся бомбы. Надо ж так угадать!

Молодец, Александр Васильевич, молодец, Сергей Прокофьевич. Точненько рассчитали время. Враг приспособился к нашей тактике, сбрось они бомбы чуть раньше, успел бы нащупать и нас. А сейчас все прожектора, весь ураганный огонь нацелены в небо над бухтой Круглой.

— Сброс!

— Парашюты раскрылись!

Разворачиваю облегченный самолет в сторону моря.

— На аэродроме Херсонесский маяк рвутся бомбы! Точно определил Жуковец, сам просидел когда-то на этом аэродроме полгода. Значит, вырвался Корнилов.

И на вторую цель успел вовремя, теперь все внимание немцев — туда.

— Все как по нотам, штурман?

— У нас — да. Думаю, и остальные разгрузятся, кто еще не успел. Нотам-то тоже, брат, поучиться надо!

Именно. Чтобы такие концерты давать, как Александр Васильевич.

Набираю высоту, ложусь курсом на север. Теперь незачем обходить Крым морем: почти весь полуостров свободен. Пересекаю береговую черту в районе Саки, через час сажаю самолет на аэродроме.

Двое из наших сели раньше, остальные — следом за нами. Все выполнили задачу, никто не побывал под огнем. Вот что значит — знать ноты…

18 апреля. Напряженный трудовой день. Надо перевезти бензин в Одессу, на Школьный аэродром, куда перебазировался наш 11-й гвардейский истребительный полк. Возим в своих баках, по две тонны за самолето-рейс. За день три рейса — путь не далек. Три взлета, три посадки на тесный и незнакомый аэродром. И с воздуха глаз не спускай — немец соображает, что не с учебной целью катаемся взад-вперед. Но выбора нет. Десятки тысяч моторов наступающего фронта нуждаются в питании. А тут — бездорожье, весенняя распутица… За день восемь самолетов перевезли сорок восемь тонн горючего — на сто вылетов на истребителях.

Не прекращалась и боевая работа.

Наши сухопутные войска, завершив преследование противника, вышли к севастопольскому оборонительному рубежу. Отдельная Приморская армия соединилась с войсками 4-го Украинского фронта и вошла в их состав. Участь немецко-румынской группировки в Крыму окончательно решена, фашистское командование стремится спасти, что возможно.

В двенадцать часов поступило приказание четырем

торпедоносцам нашего полка совместно с пятью бомбардировщиками 36-го нанести удар по кораблям противника, обнаруженным в море воздушной разведкой. Конвой находился в трехстах километрах от Скадовска и состоял из трех транспортов под охраной одного эсминца, одного тральщика и двух сторожевых катеров. С воздуха его прикрывали два гидросамолета «Гамбург-140».

В двенадцать пятнадцать наша группа была в воздухе. Две пары торпедоносцев повели командиры звеньев Иван Киценко и Александр Жестков. Ведущий всей группы — Киценко. Ведомыми летели также опытные воздушные бойцы Василий Ольховой и Семен Самущенко.

За ними, с десятиминутным интервалом, вылетел Александр Ковтун. Его задача — сфотографировать конвой после удара обеих групп.

К сожалению, взаимодействие с А-20 ("бостонами") снова не удалось: наши торпедоносцы оказались в назначенном районе раньше расчетного времени. Цель появилась внезапно. Боевые машины развернулись и пошли над морем, выстроившись фронтом. Ясно были видны не только силуэты транспортов, но и небольших кораблей охранения.

Перед остеклением кабин засверкали разрывы снарядов. Киценко услышал в наушниках напоминание обычно невозмутимого Басалкевича: "Командир, цель…" Но выводить группу на боевой курс не торопился: решил дать возможность ведомым освоиться с непредвиденной ситуацией, как следует присмотреться к вражескому конвою. А фашистским орудийным расчетам — выдохнуться на беглом огне с дальней дистанции. Кроме того, вот-вот могли подойти А-20 для комбинированного удара.

Минуты прошли, ничего не изменилось.

Киценко решил атаковать всей группой самый большой транспорт, водоизмещением шесть тысяч тонн. Торпедоносцы попарно устремились к нему с левого борта. На их пути встал ураган огня. На кораблях охранения и транспортах стреляло все, что могло стрелять: плевались огнем почти горизонтально склоненные стволы зениток, автоматические пушки «эрликоны», захлебывались очередями пулеметы, с переполненных палуб палили из карабинов и автоматов обезумевшие пехотинцы…

Киценко услышал удар, перебои в правом моторе. Второй удар — снаряд прошил правую плоскость, с треском разорвался сзади. Поврежденный мотор задымил, задергался, сбившись с ритма…

Увидев шлейф дыма за самолетом ведущего, Жестков

приказал своему радисту стать на прием. Он ждал команды: "Атаковать без меня". Но Киценко молчал. И только спустя минуту стрелку-радисту Чумичеву удалось поймать: "Торпеды бросать по команде…"

Жестков лучше, чем сам Киценко, видел, в каком положении находился подбитый самолет, и понял эти слова как надо. Над правым мотором машины друга уже полыхало пламя. Но она шла точно по боевому курсу. "Бросать по команде!" А сам… У Жесткова перехватило дыхание. Да, иначе Иван и не мог решить. Дать команду на сброс, а самому донести свою торпеду до борта транспорта, ударить в него тараном…

Все четыре машины неслись сквозь шквалы снарядов и пуль. Киценко выключил горящий мотор, машину резко потянуло влево. Усилившейся струёй воздуха сорвало пламя. Выровняв самолет, Иван крикнул штурману:

— Вася, бросай!

Но торпеда не отрывалась от фюзеляжа. Басалкевич продублировал сброс аварийно — стальная сигара словно прилипла к машине. Громада транспорта наползала на остекление кабины…

— Командир! Выходи, врежемся…

Киценко чудом удержал самолет на развороте: он «сыпался», хотя мотор работал на форсаже. Выхватив машину у самой воды, весь взмокший летчик оглянулся. От самолета Жесткова торпеда оторвалась, когда до транспорта оставалось четыреста метров. Пенящийся след потянулся к цели. За ним — еще два…

Облегченные самолеты выходили из атаки прямо по боевому курсу, перескакивая через корабли. Воздушные стрелки били из пулеметов по палубам, усеянным стреляющими и мечущимися гитлеровцами…

Одна из торпед разворотила корму транспорта, он обволокся дымом, потерял ход, накренился на левый борт. На вторую налетел тральщик. От взрыва он разломился надвое и моментально затонул.

Экипажи вырвались из огненного ада. Три машины окружили подбитый самолет Киценко, тот скользил над самыми волнами. Сверху наседали два «Гамбурга», но меткий огонь двенадцати пулеметов быстро охладил их пыл и заставил ретироваться обратно к расстроенному конвою.

Киценко вел самолет буквально на последнем дыхании. То проваливался до двух — трех метров над водой, то наскребывал метров пятнадцать — двадцать. У сопровождавших его друзей то и дело терялась надежда на его спасение. Но вот показался берег. Из последних сил Иван «забрался» на него, дотянул до Евпатории

и с ходу сел в поле, в районе озера Майнакское. Тут выяснилась причина несброса торпеды: перебито управление ее отцепкой.

Три экипажа благополучно долетели до своего аэродрома. У самолета Ольхового прямым попаданием малокалиберного снаряда была пробита левая плоскость, остальные имели осколочные пробоины.

Пять бомбардировщиков 36-го полка, ведомые старшим лейтенантом Ильёй Волынкиным и его штурманом капитаном Яковом Ткаченко, через двадцать минут после удара торпедоносцев обнаружили и атаковали тот же конвой. Возле торпедированного большого транспорта по воде растекалось огромное масляное пятно. Корабли охранения подбирали людей с затонувшего тральщика. Стокилограммовые фугасные бомбы, сброшенные группой Волынкина, разорвались вблизи подбитого транспорта и двух других. Прямых попаданий не было: с кораблей охранения велся сильный зенитный огонь.

В дивизии было решено добить лишившийся хода транспорт. Пять бомбардировщиков от нашего полка и пять от тридцать шестого приготовились к взлету. Группу «илов» ведет наш комэск Иван Устинович Чупров, с ним комэск-три майор Александр Николаевич Дарьин, замкомэск старший лейтенант Андрей Георгиевич Алфимов, командир звена капитан Александр Гурьевич Пресич и я, тоже командир звена. В последний момент обнаружилась неисправность в машине Чупрова, ведущим назначили Дарьина.

В пятнадцать пятьдесят четверка поднялась в воздух, собралась над аэродромом. Мое место в правом пеленге, за ведущим. При отходе от аэродрома Должиков доложил:

— Командир, нам приказано выйти вперед и возглавить группу.

— Проверь повторным запросом.

Должиков подтвердил.

Приказ есть приказ. Увеличиваю скорость, выхожу вперед. Ко мне пристраиваются Дарьин, Алфимов и Пресич. Вся ответственность за выполнение задачи ложится на наш экипаж. Впрочем, все летчики на подбор, видимость прекрасная, остальное, как говорится, дело техники.

По расчету времени — район цели. Прилуцкий лежит на полу кабины, ждет, когда корабли появятся в поле зрения.

— Цель вижу! С ходу будем бомбить, командир?

— Только с ходу!

Вот они. Поврежденный дымящийся транспорт буксируется эскадренным миноносцем. Рядом транспорт водоизмещением три тысячи тонн, впереди еще один, поменьше, в охранении двух

сторожевых катеров.

Наше появление оказалось неожиданным. Зенитки открыли огонь с запозданием, когда вся группа уже легла на боевой курс, но быстро пристрелялись. Идем через сплошное поле черных разрывов, метель трасс.

Прилуцкий чуть довернул и сбросил бомбы. Самолет облегченно «вспух». Одновременно отцепили груз штурманы Константин Григорьев, Владимир Незабудкин, Прокопий Устюжанин. Более сорока двухсотпятидесятикилограммовых и стокилограммовых бомб разорвались непосредственно у бортов транспортов. Средний, в три тысячи тонн, загорелся. Большой, на буксире, сильно накренился. Фотографируем результат.

— Нас догоняют четыре "Ме-сто десять"! — докладывает Должиков.

— Внизу слева! Идут с набором, — уточняет Жуковец. Оборачиваюсь, вижу: идут на форсаже, оставляя за собой струи черного дыма.

— Оповестить группу! Приготовиться к бою! Маневрировать буду по вашим командам, — напоминаю стрелкам. — Все время сообщайте, где «мессеры»!

— Есть!

На высоте двух тысяч энергично разворачиваюсь к крымскому берегу. Левый ведомый Алфимов на вираже отстает метров на триста. Уменьшаю скорость, чтобы он смог нас догнать: ясно, что бой будет тяжелым, надо непременно держать строй.

— "Мессеры" снизу справа, идут на догоне в атаку…

— Короткими очередями!

От фюзеляжей ведомых тоже прочерчиваются трассы.

— "Мессеры" открыли огонь!

Круто отворачиваю вправо, пучки огненных пунктиров остаются в стороне. Самолет то и дело вздрагивает от очередей пулеметов. Алфимов еще не пристроился, держится метрах в ста слева сзади.

— Падает, падает гад! — ликующий крик Жуковца.

— Командир, сбили "мессера"! — подтверждает и Должиков.

— Во! Врезался в воду, ура!

— Не расслабляться!

"Мессершмитты" с крутым разворотом взмывают вверх, чтобы зайти со стороны солнца. По всему видно: опытный враг, упорный.

— Слева сверху… Идут в атаку!

— Пятьсот, четыреста, триста… — отсчитывает дистанции Должиков.

Рокочут четыре крупнокалиберных пулемета башенных

стрелков. Им вторят люковые.

Каким-то чутьем отворачиваю влево. Перед носом машины проносится сноп огня. Ложусь на крыло, снижаюсь. Ведомые — как на привязи.

— Саша, смотри! — кричит Должиков. Ведущий «мессершмитт» на момент зависает почти рядом. Стрелки трех машин упирают в него свои трассы. Фашист, задымив, по наклонной прямой устремляется вниз.

— Есть! Второй!

— Следить за остальными!

Оставшаяся пара фашистов не отказалась от боя.

Третья атака последовала сверху сзади с превышения в сто метров. Маневрируем со снижением. С дистанции двести метров гитлеровцы открывают огонь. Одна из очередей срезает руль поворота у машины Алфимова. С не полностью выпущенным шасси он тянет к берегу… Четвертая атака — сверху справа. Беспрерывно маневрирую, снижаясь к воде, стараясь ставить машину в положение, удобное стрелкам. Те дают интенсивный отпор. Ме-110 отстают, некоторое время преследуют группу на удалении, стреляя из пушек. Затем уходят на юг.

Оглядываю наш «клин». Удивительно цепко держались за мной Дарьин и Пресич. Будто заранее угадывали каждый маневр. С такими ведомыми можно с истребителями драться на равных. Что там на равных, ведь мы одержали победу! Еще и какую…

Быстро догоняем подбитую нашу машину. Она дымится, в любую минуту может взорваться в воздухе. Над Евпаторией приказываю Алфимову садиться на аэродром. Но он продолжает тянуться в хвосте группы…

В районе Джанкоя самолет Алфимова загорелся. Летчик произвел посадку в поле с невыпущенным шасси…

Вот как потом рассказал обо всем воздушный стрелок Николай Бухатченко.

— Я как раз собирался сфотографировать разрывы наших бомб, когда, оглянувшись, увидел, что сзади к нам приближаются четыре "Ме-сто десять". Доложил командиру и стал готовиться к бою. Пока убирал фотоаппарат и опускал в люк люльку с пулеметом, один из фашистов успел выпустить очередь из всего бортового оружия. Наша кабина стала как решето. Стрелок-радист Николай Курашов, тяжело раненный в грудь, упал на пол. Когда я привел пулемет в боевое положение, второй «мессер» уже висел над нашим хвостом, метрах в тридцати - сорока, я даже отчетливо видел лицо летчика. Может, на какую-то долю секунды я опередил его, врезал длинную очередь. «Мессер» споткнулся, перешел в крутое пикирование… врезался в воду. Остальные

фашисты оказались вне поля зрения. Я быстро перелез на место Курашова и открыл огонь из турельного пулемета вместе со стрелками других самолетов. Вскоре и второй «мессер» спикировал в море. Два остальных пытались атаковать, но близко подходить опасались.

Тут я осмотрелся. Три наших «ила» шли впереди, мы отставали. Машина летела над самой водой, правый мотор не работал, бензин заливал крылья и фюзеляж, на хвосте болтались лохмотья рулей. Курашов лежал на полу, истекая кровью. Я быстро перевязал его, стал проверять связь. Рация не работала, но переговорное устройство уцелело. Доложил командиру обо всем случившемся и услышал, что он тоже ранен. Солнце уже заходило, я стал готовиться на случай вынужденной посадки на воду в темноте. Подтянул под колпак башни шлюпку, бортпаек, раненого Курашова. Но вскоре показался берег. Шли на высоте сто — сто пятьдесят метров. Уже темнело. На подходе к Джанкою загорелся левый мотор. Алфимов передал: "Садимся в поле". Шасси не выпускалось, пришлось сесть "на брюхо".

Я стоял в колпаке и при ударе самолета о землю стукнулся головой о турель. На миг потерял сознание. Когда открыл глаза, левое крыло и передняя часть фюзеляжа были объяты пламенем. Штурман Устюжанин вылезал через астролюк своей кабины. Алфимов вываливался на правое крыло из своей. Не знаю, откуда взялись силы, ростом я меньше Курашова, но сумел поднять его над головой и вытолкнуть через колпак. Снаружи его принял Устюжанин. Алфимов стоял на ногах, но был весь в крови. Фонарь его кабины разбило, и десятки осколков плексигласа впились в лицо и руки. Как только он смог довести и посадить самолет!

Мы с Устюжаниным оттащили от машины Курашова, отвели командира. Но взрыва не последовало, видимо, баки были пусты. Сели мы около небольшого села, в двух километрах от станции Таганаш. Набежали люди. Алфимова и Курашова забрали на подводе, мы с Устюжаниным дошли до села сами. На другой день вернулись к тому месту. Постояли, распрощались со своей догоравшей машиной и собрались уходить. Вдруг услышали трескотню По-два. «Кукурузник» сел, подрулил к нам. Из кабины вылез майор Корнилов. Обнялись, расцеловались. Узнав, что все живы, майор сказал: "Группой потоплено два транспорта и сбито два самолета противника. Один записали на счет вашего экипажа".

Из рассказа Бухатченко стало ясно, почему Алфимов не сел в Евпатории: мое разрешение не было принято, и он из последних сил оставался в строю.

Спустя пять дней весь экипаж, кроме Курашова, был доставлен в полк. Курашова оставили в селе, чтобы затем перевезти в госпиталь.

Через полтора часа после нас по тому же конвою нанесли удар пять А-20 36-го полка. Две их бомбы попали в носовую часть уцелевшего после нашего удара третьего транспорта, вызвав на нем сильный взрыв и пожар.

Оба вылета были тщательно разобраны командиром дивизии полковником Виктором Павловичем Канаревым. За отличную боевую работу комдив объявил нашей группе благодарность и представил к наградам членов всех четырех экипажей. Таким же образом были отмечены и заслуги отличившихся воздушных бойцов 36-го авиаполка.

Но удача на войне изменчива, и кто об этом забывает, тот жестоко наказывается. Следующий день, 19 апреля, был одним из самых несчастливых в истории полка.

Шести экипажам торпедоносцев было приказано с утра заступить в готовность к боевому вылету. Семи — перевозить горючее с аэродрома Сокологорное на аэродром в Одессе.

В середине дня самолетом-разведчиком 30-го авиаполка был обнаружен конвой противника, шедший в направлении Констанцы в ста шестидесяти километрах от Севастополя. Состав: один транспорт водоизмещением три тысячи тонн, два миноносца, три буксира, шесть барж, четыре быстроходные десантные баржи. Прикрытие с воздуха — шесть «мессершмиттов». В районе конвоя десятибалльная облачность высотой двести метров, видимость пять километров.

Ввиду прикрытия вражеских кораблей истребителями и отсутствия такого прикрытия у нас полковник Канарев решил по конвою не действовать, о чем и было доложено на выносной пункт управления ВВС ЧФ майору Комкову. Комков передал приказание свыше: действовать, маскируясь облачностью. При невозможности возвращаться.

В воздух поднялась шестерка торпедоносцев, возглавляемая экипажем командира звена Александра Ковтуна. Ведущими пар, кроме Ковтуна, были Александр Жестков и я. К цели шли напрямую — через Сиваш, мыс Тарханкут. Над Крымом небо было безоблачным, группа снизилась до пятидесяти метров, чтобы уменьшить возможность засечки лазутчиками, оставленными фашистами при отступлении. И все-таки это, вероятно, произошло.

Когда мы удалились от берега на сто сорок километров, Должиков доложил:

— На высоте две — две с половиной тысячи параллельно

нашему курсу летят четыре "Ме-сто девять".

Мы шли на малой высоте, «мессершмитты» пока нас не видели, но точность их выхода в этот район и на наш курс была несомненно следствием наведения.

К счастью, впереди показалась обещанная облачность. Группа зашла под нее, видимость сразу ухудшилась.

— Через пять — шесть минут должен показаться конвой, — доложил Прилуцкий. И тут же: — Командир! В лоб — четыре «мессера»…

Не дойдя километра до нас, четверка Ме-110 отвернула вправо, обошла группу и напала сзади сверху. Интенсивным огнем стрелков атака была отбита.

Ковтун не маневрировал. Торпедоносцы держались в плотном строю.

Вторую атаку гитлеровцы сосредоточили на машине Самущенко, шедшей в пеленге. Несмотря на сильный огонь со всех торпедоносцев, «мессершмиттам» удалось поджечь ее. С объятым пламенем правым крылом самолет пошел на снижение. Огонь быстро распространялся. В нескольких метрах от воды торпедоносец взорвался…

Какой летчик, какой экипаж! Почему мы не маневрируем? Так нас всех перещелкают, как куропаток…

В последующие минуты «мессеры» еще дважды атаковали оставшуюся пятерку. Лезли напролом, на шквальный огонь. Очевидно, решили отомстить за вчерашнее поражение.

— В хвосте и фюзеляже дыры, побиты рули глубины, — докладывает Должиков.

Дальше испытывать судьбу нельзя. Подаю команду своему ведомому Новикову:

— Уходим в облака!

Перевожу самолет в набор высоты, моторы работают на полную мощность. Маневрирую. Пулеметы Должикова и Жуковца захлебываются огнем. Успеваю увидеть, как следом за нами устремляются остальные три наши машины. И вот кабина окутывается белой мглой.

Быстро выравниваю самолет. Слой облаков не толст, ясно, что «мессеры» проскочили его и караулят нас наверху. В экипаже все молчат. Постепенно напряжение спадает.

— Иван, Сашок! Живы?

— Живы, командир!

— Что будем делать, штурман?

— Что тут делать? Надо возвращаться домой.

— Да, поработали… Давай курс, Коля.

— Держи десять градусов, выскочим на Тендровскую косу…

Минут через двадцать решили выйти под облака. Снизились до ста метров. Видимость приличная, но наших самолетов нет…

Вернулись на аэродром первыми. Через несколько минут сел мой ведомый Николай Новиков, затем Жестков.

Доложили о потере. В журнале боевых действий полка появилась скорбная запись: смертью храбрых погибли в бою младший лейтенант Семен Михайлович Самущенко, лейтенант Григорий Федорович Кондрашов, младшие сержанты Иван Николаевич Гергель и Вадим Михайлович Юрченко.

Потом ждали. Ждали возвращения остальных двух экипажей…

Не дождались.

Три экипажа за один день, за один неудачный вылет. И каких экипажа! Теперь, когда в полку оставалось все меньше и меньше опытных, старых бойцов, такая потеря казалась невосполнимой. Невосполнимой в строю. Не говоря уже — в сердцах боевых друзей.

Еще надеялись на чудо. Может быть, хоть кто-нибудь спасся? На другое утро мы с майором Корниловым вылетели в район вчерашней схватки. Почти шесть часов два самолета, как осиротелые, кружились над морем, восемь пар глаз неустанно обшаривали рябоватую серую гладь в поисках хоть какого-то признака свершившейся здесь трагедии…

Тщетно!

На вечернем разборе гвардейцы минутой молчания почтили память товарищей.

Погибли ветераны флотской авиации, участники боев с первых дней войны капитан Александр Гурьевич Пресич, старший лейтенант Владимир Петрович Незабудкин, краснофлотец Николай Федорович Быстров, сержант Федор Иванович Стрелецкий.

Погибли отважные воздушные бойцы старшие лейтенанты Александр Романович Ковтун, Петр Михайлович Прокопчук, сержанты Петр Осипович Муркин, Виктор Семенович Терентьев.

Потом разобрали ошибки. Теперь-то все было ясно. Ясно, что следовало лететь в сторону Скадовска, затем морем — это исключало возможность наведения истребителей противника лазутчиками. Ясно, что надо было маневрировать, хотя бы и с риском нарушить строй, ведь все равно его пришлось нарушить. И — самое очевидное: группы торпедоносцев необходимо прикрывать истребителями — как на маршруте, так и в районе цели. Тем более, если заведомо известно, что враг прикрывается ими.

Но… война. Война — не служба в казарме. Здесь иногда

приходится действовать и против очевидного. Надеясь на случай, на дерзость, на мастерство. Наконец, на свое боевое счастье. Ковтун, наверно, устал, залетался. Ястребков для прикрытия в распоряжении командования не оказалось. Решили, удастся пробиться и так. Пробились же накануне.

Ночью ко мне зашла Нина, жена погибшего Петра Прокопчука, штурмана экипажа Ковтуна, моя родственница. Приехала на побывку к мужу, ждала ребенка. И вот…

— Как рассказать его родителям, Вася?

— Из штаба напишут. Добавь, что бьем врага, что отомстим. Останусь жив — заеду, сам все расскажу. Если останусь…

С рассвета до рассвета

Шли жаркие бои за окончательное освобождение Крыма. Поредевший наш полк, как и вся авиация флота, работал круглосуточно.

22 апреля утром самолетом-разведчиком был обнаружен вражеский конвой на удалении двухсот двадцати километров от Севастополя. Он состоял из транспорта водоизмещением три с половиной тысячи тонн и четырех кораблей охранения.

В воздух поднялись четыре торпедоносца — Жесткова, Синицына, Ольхового, Новикова. Ведущий — Жестков. Следом взлетели пять бомбардировщиков А-20 наших соседей, их повел Александр Лунин.

Две группы одновременным торпедобомбовым ударом должны уничтожить транспорт.

Да, вот и сегодня наши торпедоносцы и бомбардировщики ушли на задание без прикрытия. Выводы выводами, возможности возможностями…

— Командир, через пятнадцать минут конвой, — доложил штурман Локтюхин Жесткову.

— Если сразу обнаружим корабли.

— А как иначе?

Действительно, иначе и невозможно: времени для поиска немецкие истребители не дадут. Но не успели и выйти в район цели.

— Два «фоккера»! Атакуют сзади сверху, — доложил стрелок-радист Иван Чумичев.

Все четыре «ила» открыли дружный огонь. Пара ФВ-190 отвалила в сторону.

— Осторожные фрицы! Огонь открывают с семисот метров.

Вторая атака была подобна первой. Убедившись в зоркости и меткости наших стрелков, «фоккеры» шли за группой, как бы выжидая благоприятный момент.

— Внимание вокруг! — напомнил экипажу опытный Жестков. Ему стало ясно: «фоккеры» наводят на группу свои истребители, охраняющие конвой.

Через две минуты их первым заметил штурман Локтюхин:

— Слева четыре "Ме-сто десять"! Идут на перехват. Что будем делать, командир?

— Жареным пахнет, Ваня! Конвоя не видно?

— Минут через пять…

— Нету и пяти. Разворачиваюсь, возвращаемся! — принял решение ведущий.

Прижавшись к воде, на повышенной скорости торпедоносцы пошли на север. «Мессершмитты» не увязались, остались охранять конвой. Пара ФВ-190 следовала по пятам до самого мыса Тарханкут.

Группа вернулась на свой аэродром с торпедами.

Пятерка бомбардировщиков с ходу обнаружила конвой и атаковала его. Вероятно, как раз в те минуты, когда «мессеры» были отвлечены на торпедоносцы. Но сильный огонь зениток помешал прицельно сбросить бомбы: серии разрывов легли по носу и корме в пятидесяти метрах от транспорта. Опоздавшая четверка Ме-110 преследовала бомбардировщики в течение десяти минут, затем возвратилась к своим кораблям.

В конце дня на стоянку прибежал посыльный.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, вас срочно вызывает командир полка!

Захватив планшет с картами, мы с Прилуцким поспешили в землянку КП.

Майор Буркин, напряженно сдвинув брови, прохаживался вдоль стола с большой картой. В донесении самолета-разведчика на пятнадцать тридцать сообщалось, что тот же конвой движется в Констанцу. Количество самолетов прикрытия установить не удалось из-за преследования разведчика двумя «мессершмиттами».

— Вам предстоит нанести торпедный удар по транспорту вблизи румынского побережья. Поведете тройку. Задача ясна?

— Ясна, товарищ майор.

— Как думаете атаковать? Ведь будут уже глубокие сумерки.

— Предлагаю два варианта. Первый — удар с трех направлений одновременно. Если обстановка не позволит — атаковать с одной стороны последовательным сбрасыванием торпед. И то и другое имеет целью сковать маневрирование транспорта.

— Хорошо. С вами полетят Жестков и Дурновцев. Поторопитесь!

Бегом вернулись к стоянке. Быстро ставлю задачу ведомым. Ребята мой план одобряют. Слов тратить не надо — опытные бойцы. Главное, не терять меня из виду, крепко держаться друг за друга.

У самолета ждал Иван Григорьевич Шевченко.

— Минаков, дорогой! — положил на плечо руку. — Не упусти гадов, целый день за ними гоняемся.

— Постараемся, товарищ майор!

— Жду с победой!

Через пять минут взлетаем. Штурман фиксирует время —

семнадцать тридцать. До конвоя — почти три часа. Над морем безоблачно, но висит дымка. На горизонте смутно угадывается западная оконечность крымского побережья.

— Николай, где надеешься перехватить цель?

— В двадцати километрах от берега, на траверзе Мангалии!

Хорошо летать с таким штурманом. В двадцати, в тридцати — неважно, важно, что уверен: перехватим.

Море постепенно мрачнеет. Через два с половиной часа полета солнце скрывается за горизонт. Наступают сумерки. Справа на траверзе остается Констанца. Николай приникает к остеклению кабины.

— Ну?

— Вот-вот покажется.

— А если нет?

— Тогда отдаю тебе свой ужин. Водку оставляю себе. Для утешения.

Но вот почти у самого берега на фоне дотлевающего неба закурились черные дымки. Они! Точки, черточки, силуэты… Сторожевики образовали барьер, прикрывают со стороны моря борт низко осевшего транспорта.

— В воздухе ничего не видно, стрелки? Вопрос излишний: увидели бы — доложили.

— Атакуем с ходу, — передаю ведомым.

Ясно — с одного борта. Варианты легко разрабатывать на земле.

Наш выход в атаку с темной стороны горизонта оказался внезапным. Зенитки открыли огонь с опозданием.

Пошли.

Крепко сжимаю штурвал, выдерживая высоту тридцать метров. Ох, как это трудно, когда вода и воздух сливаются под тобой в одну черную массу. Даже не до разрывов. Сближаемся. На светлом горизонте четко вырисовывается черная туша, прицелы штурманов крепко вцепились в нее.

Пора!

Прилуцкий сбрасывает торпеду первым. Локтюхин и Беспалов — секунду спустя.

Пошли, родные!

Доворачиваю чуть вправо, несусь к носу транспорта. С палубы тянутся огненные нити, наши стрелки отвечают тем же.

— Ура!

Оборачиваюсь. Огромный огненный фонтан подымается из недр транспорта.

— Ура, попали! — в один голос кричат Жуковец и Должиков.

Разворачиваюсь, чтобы разглядеть получше. Пожар, взрывы.

Жаль, из-за темноты не можем сфотографировать. Смотрю на часы — двадцать десять.

— Штурман, запиши.

Через двадцать минут почти прямо под собой обнаруживаем еще один конвой — танкер с охранением, идет на Севастополь. Удивительно, с кораблей не стреляют, будто знают, что мы без торпед и бомб. Диктую Должикову радиограмму на землю.

В полночь на аэродроме нас первым встречает майор Шевченко.

— Потопил?

— Потопили, товарищ майор!

— Дай я тебя поцелую, хлопец!

Перецеловав весь экипаж, обнял в темноте и встречавшего нас, как всегда, Белякова.

— Так я же не летал, товарищ комиссар… — неловко освободился из объятий застенчивый Михаил.

— Тем более! — нисколько не смутился своей ошибкой замполит. — Значит, еще больше пережил, чем они. По себе, брат, знаю!

23 апреля с рассветом все экипажи были уже на аэродроме. Дежурства как-то сами собой отменились: полк поредел, работа находилась всем.

Начальник разведслужбы майор Конзелько обошел эскадрильи со ставшей уже обычной вестью: противник активизировал перевозки на море. Сколько их можно активизировать? Воздушная разведка в последнее время обнаруживала до десятка конвоев в сутки. Авиация флота наносила удары на всем протяжении коммуникаций от Крыма до румынских портов Сулина и Констанца. В радиусе ста восьмидесяти километров действовали все ее виды, до двухсот восьмидесяти — пикирующие бомбардировщики, далее — наша минно-торпедная авиация. На море в прибрежной зоне врага встречали торпедные катера, вдали от баз — подводные лодки.

Майор Шевченко на политинформации рассказал:

— Недавно член Военного совета Черноморского флота контр-адмирал Илья Ильич Азаров подводил итоги за десять дней боев в Крыму. Знаете, какую оценку он дал нашей работе? "В операции по освобождению Крыма основной ударной силой являются военно-воздушные силы флота". Думаю, что это не только его личное мнение.

— Да, вот еще, — достал из планшета листок. — Информация штаба ВВС. "22 апреля авиация Черноморского флота нанесла тяжелые повреждения эскадренному миноносцу "Р. Фердинанд", потопила танкер «Оссаг», транспорт «КТ-26» и другие корабли

противника". Это в масштабе флота. Что же касается непосредственно нашего полка, то последним примером смелых и слаженных действий является боевой вылет экипажей старших лейтенантов Минакова, Жесткова и Дурновцева, потопивших вражеский транспорт и отправивших на дно моря сотни фашистских оккупантов. Противник всеми силами старается вызволить из крымской мышеловки как можно больше своих солдат, чтобы использовать их на других фронтах. Помните, гвардейцы! Каждый отправленный вами на дно моря гитлеровец — это спасение жизни одному нашему бойцу!

С таким напутствием мы разошлись по стоянкам. Вскоре поступило и первое разведдонесение.

В воздух ушли наши соседи по аэродрому. Пятерке бомбардировщиков 36-го полка предстояло нанести удар по транспорту водоизмещением три тысячи тонн, двум тральщикам и двум сторожевым катерам. Ее прикрывали шесть истребителей 43-го авиаполка.

Группу еще на подходе встретили «мессершмитты»: немцы применили здесь впервые на Черном море новый пушечный истребитель. Завязался воздушный бой. Бомбардировщикам удалось прорваться к кораблям и под сильным огнем зениток сбросить около трех десятков бомб. Но прицельного удара не получилось, ощутимых потерь конвой не понес.

Вечером поступил приказ командования ВВС ЧФ: уничтожить плавсредства противника в Южной бухте Севастополя, между пристанью III Интернационала и элеватором. По данным разведки, там скопилось до сорока различных кораблей и судов.

Пошел сильный дождь, аэродром раскис. Девять самолетов с неполной нагрузкой — по десять стокилограммовых фугасных бомб — в сумерках, увязая в грязи, выруливали на полосу, тяжело отрывались от земли. Уходили прямо на юг, без традиционного круга над аэродромом: ночной полет, экипажи действуют в одиночку. Александр Жестков, Валерий Федоров, Иван Киценко, Александр Дарьин, Федор Федоров, Иван Дурновцев, Андрей Алфимов… Для Андрея это был первый боевой вылет после рокового 18 апреля — на новой машине и с новым стрелком-радистом.

Несмотря на сильный огонь зениток, опытные штурманы Локтюхин, Малышкин, Галухин, Басалкевич и другие сумели прицельно сбросить бомбы. Разрывы легли у причалов Южной бухты, Морзавода, Пассажирской пристани.

— Теперь очередь за вами, — отправляясь на отдых, напутствовал меня Жестков. — Мы распугали фашистских лягух, они поползут из бухт в море. А там их ждут наши торпедные

катера…

Двум экипажам — майора Корнилова и моему — предстояло осветить выходы из порта и тем самым обеспечить действия катеров.

Первым взлетел Александр Васильевич, через полтора часа — я. Расчет прост: на машине двенадцать САБ. Каждая бомба, после ее сбрасывания, освещает местность в течение семи минут.

Пришли в район Херсонесского маяка в час ночи. В порту суматоха уже улеглась, справа, в стороне суши, скобой мерцают вспышки орудийных выстрелов.

— Ключи к воротам Севастополя подбирает "бог войны", — как всегда, первым находит слова Жуковец.

— С суши открыть, с моря закрыть, — дополняет Должиков. — Это уже нам, вместе с флотом.

Прилуцкий молчит. Напряженно всматривается в блистер.

— Находимся в десяти километрах от Севастопольской бухты. Так держать!

Сбрасывает две бомбы. Под нами огромное световое пятно.

— Хорошо горят!

Через двенадцать минут заход повторяем. Снова серия из двух бомб…

Работу закончили в три пятнадцать. Противодействия не было, хотя мы и ждали вражеских истребителей. Ведь аэродром их рядом, у Херсонесского маяка.

— Порядок, Николай?

— Что касается нас… Остальное за Проценко и Дьяченко.

— Ну, за теми не пропадет!

Это командиры бригад торпедных катеров — знаменитые фамилии. В приказах их то и дело ставят друг другу в пример. Как и нам — их обоих. Или наоборот. Дерзко действуют, изобретательно, только за последние дни отправили на дно несколько вражеских кораблей.

Сели уже без прожекторов.

— С рассвета до рассвета… — вздохнул, расправляя спину, Прилуцкий.

— "Горячие денечки"!

— Кабы только денечки…

— Ну дак, кино… — От усталости у нас еле ворочались языки. — Ничего, сейчас прижмем…

"Жать" пришлось не больше двух часов. Снова посыльный, вызов на аэродром.

Поджидая полуторку, любовались природой. Весна в полном разгаре, хаты утопают в бело-кремовом цвету яблонь, тонкий волнующий аромат плывет над селом. Вот-вот дрогнет,

отдернется занавеска в открытом окне напротив, выглянет девушка, розовая со сна: "Цып-цып-цып…" — будто нас и не видя. "Кваском не угостишь, красивая?" — "Вон из криницы водички попейте! Вечером заходьте, узвар из вишни сварю. Обещайте, прийдете?"

Да… Хорошо, что ни цыпок тех нет, ни вишни. Тьфу ты, брякнешь спросонья, чего ж тут хорошего… Хорошо, что не требуют обещанья? Тоже глупость, и вообще… Нереальное положение. Стоишь молодой, здоровый, в солнечном мире и тишине, в праздничном этом, венчальном цветенье. А обещать ничего не можешь. Вернуться — ни вечером, никогда…

Успели как раз к постановке задачи.

— Воздушной разведкой обнаружен конвой противника, идущий из Севастополя, — как по книге, читал майор Немировский. — Два транспорта и пятнадцать кораблей охранения. Задача — уничтожить транспорты. Удар наносится шестеркой торпедоносцев и двумя пятерками бомбардировщиков. Ведущий обеих групп капитан Чупров. Он же ведет первую пятерку бомбардировщиков. Общее прикрытие — четыре истребителя 43-го авиаполка. Начало взлета в девять часов пятьдесят минут. Последовательность, порядок сбора, следования по маршруту и боевых действий в районе цели определит…

В первой пятерке, с Чупровым, шли летчики, недавно пополнившие нашу эскадрилью.

— Возьмите заместителем, — полушуткой обратился я к комэску: наш экипаж в приказе упомянут не был.

— Еще как взял бы, — вздохнул Иван Устинович, — да разве дадут. С минуты на минуту могут поступить новые разведданные. Хочешь помочь — обойди-ка ребят, приободри.

Да, серьезное это дело — боевое крещение. Задание такое, что без воздушного боя не обойтись. Четыре ястребка на шестнадцать тяжелых боевых машин, действующих группами…

Первый новичок — старший лейтенант Николай Зайцев. Вообще-то не новичок в воздухе, но пороху, как говорится, не нюхал. Назначен по штату к нам замкомэском. Поди разгадай эту штатную кухню. Вообще-то парень ничего, будет боевой летчик, если…

Остальные и вовсе зеленые — Шарловский, Гринин, Тарасов. Держатся хорошо, однако опытному взгляду заметна напряженность.

— Строй держите, ребята! Особенно, если «мессеры». Угадывайте маневры ведущего, помните, с кем летите. Иван Устинович не подведет!

Что еще скажешь? Я вот сто семьдесят раз вылетал и, как

видите, цел? А сколько их на моих глазах с первого раза…

— Главное, не дрейфить, ребята!

Поднялись, построились, полетели.

Группу торпедоносцев поднял Валерий Федоров. Опытный, смелый летчик, один из немногих оставшихся ветеранов полка. С ним в паре Иван Дурновцев. Вторая пара — Жестков и Виктор Токарев. Третья — Алфимов, Синицын.

Через час ушли в воздух пять бомбардировщиков А-20. Их повели комэск Александр Лунин со штурманом Яковом Ткаченко. За счет более высокой скорости они должны прийти к цели одновременно с нашими.

О том, как все вышло на деле, потом рассказали Аглотков и Жестков.

Опытный штурман Аглотков на конвой вывел группу с ходу. Истребители завязали бой с «мессершмиттами». По сигналу Чупрова торпедоносцы попарно, а бомбардировщики пятерками вышли в атаку.

Впереди в кильватер шли два транспорта. Их охраняли три сторожевых корабля, две быстроходные десантные баржи, два тральщика, восемь катеров — сила!

Чупров с Аглотковым повели свою пятерку на второй транспорт, оставляя первый торпедоносцам. С кораблей открыли бешеный огонь. Новички занервничали. При подходе к цели, на боевом курсе, от прямого попадания снаряда самолет Зайцева накренился с разворотом влево. Его ведомый Шарловский не успел отвернуть, врезался в подбитую машину. Оба бомбардировщика горящими упали в море. Три человека из двух экипажей успели выпрыгнуть с парашютами…

Федор Аглотков метко сбросил бомбы. За ним — двое оставшихся ведомых. Одна двухсотпятидесятикилограммовая угодила в транспорт. Взрыв зафиксировали фотоаппараты.

Пятерка А-20 потопила сторожевой корабль. Исход удара должны были решить торпедоносцы. Противник разгадал замысел и перенес весь огонь на них.

Пара Жесткова (ведомый Токарев) сразу попала под ураганный огонь. Трассы «эрликонов», разрывы стеной перекрыли путь. Под шквальным огнем находились и остальные две пары машин, несущие к цели торпеды с разных направлений.

Маневрируя, экипажи упорно выходили на боевой курс. С каждой сотней метров огонь становился все плотней и прицельней. Плоскости самолетов засквозили пробоинами…

— На боевом! — доложил командиру Локтюхин. Конец маневрам. Высота тридцать метров, под фюзеляжем вода кипит от осколков снарядов и пуль. У самолета Токарева отбита часть

консоли, попадание в мотор. Машина кренится, трясется, как в лихорадке, штурвал вырывается из рук летчика, на доске все приборы сливаются в одно пятно. Ранен стрелок-радист. Искалеченный торпедоносец не сворачивает с боевого курса…

— Сброс! — докладывает Жесткову Иван Локтюхин.

— Сброс! — Илья Лапницкий — Токареву.

Миг, ради которого летели навстречу смерти. Резкий противозенитный маневр, самолет Жесткова прорезает строй вражеских кораблей. Токарев маневрировать не может: очередной снаряд попал в хвостовое оперение, отбил часть киля. Уходит в сторону, прижимаясь к воде. Сбрасывают торпеды Малышкин, Беспалов, Устюжанин, Скоромненко.

Транспорт маневрирует, пытается уклониться.

Взрыв…

— Переломился! Тонет! — докладывает командиру штурман Лапницкий.

— Ура! — кричит Токарев, изо всех сил удерживая над водой искалеченную машину.

Воздушные стрелки всей шестерки, проносясь над палубами кораблей, бьют из пулеметов по расчетам зениток, по рубкам, по сбившимся у бортов гитлеровцам…

Все! Тишина. Торпедоносцы вышли из зоны огня, стали набирать высоту, ложиться на обратный курс.

В самолете Токарева тишина наступила позже, а перед этим дрожь достигла такой силы, что казалось, машина вот-вот развалится на куски. А когда тряска вдруг прекратилась, самолет неудержимо потянуло в сторону. Токарев глянул на правый мотор и обмер: на нем не было винта. Чтобы выровняться, убрал обороты и у второго мотора.

Предстояло садиться на воду. Лейтенант подал команду экипажу приготовиться и как можно ровней спланировал на поверхность моря. Машина проскользила несколько десятков метров, остановилась, стала медленно погружаться. Экипаж выбрался на плоскость, надул резиновую лодку и столкнул в море. Но она, видимо, была пробита осколком, быстро обмякла, люди оказались в воде. Дело принимало скверный оборот: при такой температуре и волнении в три-четыре балла долго не продержишься…

Но тут над полузатонувшей шлюпкой и уцепившимися за нее людьми раздался рокот моторов. Александр Жестков видел все, что произошло, и не мог покинуть товарищей в беде, хотя и его машина была изрядно повреждена. Открытым текстом передал на берег о случившемся, вызвал дежурный катер. Приказал экипажу снять с себя спасательные жилеты, сбросить их потерпевшим

вместе с резиновой лодкой. Но из-за ветра они упали в стороне. Ребята уже настолько закоченели, что не могли оторваться от своей шлюпки.

Жестков продолжал кружить над попавшими в беду друзьями. Горючего в баках становилось все меньше и меньше. Катер не приходил. Зато появилась немецкая летающая лодка «Дорнье-24»: очевидно, фашисты перехватили радиограмму. Чтобы отвлечь внимание, Жестков отошел в сторону. Покружившись и ничего не найдя, «Дора» удалилась. Видимо, фашисты решили, что экипаж потонул.

Наконец появился наш торпедный катер. Прошел мимо, тоже не заметив потерпевших. Жестков пробовал связаться с моряками по радио, но это не удалось. Тогда он снизился и прошел над катером, покачивая крыльями, требуя следовать за собой. Его поняли. И только когда Токарев с товарищами оказались на борту, Александр взял курс на свой аэродром. Как только приземлился, моторы тут же замолкли: в баках не осталось ни капли бензина…

В полку не знали, что Жестков остался ждать катера, и послали на поиск бедствующего экипажа самолет замкомэска капитана Трофимова. Тот встретил Жесткова, а затем и катер, уже подходивший к мысу Тарханкут. Сбросил вымпел: "Если не подобрали экипаж самолета, следуйте в квадрат 8694. Если подобрали, дайте зеленую ракету". Увидев ракету, поспешил в полк с благой вестью. Но ее уже принес Жестков.

За спасение товарищей и потопление вражеского транспорта командир звена старший лейтенант Жестков и его штурман лейтенант Локтюхин одними из первых на Черноморском флоте были награждены орденом Нахимова, а воздушные стрелки сержанты Игумнов и Атарщиков — медалями.

Радость победы, горечь утрат…

Для двух экипажей первый боевой вылет оказался и последним.

Погибли старший лейтенант Николай Иванович Зайцев, лейтенант Константин Александрович Ивашин, младшие сержанты Николай Сидорович Лузганов и Иван Емельянович Ищенко.

Погибли лейтенант Евгений Васильевич Шарловский, младший лейтенант Ярослав Дмитриевич Рудюк, старшина 2-й статьи Василий Иванович Стрекаловский, младший сержант Иван Сергеевич Погребенный.

В семнадцать часов нас с Прилуцким вызвал комэск.

— Не удалось уберечь ребят, — Иван Устинович выглядел усталым и постаревшим. — Ладно, не утешайте. Война войной…

Слушайте задание. Поведете четверку торпедоносцев. Обнаружен транспорт в четыре тысячи тонн в охранении семи кораблей. Взлет в восемнадцать, атаковать будете в сумерках. В прошлый раз это у вас хорошо получилось…

У начальника разведки взяли данные, проложили маршрут. Согласовали предварительное решение с ведомыми. С нами летят опытные экипажи — капитана Валерия Федорова, старших лейтенантов Киценко и Дурновцева. Нелегко найти корабли противника в полутьме, еще труднее — точно сбросить торпеды. Да и к самой полутьме подгадать надо…

Михаил Беляков помогает мне застегнуть лямки:

— Разреши, командир… На счастье!

— Ничего себе счастье! Парашют… Хочешь, чтобы я утопил твою старушку? Новую захотел, молодую?

— Что ты, что ты, командир! Типун тебе… Она же у меня не застрахована.

— И меня, брат, не застрахуешь. Над морем-то что он, твой парашют? С зонтиком к рыбкам…

— Тьфу, тьфу!

Выруливаем на старт. Нас провожают суровые лица однополчан. Да, день сегодня не назовешь счастливым.

Быстро взлетаем. Собираю группу, беру курс на запад. Под нами сплошной зеленый ковер, перед нами — клонящееся к закату солнце.

Проходим береговую черту. Дальше — четыреста километров над морем. Никаких ориентиров, голый расчет…

Нажимаю кнопку переговорного устройства.

— Николай! А что если пойдем на озеро Синое? Затем в виду берега, вдоль него. Правда, так будет легче перехватить их?

— Понял, согласен. Эврика, командир! Доверни вправо десять.

Да, нелегко выйти в нужную точку в полете над морем. Все зависит от навигационного мастерства. Курс, высота, скорость, ветер… Слагаемые пространства и времени. Точность и точность, контроль и контроль. Морякам куда легче, и то ошибаются в непогоду…

Вспоминаю училище, первые полеты. Гордость свою морской формой, званием… Первый, единственный свой командирский отпуск на Новый год — сорок первый…

Голос Николая:

— Командир! Расчетное время точки разворота — двадцать пятнадцать.

— Понял. Время встречи с конвоем?

— Двадцать тридцать!

— Не округлял?

— Нет, командир, тютель в тютель!

— С фрицем договорился? Капитаном транспорта?

— Ага. Сказал, не обманет. Вечерком любит пускать пузыри.

Оборачиваюсь к ведомым. Идут как на связке, крыло в крыло.

Берег Румынии. Высота пятьдесят метров. Справа озеро Синое, затем Констанца. Внимательно вглядываемся в светлую полосу над горизонтом.

— Штурман, правда, слева дымы?

— А я что говорил? Посмотри на свой хронометр! Переваливаю самолет с крыла на крыло — внимание! Ведомые увеличивают интервалы, выстраиваются фронтом. Сближаемся. Все четче вырисовывается громадина транспорта, его борт прикрывают три корабля. Остальные скрыты сумерками.

— Должиков, Жуковец! Смотреть за воздухом! Ближе, ближе. Фашисты молчат. Головной сторожевик начинает что-то сигналить светом. Выясняет, чьи самолеты? Поздновато, пожалуй…

Ложимся на боевой, сближаемся до предела.

— Сброс!

Только тут корабли открыли огонь. Но уже сбросили торпеды Малышкин, Басалкевич, Королев. Борт транспорта вырос стеной, отворачивать поздно. Беру штурвал на себя, машина проносится над палубой, едва не по головам фашистов. Виртуоз Жуковец успевает полить их свинцом…

Оглядываемся. Огромное судно окутывается заревом — раз, другой…

— Ура! Ура!

Видимо, две торпеды угодили в борт. Столб пламени, дыма. Отойдя, делаем полукруг — убедиться. Транспорт оседает на нос, начинает погружаться в море…

На разборе было отмечено, что тактика комбинированного торпедобомбового удара начинает себя оправдывать. Высокую оценку получили действия нашей группы. Всем участникам обоих вылетов командир полка объявил благодарность.

Вместе с тем обращалось внимание на недостаточно обдуманный ввод в боевую деятельность прибывающих на пополнение необстрелянных экипажей.

На следующий день вечером нам с Киценко было приказано осветить подходы к Круглой, Северной и Камышовой бухтам Севастополя, где будут действовать наши торпедные катера.

Первым ушел на задание экипаж Ивана. Работал в течение девяноста минут. Затем мы сменили его. Сбрасывали по две светящие авиабомбы с промежутком в одну минуту. Интервал

между сериями — двадцать минут.

В это время дальняя авиация начала массированный налет на причалы бухт Северной, Казачьей, Стрелецкой и Камышовой: она также принимала активнейшее участие в операции по срыву эвакуации войск противника. В районе Морского завода уже полыхал огромный пожар. В небе над городом фосфорически взблескивали разрывы зенитных снарядов, пересекались голубые лучи прожекторов. Десятки «фонарей», повешенных самолетами, и багровые вспышки рвущихся тяжелых бомб выхватывали из тьмы силуэты вражеских судов, мечущиеся между ними катера и буксиры.

— Хорошо работают! — со знанием дела отметил Прилуцкий. — Выжмут фашистов в море, а там наши катера…

Днем у нас в полку побывал офицер из штаба флота — согласовывал вопросы взаимодействия и связи. Рассказал, как действуют наши моряки. Было замечено, что во вражеских конвоях катера охранения не удерживают постоянных мест в строю, а ползают взад-вперед. Наши торпедные катера стали незаметно пристраиваться к ним в темноте, выбирали объект, давали залп и быстро скрывались. Не раз случалось, что после этого фашистские корабли атаковали друг друга. Испытанным тактическим приемом в ночных боях было выдвижение вперед катеров с реактивными установками. Внезапно открывая огонь, они отвлекали внимание гитлеровцев на себя, а тем временем торпедные катера выходили в атаку. Таким способом в одну из последних ночей были потоплены три транспорта и самоходная баржа.

26 апреля — прощальный день. Эскадрилья «бостонов», базировавшаяся на нашем аэродроме, улетала на Север вместе со всем 36-м минно-торпедным авиаполком, нашим собратом по боевому назначению.

Для меня это был родной полк. Первый мой фронтовой отчий дом. В нем я получил боевое крещение, сделал первые пятьдесят вылетов. Время было тяжелое, лето сорок второго, враг рвался к Волге, к Кавказу, мы забыли о своей морской форме, летали над сушей, над задонскими, Сальскими, кубанскими степями, над дорогами Новороссийска, перевалами Главного Кавказского хребта. Наносили удары по мехколоннам и переправам, скоплениям войск и железнодорожным узлам. Летали днем и ночью, по два, по три раза в сутки, возвращались на изрешеченных, ковыляющих в воздухе самолетах, наскоро латали их и вылетали опять…

Осенью полк ушел в тыл на переформирование, оставив восемь боеспособных экипажей и тринадцать годных машин в

наследство своему боевому собрату — 5-му гвардейскому минно-торпедному авиаполку. Теперь от той восьмерки остался в строю лишь один экипаж, а вернее, один командир экипажа, поскольку Прилуцкий, мой старый однополчанин, стал летать со мной уже здесь, а Должиков и Жуковец были и вообще из гвардейцев.

Тридцать шестой вернулся через полгода, заново укомплектованный и пополненный. Немного оставалось в нем старых друзей, но тем они были дороже.

Две разные части, две родимые семьи. Вдвойне радость побед, но и горечь утрат двойная…

Месяц с лишним назад, 19 марта, в воздух поднялись четыре торпедоносца соседей. Экипажи Евгения Смирнова, Василия Романова, Петра Клячугина и Михаила Романцова получили задачу атаковать большой вражеский конвой — два крупных транспорта и двенадцать кораблей охранения. Корабельная артиллерия встретила самолеты ураганным огнем, но ни один из них не свернул с боевого курса. Сброшенные торпеды попали в цель. При выходе из атаки самолет Романова был подбит, загорелся и вместе с экипажем упал в море. Следом в морскую пучину погрузился атакованный им транспорт с техникой и несколькими сотнями гитлеровцев.

Самолет Смирнова получил серьезное повреждение. Летчик пытался дотянуть до берега, товарищи сопровождали его. "Не дотянул…"- доложили вернувшиеся Романцов и Клячугин. По их осунувшимся щекам скатывались не то капли пота, не то скупые мужские слезы…

Через час Романцов вылетел на тот же конвой в составе пятерки бомбардировщиков. На этот раз не дотянул он сам.

Когда пятерка легла на боевой курс, в его машину попал снаряд. Левый мотор загорелся. Романцов остался в строю и метко сбросил бомбы. Стал разворачиваться. В этот момент из-за облаков вынырнули два «мессершмитта», напали на подбитый самолет. Объятый пламенем он пошел со снижением в сторону своего аэродрома. Держался долго. Сел в море в двух километрах от берега. Спастись экипажу не удалось…

Всех этих ребят я знал по совместной боевой работе. С Василием Романовым летали в одном отряде еще в Ейском военно-морском авиационном училище. В сороковом году вместе окончили его, вместе служили на Тихоокеанском флоте. Затем памятная встреча на аэродроме под Новороссийском осенью сорок третьего. Василию удалось вырваться на фронт на год с лишним позже меня, он горел желанием проявить себя в боях…

Вместо улетевшего тридцать шестого в дивизию прибыл 13-й Краснознаменный гвардейский авиаполк. Стал также

базироваться на одном аэродроме с нами. Он был преобразовав из 119-го разведывательного полка, имел большой опыт и славные боевые традиции. Воевал на Черном море с первых дней войны, имея на вооружении тихоходные фанерные летающие лодки МБР-2. После присвоения звания «гвардейский» был направлен на переформирование, получил самолеты А-20Ж и, переучившись на них, вновь вернулся на родной флот.

С 27 апреля по 1 мая над Черным морем господствовал мощный циклон. Несмотря на это, мы были в готовности в любую минуту вылететь на удары по врагу.

28-го воздушной разведкой был обнаружен конвой, и составе которого находилось два транспорта. В воздух поднялись десять самолетов наших новых соседей. Поиск производили на высоте тридцать — пятьдесят метров. В такую погоду! Только опыт старых воздушных разведчиков спас их от того, чтоб не врезаться в воду. Но туман был так плотен, что пришлось возвратиться ни с чем.

— Первый блин комом, — не смущаясь, шутили вылезавшие из кабин летчики. Хорошая примета! Мы еще им таких блинчиков напечем…

О блинчиках, как оказалось потом, говорилось со смыслом. Это и были те самые топмачтовики, о которых у нас давно ходили легенды.

1 Мая, праздник. Полк в готовности, но погода нелетная. Туман низко ползет над землей, едва не задевая хвосты замерших на стоянках самолетов.

Поступает приказание построить весь личный состав. Здесь же, на поле.

Появляется стол. На нем — красные коробочки.

— За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество от имени Президиума Верховного Совета СССР приказом командующего Черноморским флотом…

Вышагивают из строя летчики, штурманы, воздушные стрелки, труженики технического состава.

— Служу Советскому Союзу! Служу Советскому Союзу…

Доходит очередь до меня. Выхожу. Подхожу. Смущаюсь.

— Орденом Александра Невского… Первым в полку! — испытывает мою выдержку Михаил Иванович. — За личную отвагу, мужество… за умелое руководство боевыми действиями… в результате чего… три транспорта только за последние семь дней…

Обнял, поцеловал.

— Ну? Может, что скажешь?

— Служу Советскому Союзу!

— Хорошо служишь. Спасибо, брат. Спасибо!

Орден Красного Знамени был вручен Николаю Прилуцкому. Красной Звезды Михаилу Белякову, Ивану Должикову и Александру Жуковцу.

Экипаж именинников.

Вечером в столовой состоялась неофициальная часть торжества. Метеоусловия позволяли…

В боевом содружестве

С новым соседом, 13-м гвардейским авиаполком, мы тоже оказались в близком родстве, несмотря на различие наших частей по названию и назначению. Мало того, что у многих ребят нашлись там давнишние друзья по училищу, аэроклубу, но и «общих» однополчан оказалось немало. Даже и сам недавний наш командир полка, а теперь командир дивизии полковник Виктор Павлович Канарев первые полтора года войны командовал 119-м разведывательным. В разное время оттуда же пришли к нам замечательные летчики Бесов, Киценко, Козырин, Лобанов, Пресич, Саликов, Скробов, Трошин, штурманы Аглотков, Андриенко, Шильченко… Много ратных подвигов совершили они, многое прибавили к боевой славе 5-го гвардейского.

Посчастливилось и мне встретить друга среди прибывших, что там друга — родного брата! Сорок пять вылетов совершили мы вместе, в одном экипаже, в каких переделках не побывали. Ровно год назад, 30 апреля сорок третьего, пришлось мне садиться на горящей машине с торпедой. Все обошлось, по счастью, торпеду успели отцепить и откатить, экипаж был спасен, но штурман Володя Ерастов, спрыгнув с пятиметровой высоты через астролюк своей кабины, повредил ноги, попал в лазарет, затем в госпиталь, долго лечился и вот… И как все кстати — столовая, 1 Мая, награды… До полуночи просидели, вспомнили все приключения, всех друзей.

— Ну опять повоюем вместе, в одном строю!

— Насчет строя не знаю, — чуть заметно смутился Володя. — Как там тактика…

— Хо, так мы же с бомбардировщиками… Или уже забыл?

— Так мы же особые бомбардировщики… Про топмачтовое слыхал?

— Как же, легенды ходили!

— Ну уж легенды! Слухи, наверно. Легенды будут потом. Ведь мы же освоили только…

— Рассказывай, не тяни!

— Да все в принципе просто, — начал Володя. — В детстве тебе доводилось, конечно, бросать плоские камушки в реку, «блинчики» делать? Ну вот. Бомбометание с малой высоты, на уровне мачты корабля примерно. Скорость — двести семьдесят — двести девяносто километров, расстояние — двести пятьдесят — триста метров от цели. Взрыватель замедленный. Бомба пролетает в воздухе около двухсот метров, ударяется о воду, рикошетирует и бьет в борт или падает на палубу корабля. Даже

делает два рикошета: между первым и вторым сто метров, между вторым и целью — пятьдесят. Вот тебе и «блинчики».

— Да, но… С торпедами-то, забыл? На четыреста подойти не всегда удавалось. А тут двести пятьдесят! Из ручного пулемета собьют…

— Вот я и говорю — тактика. Вместе с топмачтовиками летят штурмовики. Тоже наши, те же машины, только вооруженные мелкими осколочными бомбами. Проутюжат сначала как следует корабли, очистят палубы, подавят расчеты зениток. Ну и свои пулеметы у топмачтовиков…

— Сколько на ваших машинах их, в носовой части?

— Шесть! И для защиты задней полусферы два спаренных.

— Да, по теории все вроде так…

— Так мы и на практике испытали!

— В боевой обстановке?

— Ну. Всю вторую половину апреля чуть не каждый день летали. Из Геленджика. Еще и до этого…

— И удавались «блинчики»?

— Еще как! Вот хоть двадцать второго… 22 апреля вылетели на удар восемь штурмовиков и десять топмачтовиков. До их налета по конвою уже поработали двадцать три Ил-2 8-го гвардейского штурмового полка и двадцать четыре — 47-го штурмового. Прикрывали их двадцать шесть «яков» 6-го гвардейского Краснознаменного истребительного полка. Силища! «Илы» поработали на совесть, пустили на дно половину кораблей конвоя. Затем настал черед группы 13-го гвардейского. Штурмовики А-20, ведомые капитаном Николаем Ивановичем Тарасовым, навалились на оставшиеся сторожевые катера и баржи, обработали их пулеметным огнем, небольшими осколочными бомбами. Загорелся один сторожевик, задымил другой, потерял ход третий, завертелась в дыму быстроходная десантная баржа. Вот тут и налетели топмачтовики. Их объектами были танкер и транспорт. Первый загорелся, второй затонул.

— Но это факты, а посмотрел бы…

— Ты был в этой группе?

— Ага, со штурмовиками. Чуть не врезались в фашистскую самоходку. Фиряев у меня командир, отчаянный парень! Нагоняй потом от подполковника получили, доложили, не стали скрывать. Да что от него скроешь, сам с нами летает! Мусатов Николай Александрович, чай, слыхал?

О Мусатове я, конечно, слышал. Смелый и требовательный командир. Очень хороший методист. Воспитатель. Каждый летчик у него на виду.

— Да, сильно ваше топмачтовое! Правда, после такого налета

«илов»…

— Ну, это такой был день. А вообще-то обходимся и своими штурмовиками. Сначала противник нас принимал за низкие торпедоносцы, рассредоточивал корабли. А это нам на руку — легче цель выбрать, сразу по нескольким кораблям нанести удар. И зенитный огонь пожиже. Потом фриц очухался, разобрался. Корабли охранения стали к транспортам жаться, сосредоточивать свой огонь. Ну тогда и мы тактику изменили: по два захода стали делать штурмовики перед тем, как бомберам выйти. Так же и с прикрытием. Немцы усилили охрану конвоев с воздуха, пришлось и нам больше ястребков просить. А вообще-то, похоже, будущее за комбинированными ударами. Так что, возможно, и вместе с торпедоносцами полетаем…

Предположение Володи оправдалось на следующий же день. Недаром нас с ними расположили на одном аэродроме. С рассветом 2 мая поступил приказ: от 5-го гвардейского полка заступить в боевую готовность четырем низким торпедоносцам и трем высотным, от 13-го гвардейского — семи бомбардировщикам и четырем штурмовикам.

На земле отработали вариант совместного удара. Ведущим нашей группы был назначен капитан Чупров, группы соседей — майор Ильин. Прикрытие четырнадцать истребителей 7-го авиаполка.

Четверку низких торпедоносцев приказали вести мне. В первой паре со мной шел Николай Новиков, мой земляк и давний знакомый. Вместе учились летать в Минераловодском аэроклубе, оба затем пошли в Ейское авиационное училище. Он поступил на год позже меня, а на фронт попал на год раньше. Начинал в 40-м бомбардировочном, в июле сорок первого.

Сидели, ждали данных воздушной разведки. Метеоусловия ей не благоприятствовали — туман. Как всегда на дежурстве, коротали время в беседе.

— Да, жарко было, — вспоминал Николай о начале войны. — Немец пер на Одессу, мы на своих СБ за штурмовиков работали. Не то что скопления, батареи, но и передний край их бомбили, когда удалось их на время остановить. Делали по нескольку вылетов в день, на счету каждая боевая машина. Потерял ее — безлошадник, сиди загорай…

Как-то в августе вылетели шестеркой из Крыма, а «ишачки» из Одессы навстречу нам выходили, отчаянные ребята, сколько раз выручали, а тут… То ли мы раньше времени к месту встречи пришли, то ли они запоздали. Ну, стали в круг, поджидаем, А тут «мессеры», две четверки. Мы первые атаки отбили, но дело-то ясно, где ж справиться без ястребков. Ждать больше невмоготу,

наш ведущий решил идти к цели. А «мессеры» вьются вокруг как осы, одного ужалили, взорвался, другой наш задымил… Но тут уже нас их зенитки встречают, стервятники отстают. Ведущий на боевом, за ним мы, сбросили бомбы по цели там как раз фриц накопился перед атакой, — вышли из зоны огня. А «мессеры», сволочи, поджидали. Очередь — левый мотор у меня задымил. Чих, бах — вовсе остановился. Маневрировать на одном — сам знаешь. А те снова заходят. Заклинило элерон, перебило руль поворота… Ну, все, думаю, доклюют. И тут, откуда ни возьмись, три «ишачка»! С ходу атаковали «мессеров», отогнали, пристроились к нам. Проводили нас километров на десять — пятнадцать, помахали крылышками и обратно в свою Одессу…

Летим дальше над морем. Мотор продолжает дымить, вот-вот загорится. Ничего, дотерпел, показался берег. Но тут вдруг и правый мотор заглох. "Будем садиться, — передаю экипажу. — Штурман, выбери, где поровней". Штурман — мой тезка, Коля Поярков, — выбрал, а куда денешься, в первую очередь его же кабина всмятку, если капот. Спланировали на вспаханную полоску у железной дороги…

Рассказ прервал подошедший штурман эскадрильи Федор Николаевич Аглотков.

— Минаков со штурманом — к командиру полка!

— Посадил? — успел я спросить у Новикова, пока Прилуцкий укладывал в планшет карту.

— Посадить-то посадил. Даже не загорелась, а только… Инженер прибыл, осмотрел — ремонту не подлежит. Как же так, спрашиваю, ведь долетела! "Это, говорит, — она уже после смерти летела. Как убитый боец продолжает бежать…"

На командном пункте собралось семь экипажей.

— Днем вылетов не будет, — объявил майор Буркин. — Поступила задача поставить мины в районе Сулины и в Сулинском гирле. Время взлета первой машины — девятнадцать ноль-ноль, последующих — с пятиминутным интервалом. Очередность…

Не удалось в этот раз посмотреть топмачтовиков в работе.

В назначенное время первым взлетел сам Буркин. За ним Федор Федоров, я, Жестков, Дурновцев, Алфимов, Дарьин.

Через час земля скрылась облаками. Прилуцкий доложил: пересекаем береговую черту. Предлагаю снизиться. Через несколько минут выныриваем из облачного плена. Под нами море. Наступают сумерки, но горизонт еще просматривается.

— Впереди мощный грозовой фронт! — первым замечает Николай. — Что будем делать, командир?

До района постановок тридцать минут. Обходить грозу

стороной, значит, потерять драгоценное время. Да и запас горючего строго рассчитан.

— Будем пробиваться, согласен?

Штурман молчит.

Погода портится с каждой минутой, все ниже опускаются облака. В них посверкивает, но пока не очень. Правда, темнота еще не наступила.

Больше спускаться некуда, иду напрямик. Выбираю, где посветлее, где меньше сверкает. Начинается болтанка, но пока терпимая.

Вскоре окунаемся в сплошную облачность. В кабине становится темнее и будто холоднее. То тут, то там вспыхивают молнии, багрово озаряя кисельную тьму…

— Держись, Вася! Влипли…

Не сразу узнаю голос Прилуцкого. Что с ним? Тьма вокруг раскаляется, как неон, штурвал вырывается из рук. Машину бросает в сторону, обратно, потом рывок вверх, в бездну бушующих воздушных потоков. Тяжелый, до предела нагруженный самолет кажется перышком, щепкой, бумажкой…

— Развалимся, командир!..

Кое-как снижаюсь. Постепенно облака редеют, болтанка прекращается.

— Уф-ф! Штурман, сколько времени пробыли в этом аду?

— Пять минут!

Сверяю свои часы с бортовыми — точно.

— Но ведь пробились?

Пробились. Подходим к району постановок… Впереди темной полоской вырисовывается берег.

— Влево шесть градусов, — уже бодрым голосом корректирует курс Прилуцкий.

Спустя несколько минут ложимся на боевой.

— Пошли!

— Парашюты раскрылись!

Разворачиваюсь на обратный. Опять засверкало — в стороне берега. Через минуту — мощные взрывы.

— Это еще что за…

— Береговая артиллерия! Решила поупражняться в стрельбе прямой наводкой. Мы же, от них глядеть, — как на воде…

На поверхности моря вспухают огромные белые кратеры.

— Вот чудаки!

— Да, такой чудачок бы врезал…

— А что бы ты выбрал, его или грозу?

— Пес его знает… Пожалуй, его.

— А я бы грозу. Чтобы им радости не доставлять, фрицам.

— О вкусах не спорят.

Трепотня для разрядки. Да, как там стрелки…

— Коля, Сашок, живы? Ну? Что молчите? Обиделись, что ли, что вас потрясли?

— Не на то, командир. Мы уж привыкли, как горошины в побрякушке… Но ведь и нас все же надо б спросить.

— Насчет чего?

— Ну вот, от чего на куски-то приятнее разлетаться.

— В самом деле! Как это мы, а, штурман? Веселенький экипаж. Задание выполнили, на кусочки не разлетелись, в темноте нас никто теперь не обнаружит, всех вчера наградили, наши войска гонят оккупантов с родной земли… Чем не жизнь?

— Извините, ребята! В следующий раз непременно посоветуюсь.

— Лучше не надо, командир. Следующего-то раза. Внизу вспыхивает луч прожектора: в районе аэродрома видимость есть. Прилуцкий записывает в бортовой журнал время посадки. Колеса шасси мягко касаются земли у знака "Т"- последняя точка многочасового полета… 3 мая 1944 года. В готовности десять наших торпедоносцев и десять бомбардировщиков соседей. В море рыскают разведчики в поисках цели.

Появляется неизменный Иван Григорьевич. Первые вопросы, конечно, о Севастополе. Немецкое командование рассчитывает удержать город. Гитлер сместил командующего 17-й армией, объявил Севастополь городом-крепостью, увеличил обороняющийся гарнизон. Одновременно прилагаются все большие усилия к эвакуации оккупационных войск. 4-й Украинский фронт планомерно готовится к штурму фашистских укреплений.

И дальше — о действиях авиации. Воздушные разведчики изучили и многократно сфотографировали всю систему вражеской обороны. Бомбардировщики и штурмовики авиачастей, поддерживающих сухопутные войска, не дают противнику возводить и совершенствовать инженерные сооружения. Самолеты дальней авиации наносят мощные удары по причалам. Успешно работает и наша, морская, авиация. Коммуникации, связывающие фашистские войска в Крыму с западными портами Черного моря, постоянно контролируются нашей разведкой. Торпедоносцы и бомбардировщики нашей дивизии, пикирующие бомбардировщики и штурмовики дивизий Корзунова и Манжосова топят транспорты и корабли в открытом море и на подходах к Севастополю. Так, например…

— Товарищ майор, извините, — появился из-за капонира комэск Чупров. Командир полка приказал всех построить.

Получено задание…

— Ладно, примеры потом, — махнул рукой Иван Григорьевич. — Тем лучше! Надеюсь, привезете свеженьких. Эх, не могу полететь с вами… Так бы хотелось! Интересная предстоит работка…

Крик души. Значит, в самом деле интересная. Обычно майор Шевченко старается не бередить своих чувств и вести себя так, будто он никогда не был летчиком. Мы понимаем: так ему легче. И тоже делаем вид, что не помним. А Шевченко — летчик. И какой! Еще в сорок втором получил орден Красного Знамени, летал на истребителе с Херсонесского маяка, севастополец! Но — ранение, комиссия, запрет вообще подниматься в воздух…

Молча жмем ему руку, преувеличенно делая вид, что спешим.

На летном поле построено двадцать экипажей.

— Воздушной разведкой 30-го разведывательного полка, — чеканит майор Буркин, — в семь часов тридцать пять минут обнаружен конвой противника в составе одного транспорта водоизмещением пять тысяч тонн, одного эскадренного миноносца и двух быстроходных десантных барж. Курс двести семьдесят, ход десять узлов. Погода в районе цели… Задача: одновременным ударом высотных и низких торпедоносцев во взаимодействии с бомбардировщиками топмачтового бомбометания уничтожить эсминец и транспорт.

Далее указывался состав ударных групп и порядок атаки.

— Вести все группы приказано мне, — закончил майор Буркин. — Я же ведущий торпедоносцев. Майору Ильину определить боевой порядок в группе бомбардировщиков.

Аэродром давно подсох, порос ровной малахитовой травкой. Как футбольное поле. Наша группа высотных торпедоносцев построилась прямо на этом газоне, в «походном» порядке. Взлетели почти одновременно.

Наблюдавший эту картину техник Миша Беляков после выразил свое впечатление одной фразой:

— Эффектно получилось!

И эффективно — не нужно собираться в воздухе.

Идем на Саки. За нами четверка низких торпедоносцев, ее ведет Ольховой. Встреча с истребителями сопровождения проходит без задержки. «Мессеров» пока не видно. Под ними море, до цели двести километров.

Время от времени взглядываю на Буркина: наши машины идут почти рядом. Михаил Иванович — мой давний знакомый, вместе служили перед войной на Тихоокеанском флоте. Он летал там на пикировщике ДБ-3Б. Отлично летал, был командиром звена, мастером техники пилотирования. Потом участвовал в

обороне Севастополя. Однажды попал под ураганный огонь зениток, сумел пробиться к цели, нанести удар. Но машина получила такие повреждения, что должна была погибнуть. И все-таки не погибла. Сам командующий военно-воздушными силами Черноморского флота генерал-майор авиации Николай Алексеевич Остряков написал об этом случае во флотской газете: "Находчивость и хладнокровие экипажа спасли положение. Стрелки Еременко и Северин, взявшись руками за концы перебитой тяги, как бы «сварили» ее, обеспечив обратный полет и хорошую посадку своей машины".

Фантастический случай!

За мужество и находчивость Буркин был награжден орденом Ленина. К нам он пришел с должности инспектора ВВС Черноморского флота. Сразу проявил себя как умный, рассудительный командир. Знает каждого летчика, штурмана, воздушного стрелка, трезво оценивает его возможности. Всегда ровен, спокоен, собран. Вот и сейчас за остеклением кабины вижу его невозмутимый профиль, глаза чуть сощурились, губы отвердели.

Цель, корабли!

На горизонте четко вырисовываются два транспорта — один большой, другой поменьше, — их окружают эсминец, шесть быстроходных десантных барж, пять катеров. Над конвоем на малой высоте барражируют два Ме-110.

— Рубеж маневра! — докладывает Прилуцкий. По сигналу Буркина высотные торпедоносцы с ходу устремляются на конвой, низкие пикируют до тридцати метров. Идем на головной транспорт встречным курсом. Небо вздрогнуло, раскололось от сотен разрывов. Первый залп, самый опасный для высотных торпедоносцев. Миновал, прошел метров на двести выше.

— Ведущий на боевом! — подсказывает Николай.

— Вижу!

Запахло гарью. Снаряды ложатся точно по высоте, справа, слева, за спиной, позади кабины. Взрывы заглушают гул моторов. Маневр исключен. Секунды, равные вечности. Тело сжато в тугой комок, машина занимает полнеба…

— Ведущий торпеду сбросил!

Сбросили все. Все парашюты раскрылись. Стальные рыбы устремились вниз, пятьдесят метров в секунду. Зенитки перенесли весь огонь на огромные парашюты.

— Приводнились в пятистах метрах от носа… Начали циркулировать…

Все сделано как надо. Молодец Дуплий Сергей Прокофьевич, флаг-штурман полка. Если транспорт не сумеет уклониться…

— Взрыв! Взрыв на головном транспорте! — в один голос кричат Жуковец и Должиков.

И только когда легли на обратный курс, вспомнили: что-то не видно было у цели ни штурмовиков, ни бомбардировщиков.

— Да и низких торпедоносцев тоже, — добавил Должиков.

В самом деле. Казалось, все было расписано до минуты, а комбинированного удара не получилось.

Потом на земле узнали: торпедоносцы, ведомые лейтенантом Ольховым, уже при заходе в атаку увидели справа на горизонте самолеты 13-го авиаполка. Решили погасить время петлей и провести атаку, как и планировалось, после их штурмовки. Но бомбардировщики почему-то замешкались, а появились три Ме-109 с подвесными баками и один Ме-110 — шли на пересекающемся курсе в сторону конвоя. Один Ме-109 атаковал торпедоносцы. Прикрывающие ястребки отогнали его, но Ольховой уже развернулся вправо и взял курс на север.

Через сорок минут эта группа обнаружила другой конвой в составе небольшого транспорта, двух сторожевых катеров и трех быстроходных десантных барж. Ольховой решил нанести удар по нему, но был атакован двумя Ме-110. Ввиду отсутствия истребителей прикрытия от удара отказался и вернул группу на свой аэродром.

Штурмовики и бомбардировщики 13-го полка, не дойдя до назначенной цели, встретили транспорт водоизмещением две с половиной тысячи тонн в сопровождении двух сторожевых катеров и также переменили решение. В атаку на сторожевики устремились две пары штурмовиков. Первую вел капитан Николай Тарасов, вторую лейтенант Петр Гоголев. Двадцать четыре крупнокалиберных пулемета били по яростно отстреливающимся вражеским кораблям. Один катер затонул в результате взрыва. На втором возник пожар.

В атаку пошли топмачтовики. Две пары машин сблизились с транспортом на триста метров, сбросили двадцать четыре бомбы. Эффект был поразительным. Восемь прямых попаданий сто- и двухсотпятидесятикилограммовых фугасок в центральную часть транспорта! Судно затонуло в течение одной минуты.

Но и топмачтовики понесли тяжелую потерю. При выходе из атаки один из бомбардировщиков был подожжен прямым попаданием снаряда. Пройдя пятьсот восемьсот метров, он взорвался. Это был самолет комэска майора Ильи Ивановича Ильина. Вместе с ним погибли штурман капитан Михаил Федорович Лисин, воздушные стрелки старшина Александр Давыдович Карпухин и сержант Петр Никифорович Гречаник.

От конвоя остался на воде один сторожевой катер. Пара

самолетов, возглавляемая капитаном Николаем Казаковым, накрыла его бомбами и отправила на дно.

В тот же день на удар по обнаруженным разведчиками двум конвоям вылетели три штурмовика и пять бомбардировщиков-топмачтовиков, ведомые комэском капитаном Либерманом и штурманом майором Мотицыным. Один караван состоял из двух транспортов по две с половиной тысячи тонн, трех сухогрузных барж, трех сторожевых катеров и четырех быстроходных десантных барж. Второй — из двух транспортов по тысяче тонн, четырех быстроходных десантных барж и двух сторожевых катеров.

Либерман решил нанести удар по первому. Штурмовики основательно обработали корабли охранения, топмачтовики под огнем зениток тройкой и парой машин атаковали транспорт и две сухогрузные баржи. Все цели были поражены прямыми попаданиями бомб.

На другой день утром командир дивизии полковник Канарев произвел тщательный разбор вчерашних вылетов. Главное внимание сосредоточил на недостатках в организации взаимодействия.

Общий итог был, однако, неплохим: за день 3 мая экипажами 5-го и 13-го гвардейских авиаполков было потоплено два транспорта, одна самоходная баржа, одна быстроходная десантная баржа, два сторожевых катера, повреждены транспорт и два катера.

Комдив поставил в пример действия группы высотных торпедоносцев майора Буркина, отметил отличившиеся экипажи бомбардировщиков — майора Ильина, капитанов Либермана и Казакова, младшего сержанта Галушко (16 мая 1944 года Илье Ивановичу Ильину было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.)

Конкретные выводы из этого боя были сделаны в эскадрильях. Капитан Чупров подробно разобрал действия группы Ольхового, указал, какие решения можно было принять. Потребовал от всех командиров настойчивости в достижении целей. Посоветовал секретарю партбюро старшему технику-лейтенанту Сезоненко обсудить этот вопрос на открытом партийном собрании.

Собрание состоялось на другой день. С докладом выступил опытнейший воздушный боец штурман эскадрильи Федор Николаевич Аглотков. Особое внимание он уделил точности расчетов выхода на цель и в атаку, всесторонне проанализировал ошибки, допущенные низкими торпедоносцами.

Много конкретных советов и предложений последовало за его

вдумчивым, деловитым разбором. Выступали коммунисты, комсомольцы, беспартийные, ветераны и молодые воздушные бойцы. Одни делились опытом, другие заверяли товарищей в том, что будут верны традициям славной гвардейской части, не пожалеют сил, а если понадобится, и жизни для окончательной победы над врагом.

Комбинированный, одновременный

Тактика комбинированных ударов предъявляла новые требования к командирам и штурманам. Ведущим экипажам необходимо было быстрее и лучше ориентироваться в обстановке, проявлять смелость в принятии решений в меняющихся условиях боя, без колебаний брать на себя ответственность за возможные последствия. Такая смелость основывается на глубоком знании возможностей подчиненных экипажей, боевой техники, на умении всесторонне оценить боевую обстановку.

Приходилось многому учиться заново, глубже осмыслять накопленный боевой опыт. Это хорошо понимали командир полка Михаил Иванович Буркин и флаг-штурман Сергей Прокофьевич Дуплий. Обладая высшей летно-тактической квалификацией, они первыми осваивали сложные боевые приемы, ненавязчиво делились своим опытом с лучшими экипажами полка, подготавливая из них надежных ведущих групп. Те, в свою очередь, проявляли заботу о подготовке ведущих пар. Все внимательно изучали тактику и боевые возможности новых наших ближайших соратников топмачтовиков.

Учеба сочеталась с повседневной боевой работой.

4 мая целей на море обнаружено не было. Пятерка наших Ил-4 перевозила горючее на одесский аэродром.

Под вечер десять экипажей, в том числе и наш, получили задание на постановку мин в районе порта Сулина и Сулинского гирла. Работу пришлось выполнять при сильном боковом ветре. Но экипажи были подобраны опытные, задание выполнили успешно.

5 мая ввиду плохих метеоусловий над морем полк, как и вся дивизия, боевых вылетов не производил. Днем мы узнали, что наши войска под Севастополем перешли в наступление. Враг упорно сопротивляется. Приходится буквально прогрызать его оборону…

6 мая с утра погода выдалась прекрасная. С восходом солнца село ожило. Заскрипели калитки, забрякали у колодца ведра, на все голоса заливались в садах птицы. За околицей затарахтел трактор — его выделила наша техническая база, помочь колхозу вспахать землю под яровые.

Мир да и только! Однако эту иллюзию тут же развеял сигнал рейсовой полуторки. Наскоро умывшись, поспешили на аэродром.

На КП уже ждал майор Буркин.

— Воздушной разведкой тридцатого авиаполка в пять часов пятьдесят минут в ста километрах от Севастополя обнаружено два

транспорта водоизмещением по три тысячи тонн в охранении семи быстроходных десантных барж и трех сторожевых катеров. Конвой идет курсом на запад со скоростью шестнадцать километров в час. Командир дивизии принял решение одновременным комбинированным ударом высотных и низких торпедоносцев и бомбардировщиков топмачтового бомбометания уничтожить оба транспорта. Ведущим всех групп назначен я. Время удара — десять часов пятьдесят пять минут.

Далее командир полка определил состав ударных групп и порядок атаки. Пятерка высотных торпедоносцев атакует первый транспорт, четверка низких — второй. Атака с двух бортов. Прикрытие — восемь истребителей. Четыре штурмовика и пять бомбардировщиков 13-го полка под прикрытием шести истребителей атакуют цель одновременно с торпедоносцами. Группу высотных торпедоносцев ведет сам Буркин, низких — Ольховой. Штурмовиков возглавляет Тарасов, бомбардировщиков — Либерман.

Казалось бы, все как в прошлый раз, 3 мая. Различие в одном слове одновременно. Если в тот раз не удалось даже сойтись в одно время в районе цели, то теперь надо в одну и ту же минуту атаковать. Не собираясь вместе, не поджидая друг друга…

Наш экипаж был назначен запасным для группы высотных торпедоносцев, экипаж Киценко — для низких.

Взвилась зеленая ракета. Торпедоносцы порулили на старт. Буркин, Федор Федоров, Трофимов, Тарасов, Дарьин. Затем низкие — Ольховой, Синицын, Вальцев, Новиков. Через некоторое время ушли в воздух бомбардировщики и штурмовики.

Киценко и я выключаем моторы. Мысленно желаем друзьям успешного удара, благополучного возвращения.

— Да, задал ребятам задачку Михаил Иванович, — вздохнул, сбросив с плеч лямки парашюта, Иван. — Как думаешь, получится?

Что тут думать? Мы-то знаем, что значит привести самолет в какую-то точку, нисколько не уклонясь от расчета. Даже и при спокойной погоде. А если «мессеры»?

— Главное тут…

— Не накаркать.

— Ага, и не сглазить.

На том и сошлись.

О ходе боя узнали потом из рассказов вернувшихся товарищей.

Штурман Дуплий точно и своевременно вывел группы торпедоносцев на цель. Буркин подал сигнал — атакуем с ходу. Обе группы под разными курсовыми углами устремились на

конвой. Низкие торпедоносцы — с резким снижением.

На кораблях заработали зенитки. Средние полуавтоматические, автоматические, спаренные и счетверенные пулеметы… Ближе — гуще. Сплошная метель…

Торпедоносцы Ольхового едва не задевают своими «сигарами» воду. Боевой курс! Пятнадцать-восемнадцать секунд всего-то…

И в этот момент нападают два Ме-110. Первая очередь, с дальней дистанции. Не сманеврируешь, не свернешь. А наши ястребки уже перескочили конвой, ждут по ту сторону…

Чтобы не попасть под огонь своих зениток, «мессеры» круто взмывают в высоту. Затем кидаются на чуть отставший самолет Синицына. Снопы огня из пушек и пулеметов. Сраженный торпедоносец проносится над палубами вражеских кораблей, втыкается в море…

Штурманы Касаткин, Ляпин и Тихомиров успели прицельно сбросить торпеды.

"Мессеры" насели на Ольхового. Два наших истребителя, развернувшись, устремились наперерез. Пара очередей, и ведущий фашист камнем падает вниз…

Группа Буркина отцепила все пять торпед. Они приводнились по носу головного транспорта и начали «оплетать» его паутиной своих кругов…

Взрывы. Один транспорт и три баржи получили торпеды в борт.

Пока наши истребители выручали Ольхового, к ним сзади пристроились четыре «мессера» — очевидно, спешили на выручку к своей паре, но опоздали. Набросились на ведущего. Прикрывавший его напарник моментально вернулся и ударил из всего бортового оружия по ведущему фашистской четверки. «Мессер» вспыхнул и развалился в воздухе. Оставшиеся без командира гитлеровцы поспешили выйти из атаки.

От зенитного огня самолет Ольхового получил повреждение мотора, в стабилизаторе и плоскости зияли огромные дыры. Скорость еле позволяла удерживать высоту. Тем временем наши истребители распылили свои силы: прикрывали группу Буркина, пару Вальцева. И только двое сопровождали Ольхового. Озлобленные неудачами гитлеровцы решили отыграться за его счет.

Два «мессера» сковали боем прикрывавшую пару ястребков, два других со снижением устремились на торпедоносец. Ольховой перевел самолет в отлогое планирование, намереваясь прижаться к воде и предоставить своим стрелкам наилучшие условия для обороны. Фашисты не открывали огня, надеясь расстрелять

поврежденную машину в упор. Стрелки Петр Коношенков и Павел Шевченко также не торопились, чувствуя, что гитлеровцы не ожидают отпора. И вот они приблизились и уже собирались нажать на гашетки…

От метких очередей «мессеры» отпрянули, точно ошпаренные кипятком.

— Ага, гады! — кричал, торжествуя, Шевченко.

Фашисты снова заходят в атаку, и вновь пулеметы стрелков окатывают их огнем. Но силы неравны. В кабине летчика запахло бензином, разбита приборная доска, самолет с трудом держится в воздухе.

Тяжело раненный в грудь Коношенков сполз с верхней турели на пол. Шевченко занял его место у крупнокалиберного пулемета, а Петр подполз к люковой установке. Снова атака. У стрелков на исходе боеприпасы…

За израненным торпедоносцем следует клубок вьющихся истребителей. Шевченко видит, как пара наших ястребков отбивается от обложивших ее четырех фашистов. Два Ме-110 отделяются от клубка…

— Держаться, держаться! — кричит в микрофон Ольховой.

"Мессеры" атакуют сбоку. Шевченко поворачивает пулемет до отказа, но достать их не может. Ведущий фашист палит из всего оружия, трассы сливаются в огненную плоскость. Она стелется под фюзеляжем торпедоносца. «Мессер» приподымает нос…

Густой пучок трасс, пройдя сквозь кабину воздушного стрелка, обрывается, гаснет. Тяжело раненный Шевченко падает вниз, на пол кабины.

На выручку приходит еще пара наших истребителей. Теперь «мессерам» не до атак. Они спешно выходят из боя и скрываются в стороне Севастополя.

Ольховой дотянул до аэродрома в Евпатории и посадил там свой изрешеченный самолет с истекающими кровью боевыми друзьями.

Штурмовики 13-го полка вышли на цель после удара наших торпедоносцев. Атаковали со стороны солнца. Тарасов перевел машину в пикирование, за ним скользнули ведомые. Прорвав завесу разрывов и трасс, высыпали серии бомб на сторожевой катер. Его тут же поглотило море. Гвардейцы пошли на повторный заход.

После того как четверка Тарасова сбросила на корабли охранения более пятисот мелких бомб и основательно обработала палубы пулеметным огнем, в атаку пошли топмачтовики. В это же время истребители прикрытия завязали бой с шестью Ме-110, прикрывавшими остатки конвоя; к ним вскоре присоединилась

еще пара «мессеров».

На долю топмачтовиков остались две быстроходные десантные баржи. Они яростно оборонялись. Перед носом машины комэска Либермана повисли черные шапки, дымные шнуры «эрликонов». Сбоку, снизу, сверху…

Ведущий бесстрашно сближается с целью. Из его носовых пулеметов вырываются огненные струи, несутся навстречу бешено стреляющему кораблю…

— Пора! — подсказывает штурман Яков Мотицын.

Командир нажимает на кнопки. Через несколько секунд мощные взрывы скрывают обе баржи…

Вышедшие из атаки штурмовики и топмачтовики были атакованы четырьмя Ме-110: наши ястребки, увлеченные боем, не заметили, как к гитлеровцам подошло подкрепление.

— Справа "мессеры"! — доложил стрелок-радист Леонтьев своему командиру Тарасову.

Самолет метнулся вправо, огненные трассы прошли рядом. Тарасов развернулся на девяносто градусов, повел свою группу в сторону солнца. На миг ослепленные гитлеровцы прозевали момент. Леонтьев поймал одного в прицел, выпустил длинную очередь. «Мессер» перевернулся на крыло и упал в море.

— Есть один! — доложил стрелок командиру. И тут же пошел вниз еще один: его срезал стрелок-радист Старцев…

В конце дня мне и Александру Жесткову было приказано просмотреть подходы к порту Констанца — здесь был узел коммуникаций, соединяющих вражеские тылы с войсками, осажденными в Севастополе. Ведущим назначили меня.

Отыскать корабли противника в сумерках и поразить их — задача весьма трудная. Этим и объяснялось, что она была поручена нам — наши экипажи считались наиболее опытными и слетанными, штурманы Николай Прилуцкий и Иван Локтюхин пользовались репутацией признанных мастеров торпедных ударов.

Взлетели в девятнадцать, через два с лишним часа были в районе поиска. Южные сумерки быстро сгущались. Надо было торопиться. Расчет поиска строили так, чтобы заметить корабли на фоне светлой стороны горизонта. Вскоре блеклую полоску заката перечеркнули черные столбы, превратили ее в пунктир. Конвой! Вот уже различимы и силуэты. С ходу направляю самолет на большой транспорт. Рядом идет Жестков. И вдруг…

— Командир, взгляни вправо!

Но я уж увидел, секундой раньше, — еще один конвой! И тоже с довольно большим транспортом. Что делать? Приказать Жесткову атаковать второй? Но менять курс в полутьме, притом

выдержать высоту…

На решение — считанные секунды. За двумя зайцами…

Выбрал то, что верней — атаковать первый транспорт парой. Бдительность на кораблях охранения из-за наступившей темноты была снижена. Не встретив противодействия, сбрасываем торпеды с дистанции четырехсот метров. Только при выходе из атаки видим взлетающие мячи «эрликонов». Поздно! В транспорт водоизмещением две с половиной тысячи тонн попали обе торпеды. Судьба его была решена.

— Знатно сработали! — сам себя похвалил Прилуцкий. — А я уж подумал, что ты пожадничаешь, командир…

— Вовремя вспомнилась поговорка о двух зайцах.

— Вот видишь, и фольклор помогает.

— Все помогает, когда везет! Эх, была бы еще торпедка…

В тот же вечер четыре экипажа нашего полка выполнили минные постановки у входа в Сулинское гирло. При этом они были обстреляны из автоматических пушек с судов, стоящих в устье Дуная. Видимо, враг изменил тактику: опасаясь минных заграждений, устанавливаемых ночью, заблаговременно выводит свои плавсредства на фарватер.

На другой день утром командир дивизии провел разбор действий торпедоносцев и топмачтовиков. Вначале были объявлены результаты. Торпедоносцами 5-го гвардейского авиаполка за два боевых вылета потоплены два транспорта и три быстроходные десантные баржи. Бомбардировщиками 13-го Краснознаменного гвардейского — одна быстроходная десантная баржа и один сторожевой катер; в воздушном бою сбито два Ме-110.

Минутой молчания гвардейцы почтили память погибших товарищей: младшего лейтенанта Николая Павловича Синицына, лейтенанта Федора Григорьевича Скоромненко, старшины 2-й статьи Ивана Леонтьевича Дулина, младшего сержанта Петра Ананьевича Исаева.

В результате тщательного анализа совместных действий боевых групп двух полков были сделаны следующие основные выводы.

Первое. Практика применения комбинированных ударов высотных и низких торпедоносцев, штурмовиков и бомбардировщиков-топмачтовиков по конвоям противника себя полностью оправдала. При этом, если даже не удается одновременный удар, эффективность действий как торпедоносцев, так и групп топмачтового бомбометания значительно повышается.

Второе. Опыт показал, что в условиях комбинированных

торпедобомбовых ударов группы высотных торпедоносцев могут успешно применяться не только как сковывающая, но и как поражающая сила. В дальнейшем при ударах по большим конвоям целесообразно использовать их эшелонирование, группами от трех до пяти самолетов.

После разбора пять торпедоносцев и восемь бомбардировщиков заступили в тридцатиминутную готовность в ожидании данных воздушной разведки. Только под вечер поступило приказание: топмачтовикам уничтожить транспорт водоизмещением три тысячи тонн, идущий в охранении сторожевых катеров и быстроходной десантной баржи. Группу повел комэск Рувим Либерман.

После ужина нас с Жестковым опять вызвал командир полка. Задача вчерашняя — "свободная охота" на коммуникации Севастополь — Констанца. Если бы то же и везение…

— Вчера у вас ладненько получилось. Но учтите, противник, несомненно, усилил прикрытие кораблей с воздуха.

Напутствие, мягко говоря, не очень вдохновляющее, если летишь без прикрытия.

Сумерки спустились на море как-то сразу. Пройдено всего три четверти пути, а горизонтальная видимость хуже, чем вчера после атаки. Изо всех сил напрягаем зрение. Летчику из своей кабины вести поиск удобней всего, но то и дело приходится отрывать взгляд к приборам. Смотрю только в западном направлении, стараюсь вести самолет так, чтобы и экипажу дать эту возможность. И вот удача: на фоне угасающего неба — контур большого корабля. Вокруг, как в мареве, еще несколько расплывающихся точек. Качнувшись с крыла на крыло, даю знать Жесткову: внимание, цель! Ведомый показывает, что понял.

Не опознанное в полутьме судно атакуем с ходу. Прилуцкий и Локтюхин сбрасывают торпеды с четырехсот метров. Зенитного огня нет.

На выходе из атаки стрелки замечают четверку Ме-110 — идут в нашу сторону. Еще четыре остаются барражировать над судном. Ясно, что увидеть результат удара не удастся.

— Усилить наблюдение за задней полусферой!

Неприятельские летчики уже обнаружили нас. Открыли огонь издали. В ответ загрохотал пулемет Должикова. Затем и Жуковца. Потянулись трассы и от машины Жесткова: Сергей Игумнов и Илья Кушнир — стрелки хладнокровные и меткие. «Мессеры» отвалили.

— Не нравится, гады? — осведомляется Должиков. И только после: — Командир, снарядом задело мою кабину,

— Не ранен?

— Нет, только брызгами плексигласа немножко испортило красоту…

— Сзади "мессеры"! — перебивает Жуковец.

— Спокойно, ребята! Перехожу на бреющий. Со скольжением бросаю машину вниз, маневром сбиваю фашистам прицел. Жестков держится как на привязи. Славно мы с ним слетались! Грохочут пулеметы, в кабину тянет пороховой гарью.

— Отвернули! Жми, командир!

Проносятся последние огненные пунктиры. Еще раз бросаю машину из стороны в сторону, на полном газу ухожу в сторону восточной, темной части горизонта.

— Кто видел взрывы торпед?

Никто, вели бой с «мессерами».

Запрашиваю Жесткова. Тот же ответ. Разрешаю ему следовать на аэродром самостоятельно. Он быстро скрывается в сгустившейся тьме.

Прилуцкий предлагает:

— Пройдем поближе к Севастополю, посмотрим, что творится на фронте.

— Давай!

Пересекаем береговую черту. Слева Кача, справа Севастополь. На подступах к городу полыхают зарницы — наша артиллерия. Дальше — мощные искристые взрывы, отблески на облаках: авиация дальнего действия обрабатывает наземные объекты. Полоса ярко-желтых вспышек: вражеские посты наведения нацеливают на бомбардировщики свои истребители…

Даю команду стрелкам усилить наблюдение. И тут же очередь — Жуковец различил силуэт фашистского самолета. В воздухе блуждают огни…

— Слева самолет с зажженными фарами, — докладывает Должиков.

— Наблюдение справа и в задней полусфере, — напоминаю стрелкам.

Тактика «мессеров» известна: один с зажженными фарами отвлекает внимание на себя, другой снизу или с противоположной стороны подкрадывается и атакует.

— Насмотрелся, штурман?

— Пожалуй. Не стоит лишний раз испытывать судьбу…

Через час садимся на своем аэродроме. Узнаем, что группа топмачтовиков, вылетевшая перед нами, успеха не достигла. Бомбы, сброшенные после штурмовки, легли с недолетом, в пяти — десяти метрах от борта вражеского транспорта.

Наших миноносцев Корнилова, Чупрова и Киценко в эту ночь снова атаковали Ме-110 и обстреляли зенитки с кораблей.

8 мая весь день просидели в готовности. Торпедоносцы, ввиду отсутствия целей, боевых вылетов не производили. Соседи шестью самолетами — из них два штурмовика — вылетали на топмачтовый удар по конвою из четырех барж. Несмотря на огонь зениток и атаки вражеских истребителей, Либерман принял решение атаковать. Четверка прорвалась к цели, потопила одну самоходную баржу и повредила быстроходную десантную. Все экипажи благополучно возвратились на свою базу.

Первый, второй…

9 мая. На заре гроза расколола небо, на землю хлынули потоки воды. Тугие струи хлестали по крышам, по стеклам окон, смывали с ветвей отцветших яблонь последние жухлые лепестки.

Дождь перестал так же вдруг, как и хлынул. Сквозь кисейную завесу водяной пыли брызнули лучи целиком выкатившегося из-за горизонта солнца.

Экипажи поспешили на аэродром.

Оба полка уже имели боевой расчет на день. От 5-го гвардейского в дежурство заступали девять торпедоносцев и пять бомбардировщиков, от 13-го-девятка бомбардировщиков-топмачтовиков со штурмовиками. Четыре наших «ила» продолжали перевозку горючего для истребителей на аэродром в Одессу; пяти самолетам предстояло вечером вылететь на постановку мин в районе Констанца. Нам с Жестковым — на "свободную охоту" с торпедами. На этот раз не в сумерках, а ночью: видимо, целеуказания от разведчиков на вечер не ожидалось, а для самостоятельного поиска сумерки коротки.

Потянулось дежурство: ударные группы ждали данных от экипажей 30-го разведывательного авиаполка, с рассвета бороздивших небо над морем.

Дело привычное. После подвески вооружения и проверки готовности машин к вылету ребята расположились под крыльями самолетов на травке, писали письма, рассказывали забавные истории.

Вскоре на аэродром прибыл Иван Григорьевич. Привез подробные сведения о ходе боев под Севастополем.

5 мая войска 4-го Украинского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом начали наступательные бои за город. Первыми в направлении Северной бухты пошли в атаку войска 2-й гвардейской армии. Враг яростно сопротивлялся. В течение первых двух дней сражения удалось оттеснить гитлеровцев лишь за вторую и третью линии траншей.

Самым напряженным был день 7 мая. Наши соединения вышли к ключевому пункту обороны противника — Сапун-горе. Ее каменистые склоны противник опоясал укреплениями от подножья до гребня, на обратном скате расположил артиллерию, минометы и пехотные резервы.

Десятки дотов и дзотов, до предела насыщенных огневыми средствами, возвышались над подступами к горе.

Атаке предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Казалось, на этом сравнительно узком

участке не должно остаться ничего живого. Однако штурм продолжался весь день. Отчаявшиеся гитлеровцы то и дело бросались в ожесточенные контратаки. Неустанно вела огонь наша артиллерия, с воздуха, сменяя друг друга, непрерывно обрабатывали позиции противника группы бомбардировщиков и штурмовиков…

— В результате упорнейших наступательных боев, — голос замполита обрел необычную торжественность, — войска 4-го Украинского фронта прорвали основную полосу обороны противника и вышли на гребень Сапун-горы. 8 мая 51-я и Приморская армии приступили к штурму внутреннего обвода оборонительных укреплений. Полагаю, что сегодня мы получим сообщение: Севастополь наш!

Мощное «ура» завершило политинформацию. Возбужденные авиаторы тесно окружили замполита, обсуждая радостную весть. Разошлись только после настойчивого напоминания комэсков: боевое дежурство, экипажи должны находиться у машин.

Мы с Жестковым, позвав своих штурманов, отправились на укрытую кустами лужайку в конце аэродрома — обсудить предстоящий полет. Хоть на этот раз он и не будет совместным: в ночных условиях действовать можно лишь в одиночку. Но дело новое, не мешает обменяться соображениями.

Первая забота — поиск. Одно дело отыскивать корабли в сумерках и по ориентировочным данным разведки, другое — в полной темноте и наудачу. Здесь необходимы безукоризненная прокладка маршрута, неустанное внимание всех членов экипажа, умение использовать лунную дорожку, светлую сторону горизонта, фон береговой черты…

И — сам удар. Ночной, торпедный. Он требует особой натренированности от летчика. Малейшая ошибка в определении высоты, случайное отклонение от горизонтали, и — столкновение с водой, гибель…

Кое-какие навыки у меня были: в свое время наш экипаж прошел специальную подготовку и первым в полку был допущен к ночному торпедометанию. С тех пор и действуя днем, я старался, когда позволяла обстановка, мысленно переключать себя на ночные условия.

Кажется, такая тренировка в воображении дала немало. По крайней мере, в психологическом смысле.

До обеда прошли все этапы поиска и атаки. Почувствовали нетерпение лететь — верный признак хорошо исполненной подготовки.

В полдень бомбардировщики 13-го авиаполка получили приказ на вылет. Наши «илы» к удару не привлекались: по

указанию командующего ВВС флота торпедоносцы должны были использоваться лишь по транспортам водоизмещением не менее трех тысяч тонн.

Топмачтовиков вел комэск капитан Либерман. Осмотрев заданный район и убедившись, что указанного разведчиками конвоя в нем нет, принял решение возвратиться. На обратном пути встретили вражеский сейнер, атаковали его. "Только щепки полетели от кораблика!" — поделился впечатлением бывший мой штурман Володя Ерастов…

Когда солнце скрылось за горизонтом, пошли на стоянку и мы. В полутьме под крылом самолета я еще издали различил знакомую фигуру. Он, конечно, майор Шевченко.

— Ну как, Василий Иванович, устроим фрицам «темную»?

— Постараемся, товарищ майор!

Потоптался, оглядел экипаж, машину. Обнял за плечи, шепнул в ухо:

— Ты все же поосторожнее, Вася. Главное, не забывай о воде. Ну и о себе, о ребятах…

— Постараюсь, товарищ майор.

А что еще скажешь?

Взлетаю. За мной с часовым интервалом пойдет Жестков. Поколебавшись, делаю ненужный разворот над аэродромом.

— Двести десять, — напоминает курс Прилуцкий.

— Двести десять, — повторяю, пытаясь разглядеть на земле маленькую темную фигурку. Эх, штурман! Знал бы ты, какую инструкцию получил я насчет тебя… насчет всех нас…

Молчу. Скупой народ летчики в изъявлении чувств.

— Поточней рассчитай заход, Коля. Чтобы со стороны луны.

— Есть, командир, — в голосе штурмана спокойная деловитость.

Летим над морем. Слева луна, справа — серебряная дорожка. Все внимание — к ней. Десять, двадцать минут, полчаса…

— А все-таки красиво море ночью! — не выдерживает Должиков.

— Не любоваться! Мы на охоте!

— А разве Тургенев, когда охотился…

— Отставить разговоры! Искать всем! Ищи, Иван, ищи, — невольно сбавляю тон. — Вот вышвырнем нечисть из Севастополя, тогда и рассмотрим вокруг все красоты.

Еще через четверть часа на лунной дорожке появляются черные полоски. Одна, три… семь… десять! Самоходные баржи идут в Севастополь. С подкреплением? Не хотят, гады, сдаваться…

— Штурман, видишь?

— Вижу, командир!

— Гуськом! — восхищается Жуковец.

— В кильватер, — поправляет пунктуальный Должиков.

Принимаем решение уйти влево, затем, развернувшись на сто восемьдесят, зайти под прямым углом к лунной дороге.

Выходим на середину конвоя. Выбираем баржу покрупнее — не менее тысячи тонн. Триммером создаю небольшой кабрирующий момент, сдерживаю давление на штурвал. Плавно снижаюсь. "Не забывай о воде…" Вода почти не просматривается. Тридцать метров…

— Так, штурман? Ложимся на боевой?

— Баржа в прицеле!

Противник огня не открывает. Значит, не видит.

— Сброс!

Самолет облегченно «вспухает».

Курс не меняю, иду с небольшим набором высоты. Под крылом светлым пятном проносится палуба баржи. «Хвоста» торпеды не видно.

Разворачиваюсь.

— Есть! Цель! Цель, командир! Выравниваю машину, вглядываюсь. Внизу клубы дыма ли, пара — словно в море спустили огромный утюг.

— Кто видел взрыв?

— Все! — хором.

Захожу еще раз. Пересчитываю. В конвое — девять барж.

— Молодец, Коля! Чистенькая работа!

Должиков выстукивает на землю: "Задание выполнено…"

На стоянке, в окружении команды Белякова, — Иван Григорьевич. На том же месте, будто и не уходил.

— Ну спасибо! Молодцы, хлопцы! Дайте-ка обниму вас… Вот так… А теперь… Тоже в долгу не останусь, подарок, как полагается, за подарок. Угадайте, что приготовил для вас? Ладно, вижу, не до загадок. Только что вы улетели, пришла весть: Севастополь свободен!

Несколько секунд стоим молча, не очень веря ушам, — в них не смолк еще гул моторов. Понятливый Иван Григорьевич поднимает руку.

— Ура! Ура! Ура! — рубим вслед за ним, как на тренировке к параду.

Когда смолкло в ночи троекратное эхо, еще уточнили:

— Совсем?

— Начисто! — майор подкрепил слово жестом, будто смахнул со стола сор. Хлопцы уже, чай, отпраздновали в столовой…

— Хлопцы? А как же… Без вас? Вы-то как же, Иван

Григорьевич?

— Завтра, завтра! После митинга, вместе с вами. Возьмете в свою компанию? Еще как отметим! И первый успешный ночной удар. Первый в полку, торпедный! Можно, выходит, топить гада и при луне?

— Вполне! — авторитетно заверил Прилуцкий, толкнув меня локтем: мол, завтра-то, между прочим, уже наступило.

— Ну вот! Вот это и главное. Доказали! Война-то еще ведь не кончилась, так? Вот и отпразднуем первый… А может быть… и второй?

— Ну так и он тоже первый! — решили, что речь о Жесткове. — Лишь бы нашли что-нибудь… У них с Локтюхиным не сорвется!

— Не сорвется, да, да, и у них, — рассеянно согласился Иван Григорьевич. Но… вот что, ребятки, — охватил нас с Прилуцким за плечи. — Пошли-ка к начальству, чай, тоже заждалось, пошли-ка, пошли…

— Минутку, товарищ майор, — я вырвался чуть не силой дать указания Мише: моторам назначены были регламентные работы, попросить, чтоб закончил к утру.

В землянке КП за столом, целиком застланным картой, нас встретил майор Немировский. Выслушал доклад, уточнил детали.

— Как себя чувствует экипаж?

— Нормально… вполне, — добавил я, несколько удивленный его вопросом. Противодействия не было, — повторил.

Начштаба кивнул, постукал кончиками пальцев по карте, бережно разгладил еле заметную морщинку на сгибе. Коротко переглянулся с замполитом.

— У них всегда нормально! — подмигнул нам Иван Григорьевич. — Такой экипаж!

— Ну, если такой… Вот что, друзья…

Настала очередь обменяться взглядами нам с Николаем. Подобного обращения от начштаба никому еще слышать не приходилось: вечно занятый Немировский был всегда краток и официален. Бытовало даже мнение, что он нарочно преувеличивает свою суховатость, считая ее непременным качеством подлинного штабиста.

— С обстановкой Иван Григорьевич вас, понятно, уже ознакомил? Слышал, слышал, ура кричать не разучились. Да, противник из города выбит. Однако в порту продолжают грузиться его корабли и суда. Техникой, живой силой. Через месяц-другой на каком-то участке все это обратится опять против наших войск. Таким образом, каждый выпущенный из Крыма гитлеровский солдат, каждое спасенное ими орудие…

Странновато себя вел начштаба сегодня. Кажется, решил отбить хлеб у замполита. И вдруг меня охватило жаром.

— Разрешите, товарищ майор? Сбегаю крикну… регламентные работы. Хотел, чтоб закончили до утра… Губы начштаба тронула еле заметная улыбка.

— Поторопились? Впредь разрешения следует спрашивать. Ладно, пусть продолжают. Вернется Жестков — полетите на его машине. Торпеду к стоянке уже подвезли, вылет — в два ноль-ноль. Час тридцать — на отдых и подготовку. Зайдите в палатку, попейте чайку…

Когда вышли на воздух, я толкнул локтем Прилуцкого.

— Чайку, а, Коля? С печеньицем из военторга, а? В порядке психологической подготовки. Штурман только сплюнул.

— Что оно в психологии понимает, это начальство. Само же настроит, потом…

— Не понял ты, Коля. Поторопился настроиться. После митинга же, сказали, с устатку.

Кликнули Должикова и Жуковца. В палатке — и в самом деле психология — официантка Нина. Из местных, Нина-Кубанка, как звали ее все в полку. Рослая, белокурая, с ямочками на успевших уже посмуглеть щеках.

— Ниночка-Нина, и когда ты только спишь? — с ходу включился отзывчивый на подобную красоту Жуковец.

Девушка улыбнулась, проворно расставляя на столе миски голыми до плеча руками.

— Ну?

— Что — ну?

— Ну, ну дальше. Следующий вопрос!

— Ох уж эти кубанки, — смутился наш бывалый ухажер.

На середине стола в большом блюде появился навaристый студень. Прилуцкий вздохнул, огляделся. Сплюнуть здесь было некуда.

— Какая разница, Коля, — попробовал я утешить. — Можно и наоборот. Сперва закусим…

— Потом выпьем чайку, — подхватил Должиков.

— Потом слетаем, — напомнил Жуковец.

— А после доложим, и на разбор, — заключил сам Прилуцкий.

Развеселились. Сашок даже запел с чайку, не отрывая от Нины натренированных у прицела глаз:

— И просторно и ра-а-достно… на душе…

— Жуковца, — подсказал опять Должиков, — от такого хорошего…

— …от ее хо-лод-ца, — мощным баритоном заключил

Прилуцкий.

Сквозь звонкий смех Нины прорвался сдержанный рокот моторов. Все смолкли, вслушиваясь.

— Снизился…

— Выровнялся, пошел на посадку…

Подтянулись, готовясь подняться. Нина, наоборот, вдруг сникла, стала неожиданно маленькой. Сидела, опустив плечи, теребя пальцами застиранный белый передничек.

— Уходите, ребята? Хотела спросить… не успела…

— Спрашивай, спрашивай, Ниночка, время еще есть, — готовно подвинулся к ней Сашок. — Пока торпеду подвесят…

— Очень там страшно? Ночью, над морем… совсем одним.

— Ну, одним-то еще… Что ты, Нинок! Красиво!

— Нет, я серьезно.

— А я? Вон и Иван подтвердит. Чуть выговор давеча от командира не схлопотал — залюбовался. Когда-нибудь слетаешь с нами, сама увидишь!

— Когда?

— Ну, как совсем успокоим фрица. Чтоб не палил в белый свет со страху, а то еще такую красавицу…

Девушка благодарно блеснула глазами, отвернулась, скрывая порозовевшие щеки. И вдруг закрылась совсем, потянула к лицу подол фартучка.

Жуковец растерянно огляделся.

— Ты что, а, Нинок? Или чего сморозил? Сморозил, ребята, да? Нин, ну скажи… Или случилось что, может…

— Случилось… Красивая, а… а вы? Вы-то разве…

— Ну… и мы ничего. Вот вернемся…

Прилуцкий поймал мой взгляд, постучал под столом по циферблату часов. Я кивнул Должикову.

Сашок догнал нас у самой стоянки. Черные глаза его гневно пылали, ноздри раздувались — не от одышки.

— Н-ну, гады… Покажем им, да, командир? Такую дивчину расстроить… такую…

Жестков с Локтюхиным рассказали: обнаружили четыре самоходки, одну потопили.

— Как матчасть, Саша?

— В порядке, а что?

— Приказано вспорхнуть на твоей птичке. — Сейчас?

— Сейчас.

— Ну давай! Птичка не подведет. Только и ты с ней поласковей, уговорились? Решил, значит, все-таки вставить мне фитиля?

— Не тебе, Саша, фрицу. Да и не я решил.

— Ну давай. Ни пуха!

— К черту!

— Ага, на рога! Тиснули друг другу руки.

От самолета отделилась солидная, неторопливая фигура — техник Григорий Гармаш.

— Через двадцать минут машина будет готова, товарищ старший лейтенант!

Самолет с хвостовым номером девять по праву считался самым везучим в полку. Единственная машина, оставшаяся в строю с первых дней войны, довоенное производство! Мне не раз приходилось летать на ней, и каждый раз заново она удивляла своей легкостью в управлении и летучестью. Птичка! Но, что ни говори, — чужая. У каждой птички свой характер…

Сигнал. Запускаю моторы. Опробовав их на всех режимах, выруливаю на старт. Далеко впереди два створных ограничительных огня — направление взлета, предел полосы. Увеличиваю обороты до максимальных, набираю скорость. Огни несутся на нас, раздвигаясь и разгораясь. Пора отрываться, и вдруг… Опасное завывание. Раскрутка винта! Чуть промедли, и все, моторы разрушат сами себя…

Бросаю взгляд на приборы. Обороты превышают нормальный предел на пятьсот. Створные огни уже справа и слева…

Увеличиваю шаг винтов. Вой стихает. Подбираю штурвал. Мы в воздухе. С удовлетворением воспринимаю два четких толчка — сработали замки шасси. Все!

Да, сколько раз ни взлетай… А особенно на чужой машине. Как курсант, контролируешь каждое свое движение, каждую реакцию самолета: убрать шасси, закрылки, парировать крены, выдержать скорость, следить за высотой…

— На вой «юнкерса», правда, похоже? — нарушает мои размышления Прилуцкий. — Когда он пикирует.

— Точно, ага! Как еще наши зенитки не лупанули! Теперь можно шутить, а за те пять секунд… Будь мирное время, и сединой можно было вполне чуб украсить.

— Уж если сначала не повезет…

Да, Сиваш весь закрыт туманом. Выходим к морю. То же и тут. В десяти-пятнадцати километрах от берега — туман до самой воды. Вести поиск в таких условиях бесполезно даже и днем.

— Что будем делать, штурман? Может быть, в Севастополе бухты открыты?

— А ты думаешь, там еще что-то осталось?

— Посмотрим?

— Посмотрим.

У Севастополя — никакого тумана. Район Херсонесского

маяка, бухты Стрелецкая, Круглая, Камышовая, Казачья полыхают разрывами снарядов, бомб…

— Ну вот, видишь, не опоздали!

— Да… Все зенитки из города сюда вывезли… Отражая налет наших дальних бомбардировщиков, гитлеровцы организовали четырехслойный заградительный огонь. Сплошной фейерверк! Но самолеты идут и идут… Вот один факелом врезался в воды Казачьей бухты, в лучах прожекторов промелькнул парашют. Должно быть, только одному удалось выпрыгнуть. И куда? Вся бухта кипит от взрывов…

— Похоже, мы мало что можем прибавить тут, командир.

— У нас свой счет, штурман. Какая разница, где? Все равно обмен выгоден: за торпеду — кораблик!

— Только в придачу еще самолет не отдай! Жестков тебе за свою птичку…

Но зениткам противника не до нас. Лупят вверх, где густо висят бомбардировщики дальней.

В отблесках взрывов и пожаров выбираем цель в Казачьей бухте. Снижаюсь до тридцати, выхожу на боевой.

— Сброс!

Только тут замельтешили шары «эрликонов». С набором высоты разворачиваюсь в сторону Херсонесского маяка. Жуковец докладывает:

— Торпеда сработала! Вижу взрыв и столб дыма. Баржа горит!

— Юго-западнее маяка, в километре, вижу еще три, — докладывает штурман. Курс — от бухт.

— Драпают, гады! Уже нагрузились. Жаль, мы их раньше не обнаружили…

— Успеем еще догнать утром!

— А праздник?

— До праздника тут…

Приземляемся перед рассветом. Немировский все еще на КП.

— Противник стянул много плавсредств к Севастополю и Херсонесу…

— Видели.

— Предстоит жаркий день. Отдохните часа четыре и приезжайте. Задание получите сразу. Вот так…

На нашем счету «Тейя»

Шли последние дни боев за освобождение Крыма. Севастополь был наш, остатки разгромленной немецкой группировки отступили на мыс Херсонес и отчаянно оборонялись, прикрывая эвакуацию своих войск морским путем. Поздно вечером 9 мая майора Буркина и подполковника Мусатова вызвал к аппарату командир дивизии: завтра к рассвету всем составом обоих полков быть в готовности к нанесению ударов по плавсредствам противника, готовящимся к выходу из бухт Севастополя.

Рано утром воздушная разведка донесла: из Казачьей бухты вышел конвой в составе сорока четырех единиц, курс двести семьдесят. Второй конвой обнаружен в трех-пяти километрах западнее Херсонесского маяка: шестнадцать плавединиц, среди них два груженых транспорта водоизмещением свыше трех тысяч тонн.

Такого нам еще видеть не приходилось.

Соответственным было и решение командования: к разгрому отступающего врага привлекалась почти вся авиация Черноморского флота. Общий замысел: выполнить задачу несколькими массированными ударами групп торпедоносцев и топмачтовиков во взаимодействии со штурмовиками и пикирующими бомбардировщиками.

С восходом солнца наши соседи были уже в воздухе. Об этом первом ударе рассказал потом Володя Ерастов.

В пятидесяти километрах юго-западнее Севастополя их группа обнаружила конвой, состоящий из транспорта в три тысячи тонн, десяти быстроходных десантных барж и шести сторожевых катеров. Вражеских истребителей над ним не было. Командир полка подполковник Мусатов, лично руководивший боем с самолета управления, приказал потопить до предела нагруженный живой силой и техникой транспорт.

Три штурмовика круто взмыли вверх, группа топмачтовиков перестроилась для атаки. Триста шестьдесят бомб малого калибра буквально засыпали палубы судна. Обезумевшие гитлеровцы бросились в трюмы…

Яростный огонь открыли зенитки с кораблей. Оранжевые трассы, видные даже при солнце, расчертили небо, образовав, казалось, непроходимые сплетения. Умело маневрируя, штурмовики вновь устремились в атаку. Теперь в их прицеле оказались две быстроходные баржи, прикрывающие борт транспорта со стороны заходящих на удар топмачтовиков.

Застрочили восемнадцать крупнокалиберных пулеметов. Их трассы веерами прошли по палубам, сметая эвакуируемую пехоту, разя расчеты зениток.

Затем в атаку на транспорт пошли топмачтовики. Вихрем пронеслись над водой, сбросили бомбы с предельно близкой дистанции.

— Работу наблюдаю, — передал Мусатов их ведущему комэску Либерману. Сделайте еще один заход.

Восемь стокилограммовых бомб — восемь прямых попаданий. Транспорт горел, корма его погружалась в воду. Либерман напомнил летчику Степанову о его задаче — сфотографировать результат.

— Готово! — ответил тот. — Кадры будут отменные!

Потом эти снимки висели в штабе и на стоянке, красовались во флотской газете.

Все самолеты вернулись на свой аэродром, хотя и с повреждениями.

Вслед за этим последовал вылет торпедоносцев. Группу в основном составляли молодые летчики, сравнительно недавно пополнившие наш полк, но прошедшие основательную подготовку под руководством ветеранов. Повел ее комэск Иван Чупров. Он же — ведущий тройки высотных торпедоносцев. Командир звена Иван Киценко возглавил четверку низких.

Над Севастополем на сотни метров поднимался густой столб дыма. Проходя вблизи него, ведущие групп потеряли друг друга из виду. Каждому пришлось действовать самостоятельно.

Поиск целей также был затруднен. Штурман эскадрильи Федор Аглотков, лежа на полу кабины, прильнул к переднему блистеру.

— Командир, что-то блеснуло слева…

Чупров довернул самолет, и они различили силуэты. Прямо по курсу транспорт в охранении двух сторожевых катеров. Зенитки открыли огонь. Аглотков с ходу произвел сброс, вслед за ним — ведомые. Приводнившись на парашютах, три торпеды начали циркулировать вокруг транспорта. Тот умело маневрировал.

— Эх, сейчас бы довершить ударом низких! — посетовал Чупров.

Попаданий зафиксировано не было.

Группа Киценко обнаружила две баржи, шедшие на буксирах. Вокруг много мелких судов — сейнеров, катеров, баркасов. Ведущий принял решение торпедировать баржи.

Три самолета легли на боевой курс (один возвратился из-за неисправности мотора). Пошли сквозь огонь, отсчитывая сотни

метров. Пятьсот, четыреста…

Сброс!

Маневрируя, пронеслись над судами. Хорошо было видно, как мечутся на палубах солдаты.

Взрыв, другой…

Обломки самоходной баржи взлетают высоко в небо. Вокруг — шлюпки, бочки, копошащиеся в воде гитлеровцы…

Проанализировав доклады возвратившихся топмачтовиков и торпедоносцев, а также данные воздушной разведки, штабы пришли к выводу: большие караваны распались на несколько конвоев. Враг рассредоточил свои корабли, чтобы снизить эффективность ударов нашей авиации.

В полдень начальник политотдела дивизии полковник Семен Семенович Бессонов собрал на аэродроме весь личный состав двух полков. Зачитал обращение Военного совета Черноморского флота в связи с освобождением Севастополя.

— Товарищи гвардейцы! Остались считанные дни, и остатки вражеской группировки будут окончательно разгромлены и сброшены в море. Бейте беспощадно гитлеровское зверье, не давайте ему безнаказанно улизнуть из Крыма! Отомстим за разрушенный Севастополь! Смерть фашистским оккупантам!

Начался митинг. На платформу грузовой машины поднимались летчики, техники, авиаторы всех специальностей. Они заверяли командование, своих боевых друзей, что приложат все силы к тому, чтобы помочь войскам и флоту добить врага, не дать ему спастись морем.

Выступления перебил офицер штаба:

— Эскадрилью капитана Либермана — к командиру полка!

Через двадцать минут девять бомбардировщиков вылетели на очередной удар.

В ста километрах южнее Севастополя группа настигла транспорт и быстроходную десантную баржу. Ведущий штурмовиков лейтенант Фиряев вывел свою тройку вперед и, круто развернувшись, перевел машину в пикирование. Навстречу смельчакам потянулись пулеметные трассы, красные шнуры «эрликонов». Минута, другая, и палуба транспорта усеялась серыми кустами дыма от разрывов малокалиберных бомб…

Штурманом у Фиряева был мой старый боевой товарищ Володя Ерастов.

— Во, заметались! — рассказывал он взахлеб. — Представляешь? Заранее кидались в море, когда пошли в атаку топмачтовики! Уже наслышались, гады, о нашей работе…

Двумя заходами штурмовиков зенитки, стоявшие на открытых платформах, были надежно подавлены. Это позволило

топмачтовикам отбомбиться особенно «ювелирно», как выразился Володя. Пять прямых попаданий в борт и кормовую часть транспорта — таков был результат. Затем два экипажа атаковали баржу. Взрывы бомб оторвали у нее часть кормы.

Специально выделенный самолет сфотографировал оба тонущих судна.

После обеда от нашего полка приготовились к вылету две группы бомбардировщиков. Первую пятерку повел комэск Чупров, ведомыми летели майор Дарьин и молодые летчики Александр Вальцев, Петр Курушин и Василий Аниканов. Группу прикрывала шестерка истребителей. Поражение кораблей бомбами с горизонтального полета — задача весьма трудная, эффективность этого способа невелика. Но пришлось прибегнуть к нему из-за малых размеров целей.

Опытный штурман Федор Аглотков быстро вывел группу на цель, хотя видимость и затруднялась клубящимися внизу рваными облаками. Вражеский конвой состоял из пятнадцати единиц: самоходная баржа, восемь быстроходных десантных барж, шесть катеров. С воздуха корабли прикрывались четырьмя Ме-110.

Решили бомбить с ходу. Корабельные зенитки открыли яростный огонь. Трассы «эрликонов» сплелись в сплошной огненный ливень.

Группа немедленно легла на боевой курс. В считанные секунды все пять самолетов освободились от груза. Шестьдесят «соток» устремились вниз. Корабли в панике бросились врассыпную. Поздно! Бомбы, рвались рядом с бортами, заливая палубы фонтанами воды, разя гитлеровцев осколками…

"Мессеры" запоздали, пошли в атаку, когда уже сыпались бомбы. Облегченные «илы», сомкнувшись, организовали дружный пулеметный огонь. Подоспели истребители прикрытия, неожиданно обрушились на противника со стороны солнца. Ведущий одной из пар длинной очередью хлестнул по головному «мессеру». Огненные строчки прошили крылья с черными крестами. В небе раскрылись два парашюта, «мессершмитт», беспорядочно кувыркаясь, врезался в воду…

Все бомбардировщики вернулись на аэродром. Молодые экипажи получили достойное боевое крещение. Хотя прямых попаданий в корабли и не наблюдалось, бомбардировку с горизонтального полета можно было считать успешной.

Вторую пятерку поручено было вести комэску-два майору Федорову. В ее числе был и наш экипаж.

Пока техники готовили самолеты, подвешивали под каждый из них по тринадцать «соток», штурман эскадрильи Василий

Григорьевич Галухин, расстелив карту на ящике для инструмента, обдумывал маршрут к конвою, обнаруженному самолетами-разведчиками. Вокруг склонились Прилуцкий, Меркурьев, Галкин, Жеребиленко. Ясно, что бомбардировщики будут встречены интенсивным огнем. Штурманам надо выбрать такое направление захода и такую высоту бомбометания, чтобы появиться по возможности неожиданно и ударить без промаха.

На войне легких вылетов не бывает. Каждый требует максимального умственного и физического напряжения, каждый таит в себе неожиданности. Предусмотреть их, заранее разработать возможные варианты ответных действий — на это направлены сейчас коллективные усилия всех штурманов.

В тринадцать сорок бомбардировщики поднимаются в воздух. Справа от Федорова идет наша машина, за ней — Тарасова. Слева — Трофимов, Лисицын. В районе Евпатории к группе пристраиваются четыре истребителя.

Под нами море. Курс — на юг. По всему судя, вражеский конвой избрал нестандартный путь: сначала в направлении Турции и лишь потом к румынскому берегу.

Спустя час Галухин безошибочно вывел группу на конвой. Транспорт водоизмещением около шести тысяч тонн, быстроходная десантная баржа, три сторожевых катера.

Курс на большой транспорт. Стрелка высотомера скользит вниз. Штурман приник к наглазнику прицела.

— Горизонт, режим есть! — докладываю Прилуцкому, выровняв машину.

По его позе вижу: поймал. Корабли идут по прямой, почти параллельно курсовой черте перекрестия.

— Вправо пять градусов!

— Есть!

Очевидно, ту же команду Галухин подал Федорову: ведущий чуть качнулся и тут же выровнялся. Правый борт транспорта — точно по курсу полета, поперечная риска перекрестия ложится под корму. Большой палец правой руки штурмана на кнопке сброса. Напряженнейшие секунды. Когда тоненькая черточка разделит цель на две равные части…

Вспышки на кораблях — зенитки. Опоздали. Если и мы… если… Ну, штурман!

Из люков ведущей машины, как в замедленной съемке, вывернулись первые бомбы.

— Сброс! — в ту же секунду докладывает Николай. Маневр. Бомбы отстают, остаются справа. Плавно уменьшая угол визирования, Прилуцкий удерживает их в объективе прицела. Разрывы в двух метрах по правому борту транспорта. Прямое

попадание в баржу…

— Ай да Галухин! — восторгается Николай.

Повторный заход для фотографирования результата. Зенитчики с катеров пробуют отыграться. Мы идем на повышенной скорости, трассы остаются позади.

Прошли над транспортом. Он без хода, с креном на правый борт. На воде большое масляное пятно…

— Разворотили! Уже не заткнуть. Во, вовсе ложится на бок!

— А баржа уже тама! — дополняет Должиков.

Вспомнились слова Василия Галухина — услышал, проходя как-то мимо лужайки, где он проводил занятие с молодыми штурманами: "При бомбометании главная помеха — ветер. Говорят, не будь ветра, и штурману делать было бы нечего".

Сам он учился на каждом полете. Какая бы ни сложилась воздушная обстановка после сброса, всегда находил возможность записать все данные, результат. На земле вносил в таблицу, которую вел аккуратнейшим образом: угол прицеливания, сноса, путевая скорость, скорость и направление ветра… Думал, высчитывал поправки, запоминал. Потому и бомбы ему подчинялись лучше, чем многим другим штурманам.

До дому оставалось не более получаса. Группа шла, строго соблюдая строй.

— Что примолк, штурман?

— Черт его знает, морозит что-то, — не сразу откликается Николай.

Вспоминаю, что в сорок втором он болел тропической лихорадкой.

— Ничего, скоро будем в столовой! Сто пятьдесят с перцем, и снимет все как рукой!

— Да? Ну тогда уж для верности двести.

На стоянке нас встретили Буркин и Шевченко.

— Только что получили данные от самолета-разведчика, — сообщил, собрав экипажи, командир полка. — Ваш транспорт затонул! От лица службы объявляю всем благодарность!

Вместо уставного ответа над полем раздалось дружное «ура».

Тогда мы еще не знали, что это был транспорт «Тейя». Вместе с ним пошло ко дну три с половиной тысячи гитлеровских солдат и офицеров.

Тут же была поставлена задача нашему экипажу — с наступлением темноты вылететь на "свободную охоту" с торпедой в район Констанцы. Штурманом вместо заболевшего Николая был назначен лейтенант Касаткин.

Несмотря на приближающийся вечер, аэродром продолжал напряженно работать. На стоянку зарулили два торпедоносца, их

водили на удар Александр Жестков и Иван Дурновцев.

Штурман Локтюхин был недоволен полетом. Возбужденно доказывал своему командиру:

— Нужно было пройти весь маршрут!

— Говорю же тебе, истребители… — оборонялся Жестков.

— Ну и шут с ними!

— Ишь ты, храбрец! Что бы мы сделали парой против хоть пары же «мессеров»…

Оказалось, что из-за недостаточного запаса горючего у истребителей прикрытия им пришлось сократить маршрут. На пройденном отрезке транспорта не обнаружили, ведущий пары Жестков принял решение идти к Севастополю. Там тоже ждала неудача. У причала 35-й батареи под погрузкой стояли небольшой транспорт, четыре быстроходные десантные баржи и пять сторожевых катеров. Но с берега и с кораблей их встретили таким адским огнем, что попытка прорваться сулила верную и бесполезную гибель. Штурманы Иван Локтюхин и Михаил Беспалов сбросили торпеды с шестисот метров. Опытные летчики с трудом вышли из-под огня. Взрывов торпед не наблюдали…

Семнадцать часов, на старт выруливают А-20. Их поведет в бой капитан Николай Иванович Тарасов. Штурманом у него лейтенант Валентин Григорьевич Рог. Организованно и быстро семерка взмывает в воздух, собравшись, ложится на курс.

О результате узнаем спустя два с половиной часа.

Конвой они обнаружили в ходу. Восемь быстроходных десантных барж, пять сторожевых катеров.

Тарасов подал штурмовикам команду «Атака», Фиряев передал ведомому:

— Атакуем головную с двух бортов, я захожу с правого. Бомбы бросать с пикирования.

Психологический расчет: сконцентрировав удар на одном корабле, вызвать панику на остальных — мол, настанет и их очередь.

Сто двадцать небольших бомб накрыли всю палубу, тесно заполненную гитлеровцами.

Второй заход — вдоль всего конвоя. Метким пулеметным огнем с бреющего полета ранили штурмовики живую силу. С головной баржи уцелевшие гитлеровцы в панике бросались в воду…

Очередь за топмачтовиками.

Грозна, впечатляюща их атака! Четверка бомбардировщиков, снизившись до двадцати метров, фронтом устремилась на вторую баржу. Со всех кораблей потянулись к ним огненные пунктиры, на воде впереди взмыли всплески разрывов. Боевой курс, выбора

нет…

Бомбы, сброшенные с двухсот пятидесяти метров, дважды чиркнув по воде, ударили в цель. Самолеты, обогнав их, вихрем пронеслись над конвоем…

Противозенитный маневр, выход из-под огня. Результат? Блестящий! Две бомбы, пробив борт баржи, разорвались в трюме. Судно затонуло…

День клонился к закату. К вылету на задание по данным воздушной разведки готовились экипажи комэсков Чупрова и Дарьина и командира звена Киценко. Ведущий — капитан Чупров. По всему чувствовалось: его штурман Федор Аглотков недоволен двумя предыдущими вылетами. Молча закончив прокладку курса, он с подчеркнутой аккуратностью складывал гармошкой, казалось, бесконечную полосу карты.

— Не на полюс готовишься, Федор Николаевич? — попробовал развеселить его Чупров.

— Как знать, как знать, — угрюмовато отпарировал штурман. — Красиво, говорят, летишь, да где сядешь…

Сколько раз они вместе глядели в глаза смерти, сколько огневых завес, атак вражеских истребителей встретили не дрогнув, помня лишь об одном: задание должно быть выполнено. Остальное… Как повезет.

Взлетели и в самом деле красиво. Три аса, три ветерана — на новых машинах, недавно полученных с завода. Мощные моторы стремительно пронесли отблескивающие на солнце самолеты по зеленому ковру аэродрома, тройка почти одновременно оторвалась от земли, с ходу построилась, легла на заданный курс…

У выхода в море к ней пристроилась шестерка истребителей прикрытия.

Вечер был ясным, погожим. На море полный штиль.

Первым увидел конвой Чупров. Два транспорта, восемь быстроходных десантных барж, четыре сторожевых корабля. Бомбардировщики в четком боевом строю нацелились на транспорты — осев под тяжестью грузов, те медленно двигались в центре конвоя, опоясанные двойным кольцом хорошо вооруженных кораблей.

Преодолели заградительную стену из разрывов снарядов и трасс автоматических пушек «эрликон». Легли на боевой курс. Вокруг самолетов бушевали сталь и свинец — по ним били из всех видов оружия…

Чупров не дрогнул. Не дрогнули и ведомые. Прямое попадание в быстроходную десантную баржу — крен, затопление. Прямое попадание в корму транспорта водоизмещением две с

половиной тысячи тонн — пожар, потеря хода…

Штурман эскадрильи Аглотков мог быть доволен. Очередной боевой день закончен успешно.

За ужином в столовой встретились с Володей Ерастовым. Вид у него был неважный.

— Ну и ну! Трижды побывал в преисподней. Бьют, гады, точно взбесились!

Да, три штурмовки в день… Посидели, поговорили.

Это была последняя наша встреча. На следующий день Владимир Ерастов погиб смертью героя.

Мой вылет назначен на двадцать один. Штурман Александр Касаткин, с которым мне предстоит охотиться ночью с торпедой, в этом деле пока дебютант.

Присутствуя при приеме им самолета, осторожно делюсь «секретами»: как пользоваться освещением в кабине, какие маневры могут помочь наблюдению за морем, прицеливанию, уславливаюсь о подаче команд на довороты при нахождении на боевом курсе.

И вот мы в воздухе.

Охота в этот раз не совсем «свободная»: ориентировочно нас нацелили на конвой, который по расчетам к полуночи должен быть южнее Констанцы, где-то возле Мангалии.

Над морем дымка, просмотр водной поверхности затруднен. Посоветовавшись, решаем напрямик выйти в предполагаемый район нахождения цели и лишь там приступить к поиску.

Касаткин ведет себя уверенно, по всему видно — хозяин своего дела. В наушниках тишина. Должиков и Жуковец внимательно следят за воздухом: тьма с горизонтом еще не сомкнулась.

Выйдя к берегу, опознаем Мангалию. Кораблей нет. Проходим на юг — и там пусто. Обратный курс строим иначе. «Пилой» вдоль береговой черты, делая галсы-зигзаги: пять-восемь километров в море, затем, под углом, обратно. На одном из таких зубцов неожиданно оказываемся над конвоем. Настолько неожиданно, что его зенитки не успевают открыть огонь.

Резкий отворот в море — запоздалые трассы проносятся в стороне…

Ордер конвоя не разглядели. Вовсе потеряли его во тьме. Повторяем заход с юга, на том же удалении от берега. Вот он! В середине транспорт, со стороны моря прикрытие — до шести кораблей.

Луна только в четверти, светит слабо. Для выхода в атаку нужен ориентир на берегу. Заходим еще раз. Выходим на расстояние видимости транспорта, выдерживая нужную высоту.

Уточнив курсовой угол, сбрасываем торпеду с дистанции строго четырехсот метров. Перескочив через конвой и отвернув влево, наблюдаем взрыв, озаривший транспорт. Зенитки опять прозевали, открыли огонь "в белый свет", когда мы уже вышли из атаки…

— Всем наблюдать! — передаю, уворачиваясь от огня. Приказ, конечно, излишний.

— Идет на дно, командир!

— Ага, ясно видно! Гаснет, как головешка в ведре… Жуковец на сравнения мастер.

— Поздравляю, штурман! Должиков, передать: потоплен транспорт!

— Ура-а-а…

— "Ура" не передавать.

Приземлились в два часа ночи. Встретил опять Иван Григорьевич.

— Ну, молодцы! Вас особо поздравляю. Касаткин! Теперь вы классный штурман, все виды боевой работы можете выполнять. Завтра выпустим боевой листок, расскажем всему полку…

Закончился еще один день. Для авиации Черноморского флота он был особенно результативным. За 10 мая ею было потоплено двадцать пять плавединиц с вражескими войсками, в том числе два крупных транспорта — «Тейя» и "Тотила".

У пилотов морских…

Раннее утро 11 мая. Весь личный состав двух полков уже на аэродроме. Летчики, штурманы, воздушные стрелки помогают техническим экипажам и вооруженцам подвешивать под боевые машины бомбы различных калибров, торпеды, укладывать патронные ленты в ящики. Ясно, что день предстоит напряженный, погоду метеорологи предсказали хорошую, без дел не останется ни один экипаж.

Когда с подготовкой было закончено, на стоянке, как всегда, появился майор Шевченко. Сегодня он начал с воспоминаний. Как оборонялся Севастополь в сорок первом и сорок втором годах, какое участие в этих героических боях принимал наш полк.

Ивану Григорьевичу было что вспомнить. Войну он встретил, будучи замполитом у истребителей, долгие месяцы севастопольской обороны провел на Херсонесском маяке, летал в непосредственном подчинении у легендарного генерала Острякова. Там же располагалась и наша группа «севастопольцев» — полдюжины бомбардировщиков 5-го ran [возможно, следует читать "ИАП" (желательно уточнить в бумажном издании!!!) — *Прим. lenok555*] под командой майора Чумичева… Однако речь сейчас не о том.

— Из ста двенадцати тысяч жителей Севастополя, оказавшихся под фашистской оккупацией, освобождения дождались две тысячи человек… Двадцать концлагерей… гигантская фабрика смерти…

По рядам летчиков прокатывается негодующий гул.

— Уходя из города, эсэсовские спецкоманды взрывали уцелевшие здания, убивали укрывавшихся в развалинах женщин, детей, стариков…

— Отомстим! Смерть извергам!.. За родной Севастополь, за наших отцов и матерей…

Политинформация превратилась в стихийный митинг. Летчики, штурманы, воздушные стрелки вскакивали с мест, клялись не выпустить из Крыма ни одного гитлеровского палача, не дать дойти до чужого берега ни одному судну под презренным пиратским флагом…

Сквозь гневные выкрики, клятвы и одобрительный шум едва пробился голос связного:

— Дежурные экипажи — к командиру полка! Дежурным был, считай, весь полк.

— В пять ноль-ноль в сорока километрах от Севастополя, — спокойный деловой тон приказа как нельзя лучше заключил все

предшествующее, — воздушной разведкой обнаружены два транспорта, четыре десантные и две самоходные баржи, идущие к Херсонесскому маяку. Полку приказано последовательными ударами разгромить конвой противника. Первыми наносят совместный удар пятерка бомбардировщиков и четверка торпедоносцев. Затем — с интервалом — пятерки бомбардировщиков второй и третьей эскадрилий…

В семь часов две пары торпедоносцев вырулили на старт. Киценко и Новиков, Жестков и Вальцов. Ведущий группы — Киценко.

Первой в район цели, как и было предусмотрено приказом, вышла наша пятерка бомбардировщиков (торпедоносцы заходили в район Евпатории для встречи с истребителями). Группу вел капитан Чупров со штурманом эскадрильи Аглотковым. В правом пеленге шли Петр Курушин и я, в левом — Николай Лисицын и комэск-два Федор Федоров.

На траверзе Качи обнаружили два каравана. Первый двигался на запад и состоял из транспорта в две тысячи тонн, миноносца и шести быстроходных десантных барж.

Второй, очевидно, был тем, что имелся в виду в приказе. Чупров взял курс на него. Транспорты и корабли находились у самого берега, вероятней всего, под погрузкой. Приблизившись к ним, уточнили состав: один транспорт в три тысячи тонн, два по тысяче пятьсот, один миноносец, три быстроходные десантные и одна самоходная баржи.

— Похоже, здесь уже поработали наши штурмовики, — предположил Прилуцкий.

Над большим транспортом вздымались клубы дыма и пара — видимо, команда пыталась потушить пожар. Один из меньших неподвижно стоял у берега, вокруг него сновали катера. Другой маневрировал на рейде возле стоящих на якоре барж.

Чупров с Аглотковым выбрали его. Транспорт усилил маневрирование, зенитки почему-то не стреляли.

— Неужели так здорово их подавили штурмовики? — подивился Прилуцкий, не отрываясь от прицела.

Чупрову приходилось все время доворачивать самолет на движущуюся цель, мы неотступно следовали за ним. Неожиданно из-под фюзеляжа ведущего посыпались бомбы.

— Сброс! — тут же доложил и Прилуцкий.

— Так не с горизонтального… Был же крен, не заметил?

— Сейчас посмотрим, — Николай прилип к прицелу, развернутому на сто восемьдесят градусов. — Федор Николаич не подведет… Видишь? Накрыли баржу, горит! А транспорт, гад, уклонился…

На втором заходе нас встретил зенитный огонь. Аглотков хладнокровно прицеливался, доворотов почти не было. Сбросили… Несколько бомб попало в одну из барж, ее буквально разнесло на куски…

— Федор Николаич свое дело знает, — с удовлетворением подвел итог Прилуцкий.

Через две минуты после нас появились торпедоносцы. Киценко решил атаковать маневрирующий транспорт. Жесткову передал, чтобы заходил на другой, стоящий у берега в районе 35-й батареи. Пары разошлись.

На берегу кипел ожесточенный бой: фашисты прикрывали погрузку своих войск, выведенных из боевых действий. Не успевшие оправиться от удара бомбардировщиков вражеские моряки не сразу обнаружили низко летящие самолеты. Заметили, когда торпедоносцы уже ложились на боевой курс. Борта кораблей и берег заклокотали сотнями орудийных вспышек. Киценко и Новиков пробились сквозь огневой заслон, но удачного завершения атаки не получилось: торпеда штурмана Басалкевича затонула, вторая, сброшенная Тихомировым, прошла в нескольких метрах по носу сманеврировавшего транспорта.

Пара Жесткова также не добилась успеха. Одна торпеда взорвалась за десяток метров до цели, очевидно, задев за камни, вторая уткнулась в берег.

С аэродрома на удар по тем же транспортам вылетела следующая пятерка — во главе с комэском-три Дарьиным.

В полк приехал командир дивизии, приказал построить экипажи, участвовавшие в первых ударах. Тридцать шесть авиаторов, только что вернувшихся из боя, выстроились на зеленом поле, невдалеке от КП. Лица летчиков еще были мокры от пота, в глазах — напряжение и азарт. Киценко, Жестков и их штурманы стояли, опустив взгляды к носкам сапог.

Комдив коротко обрисовал обстановку. До полного уничтожения херсонесской группировки врага остались считанные часы. Но за эти часы большая ее часть может ускользнуть меж пальцев. И виноваты в этом будем мы.

— Мы, и никто другой! — жестко повторил комдив, глядя в упор на Киценко.

Иван, и без того донельзя удрученный неудачей, казалось, окаменел. Я стоял во втором ряду, как раз сзади, и видел, как наливается краской его шея, туго охваченная пружинящим целлулоидным подворотничком. Еще подивился: что он, так и летает в этой удавке? Нет, не тому, а что Канарев, Виктор Павлович, бывший наш командир полка, что он, не знает характер Ивана?

— Удар группы Киценко не получился потому, что торпеды были сброшены с больших расстояний…

Это уже был намек. Совершенно немыслимый в адрес Ивана. Я почувствовал собственным телом, как в нем дрогнуло что-то, точно сорвалась пружина, внутри. И как раз взгляд полковника задержался на его груди, на орденах, вызывающе отблескивающих на солнце.

— А еще…

Прошли секунды. Я не заметил, когда Иван поднял руку, но вдруг увидел, как мгновенно ослаб, отскочил от шеи тугой целлулоидный обруч…

— Ты что? — успел дохнуть в ухо, схватить за локоть.

Иван тяжело дышал. Я в упор смотрел на комдива, изо всех сил стискивая руку Ивана.

В чуть побледневшем лице полковника мелькнуло что-то вроде растерянности.

— Ну, ну…

— Виноват, товарищ полковник! — поспешил я покаяться за Ивана,

Виктор Павлович перевел взгляд, кивнул. Показалось, что благодарно.

— Ну-ну… Я ведь только напомнить… Вам, старым гвардейцам, однополчанам, а вы…

— Извините, товарищ полковник, — не попадая крючком в зацепку, вытянулся Иван.

— Ну-ну. Готовьтесь к повторному вылету, — обратился комдив ко всем. Понимаю, устали. Но выпустить нечисть из Крыма все равно не имеем права! За каждую вырвавшуюся сволочь придется расплачиваться жизнью нашего бойца…

Разошлись молча. А что тут скажешь? Только одно. Все на войне одинаково тяжело — и оборона, и наступление…

И еще одна сценка. Другого рода. На стоянке меня поджидает Леонид Клейман, наш мастер по электрооборудованию.

— Разрешите обратиться, товарищ гвардии старший лейтенант? С разрешения гвардии старшего техника-лейтенанта Белякова.

Такое вступление не могло предвещать ничего утешительного. Тем более, что отчасти я уже был подготовлен к нему дипломатичными намеками Жуковца, друга и соратника Клеймана по севастопольской обороне.

— Ну-ну, — повторил машинально, все еще находясь под впечатлением пережитого. — Да вольно же, вольно, не карантинная же команда.

— Возьмите меня в полет! — упорно не ослабляя левой ноги,

выпалил бравый электрик.

— На удар ведь пойдем, дорогой мой!

— И что? Очень хочется посмотреть на Херсонесский маяк, на Севастополь…

— Сентиментальность, Клейман. Вряд ли что и увидите, кроме зенитных разрывов.

— Ну уж это… как повезет.

Вот именно. Как и кому. Если самого Клеймана еще можно было в какой-то степени счесть везучим, то никак не того, кто решится его взять в полет.

Дело в том, что электрик однажды уже подымался в воздух. В сорок втором, с того самого «пятачка» у Херсонесского маяка, на который теперь собирался взглянуть. Летчик старший лейтенант Юрин должен был облетать машину после ремонта. Клейман попросился вместо воздушного стрелка — посмотреть Севастополь. Юрин поддался: вылет не боевой. Да только немцы об этом не знали. Те, что следили с ближайших высот за каждым взлетом наших машин — по тучам пыли, вздымаемым ими. Едва «Ил» оторвался от земли, на него налетел Ме-109. Товарищи беспомощно наблюдали с земли за неравным поединком: ни одного свободного ястребка в этот час на аэродроме не оказалось. Юрин отчаянно маневрировал, Клейман стрелял из пулемета. На машине их было двое. Юрина ранило в ногу, Клеймана — в ногу и в живот. «Мессер» подошел вплотную, выпустил длинную очередь. Клейман, теряя сознание, прицелился и ответил тем же. На Ил-4 вспыхнул крыльевой бензобак, Ме-109 ткнулся в землю и взорвался вблизи маяка. Юрин чудом сумел посадить пылающий самолет на аэродром, друзья вытащили их из огня. У летчика было обожжено все тело, у Клеймана — лицо. Спустя три недели Николай Ильич Юрин скончался в госпитале. Леонида Моисеевича Клеймана за проявленную смелость и находчивость наградили орденом Красной Звезды…

Теперь он стоял передо мной с той же просьбой. Я с нарочитым вниманием оглядел белесоватые шрамы на его лбу и щеках.

— Значит, хотите еще раз обозреть легендарный город?

— Но ведь тогда же не удалось…

И я решил наплевать на приметы и на запреты.

— Ладно, идите достаньте себе парашют. Полетите в кабине стрелков, пятым.

А что, в самом деле, разве не заслужил человек увидеть своими глазами, как драпают гитлеровцы из Крыма?

Вскоре вернулась пятерка Дарьина. Отбомбилась не очень удачно. На корабли вышли с ходу. Большой транспорт еще горел.

Довернув на него, ведущий вывел группу на боевой курс. Заколотили зенитки. Экипажи, не обращая внимания на огонь, целились со всем тщанием. Бомбы легли кучно, разрывы скрыли транспорт. Однако когда дым рассеялся, стало ясно: прямых попаданий нет.

— Надо было бомбить с двух заходов, — закончил рассказ об этом налете штурман звена Беспалов.

Задним умом, конечно, видней. А если бы с двух неудача?

В воздухе снова наша пятерка. Состав ее тот же, если не считать «усиления» нашего экипажа электриком Клейманом. Тот же и боевой порядок. Курс на Евпаторию, где к нам должны пристроиться истребители сопровождения. Видимость прекрасная: слева Крымские горы, справа западное побережье полуострова, Каркинитский залив. Стрелки вращают башни, внимательно просматривая свою полусферу. В небе много самолетов. В стороне идут курсом на Херсонес несколько групп Пе-2, внизу стремительно несутся штурмовики, навстречу то и дело попадаются группы уже отработавших бомбардировщиков. Да, жарко там, на последнем клочке крымской земли, еще удерживаемом оккупантами…

К группе присоединяется четверка ястребков. Чупров оглядывает строй, поднимает вверх большой палец: высший класс, так держать.

Чем ближе подходим к Херсонесу, тем больше дивимся тому, что видим. В радиусе двадцати-тридцати километров от Херсонесского маяка в море копошится множество различных кораблей и судов, доверху нагруженных недобитыми фашистами. Мелкие транспорты, баржи, тральщики, танкеры и сухогрузы, противолодочные корабли и сторожевые катера, неопределенные крохотные посудины, плоты… Многие горят, переворачиваются, тонут. Штурмовики и истребители поливают их пушечно-пулеметным огнем, сметая с палуб все живое, с неба сыплются все новые и новые бомбы…

— Панорамка! Видал, командир? — делится впечатлением Прилуцкий.

— В панораму бы и включить, — азартно откликается Должиков. Севастопольской обороны! Когда ее восстановят в городе. Неужели никого из художников нет? Будущих, в воздухе, среди экипажей?

— Как там Клейман? — вспоминаю о пассажире.

— Во-во! Может, он и зарисует. Лежит, от люка не оторвешь!

— Ладно, ему-то можно. А вы не зевайте там с Жуковцом!

Предупреждение оказалось своевременным. Впереди, в километре появилась четверка Ме-110. Должиков передал

целеуказание истребителям прикрытия, предупреждение экипажам группы. Невольно вспомнилось о невезучести нашего пассажира.

Однако бой оказался коротким. Прежде чем мы увидели наших ястребков, «мессершмитты» уже сделали переворот. Догнав их на пикировании, ведущий истребителей капитан Константин Питерцев ударил по замыкающему. «Мессер» загорелся и, не выйдя из пике, врезался в воду. Повторная атака — второй фашист потянул шлейф к берегу, сел на воду, не дотянув.

— Видал, какая война пошла, командир?

— Да, у них-то пошла…

— Ничего, сейчас и у нас… Федор Николаич с пустыми руками домой не приходит.

— На Николаича надейся, да сам не плошай.

— Спасибо за совет, командир!

Аглотков уже выводил группу на прямую: решил нанести бомбоудар с ходу. Корабли хорошо видны, высота тысяча семьсот. Забили зенитки. Достают не только «эрликоны», но и крупнокалиберные пулеметы.

— Снаряды рвутся на нашей высоте, — докладывает Должиков.

— И под нами, — дополняет Жуковец. Вновь вспоминаю о пассажире.

— Сейчас… Сейчас сбросим, — пытается ободрить Прилуцкий — кажется, больше себя, чем нас.

— Очереди слева… Во, гад!

Под левой плоскостью раздается сухой треск. Поворачиваюсь посмотреть, не горим ли…

— Бомбы сбросил! Наконец-то!

— Фотографируйте результат!

Чупров круто разворачивается на север, выводит группу из-под огня. Сквозь прорезь в приборной доске вижу: Прилуцкий делает запись в своем бортжурнале.

— Ну?

— Боюсь, командир, признаться.

— Промазали?

— Вроде попали. Перекрыли весь транспорт…

— Говори толком!

— Прямое попадание в носовую часть!

— Молодец Федор Николаич! И ты молодец. И Клейман!

— А Клейман-то при чем?

— Это уж наше с ним дело. Усилить наблюдение за воздухом!

Проходим траверз Херсонесского маяка. Взрывы, пожары, дымы, карусели из самолетов…

— Жуковец!

— Слушаю, командир!

— Как себя чувствует Клейман?

— Неважно. От ответственности не оправился. Говорит, неизвестно, что снимки еще покажут.

— Пусти его к люку, пусть отвлечется.

— Есть! Если выпрыгнет, вы будете отвечать, командир.

Да, теперь весело. Гудит набатом гневное небо. Небо Тавриды! Под мощными ударами бомбардировщиков, штурмовиков рушатся на последнем клочке крымской земли вражеские укрепления, пылают танки, машины, бронетранспортеры, падают наземь бескрылые «мессеры», родной Херсонес содрогается в гневе, освобождая себя от пришлой нечисти…

На подходе к аэродрому встречаем пятерку бомбардировщиков. Повел ее сам майор Буркин. С ним опытные экипажи майора Дарьина, капитанов Трофимова и Алфимова, старшего лейтенанта Дурновцева.

В шестидесяти километрах от Севастополя эта группа обнаружила идущий к Херсонесу конвой в составе трех транспортов, трех быстроходных десантных барж и сторожевых катеров. Командир полка и его штурман майор Сергей Прокофьевич Дуплий решили нанести бомбоудар с двух заходов. С кораблей по бомбардировщикам открыли сильный огонь. Сброшенные с ходу тридцать ФАБ-100 разорвались рядом с кораблями. Вторая серия — еще ближе. Сильно поврежденный транспорт водоизмещением две тысячи тонн вскоре затонул. Была повреждена также одна из десантных барж.

Пока мы докладывали о своем полете, фотограмметристы успели проявить пленки. В землянку ворвался адъютант эскадрильи капитан Довгаленко.

— Смотрите! Прямое попадание в большой транспорт! Видно, что поврежден…

Майор Немировский протянул руку Аглоткову:

— Поздравляю, Федор Николаевич! Тот смущенно обвел жестом нас:

— Одно попадание на всех. Значит, и поздравление…

Мы зааплодировали.

Немировский обратился к комэску-два Федорову:

— Очередь за вами. Вылетайте пятеркой бомбардировщиков. Место конвоя узнаете у майора Конзелько.

— У меня одна молодежь…

— Чупров, дайте ему заместителя.

— Минаков, как с машиной?

Наш самолет был основательно поврежден осколками.

— Дам резервную, — опередил мой ответ Федоров. — Машина что надо!

Перед тем как отправиться на стоянку второй эскадрильи, заглянул к своим. Михаил Беляков и его техническая дружина клали заплаты на плоскости нашей многострадальной «пятерки».

— К утру будет готова?

— К полуночи управимся, командир!

Тут же трудился Клейман.

— Ну? Нагляделся на свой маяк, Леонид? Не узнал, наверно?

— Как не узнать! Спасибо, командир. А попадание подтвердилось?

— Еще как!

— Ну вот. Не такой уж, выходит, я невезучий. Знаю, знаю, командир! Что случись, виноват был бы Клейман.

— Ну, положим, не он один…

— И на том спасибо.

Похохотали. Который уж раз благодарю судьбу: отличные посылает мне экипажи! И летные, и технические — как на подбор.

До вылета оставалось около часа. Понаблюдал за работой штурманов. Их готовил к полету штурман второй эскадрильи Василий Григорьевич Галухин. Удивительный человек! Мало того что летает с Федоровым, одним из неутомимейших летчиков полка, так еще и выкраивает время сходить на удар с кем-нибудь из молодых штурманов, в роли инструктора.

Сейчас он неторопливо прорабатывал все возможные варианты предстоящего бомбоудара.

— Младший лейтенант Любовский, как будете заходить на цель? Вы сами ведущий.

— А, если так…

Парнишка соображает всего пять секунд. Строит заход толково.

— Работу с приборами довели до автоматизма? Чтобы ни на секунду не отключать голову от основной работы. Голову и глаза. И руки, насколько возможно.

Смотрю на Прилуцкого. Мой штурман, один из самых бывалых в полку, прислушивается серьезно и с видимым одобрением.

Отлично поставлено штурманское дело во второй эскадрилье. Никаких вольностей, скидок на опыт, наметанный глаз. При приемке самолетов все проверили собственными руками — правильность подвески бомб, надежность закрывания створок бомболюков, контровку взрывателей.

— По самолетам! — звучит команда.

Меня у машины встречает старший техник звена Иван Иванович Иващенко. Он же — секретарь партбюро эскадрильи.

— Машина к полету готова!

Похоже, на этот раз никаких сюрпризов от чужого самолета ждать не придется.

Надеваем парашюты, усаживаемся. Должиков и Жуковец еще раз проверяют пулеметы, Прилуцкий — кабину. Докладывают мне.

Зеленая ракета. Дублирующие сигналы техников — запускать. Механики выбивают из-под колес колодки. Тяжело нагруженные бомбардировщики тянутся к старту. Упругими струями воздуха от винтов, как гребнем, прочесывается молодая трава…

Сколько раз это было! И сколько раз будет! И все равно… Недаром же говорится: предстартовое волнение.

В воздухе собираемся в "журавлиный клин". Справа за Федоровым иду я, за мной — Курушин. Слева — Новиков и Тарасов.

При выходе в море присоединяется четверка истребителей — наше прикрытие. До цели сто пятьдесят километров. Солнце к закату, прозрачный майский вечер. Голубизна неба уже не слепит, наши самолеты на ее фоне — как нарисованные. Незамеченными подойти к кораблям не удается. Вражеские зенитчики палят сегодня, как будто хотят израсходовать как можно больше боеприпасов. Наверно, и в самом деле так…

Вот и конвой. Тоже как на картинке. Впереди транспорт в три тысячи тонн, за ним несколько барж и сторожевых кораблей. Над ними две черные точки. Быстро растут, превращаются в силуэты «мессеров». Смелые, дьяволы, идут прямо на нас, хоть и видят прикрытие. Хотят разорвать строй. Пара ястребков вылетает навстречу. Завязывается бой. Вторая пара как ни в чем не бывало продолжает барражировать вокруг нас.

Ложимся на боевой. Высота тысяча семьсот. Рядом с машиной вспыхивает облачко, второе, третье… Пристрелялись. Сплошная дымная стена…

— Бомбы сбросил!

— А что ведущий?..

— Черта увидишь тут, командир… Вспышка огня, водяные столбы, клубы дыма. Федоров со снижением входит в разворот…

— Цель накрыта! — докладывает Должиков.

— А по-твоему, штурман?

— Что могли, сделали. Кто-нибудь придет добивать.

Вернулись уже в сумерках. Четыре машины сели благополучно, в воздухе оставалась пятая, молодого летчика

Курушина — это его третий боевой вылет. Не выпустились закрылки, пилот занервничал. Посадка с убранными закрылками — не такая уж мудреная вещь, но нужны хладнокровие и опыт. Курушин допустил промах. Перелетел посадочные знаки и на пробеге зацепил правой плоскостью за угол легкой постройки, где располагался личный состав 13-го авиаполка. К счастью, экипаж отделался легкими ушибами.

Вскоре узнали: по тому же конвою после нас отработали шесть Пе-2 из дивизии полковника Корзунова. В результате обоих ударов потоплен транспорт «Данубиус» водоизмещением три тысячи тонн. С ним на дно канули сотни фашистских вояк…

Порадовались и за Киценко. Во второй половине дня он повел тройку на торпедный удар. С ним летели Жестков и Вальцев. После недолгого поиска обнаружили в ста километрах юго-западнее Севастополя груженый конвой противника, идущий к берегам Румынии. Транспорт в три тысячи тонн, две быстроходные десантные баржи, сторожевой катер, буксир, сухогрузная баржа.

Первый заход на транспорт к успеху не привел: судно сманеврировало и оказалось под невыгодным углом. Экипажи умело вышли из атаки, не сбросив торпед. Хладнокровно зашли с другого борта и, несмотря на ожесточеннейший огонь, сблизились, прижимая машины к воде. Перескочили через заслонившие транспорт баржи и катера. Первым с дистанции четырехсот метров сбросил торпеду Басалкевич, за ним — Локтюхин и Ляпин. Сфотографировали результат. Одна из торпед попала в центральную часть, вторая — в кормовую. Транспорт тут же затонул. Охраняющие корабли не успели взять на борт ни одного из сотен находившихся на нем гитлеровских солдат и офицеров…

В этот день погиб мой друг и бывший мой штурман Володя Ерастов. Вот что удалось узнать от его новых однополчан.

Эскадрилья, где обязанности командира временно исполнял капитан Владимир Мейев, получила задание уничтожить эсминец противника: его обнаружил воздушный разведчик в ста километрах юго-западнее Севастополя. Взлет был назначен на четырнадцать часов.

Подготовив и проверив машины, экипажи укрылись от солнца под крыльями самолетов. Потянулись томительные минуты ожидания.

Группу штурмовиков вел, как всегда, Николай Фиряев. Ерастов летал с ним.

За несколько минут до взлета к машине подошел незнакомый офицер.

— Корреспондент "Красного черноморца", — представился Ерастову. Лейтенант Фиряев — это не вы?

Владимир кивком указал на своего командира. Тот лежал на спине, глядя вверх широко расставленными, в точности отразившими синеву неба глазами. Русые волосы колечками спадают на не успевший загореть лоб, воротник комбинезона расстегнут, на нежной по-девичьи шее бьется точеная жилка…

Корреспондент невольно вернул взгляд к мужественной фигуре Ерастова.

— Коля, — негромко окликнул тот.

Николай повернулся, выплюнул изо рта изжеванную травинку.

— Вряд ли удастся побеседовать… Кто вас послал к нам?

— К вам лично, — извинительно улыбнувшись Володе, уточнил гость.

— Но я ведь один не летаю. Штурман, займись, мне еще…

— С биографии начинать? — спросил Ерастов, усмешливым взглядом проводив командира.

— С чего хотите, — поспешил согласиться газетчик, доставая из сумки блокнот.

Володя задумался. Николай не очень распространялся о прошлом. Боялся расслабиться?

И как раз появился адъютант:

— Штурмовики, по самолетам!

Корреспондент отыскал взглядом Фиряева. Тот стоял у стремянки, техник услужливо держал перед ним парашют с расправленными лямками. "Тоненький, светлый паренек с не отвыкшими удивляться глазами…"

Но удивляться пришлось ему самому.

— А ну обожди, — что-то вдруг передумав, отвел руки друга Фиряев. Следующим движением он моментально расстегнул и откинул верхнюю часть комбинезона, стащил поддетую под него меховую безрукавку. — Держи! Тебе пригодится. — Пошарил в карманах, выложил на ладонь трофейную зажигалку, складной нож с приборами. — И это.

— Вы что, командир? — оторопел простоватый техник.

— Бери, говорю. На память. Ну, понял? Вернусь — отдашь.

— А, если так… Да нет же… Постой, Николай! Коля!..

Тройка штурмовиков взмыла в воздух. Следом — четверка топмачтовиков, ее повел Мейев…

Вместо эсминца они обнаружили груженый транспорт с тральщиком. Мейев решил атаковать. Вперед вышла тройка Фиряева, стремительно понеслась вниз. Тральщик ощетинился огнем, Николай нацелился на него. Сбросили половину бомб,

обработали палубу из пулеметов. Развернулись, зашли на транспорт. Осколки бомб и пучки трасс начисто обмели и его…

Снаряд попал, когда Фиряев выходил из атаки. Самолет сделал «горку», перескочил транспорт и отвесно воткнулся в море…

Смертью храбрых погибли лейтенант Николай Николаевич Фиряев, младший лейтенант Владимир Михайлович Ерастов, краснофлотец Анатолий Павлович Леонтьев.

А бой продолжался.

Еще не осел столб воды от взорвавшегося штурмовика, как на транспорт на бреющем устремились четыре бомбардировщика. Маневры врага не спасли: две «прыгающие» бомбы ударили в корму. Корабль потерял ход, накренился, стал тонуть…

В тот вечер в столовой было тихо. Мы с Сашей Жуковцом сидели рядом — два старых товарища Володи по экипажу. Молча вспоминали дела его и мечты. Мечтал о победе, о возвращении в родную Вычугу, где-то в Ивановской области, о встрече с женой, спокойной и ласковой молодой женщиной с добрым русским именем Анна, с маленькой большеглазой дочуркой Иринкой…

Мечтал и летал. На штурмовку. Перед атакой топмачтовиков. Вместе с храбрейшими из храбрых, вместе с отчаянным своим командиром принимал на себя самый ожесточенный, самый организованный огонь противника, чтобы сделать возможным невозможное — дать бомбардировщикам сблизиться с вооруженными до зубов кораблями почти вплотную…

Двадцать четыре года успел прожить на земле Володя. Не многим старше был и его командир…

У пилотов морских
Не бывает могил на войне.
Словно чайки, они
Пропадают в кипящей волне.
Вдалеке от земли
Оставляют последний свой след.
Но горят корабли
От наполненных гневом торпед…

За день 11 мая 1944 года авиация Черноморского флота уничтожила и вывела из строя шестнадцать транспортов, барж, катеров и лихтеров противника. Большая часть их была до отказа забита бегущими из Крыма гитлеровцами.

Это был общий наш боевой счет под девизом — за Севастополь!

Крым свободен!

На 12 мая нашим войскам была поставлена задача нанести решительный удар с целью окончательного разгрома противника на полуострове Херсонес. День 11 мая прошел в подготовке к последней схватке. Артиллерийская канонада не умолкала: производились огневые налеты по районам сосредоточения и местам возможной погрузки живой силы и техники противника на морские суда. Те же задачи выполняла армейская авиация. Наша, флотская, отрезала врагу пути отступления по морю. Противник еще держал оборону на Старом Турецком валу. Позади него оставался лишь небольшой клинышек суши…

12 мая в четыре часа тридцать минут после мощного огневого налета три дивизии 3-го горно-стрелкового корпуса поднялись в атаку на гитлеровские позиции и с ходу овладели Турецким валом. Однако отошедшие части противника сумели организовать контратаку. Не обращая внимания на смертоносный огонь с вала и окружающих сопок, отчаявшиеся фашисты лавиной накатывались на наши соединения, не успевшие целиком подтянуть свои силы к занятому рубежу…

Исход боя решила отвага и находчивость наших бойцов, умение и предусмотрительность командиров.

…Одной из рот бригады морских пехотинцев в ночь перед атакой было приказано незаметно проникнуть на Турецкий вал в район Камышовой бухты и в решающий момент ударить на врага с тыла. Командир роты Николай Терещенко сумел правильно выбрать нужный момент. Хладнокровно выждав, когда гитлеровцы поднимутся в контратаку, он ударил по ним пулеметным огнем с фланга, затем выпрыгнул из окопа: "Даешь Херсонес! Черноморцы, вперед!" Командиру, с боями проведшему своих славных бойцов от Новороссийска до Севастополя, не надо было оглядываться назад. "Впер-ре-ед!" — бросился за ним следом главстаршина Георгий Дорофеев со взводом. "Полундра!" — прокатилось по всей цепи…

К десяти часам прижатые к морю остатки разгромленной 17-й армии немцев сложили оружие. Крымская земля была полностью очищена от захватчиков. На мысе Херсонес наши войска захватили двадцать одну тысячу пленных, много оружия и техники.

Однако в море еще продолжали движение многие корабли и суда с войсками и военными грузами, которые противник пытался спасти.

Наше сражение за Крым еще не было окончено.

На рассвете 12 мая ушли на задание две пары торпедоносцев, их повели старший лейтенант Жестков и младший лейтенант Вальцев. Затем поднял в воздух пятерку бомбардировщиков комэск капитан Чупров. Обе группы должны были действовать методом "свободной охоты". В пять тридцать в восьмидесяти километрах западнее мыса Херсонес пара Жесткова обнаружила корабли, на полном ходу направляющиеся к румынскому берегу. Конвой состоял из транспорта в три тысячи тонн, пяти быстроходных барж и трех сторожевых катеров типа «олень».

Жестков и Дурновцев знали, что бой будет предельно жестоким. На каждом «олене» от шести до десяти автоматических пушек и крупнокалиберных пулеметов. Десантные баржи вооружены еще лучше. Корабли до отказа забиты бегущими гитлеровцами, которые будут сражаться с отчаянием обреченных…

Жестков с ходу направил свой самолет на транспорт. Дурновцев пристроился к нему во фронт. Перед торпедоносцами встала сплошная стена огня. К тому же капитан транспорта, видимо, уже бывал в подобных переделках. Жестков трижды выводил пару в атаку и каждый раз корабль на большом ходу успевал повернуться к торпедоносцам носом.

Еще одна атака. Момент сброса застал транспорт на развороте. Но опытный враг тотчас застопорил ход. Торпеды прошли по носу судна, в одном-двух метрах.

Огорченные экипажи вынуждены были возвратиться на свою базу ни с чем.

Вторая пара — Александр Вальцев и Николай Новиков в сопровождении четырех истребителей — обнаружила конвой в семь часов утра. Он также держал курс на запад и шел под сильным прикрытием с воздуха: восемь истребителей Ме-110. Шесть из них моментально бросились на пару заходящих в атаку торпедоносцев. Вальцев принял поспешное решение сбросить торпеды. Между тем четверка наших ястребков успешно атаковала «мессеры» и подбила один из них.

Не очень повезло и нашей группе бомбардировщиков. Ведомыми у Чупрова были справа я и Тарасов, слева — Трофимов и Лисицын. Прикрытие — четыре истребителя.

В семь тридцать мы обнаружили транспорт в сопровождении двух сухогрузных барж и сторожевого катера. Ведущий принял решение нанести удар по транспорту с двух заходов с высоты тысяча восемьсот метров. Небольшой конвой сумел организовать интенсивный заградительный огонь. Чупров лег на боевой курс и упорно выдерживал его. Перед самым сбросом бомб около носа ведущей машины разорвалось несколько снарядов.

Бомбардировщик привспух, и видно было, как комэск отдал штурвал, чтобы удержать его. Это увеличило скорость. Высыпанные вслед за тем тридцать бомб пошли с перелетом. Две из них угодили в сухогрузную баржу.

— Прямое попадание, — доложил Должиков. — Барже капут!

— Не было бы счастья… — с досадой проворчал Прилуцкий.

Оставался второй заход.

— Сзади справа атакуют истребители! — в один голос предупредили стрелки.

Нити трасс протянулись между машинами, промелькнули две пары Ме-110. За ними бросились наши ястребки: прозевали первую атаку, «мессеры» зашли со стороны солнца.

Сближаемся. Зенитки перекрывают курс. Ведущий, сжав зубы, выдерживает режим. Еще тридцать ФАБ-100 устремляются вниз. Маневрируем…

— Четырьмя разрывами повреждена десантная баржа, — в голосе штурмана окончательное разочарование.

— И то хорошо! При таком огне…

В общем-то сделали все возможное. С горизонтального полета попасть в точечную цель нелегко.

На аэродроме готовились к вылету четыре торпедоносца. Ведущий Киценко, с ним повторно летят Жестков, Новиков и Вальцев. Задача — уничтожить транспорт, неудачно торпедированный парой Жесткова.

— На этот раз не уйдет хитрый фриц! — поклялся Александр.

Конвой они нашли в другом составе: два транспорта — три и полторы тысячи тонн, один тральщик, три десантные баржи. Сверху прикрытие — четыре «Гамбурга-140». Ведущий решил атаковать оба транспорта парами, но Вальцев на развороте отстал и пристроился к паре Киценко.

Три машины пошли в атаку на большой транспорт с правого борта, Жестков устремился на малый с левого. «Гамбурги» также разделились на две пары. Наши истребители уже успели перескочить конвой, развернулись с опозданием. Особенно досталось самолету Жесткова, отбивавшемуся в одиночку. Стрелок-радист Сергей Игумнов едва успевал перебрасывать турель, посылая короткие очереди в наседавшие с двух сторон вражеские гидропланы…

Прямо перед носом низко летящей машины возник густой слой огня. Жестков резко отвернул и снова лег на боевой курс.

— Бей левого!

На какой-то момент они оказались на параллельных курсах с «Гамбургом». Сергей влепил в него длинную очередь. Фашист загорелся и врезался в воду…

"Гамбург", атаковавший справа, от неожиданности отпрянул, отвернул в сторону. Этого было достаточно, чтобы летчик и штурман сосредоточили все внимание на цели. Торпеду сбросили с пятисот метров. Умело маневрируя, вышли из-под огня.

Зенитки сразу перенесли огонь на торпеду. Снаряды вздымали воду вокруг тянущегося за ней следа.

— Вот гады! — возмущался Локтюхин. — Как точно идет-то, родная, гляди, командир! Неужели…

Огромный взрыв накрыл транспорт. Когда водяная пыль осела, стало ясно: торпеда взорвалась, не дойдя…

"Гамбурги", нападавшие на тройку Киценко, действовали осторожнее. Тем свирепей били орудия, «эрликоны», пулеметы с кораблей. Гитлеровцы, до отказа забившие палубы, с остервенением палили из личного оружия…

Торпедоносцы неслись к цели буквально сквозь огонь. Подошли на предельно близкую дистанцию. Ведущий штурман Басалкевич сбросил торпеду с пятисот метров, Тихомиров — с четырехсот пятидесяти, Ляпин — с четырехсот…

Из-под левого капота машины Вальцева вырвался дым. Летчик круто взмыл в высоту, видимо, опасаясь врезаться в воду. Перелетел через атакуемый транспорт, снизился. Над левой плоскостью трепетало пламя. Машина села на воду в четырех километрах от атакованных кораблей и спустя две минуты затонула. Экипаж сошел на шлюпку. К ней направились два сторожевых катера, их наводил «Гамбург»…

Одна из сброшенных торпед попала в цель. Одна взорвалась, не дойдя до транспорта, очевидно, расстрелянная орудиями. Взрыва третьей экипажи не наблюдали.

Избитые три самолета вернулись на свой аэродром…

Подхожу к Жесткову. Он только что вылез из кабины. Стаскивая с разгоряченной головы шлем, сообщает, словно оправдываясь:

— Хитрого не нашли. Другому пришлось врезать. Разве еще на ночную с тобой на пару пошлют.

Чуть-чуть не угадал. Тут же, как из-под земли, возник вездесущий Довгаленко:

— Минаков, к командиру полка! С Дурновцевым и штурманами. Ночью пойдете на «охоту» с торпедами. Я кивнул Александру: видел?

— С Жесткова на сегодня хватит, — на лету схватил мысль адъютант. — В следующий раз полетите вместе. Или, думаете, Крым взяли, так уж и кончилась война?

Мы этого не думали. Подумали только теперь. А в самом деле, может, это последний наш вылет? Может, и не придется с

Жестковым-то вместе отсюда…

Командир полка задержал ненадолго.

— Знаю, устали. Задача ясна? Завтра утром последние фашистские суда втянутся в порты Румынии. Выгрузят живую силу, технику…

— Ясно, товарищ майор!

— Что ясно?

— Чтобы как можно меньше выгрузили. Буркин устало потер лоб.

— Можно и так сказать, — рассмеялся. — Можно наоборот. Чтобы как можно больше отправить их к рыбам.

Определили рубежи возможного нахождения последних плавсредств противника, которые в полдень отошли от Херсонесского маяка.

— Ну, желаю! — пожал всем четверым руки Буркин. — Чтобы как можно меньше. Или больше, как вам понравится.

Пожал руки и Немировский.

— Приду проводить, — как всегда обещал Шевченко. — Завтра в полку большой праздник. Думаю, не сорвется на этот раз.

— Ну как? — оглядел я ребят, когда мы вышли. — Для пользы дела прижмем жука?

Прилуцкий в сомнении переглянулся с Беспаловым.

— Вы-то давайте, а нам с Михаилом…

— Надо покумекать, — подхватил тот. — Пятерка Чупрова только что воротилась — море как вылизано, говорят. В воду свалили бомбы, чтоб не садиться с ними, летали-то молодые…

— И Мейев вернулся с топмачтовиками. То же самое, ни фига. Днем не находят, а нам…

Я взглянул на Дурновцева. Тот кивнул:

— А ну его, этого жука, царапается…

— Пошли, ребята! Завтра прижмем, обещал же Иван Григорьевич…

Поговорили с Чупровым, сходили к Мейеву. Но ведь должны же быть корабли? Уточнили границы районов, обшаренных ими. Разработали маршруты, чтобы охватить все возможные пути отхода. Вопреки всем правилам решили держаться парой.

За делом не заметили, как пролетело время. Торпеды подвешены, баки заправлены под самые пробки, патронные ящики набиты до отказа.

Ровно час. Взлетаем. Темная южная ночь, небо усыпано звездами. Бортовые огни не выключаю: Дурновцев ориентируется по ним.

Проходим Тарханкут, под нами море. Курс на юго-запад. Даю

указание Дурновцеву держаться с принижением, выключаю огни. Теперь ведомый видит лишь вспышки выхлопов из двух пар патрубков моей машины. Убеждаюсь, что держит дистанцию хорошо. Вообще-то рискованное, конечно, дело, но Дурновцев опытный летчик, мы с ним условились обо всем.

Сам веду самолет почти вслепую. Через тридцать минут появляется долгожданная луна, по воде расстилается бледная чешуйчатая дорожка. Постепенно она становится все светлее. Еще полчаса, начинаем поиск.

Трудное это дело, если на горизонте нет световой полосы. Первый раз охотимся глухой ночью. Но если бы вылетели раньше, не было бы луны. Вся надежда теперь — на дорожку…

Несколько раз меняем курс. Дурновцев — как привязанный. До румынского берега сто километров.

— Кажется, есть — шепчу, себе не веря.

— Есть, командир! — подтверждает Прилуцкий.

— Вправо смотрите, ребята!

— Есть! — в один голос стрелки.

Уточняем ордер. Два транспорта, сторожевой катер. Оповещаем ведомого. Советуюсь с Прилуцким: разделить силы на оба транспорта или парой атаковать один. Решаем атаковать парой.

Четыре часа утра. По командам штурмана вывожу машину на сближение с целью. За мной неотступно следует Дурновцев. Плавно снижаюсь до тридцати метров. Все внимание — на выдерживание высоты и направления.

Фашисты по выхлопам обнаруживают нас. Сторожевой катер что-то сигналит светом — то ли запрашивает, чьи самолеты, то ли дает опознавательные…

Пользуясь замешательством врага, быстро ложимся на боевой курс. Противник открывает огонь уже после нашего залпа.

При выходе из атаки наблюдаем взрыв. Сделав круг и зайдя со стороны луны, видим: верхняя часть транспорта окутана дымом, корма оседает в воду…

Еще большой круг, еще заход: на поверхности моря — один транспорт и сторожевой катер.

— Иван, передай на землю: "Задание выполнено. Потоплен груженый транспорт водоизмещением две тысячи тонн". Дурновцеву: "Поздравляем с победой. Ура! Разрешаю лететь на аэродром самостоятельно".

Возвращаемся на рассвете. После пяти часов напряженного полета с удовольствием ступаем на твердую землю.

На стоянке Иван Григорьевич. Как обещал. Сколько он нас прождал тут?

Поздравления, объятия. Обязательный доклад начальнику штаба. Потом полуторка, пропахшее сиренью Сокологорное.

Ну вот, теперь и прижмем жука-то…

И все же наш вылет не оказался последним. Рано утром на «прочесывание» моря ушли два самолета-разведчика. В одиннадцать они обнаружили караван из девяти быстроходных десантных барж. На удар вылетела пятерка бомбардировщиков нашей эскадрильи, ее повел капитан Чупров. Ведомые — замкомэск Василий Трофимов, летчики Юрий Тарасов, Василий Аниканов, Петр Курушин.

Цель нашли быстро, вышли со стороны солнца. Баржи следовали в трехкильватерной колонне. Противник уже не ждал нападения, считал, что бои здесь кончились, поэтому открыл огонь с опозданием. Ведущий штурман Федор Николаевич Аглотков скорректировал направление, сбросил бомбы с ходу. За ним ведомые. Шестьдесят ФАБ-100 остались за хвостами машин.

После разворота увидели: две баржи поражены прямыми попаданиями, одна из них затонула сразу. Вспухли разрывы в двух-трех метрах от бортов еще двух посудин.

Снайперская работа!

14 мая в полку проходил митинг. С волнением и гордостью авиаторы слушали приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении важнейшей военно-морской базы на Черном море — города Севастополя. Москва отсалютовала этой победе еще 10 мая, но нам тогда праздновать было некогда…

Троекратным «ура» ответил полк на заключительные слова приказа: всем воинам, участвовавшим в освобождении Крыма, Верховный Главнокомандующий объявил благодарность.

— За отвагу, проявленную в боях с немецко-фашистскими захватчиками, — читал следующий приказ командир полка, — за стойкость, мужество, героизм, организованность и высокую дисциплину личного состава 5 мая 1944 года приказом народного комиссара Военно-Морского Флота 1-я минно-торпедная авиационная дивизия преобразована во 2-ю гвардейскую минно-торпедную авиационную дивизию.

И следующий: 10 мая нашей дивизии присвоено наименование «Севастопольская»!

После бурного ликования слово взял замполит Иван Григорьевич Шевченко.

— Дорогие гвардейцы! Сегодня, когда мы с гордостью празднуем освобождение крымской земли, когда город за городом, область за областью очищаются от фашистской нечисти, давайте окинем мысленным взором весь тот великий, трагичный и героический путь, который прошла наша армия, весь наш

народ, чтобы прийти к этим славным победам…

Несколько минут все стояли молча. Вспоминали неравные бои в жарком небе над Одессой и Севастополем, штурмовку бесконечных вражеских колонн в пыльных степях Приазовья, Кубани и Дона, на подступах к Новороссийску, Тамани, Керчи… Известие о первой большой победе в битве под Москвой, восхищение несгибаемой стойкостью Ленинграда… Сталинградская битва, разгром фашистских полчищ под Курском и Орлом, великий перелом…

— Крымская операция продолжалась тридцать пять суток, — продолжил свою речь Иван Григорьевич, — штурм Севастополя длился пять дней! Это ли не свидетельство нашей возросшей силы, беззаветной доблести советских воинов, их умения бить врага? В результате этой блестяще проведенной операции наголову разгромлена огромная 17-я армия противника, потери врага на суше составили сто тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, вся его техника оказалась захваченной нашими войсками, в воздушных боях и на земле уничтожено очень много самолетов… Огромны потери противника на море. Я не могу сейчас назвать точных цифр…

Цифры мы узнали позже. И хотя каждый из нас повидал собственными глазами и тонущие вражеские корабли, и сотни барахтающихся вокруг них гитлеровцев, они, эти цифры, показались почти невероятными. За месяц боевых действий моряками и летчиками Черноморского флота было уничтожено свыше ста вражеских кораблей и судов и около шестидесяти выведено из строя. В оперативной сводке штаба 17-й немецкой армии № 2346 от 13 мая 1944 года сообщалось, что только в период с 3 по 13.5.44 года сорок две тысячи вражеских солдат и офицеров потонули или пропали без вести во время эвакуации морским путем.

Колоссальные потери, особенно на последнем этапе отступления, не могли не вызвать бурю негодования в гитлеровской ставке. Между командованием сухопутных войск и военно-морских сил вспыхнула позорная перепалка. Вермахт обвинял флот в неоперативности и чуть ли не в трусости, адмиралы оправдывались бездарностью генералов, не сумевших удержать позиции в течение установленного срока.

Вряд ли Гитлеру и его многоопытным генштабистам удалось разобраться в этом споре, единственным объективным содержанием которого могло быть признание полной несостоятельности германской военной машины перед лицом неуклонно возрастающей мощи советских вооруженных сил. Как на суше, так и на море. И в воздухе — над сушей и над морем.

Полного превосходства советской военной мысли, организаторских способностей военачальников, отваги и умения рядовых командиров и бойцов. Морально-политического превосходства советского воина, что в конечном счете и должно было привести к окончательному краху бесчеловечного гитлеровского рейха.

Это было уже очевидным.

Три года войны оставались у нас позади. Впереди… Мы еще не знали. Но знали твердо: победа будет за нами, победа не так уж и далека…

ГВАРДЕЙСКИЙ ХАРАКТЕР. К портретам друзей

Пятый боевой…

По-разному складываются судьбы у людей на войне. Даже и у героев. Одни делают по двести боевых вылетов — у истребителей бывало и по пятьсот, заслуживают славу, награды. Другие…

Капитан Панин прибыл к нам с Тихоокеанского флота в октябре сорок третьего. Боевого опыта не имел. А летный — богатейший. Был назначен заместителем командира третьей эскадрильи. На Тихом был комэском, его ученики воевали на всех морях, попадали и в наш полк и выгодно отличались от других новичков, пилотировали машину отлично.

Поэтому Панину и пришлось загорать в тылу целых два с половиной года.

— Что ж, придется вас догонять, — сказал он спокойно, давно уже, видимо, приучив себя к этой мысли.

Мы были знакомы, на Тихом служили в одном полку, Михаил Федорович уже и тогда был комэском. При первой же встрече принялся расспрашивать о новинках в тактике «мессеров», "фокке-вульфов". Я, конечно, смущался. Панин — ничуть.

— Возьмешь меня с собой на торпедный? Я у начальства похлопочу. Скажу, поучиться хочу.

Прямо так. А и здесь ведь по должности выше, хоть и в другой эскадрилье.

Смущаюсь опять. Что тут скажешь? Возьму, Михаил Федорович? Когда я ему чуть не в сыновья гожусь.

А и не нужно было смущаться. Просто чуточку быть поумней. Видеть не только себя и своих одногодков, но постараться проникнуть и в душу таких вот людей. Что терпеливо могут тянуть свою лямку на Тихом, раз так приказано и так осознано, а после проситься в стажеры к своим же ученикам.

Но до этого было тогда мне еще далеко. Обратил только внимание, невозможно было не обратить, — что его сразу в полку полюбили. Хоть был и немногословен, на вид даже чуть суров. Твердый, проницательный взгляд глубоко посаженных глаз, твердые складки от губ к носу…

Близко сойтись нам не довелось. Но как-то, сидя со мной на дежурстве, Панин вслух вспомнил о трех сыновьях, оставшихся в военном городке на Тихом. "Как там моя Саша справляется с этими разбойниками…"

И на минуту стал вовсе другим. Так же вот потеплел, когда речь случайно зашла о защитниках Тулы — на дежурстве куда она не зайдет. "Молодцы земляки!" [уточнить этот абзац по книге!!! — *Прим. lenok555*]

В Туле он был рабочим. Затем — техник-текстильщик. С двадцать восьмого года коммунист. В тридцать первом по спецнабору попал в летную школу. Затем строевая часть. Много летал, целеустремленно учился. Выдвинули на политрука эскадрильи. Отказываться не стал. Просто старался летать ровно столько, сколько летал и не будучи политруком. Политработу направлял на выполнение указаний партии по овладению новой боевой техникой и оружием, на укрепление дисциплины и поддержание бдительности: в воздухе пахло порохом.

Но и эти скудные сведения дошли до меня уже после. Многое поздно доходит до нас…

На дежурстве мы сидели 24 октября. Солнце еще не вышло из-за горизонта, когда прибыли на стоянку. Вокруг машин сновали техники со своими командами, готовили самолеты. Подготовили, сдали. Потекло время. Тягучее, как смола. На дежурстве минута кажется часом.

Вместо заболевшего Прилуцкого ко мне назначили штурманом Сашу Касаткина. С ним мы и раньше летали, парень толковый, давно уже вышел из «молодых».

Ждать, впрочем, пришлось недолго. Вызвали на КП. В районе Одессы обнаружены корабли противника, двум экипажам торпедоносцев нанести по ним удар. Ведущий…

Без слов ясно. Но тут уж не до смущении. У Панина это второй боевой вылет, у меня — сто сорок второй.

— Задание понятно, Михаил Федорович?

— Понятно.

— Держаться за мной. Летим без прикрытия. Повторять все мои маневры.

Опробовав моторы и выходя на взлет, ловлю себя на странном ощущении будто сам лечу на торпедный удар впервые в жизни. Контролирую движения, излишне прислушиваюсь к работе моторов…

Ничего, это полезно. Не надо только волноваться, как в первый раз.

То же самое и в полете. Все воспринимается как бы за двоих. И с двойной ясностью, яркостью каждой детали. Тяну рукоять уборки шасси и будто вижу поджимающиеся, как птичьи лапы, колесные стойки…

До цели лететь три часа. Низкая облачность, ограниченная видимость. Идти на малой высоте — значит вымотаться еще до удара. Решаю уйти за облака. В кабине становится сумеречно, пилотирую по приборам. Выровнявшись на свет, оглядываюсь. Панина учить слепому полету… Смешно!

Немного беспокоюсь за штурмана: все-таки не свой. В полку

год с лишним, прибыл из училища. Успел заслужить надежную репутацию. Когда мы с ним летали? В начале этого месяца. Тогда репутацию подтвердил…

— Сколько до цели, Саша?

— Два часа пятнадцать минут, командир. Рановато с такой точностью отвечать. Впрочем, и спрашивать рановато. Смотрю, как скользят две крылатые тени по снежно-белой облачной равнине — ведомый держится, как на твердом буксире. Что он там думает, интересно, сейчас? Два часа — и атака. Прорыв сквозь заслон разрывов, потом «эрликоны», пулеметы, огненная карусель… Одесса, не шутка! И весь огонь — по двум самолетам. Не много ли? Кто-то из двух, может быть… может, и оба…

И вдруг становится ясно, что Панин об этом не думает. Вовсе! О чем угодно, но не о том. Да, вот о чем — как вернее зайти в атаку, если с обоих бортов, а если парой…

Именно вот об этом. И подсмотреть мой заход и потом выход, прямо на корабли, самый, по-моему, безопасный…

И сразу становится необыкновенно покойно. Зайдем, прорвемся, не первый раз. И ничто не заставит сойти с боевого курса. Будь, что будет…

Вспоминаю о письме, полученном перед вылетом. Что там пишет Тамара? Прошлое письмо получил, точно помню, восьмого. Хорошее было письмо…

Да, главное — донести торпеду до цели. Точно на заданной скорости, высоте. На разрывы и трассы не обращать внимания. Только на водяные столбы. Эти султаны от рвущихся в воде снарядов тверже гранита, если идешь на полной скорости. Лететь чуть выше. Сбить наводку орудий маневром. Лечь на боевой и с самой близкой дистанции послать в цель торпеду…

И вот уже нетерпение. Хорошее чувство, признак готовности. Сколько еще лететь?

На борту размеренный ритм, экипаж в работе. Вслушивается в эфир Николай Панов, одновременно наблюдая за воздухом из своей башенки. Зорко просматривает заднюю полусферу Саша Жуковец. Оба молчат, значит все в порядке. Сквозь прорезь кабины виден Касаткин. Спокоен, деловит. Через каждые пять минут прикладывает линейку к карте, следит за направлением.

— Пять градусов влево, командир.

— Есть, пять влево.

Хороший вырабатывается штурман. С первых дней все приглядывался к ветеранам. Такие мастера как Шильченко, Кравченко, Аглотков вызывали в нем восхищение, желание подражать. А на первых порах это главное.

— Подходим к району цели, командир, — голос лишь чуть

напряженней.

Начинаем снижаться. Пробиваем облака, под нами чистая синева. Море спокойно, видимость хорошая. Если б еще пониже облачность…

— Конвой, командир!

Дымы, затем силуэты. Подаю сигнал ведомому: "Разворот на цель. Перестроиться в боевой порядок!" Панин увеличивает обороты, плавно заходит справа. Все точненько, как в кино. По бортам кораблей — моментальные вспышки, будто и в самом деле фотографируют.

— Штурман, состав!

— В окружении пяти сторожевых катеров… неопределенное что-то, командир…

Вот именно. Ни транспорт, ни танкер. Однако сидит по ватерлинию.

— Выходим на него!

Шквал огня. Маневрирую. Панин — как припаянный. Ну держись, стажер…

— На боевом!

Не выпускаю из поля зрения черную коробку. Высота, скорость заморожены. Никаких маневров! Вот они, султаны, всплески… Нарочно бьют с недолетом по воде — лучшей стены на пути не поставишь. Не достают, только брызги хлещут машине в брюхо, правильно взял высоту… Разрывы справа, слева… Ну, штурман…

— Сброс!

— Торпеда пошла хорошо! — четкий доклад Панова. — Ведомый сбросил!

— Приводнилась нормально! — звонко кричит Жуковец. — Стабилизатор сорван… Хорошо идет!

— Молодец, Саша! — это штурману. Прежде времени, конечно. Правильно приводнить торпеду — большое дело, но если мимо…

Лечу на корабли. Сманеврируешь — как раз и подставишь себя под фронтальный огонь всех орудий и пулеметов. Сектора газа — до защелки. Подскок. Внизу мелькают палубы. Касаткин, Панов, Жуковец лупят по ним из пулеметов.

Все! Проскочили. Кой к черту все, главное, как торпеда…

— Попали! Цель! — в один голос стрелки. Черный клуб дыма закрыл транспорт. Захожу сбоку, чтоб убедиться. Посудина разломилась надвое, обе половины, накренившись, оседают в воду. Вот теперь все, порядок!

— Командир, даю курс…

— Молодец, Касаткин!

— Так это ж вы, командир.

— Ладно, не скромничай! Как там ведомый?

— Как припаянный, командир!

Во, то же самое и сравнение. Ловлю себя на мысли, что весь полет смотрел на себя его глазами. Светлыми, глубоко посаженными, с оценивающей приглядкой…

На земле нас поздравили командир полка и замполит. Передали благодарность командира дивизии полковника Токарева.

После всех подошел Панин.

— Спасибо, Василий!

— Вам спасибо, Михаил Федорович!

— Мне-то за что? Ваша торпеда попала.

— Ну, это точно не известно. Но… дело не в том… В чем — объяснить не сумел. Но, кажется, и не надо было никаких объяснений.

Обе машины имели много пробоин. Но по сравнению с потопленным судном это были пустяки.

4 ноября Панин выполнял свой третий боевой вылет — на "свободную охоту". В районе мыса Тарханкут его перехватили и атаковали два Ме-109. Стрелки старший сержант Петр Шибаев и сержант Григорий Суханов отбивались изо всех сил. В разгаре боя крупнокалиберный пулемет вдруг смолк.

— Что там, Шибаев? — не повышая голоса, спросил Панин. — Заклинило, командир…

— Перекос? Выбивай патрон, я пока сманеврирую… Суханов, держи их в своей полусфере!

— Влево разверните, командир… Вон он, гад!.. Сзади вырастал силуэт длиннокрылого «мессера». Суханов бил. Панин маневрировал, то и дело оглядываясь. Шибаев выдергивал ленту из магазина…

— Скоро там, Петр? — не выдержал штурман Глеб Купенко.

— Спокойно, спокойно… Не торопитесь, Шибаев. Уверенный голос командира успокоил радиста. Он вставил ленту. Стервятник уже закрыл всю прорезь прицела. Петр нажал на спуск, длинная очередь перехлестнула тело «мессера». Он потянулся вверх, насколько хватило силы мотора, перевернулся мертвой петлей и рухнул в море.

Второй зашел в атаку лишь для формы. Огонь открыл издали, вреда причинить не мог. Развернувшись, ушел в сторону Евпатории.

— Поздравляю, Петр, — тепло, но сдержанно прозвучал в наушниках голос Панина. — Как себя чувствуешь?

— Спасибо, командир! Аж пот прошиб с этой лентой…

— Надо думать, не только тебя. В следующий раз лучше будешь готовить боеприпасы. Штурман, вы кажется, забыли дать курс…

Так вот, дословно, рассказали мне об этом полете члены экипажа Михаила Федоровича. И я нисколько не удивился, что так. Просто отметил: рождается стиль. Каков командир, таков и экипаж — это давно уже стало к полку поговоркой.

Много лет прошло с тех пор. Но все, кто был участником того боевого вылета и остался в живых, помнят о подвиге экипажа Панина.

В одиннадцать часов 15 ноября 1943 года группе торпедоносцев была поставлена задача нанести удар по вражескому конвою в западной части Черного моря. Судя по сильному прикрытию транспортов, воздушные разведчики предполагали, что гитлеровцы перевозят важные грузы. Вероятнее всего подкрепления своим войскам, блокированным в Крыму.

Погода стояла крайне неблагоприятная: низкая облачность, дождь, порывистый ветер. Командование отобрало семь экипажей, подготовленных к действиям в сложных метеоусловиях. Как опытный пилот, в группу был включен и Панин. Это был пятый его боевой вылет. Семерку возглавлял замкомэск Евгений Лобанов, в звене с ним летели Валерий Федоров и Николай Синицын. Остальную четверку было поручено вести мне.

До цели более трех часов. Шли под облаками на высоте сто — двести метров, ориентируясь только по курсу и времени. С половины маршрута вынужден был возвратиться на свой аэродром один из моих ведомых, Николай Новиков: обнаружились перебои в работе мотора. Со мной остались Панин и Пресич. Чем дальше уходили мы от своих берегов, тем хуже становилась погода. Десятибалльная облачность на высоте шестьдесят — семьдесят метров, дождь заливает остекление кабины. Панин летел рядом со мной, демонстрируя завидную выдержку и умение безукоризненно держаться в строю в этих сложных условиях.

Обнаружить конвой в открытом море при такой видимости — дело чрезвычайно трудное. Экипажи уже потеряли надежду, когда Прилуцкий доложил:

— Слева группа кораблей!

Я немедленно довернул влево, не надеясь увидеть цель сразу: об остроте зрения моего штурмана, особенно в темноте, в полку ходили легенды. Спустя минуту убедился: «кошачьи» глаза Николая не подводят его и днем.

— Панов! Срочно передай ведущему — конвой слева.

В эфир полетело оповещение. Лобанов тотчас отвернул машину, его маневр повторили все летчики группы. По направлению полета поняли: ведущий делает вид, что кораблей мы не заметили.

Оказавшись вне видимости конвоя, Евгений сделал большую дугу и подошел к цели с юга. Маневр был удачным, гитлеровские моряки открыли огонь не более чем за минуту до выхода группы в атаку.

Но что это была за минута! Эскадренный миноносец, два сторожевика и тральщик обрушили на шестерку торпедоносцев ливень огня. С эсминца палили не только зенитки, но и крупнокалиберные морские орудия. Водяные столбы от разрывов вставали перед машинами, всплески хлестали их снизу. Сверху давили два огромных четырехмоторных «Гамбурга», поливали из пулеметов, сбрасывали по курсу противолодочные бомбы, султаны от которых вздымались еще выше…

Торпедоносцы летели фронтом, на высоте тридцать метров, вся группа атаковала головной транспорт, грузно осевший в воде. Панин шел рядом со мной. Мы уже были на боевом курсе, до сброса торпед оставались считанные секунды, когда я почувствовал беду. Не спуская глаз с цели, боковым зрением увидел вихрь пламени слева.

Огнем был охвачен самолет Панина. Но продолжал лететь. Он был управляем и не сходил с боевого курса. До цели оставалось не более пятисот метров, экипажи сбрасывали торпеды, сбросили мы…

Сбросил и Панин. И сразу довернул на сверкающий вспышками выстрелов вражеский эсминец…

Нетрудно представить, что чувствовали гитлеровские моряки в эту минуту. Мне показалось, что их огонь разом стих. Может быть, так и было. Все пушки и пулеметы лихорадочно доворачивали на огромный пылающий факел, неотвратимо несшийся на них…

Торпедоносец взорвался в воздухе, не долетев до эсминца ста метров. Мы перескочили через фашистские корабли…

Транспорт водоизмещением около четырех тысяч тонн, атакованный нашей тройкой, разломился на части и скрылся в пучине моря. Но сам я этого не видел. Это мне передали потом. А в те минуты был ослеплен взрывом. Ослеплен и оглушен. Даже не слышал доклада о поражении цели, хоть, несомненно, стрелки доложили.

И весь обратный путь пролетел как во сне. Держал курс, высоту, машинально выполняя команды штурмана. Иногда оглядывался влево, будто не веря в свершившееся, ожидая

увидеть там "как припаянную" машину…

Их было четверо: коммунисты Михаил Федорович Панин, Глеб Михайлович Купенко и комсомольцы Петр Леонидович Шибаев и Григорий Фролович Суханов.

Экипаж, обретший свой боевой стиль за неполные пять совместных вылетов…

Командир "счастливой девятки"

Этот Ил-4 — единственный в полку — прослужил в нем со дня поступления на вооружение до Победы. А затем, украшенный шестью звездами и двадцатью пятью силуэтами кораблей — символами «личных» побед его в воздухе и на море, — стал на выставке победоносного оружия, организованной в 1945 году в Симферополе, как вечно живой экспонат.

За двадцать восемь месяцев боевой жизни этого самолета на нем было заменено тридцать семь моторов. Менялись узлы, механизмы, приборы, части. Менялась обшивка, лист за листом…

Неизменно бессменным оставался лишь его бортовой номер.

Почти бессменным — его экипаж. Командир — Александр Иванович Жестков. Штурман — Иван Григорьевич Локтюхин. Воздушный стрелок-радист — Андрей Васильевич Засула. (Впоследствии — Иван Васильевич Чумичев). Воздушный стрелок — Иван Тарасович Атарщиков. Воинские звания? Тоже менялись. Не как моторы, конечно. Пореже, куда. Жестков — вначале младший лейтенант, к концу войны старший. Локтюхин — сержант, в конце лейтенант. Атарщиков с Чумичевым прибавили на погонах по паре лычек. Засула успел лишь одну.

Так же примерно и с должностями. Командир экипажа — командир звена. Соответственно тоже и штурман. Стрелки — так стрелками и остаются, будь машина хоть во главе полка, разве что еще зорче обязаны глядеть в оба.

Своя логика у войны. Своя, можно сказать, справедливость. Не всегда поднимается вверх тот, кто больше несет. Другой столько возьмет, что и некем его заменить, на его-то месте.

Жестков на своем скромном месте был незаменим всю войну.

Потому что сам себе сотворил это место. А значит, и наилучшим образом соответствовать ему мог.

То есть место такое нашлось бы, пожалуйста, и еще. Лишь бы только еще человек на него нашелся.

Много отличных летчиков довелось мне узнать за войну. Кто-то в чем-то, возможно, бывал и искусней Жесткова. Но безотказнее? Нет, не встречал.

Командир — в идеале — как в зеркале, отражен в экипаже. В летном, в первую очередь, боевом. Если еще и в техническом — это уже идеал идеалов.

Кораблики, звездочки на фюзеляже действующего экспоната — результат, главным образом, первого отражения. Самим же существованием в живом виде экспонат больше обязан второму.

Главным образом, меньше — больше… И еще — с оговорками

в адрес судьбы. Но это уж тонкости, речь теперь не об этом.

Техник самолета Григорий Михайлович Гармаш, механик Николай Гаврилович Воротников, моторист Иван Нефедович Хлызов… Вот их безотказные руки сменили на экспонате все эти моторы, числом тридцать семь. И гору приборов. Частей. Механизмов. И чуть ли не все из обшивки дюралевые листы. Меняли, чинили, латали, меняли, опять чинили. С неба встречали машину — не примут в утиль. А через день она снова взлетала — живая и не калека. Та же «девятка» Жесткова, все та, все она.

Вот уж, действительно, птица-феникс! Если бы не родилась легенда бог знает где и когда, то все равно бы родилась на нашем аэродроме.

Однако продолжим о месте. О месте Жесткова в боевой деятельности полка.

Ну вот хотя бы по виду работы. Торпедирование и бомбардировка вражеских кораблей в открытом море и в базах, постановка минных заграждений на морских коммуникациях и речных, штурмовка живой силы и техники в походных колоннах и в боевых порядках, бомбовые удары по железнодорожным узлам, эшелонам, аэродромам, артиллерийским позициям, переправам, мостам, "свободная охота" в качестве бомбардировщика, торпедоносца, штурмовика, воздушная разведка, доставка грузов партизанам, сбрасывание разведчиков в тыл врага… То есть все, что возможно? И несколько больше. Если что и забыто — ну как же, конечно же, и оно!

Это — по виду. А по характеру, что ли… Место Жесткова — где нужен Жестков. Где ожидается непроходимый зенитный огонь, встреча с «мессерами», изнурительный поиск, скверная видимость, грозовой фронт, где требуются внезапность и дерзость, хладнокровие и умение, терпение и настойчивость, куда летали и не долетали, где бомбили и не разбомбили, атаковали и промахнулись или и вовсе торпеды обратно домой привезли.

Так что ж это за богатырь такой — летчик Жестков? И что у него за ребята?

Ребята как ребята. И сам из себя не ахти. Скромный парнишка, вперед других не лезет, ждет, когда вспомнят. А вспоминают всегда почему-то о нем. Роста не скажешь — высокого, среднего телосложения, лицом не моложе едва ли нас всех из-за «зачеса» от самого лба, что никак лечь по моде не соглашался. На половинку швабры скорее согласен был походить. Может быть, от упрямости этого «бокса» и взгляд у Жесткова, вот именно, жестче казался, чем бы мог быть без него.

И вообще-то, о богатырстве. Были у нас в полном смысле богатыри. Не по фигуре одной и мускулатуре. По двести вылетов

в первой еще половине войны за плечами имели, кой-кто и больше двухсот, боевых. И продолжали и дальше, без перерыва, кто ж на усталость пожалуется на войне. И все равно их сменяли, как только случалась возможность и если вовремя успевали заметить — пора. Если же нет…

Разные после находят причины для катастроф и аварий, на то и комиссии, авторитетные заключения, подробный анализ инструкций и отклонений от них. И вот же, пожалуйста, как на ладони причина! А для причины причину искать… Ну, это, знаете, уже роскошь, как-нибудь после войны. И только ребята, друзья нарушителя правил, все со вниманием выслушав и учтя, тоже задним числом с удивлением обронят за перекуром: "Черт его знает! Ведь видно же было, залетался Борис…"

Вот в этом смысле Жестков — богатырь из богатырей!

Простой крестьянский паренек со Смоленщины, обычный путь в небо: мальчишечья увлеченность подвигами первых героев авиации, областной аэроклуб…

Областной! Сапог не было в школу ходить и в своей-то деревне.

Отсюда упорство. Или наоборот: путь этот «обычный» как результат упорства? Впрочем, и то и другое, наверно, — счастливое совпадение, как в таких случаях говорят.

В небе войны — с первых дней. На Балтике летал больше над сушей, ходил на бомбежки вражеских полчищ, прущих безудержно на Ленинград. В сентябре перевели на Черноморский. С ходу включился и тут, принялся завоевывать "свое место" над морем.

…Немецко-фашистские войска ворвались в Крым. Получено приказание нанести удар по скоплению живой силы и техники. Командир полка майор Николай Александрович Токарев коротко добавил: нужно поспешить!

Поднявшись в воздух, три звена тяжелых бомбардировщиков быстро собрались в группу. Рядом с Жестковым — лейтенанты Федор Клименко и Виктор Беликов — надежнейшие летчики полка. Под крылом проплыли поля Кубани, Керченский пролив.

Чтобы ввести противника в заблуждение, ведущий группы майор Иван Арсеньев круто повернул к Арабатской стрелке. Пройдя над степью, вновь развернулся на цель — уже с северо-западного направления.

Расчет оправдался, появление бомбардировщиков оказалось для врага неожиданным. Гитлеровцы переправляли через горную речушку Биюк-Кара-Су большую колонну автомашин и пехоты, скопились в лощине. Последовала команда изменить боевой порядок. На удар зашли звеньями, разомкнутым строем.

Противник не успел организовать огонь. Разрывы плотно накрыли цель, все потонуло в клубах дыма и пыли. Когда видимость чуть улучшилась, прошлись по остаткам колонны на бреющем. Штурманы и стрелки азартно поливали из пулеметов мечущихся среди чадных костров гитлеровцев. Расположенные по склонам гор зенитки открыли сильный огонь. Один снаряд попал в воздушную систему машины Жесткова, шасси вывалилось из моторных гондол. Самолет загорелся, скорость упала. Экипаж остался в одиночестве, группа уходила в сторону моря…

Вдобавок ко всему доклад стрелка-радиста:

— Командир, нас догоняют «мессеры»!

— Приготовиться к бою! — дал команду Жестков. — Засула, командуйте маневрированием!

Бой был тяжелый. Летчик выжимал из подбитой машины все. Скрипел металл, деформировалась обшивка…

Один из гитлеровцев поспешил: взяло верх нетерпение записать победу на свой счет. Сблизился до предела.

— Командир, чуть левей! — крикнул Засула.

Прогрохотала длинная очередь крупнокалиберного. Фашист перевернулся, вошел в крутое пике и врезался в гору.

Это и решило исход боя. Оставшиеся два «мессера» со снижением ушли на запад. То ли решили не рисковать, потеряв своего командира, то ли израсходовали запас горючего.

Жестков довел горящий самолет до своих, посадил в поле. Выскочивший экипаж вступил в схватку с огнем. Сбросив регланы и не обращая внимания на ожоги, сумели сбить пламя. Осмотрели машину. Хвостовое оперение изрешечено, обшивка обгорела, в фюзеляже зияют две огромные пробоины…

Тут показал свой характер техник Григорий Гармаш. Через несколько дней самолет был в строю.

Экипаж — тоже.

…Приказание уничтожить колонну пехоты, артиллерии и танков, двигающуюся по шоссе в направлении на Старый Крым. Жестков назначен ведущим левого звена девятки. Летели на бреющем: в воздухе сновали «мессершмитты». Перед целью перешли в набор, на боевой курс легли на высоте шестьсот. Немцы успели открыть ураганный огонь. Никто не вильнул на курсе. Первые бомбы разгромили голову колонны, образовав на дороге пробку. Остальные довершили дело. В заключение девятка перестроилась в цепочку и прочесала шоссе пулеметным огнем.

И вновь пострадала машина Жесткова. Осколки снаряда попали в мотор, он оказался заклиненным. На такой высоте это грозило почти неминуемой катастрофой. Выручило хладнокровие пилота. Жестков уверенно удержал машину от сваливания на

крыло, избежал столкновения с землей, использовав рельеф местности. Затем сумел даже набрать высоту. Борьба за жизнь экипажа и самолета продолжалась около часа. Самообладание командира передалось молодому штурману Ивану Локтюхину. Искусно обходя холмы и горы, тяжелораненая машина в одиночку пробиралась к востоку. Благополучно перевалила передний край, совершила посадку на берегу Кубани…

С тех пор прошло два года.

Не стану перечислять, кто остался в полку из вступивших в войну в сорок первом. О погибших, понятно, здесь речи нет. Но и почти все оставшиеся в живых — а были среди них богатыри, повторяю, — успели смениться, улетели на Тихий океан делиться боевым опытом. А кто и остался, так все же имел перерывы: ранение, отпуск, командировка за самолетами в тыл, приглашение «погостить» у милейшего доктора Челушкина, поиграть в шахматы, послушать его интереснейшие рассказы и, между делом, проверить свою «матчасть»…

Жестков летал бессменно. И эти два года, и после — считай, до конца войны. В любое время года и суток, на любое задание и цель, с любым вооружением или грузом. В любую погоду — лишь бы разрешили взлет. Все на той же счастливой своей «девятке» и с тем же все экипажем, таким же надежным и безотказным, как и она. Сменился за это время один лишь стрелок-радист — о нем расскажу после.

Были в полку и стабильные экипажи. Слетанные, дружные — не разольешь водой. К ребятам Жесткова присказка эта как-то не подходила. Что-то в ней было чуть ли и даже не оскорбительное для них. А зачем разливать, в самом деле?

"Командир у меня — железо!" — без этой фразы у Вани Локтюхина не обходился ни один рассказ об очередном потоплении транспорта, прорыве с торпедой сквозь заградогонь. "Лейтенанта нашего кто не знает", — вторили штурману оба стрелка, целиком относя очередной сбитый «мессер» исключительно на счет командира, который им выложил фрица под самый прицел. "Только и оставалось — нажать на гашетку…"

Сам «командир-железо», не говорун (кстати, о том, что не довелось мне еще на войне, — это повстречать летчика скромней Саши), выражал свои чувства и того проще. "Спасибо ребятам, ребята не подвели…"

Точно так же — и о «старушке-девятке».

В канун высадки Эльтигенского десанта, 31 октября, в полк поступило целеуказание: два транспорта в охранении десяти кораблей в сорока километрах восточнее порта Сулина. На удар была послана тройка высотных торпедоносцев, возглавляемая

Жестковым.

— В районе цели возможны грозы, — предупредили синоптики.

— А также "мессеры", — как бы между прочим напомнил ведомым Локтюхин. Держаться как на веревочке, хлопцы!

Напоминание было нелишним: до цели тысяча километров, ястребков на прикрытие не пошлешь. Ольховой и Синицын, как и их штурманы, — в общем обстрелянные бойцы, но для такого задания опыта маловато.

А стоит кому-то отстать, потеряться — считай, что насмарку и весь полет. Высотное торпедометание — высокое искусство, от штурмана требует ювелирного мастерства. Сбросить стальные сигары так, чтобы они приводнились точно по курсу движения цели, в двухстах-четырехстах метрах от нее. Вынос точки приводнения зависит от скорости корабля и его маневренных возможностей. Торпеда, спустившись на парашюте в воду, принимается циркулировать вокруг цели по расходящейся спирали. Если торпеда одна, даже и не особенно опытный противник, ориентируясь по ее следу, может легко избежать роковой встречи. Несколько — почти неизбежно запутывается в сплетении циркуляции, теряется, напарывается на сокрушительный взрыв…

Трехчасовой полет над морем. Небо ясное, три самолета на нем — три жука на стекле. Вражеских истребителей, к счастью, не видно.

Решили выйти на остров Сакалин, возле Георгиевского гирла, оттуда и начать поиск. У озера Синое развернулись на север, потянули вдоль румынского побережья. Грозовой фронт, о котором предупреждали синоптики, видимо, сместился к югу. Внизу рваная облачность, сквозь нее неподвижными полосами просвечивают накаты волн. Справа на берегу аэродром Мамайя, на нем — полк вражеских истребителей.

— Район поиска, — докладывает командиру Локтюхин.

— Штурману следить за морем, стрелкам — за воздухом и аэродромом врага.

— Цель вижу, — через несколько минут Локтюхин.

— Взлетают, командир! — почти одновременно Засула.

Впереди, в море, в окружении черных точек, — два четких пунктирных штриха. Справа, над береговой полосой, — несколько желто-оранжевых пылевых вихрей…

С этой минуты все действия летчика обретают особенную быстроту и четкость.

— Штурман, курс на цель!

Еле заметным движением рук и ног Жестков ставит самолет

на расчетный режим. Оглядывается на ведомых — Синицын и Ольховой точно повторяют маневр. Стрелки молчат — истребителей пока нет. Заходят со стороны солнца?

— На боевом, командир!

Теперь что бы там ни было — ни одна стрелка приборов не шелохнется. Это имеет в виду Локтюхин, когда говорит о своем командире — железо.

Первыми открывают огонь зенитки: в чистой голубизне неба повисают грязные комья, взвиваются дымные шнуры «эрликонов». Силуэты транспортов растут с каждой секундой. Вот уже различаются палубные надстройки, вспышки орудий… Машина вздрагивает от близкого разрыва. Стрелки приборов как бы настораживаются, но прочно остаются на месте.

— Повреждена правая консоль, — деловито-спокойный доклад Засулы.

— Торпеда сброшена, командир! — голос штурмана. С ноткой извинения — за секундную задержку доклада.

Резкий маневр облегченной машины, сектор обзора — стрелкам.

— Ведомые?

— Сбросили, командир! Все парашюты раскрылись! Больше маневров не надо: противник перенес огонь на торпеды. Уж лучше бил бы, как бил.

— Зажгли один парашют…

— Следить за остальными!

Остальные две торпеды, несмотря на интенсивный огонь, достигают воды, отцепляются от парашютов, начинают циркулировать…

— Взрыв! — наконец-то Засуле изменяет его спокойствие. — Цель, командир!

Доворот самолета. Видно: взрывом одной из торпед разнесло сторожевой катер.

— Еще один!

Транспорт-трехтысячник. У него оторвало корму, над накренившейся палубой поднимается черный столб дыма…

Несколько вылетов. Всех не опишешь. Всего их за годы войны было совершено Александром Жестковым более двухсот. И таких, как описаны здесь. И труднее. И легче. Хоть в общем-то легких их не бывает. И если экипаж возвращается на аэродром, не сбросив бомбы или торпеду по цели, так это еще тяжелей. Какие бы ни были к тому причины. Тем более для такого летчика, как Жестков. Тяжелее, чем самый ожесточенный воздушный бой, чем прорыв сквозь любой многослойный огонь зениток.

Впрочем, у Жесткова таких случаев было немного. И лучшим

свидетельством этому служат те двадцать пять символических силуэтов на фюзеляже его боевой машины, реальные прототипы которых ржавеют на черноморском дне. И шесть звездочек. И не нашедшие выражения в символах десятки разбитых и сожженных самолетов на вражеских аэродромах, десятки танков, орудий, автомашин на полях и дорогах, многие сотни потопленных в море и уничтоженных на земле офицеров и солдат бесчеловечного гитлеровского рейха…

Скромный смоленский паренек с непослушным зачесом и жестковато-упрямым взглядом…

5 ноября 1944 года морскому летчику старшему лейтенанту Жесткову Александру Ивановичу Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

Стрелок-радист Андрей Засула

До сих пор он перед глазами, как наяву, — парень высокий, но не старающийся быть видным, с всегдашней своей как бы за рост извиняющейся улыбкой. Любил книги и песни, храбрых и верных людей. Больше всего — своего командира, бесстрашного Сашу Жесткова. Не просто любил — обожал. Что еще? Был комсомольским секретарем эскадрильи, обучал молодых радистов, помогал им войти в боевую жизнь. Часто прямо с занятий бежал к самолету. И лишь тогда забывал про свою улыбку, будто оставлял ее на земле…

Тяжелая на войне у стрелков работа. Наши телохранители — говорят о них летчики, штурманы. Не шутя говорят.

Стрелок-радист и воздушный стрелок занимают посты в хвосте самолета: первый вверху, у турели с крупнокалиберным пулеметом, второй — возле нижнего люка со ШКАСом. Летчик и штурман им не видны. Если нет бомб — впереди глухая пустота фюзеляжа, нижний край бронеспинки, что прикрывает сиденье летчика. Сам летчик по грудь наверху, в своей кабине из плексигласа. Штурман и вовсе — в самом носу, в прозрачном решетчатом конусе, как в клетке повиснув над морем ли, над землей.

Летчик ведет боевую машину, штурман счисляет путь. Оба в любой момент знают местонахождение самолета, решают, какой предпринять маневр. А стрелки? Вот самолет пошел вниз, чуть не камнем. Что это? Противозенитный маневр или…

В общем, одно дело — сам едешь, другое — тебя везут. Поле зрения стрелков — задняя полусфера. То есть полнеба, во всю необъятную ширь. За полнеба и отвечают. Жизнью. Да если бы только своей.

"Мессеры", «фоккеры» со стороны солнца заходят, пикируют сверху почти отвесно, разделяются поодиночке, на группы — одни отвлекают, другие подкрадываются из-за угла. Хоть, понятно, углов полусфера и не имеет. Но так доходчивей молодым объяснять.

Молодые стрелки уважают Засулу. Засула — севастополец, летал с Херсонесского маяка. Участник обороны Керчи, Новороссийска. Ходил на удары по скоплениям войск, по аэродромам, железнодорожным узлам. Силен тогда немец был в воздухе, не то, что сейчас. Впрочем, значение это имеет только в большом масштабе. А на один самолет их и теперь хватает. Тут как кому повезет. Бывает, навалятся, еще и злее…

Засуле есть что вспомнить, когда понадобится пример.

В один из февральских дней сорок второго эскадрилье поставили задачу уничтожить колонну противника на Керченском полуострове. Тяжелые шли там бои. Комэск Беляев предупредил заранее — встречи с «мессерами» не миновать. Как следует, проверили пулеметы, ленты, подтащили поближе весь боезапас.

И вот машина на старте.

Экипаж лейтенанта Жесткова, в котором воюет Засула, уходит в воздух одним из первых. Сверху видно, как, вздымая за хвостами снежную пыль, одна за другой выруливают и взлетают остальные машины.

Все девять бомбардировщиков в сборе. Спустя двадцать минут к ним пристраивается шестерка истребителей прикрытия. С ними лететь веселее. Под крылом проплывают поля Кубани, Керченский пролив. Видно, как по дорогам движутся к передовой танки, артиллерия, обозы. Потом они пропадают — близко передовая. Стрелки на всех машинах вращают башнями, просматривают воздух. И вот со стороны Азовского моря появляются два «мессера». Летят на предельно малой высоте. Приближаются. Несколько красных ракет оповещают "Строй, внимание!"

"Ишачки" зигзагами барражируют вокруг бомбардировщиков. Гитлеровцы не атакуют. Идут неотступно за группой.

Нашим ястребкам это надоедает, четверо из них круто разворачиваются. Враг благоразумно удирает…

Линия фронта с беспорядочным огнем зениток остается позади. Скоро цель. Где-то по дороге Судак — Феодосия движется к фронту колонна вражеских танков.

— Цель слева! — докладывает штурман. — Видишь, командир?

— Вижу, штурман. Андрей, передай ведущему.

Комэск проходит мимо, будто не заметив: колонна ползет в лощине, между лесистых гор. Лучше подождать, когда она вытянется на равнину.

Над Крымскими горами группа разворачивается и тоже перестраивается в колонну. На высоте шестьсот метров выходит на цель — гитлеровцы уже в долине. Между самолетами вспыхивают светлячки, протягиваются дымные шнуры — бьют скорострельные пушки, «эрликоны».

Отделяются бомбы от головного самолета — их сбросил штурман эскадрильи Иван Васильевич Егельский. Следом, эстафетой, — от всех остальных. Дорога обсаживается желто-серыми кустами, вверх взлетают обломки, какие-то тряпки, в кюветы откатываются, как с ложками котелки, башни танков с орудиями. Воздушные стрелки поливают из пулеметов

разбегающихся от дороги немцев…

Группа поднимается над горами, чтобы вновь перестроиться в «походную» девятку. Позади — туча пыли, пронизанная черными столбами дымов.

И тут появляются «мессеры».

— Четыре… восемь… Четырнадцать, командир! — докладывает Засула.

Первая четверка с ходу наваливается на их машину.

— Андрей, работай! — кричит Жестков, маневром выходя из-под удара. — Черт, не успели построиться…

Андрей работает. Работает воздушный стрелок Иван Атарщиков. Коротко стучит ШКАС штурмана Локтюхина. Жестков искусно маневрирует, так что «мессеры» чуть ли не сами напрашиваются в прицел. Первая атака отбита.

Но это только начало. Ясно, что бой предстоит жесточайший: запоздавшие «мессеры» колонну им не простят. Снова атака. «Ишачки» отчаянно бросаются наперерез. Разноцветные трассы располосовывают небо. «Мессершмитты» прорываются, бьют в упор. Один из стервятников зашел в хвост самолету Виктора Беликова. Что там Зыгуля и Северин? Не видят? Ну да, фашист в необстреливаемом пространстве. Надо спасать! Очередь Засулы упирается в обнаглевшего гитлеровца. Ага!..

Стервятники наседали. Еще один «мессер» напал на Беликова, поджег. Засула срезал его. Добивать Беликова ринулся третий фашист. Зыгуля и Северин достали его из горящего самолета, фашист задымил. Беликов резким скольжением сорвал пламя с крыла. К нему подошли два И-16, прикрыли. Комэск Беляев уменьшил скорость, поджидая отставшего товарища…

Отражая удары «мессеров», эскадрилья на малой высоте пересекла Керченский пролив. Гитлеровцы отстали.

Бомбардировщики в этом бою потерь не понесли, если не считать множества дыр в крыльях и фюзеляжах. Ястребки потеряли троих из шести. Гитлеровцы недосчитались четырех «мессеров».

Выйдя из самолета, лейтенант Жестков крепко обнял Засулу.

— Спасибо, друг!

Через несколько дней в торжественной обстановке Андрею была вручена медаль "За отвагу".

Вскоре экипаж Жесткова улетел в Севастополь, в группу майора Чумичева.

Город-крепость держал оборону. Насмерть стояли пехотинцы и моряки. Их поддерживала корабельная и береговая артиллерия, армейская авиация с дальних аэродромов. Передовая группа флотской авиации расположилась рядом — на небольшом

аэродроме у Херсонесского маяка. Тяжелые Ил-4 вылетали на бомбежку артиллерийских позиций, скоплений войск, кораблей на подходах к порту. Аэродром обстреливался вражеской артиллерией, гитлеровские истребители караулили каждый взлет. Летали, как правило, ночью.

Экипажу Жесткова приходилось действовать в светлое время суток: на него возложили дальнюю воздушную разведку.

В один из весенних дней сорок второго года получили задачу: осмотреть морские коммуникации вдоль побережья Румынии и Болгарии. Андрей Засула и Иван Атарщиков заботливо подготовились к многочасовому полету: тщательно проверили бортовую рацию, оружие, запаслись авиационными гранатами АГ-2…

В предрассветной полутьме свирепствовал ветер. Гремел тугими брезентовыми чехлами, завывал в антеннах радиостанции. Рваные клочья облаков проносились над аэродромом. Неподалеку грохотало море, ледяная морось обжигала лица…

Забрезжил рассвет, взлетели. Низкая облачность прижала машину к воде. Впрочем, это было и на руку: может быть, не заметили взлет гитлеровцы с постов на высотах? Черта с два…

— Справа сзади "Гамбург", — доложил командиру Андрей.

— Что будем делать, штурман? — посоветовался Жестков с Локтюхиным.

— Уйдем в облака, развернемся в сторону Одессы. Пройдем минут пять на виду у немца, а затем снова в облака и на свой курс.

— Попробуем. Андрей, как там фриц?

Громадина «Гамбург-138» не отставал ни на шаг.

— Прет, как паровоз, гад! Сейчас пугну его! Прогрохотала короткая очередь. Жестков круто развернулся, замелькал в жидких облаках. «Гамбург» попер за ним. Атарщиков сыпанул по четырехмоторной громадине градом трассирующих. Жестков укрылся, нащупав слой потолще.

— Может, подбросим шептунка, командир? Что-нибудь в Одессу открытым текстом, вдобавок к донесению с «Гамбурга». Чтобы не ждали нас в гости в Румынии.

— Идея! Молодец, Андрей. Штурман, заготовь радиотелеграмму. Что-нибудь насчет курса…

На подходе к Сулине облачность оборвалась. Штурман открыл бомболюки для планового фотографирования. Одновременно решили сбросить несколько бомб — для отвода глаз.

Забили зенитки.

— Разрывы справа сзади! — докладывает Засула.

— Есть! — подтверждает Жестков. Короткий крен на крыло, скольжение.

— Слева, снизу!

Новый маневр.

Вышли на цель. Теперь летчик слушает только штурмана.

— Два влево… Еще один… Так держать! Бросаю… Бомбы накрывают баржи в порту. Фотографирование, разворот, осмотр прибрежных коммуникаций. Море пустынно. Курс на Констанцу.

Снова порт. снова зенитки. На этот раз вдвое ожесточенней.

— Так держи, командир, сбросим с ходу. Спокойно, ребятки, сейчас… Это штурман.

— Разрыв у правого крыла… Вижу дырки, — Андрей.

— Разрыв за хвостом! — Атарщиков.

— Сброс! Включил фотоаппарат…

— Лупят, гады! Может быть, отвернем? Сфотографируем перспективно?

— Сейчас закончу, командир… Есть!

Резкие отвороты, скольжение, изменение скорости… Все! Рай, тишина, кажется, слышно, как плещутся волны…

И тут же голос Засулы:

— Два «мессера»! Атакуют справа сзади.

— Огонь!

Истребители разделились, намереваясь взять бомбардировщик в «клещи». Один заходил сверху, другой подбирался снизу. Верхний наткнулся на трассу крупнокалиберного пулемета Андрея, отвалил в сторону. Второй продолжал атаковать с нижней полусферы. Строчки люкового ШКАСа Атарщикова потянулись, к нему. Он тоже бил из всего бортового оружия. Жестков маневрировал, уклоняясь от трасс, открывая стрелкам нужный сектор обзора. Врагу удалось продырявить фюзеляж бомбардировщика. Пулемет Атарщикова осекся…

— Что у тебя? — крикнул Засула, не отрываясь от прицела.

— Отказал…

— Бей гранатами!

В воздух полетели АГ. Быстро спускаясь на парашютиках, они окружили разрывами «мессер». Тот сделал переворот и скрылся в сторону моря.

— Вроде обошлось! — облегченно вздохнул Андрей.

— Не расслабляться!

Над Варной и Бургасом было спокойней. Так, жиденький огонек. Закончив аэрофотосъемку, взяли курс к крымскому берегу.

На подходе к Севастополю снова доклад Засулы:

— Сверху сзади два «мессера»!

Фашисты открыли огонь с дальней дистанции. Одна очередь угодила в консоль, сорвала обшивку.

— Влево! Вправо, командир!.. — управлял маневрами Засула.

Жестков моментально бросал машину то в ту, то в другую сторону.

В разгар боя на выручку пришли «яки» — друзья с Херсонесского маяка. Ме-109 вильнули в сторону. Ястребки их догнали, закрутилась смертная карусель…

И опять командир жал руку Засуле:

— Спасибо, Андрей! Если б не ты…

21 мая — очередная дальняя разведка. Осмотрев Каркинитский залив, подходы к Днепровско-Бугскому и Днестровскому лиманам, сфотографировав порт Одессы, экипаж подходил к Сулине.

— Слева транспорт! — доложил командиру штурман Иван Локтюхин.

Жестков бросил взгляд влево.

— Без прикрытия?

— Значит, нужно ждать «мессеров».

— Андрей, передай на землю! Штурман, координаты, курс…

— Земля целеуказание приняла, командир, — доложил через пару минут Засула. И тут же: — Над нами «мессер»!

Ну глаз! Едва успел оторваться от шкалы рации… Истребитель открыл огонь издали. Снаряд задел кабину воздушного стрелка. Осколки плексигласа брызнули Засуле в лицо, но он сумел выпустить очередь. «Мессер» перевернулся через крыло и врезался в воду.

— Накрылся собственным крестом фриц! До Жесткова и Локтюхина не сразу дошел смысл слов Андрея: все их внимание приковал к себе транспорт. Эх, если б торпедку…

Цель маневрирует, штурман нажимает кнопку. Бомбы рвутся у борта судна.

— Ладно, не горюй, прилетят торпедоносцы, доделают. — утешает Жестков Локтюхина. Да, что ты, Андрей, там насчет креста и фрица?

— Воткнулся фриц в море.

— Да ну?

— Точно, командир! — подтверждает Атарщиков. — Вон еще плавает что-то там на воде…

По данным разведчика взлетели два торпедоносца и два бомбардировщика с того же аэродрома Херсонесский маяк. Группу возглавил комэск майор Федор Михайлович Чумичев со

своим штурманом капитаном Сергеем Прокофьевичем Дуплием. Цель обнаружили в тридцати километрах к востоку от Килийского гирла. В результате удара транспорт водоизмещением три тысячи тонн был буквально изуродован. Торпеда оторвала ему корму, бомба снесла палубные надстройки, вызвала пожар…

Потом оборона Кавказа. Особенно ожесточенными были бои на новороссийском направлении.

В один из августовских дней сорок второго года группа бомбардировщиков вылетела на удар по колонне танков противника. Когда уже вышли на боевой курс, к машине летчика Шапкина протянулась огненная трасса. Жестков моментально обернулся: серый двухкилевой Ме-110 нацеливался на него, самолет Шапкина непоправимо скользил к земле, волоча за собой шлейф дыма…

— Прозевали! — услышал в наушниках сдавленный голос Засулы. — Из-за облака, гады…

Затем дробная очередь, трассы с других машин. «Мессер» загорелся, вошел в пике и воткнулся в землю.

Отбомбились прицельно. Потом долго отбивались от остальных «мессершмиттов». По командам Андрея Жестков маневрировал умело, подставляя врагов под огонь бортовых пулеметов.

На обратном пути налетели Ме-109. Один из них, выходя из атаки горкой, нерасчетливо завис над бомбардировщиками и тут же был сбит дружным огнем воздушных стрелков.

Две победы. Не без потерь. Погиб экипаж Шапкина, две машины были серьезно повреждены и совершили вынужденные посадки на запасные площадки. Три человека получили тяжелые ранения.

Два трудных воздушных боя за один вылет. Впрочем, в те дни так случалось не раз…

Обычно воздушный бой бомбардировщиков с истребителями скоротечен. Какие-то минуты. Но это — по часам, после. А в измерении жизнью… Сколько переживет летчик, штурман, стрелок? Сколько отдаст душевных сил, энергии от первой и до последней пулеметной очереди, насколько, в конце концов, постареет за эти несколько минут?

Впрочем, последнее перед лицом смерти значения не имеет. Андрей Засула представлял дело проще. "Нет врага — перед тобой полнеба, — объяснял молодым стрелкам. — Увидел его, приник к прицелу — и нет ничего, только узкая щель. Щель, и в ней враг! Понятно?"

Сорок третий год, начало изгнания фашистских захватчиков с

Кавказа. Ожесточенные бои на земле, в воздухе, на море…

Летали каждый день. То с бомбами, то с торпедой. Во многих воздушных боях пришлось побывать экипажу Жесткова, и каждый раз самолет с бортовым номером девять возвращался на свой аэродром. О нем говорили — живучий. Единственная машина, оставшаяся в полку с начала войны, "счастливая девятка"…

Конечно, не все в бою зависит от экипажа, расчета. Тем более — от бойца. Но если, едва посадив покалеченную машину, не успев оглядеть и ее, и себя, летчик ловит и жмет твою руку: "Спасибо, Андрей!" — значит, есть твоя доля в нелегком военном счастье.

"Спасибо, друг, если б не ты…" Много раз довелось это слышать Андрею от командира.

За мужество и мастерство, проявленные в воздушных боях, Андрей Васильевич Засула был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Когда войска 4-го Украинского фронта вышли к Перекопу и отрезали крымскую группировку врага с суши, на авиацию и флот была возложена задача блокировать морские сообщения противника.

23 ноября сорок третьего года два самолета-торпедоносца ушли на "свободную охоту" в северо-западную часть Черного моря. Ведущим летел майор Яков Карпенко, ведомым — старший лейтенант Александр Жестков. Штурманом у него в этом полете был младший лейтенант Александр Касаткин, а пятым членом экипажа старший техник-лейтенант Григорий Гармаш.

Техник оказался на борту по собственной настоятельной просьбе. Дело в том, что в случае необнаружения целей экипажам предстояло произвести посадку на прибрежном аэродроме в Скадовске, снять там торпеды и только после этого вернуться домой. Таким образом пополнялся боезапас на этом недавно освобожденном полевом аэродроме, куда перелетел 36-й минно-торпедный полк нашей дивизии. Подвоз туда был крайне затруднен: осенние непогоды превратили разбитые грунтовые дороги в сплошное месиво.

Вот этим предлогом и воспользовался Гармаш, чтобы принять непосредственное участие в боевых действиях.

— Чем я вам помешаю? А в Скадовске помогу подготовить машины к вылету. Мало что может случиться…

Случись что, техники в тридцать шестом бы нашлись. Но предлог в самом деле был налицо. И Жестков не смог отказать другу.

— Ладно, полетишь бортинженером, — пошутил. — Но какой ни инженер, подчиняться будешь Засуле. В кабине воздушных

стрелков хозяин он.

Сверхштатный член экипажа Григорий Михайлович Гармаш в полете повел себя по-хозяйски. Внимательно осмотрел внутренность фюзеляжа, проверил крепления спасательной шлюпки, бортового пайка, пододвинул поближе к стрелкам ящик с запасным боекомплектом.

— Так-то надежнее будет.

Затем попросил разрешения у Засулы постоять на его боевом посту у башни.

— Пока летим далеко от берега, — предупредил Андрей. — И все равно смотреть надо в оба!

— Постараюсь, — скромно заверил «бортинженер». Погода благоприятствовала действиям торпедоносцев у цели: низкая облачность, ограниченная горизонтальная видимость позволяли нанести удар внезапно и с близкого расстояния. Но она же и затрудняла поиск. Сотни и сотни километров оставались позади, а кораблей противника обнаружить не удавалось. У Тарханкута встретились с туманом. Лететь дальше смысла не было. Ведущий лег на обратный курс.

Подходя к Севастопольской бухте, Жестков услышал голос стрелка-радиста:

— Командир, слева сверху заходят два Ме-109!

— Приготовиться к бою! — скомандовал Жестков. — Андрей, дай ракетой сигнал ведущему.

Засула достал ракетницу, зарядил. Выстрелить не успел: самолет резко метнулся вправо, огненные трассы прошли в нескольких сантиметрах от крыла. Бросив ракетницу, Андрей намертво приник к пулемету.

Торпедоносцы прижались к воде, «мессершмитты» напористо атаковали сверху. Заклинило крупнокалиберный пулемет в машине ведущего. Маневрировать с боевой нагрузкой было трудно, Жестков принял решение сбросить торпеду. Его примеру последовал и Карпенко.

Жестков прикрывал его огнем. Появлялся то справа, то слева, откуда заходили «мессеры». Те поняли обстановку, наседали все нахальней. И все чаще на самолет Жесткова, видимо, уже считая машину Карпенко своей добычей.

Андрей Засула сражался за двоих, то и дело перебрасывая пулемет с борта на борт. Израсходовав боекомплект, заложил запасной. Один из фашистов, воспользовавшись минутной заминкой, навис прямо над башней. Засула длинной очередью сбил с него спесь: «мессер» задымил, ушел в сторону берега.

Второй продолжал атаковать. Работая за двоих, Андрей расстрелял и запасной боекомплект. Враг это понял, подошел

почти вплотную, ударил в упор. И именно по кабине стрелка. Пуля попала Андрею в голову. Смертельно раненный, он опустился на пол…

К пулемету бросился Гармаш. Перезарядить не успел: «мессершмитт» подошел еще ближе. Почему он не стреляет? Ага. Очевидно, и у врага боеприпасы подошли к концу. Вот он совсем рядом, сквозь плексиглас видна торжествующе оскаленная морда…

И тут Гармаш увидел на полу заряженную ракетницу. Схватил, выстрелил. Фашист с перепугу принял след ракеты за пулеметную трассу, шарахнулся в сторону. И больше уже не решился подходить к вновь обретшему «боеспособность» коварному торпедоносцу…

Исхлестанные пулеметными очередями две машины возвращались на свой аэродром. Глаза Александра Жесткова заволакивались слезами: в кабине стрелков умирал его верный боевой друг…

Образ отважного воина-комсомольца Андрея Васильевича Засулы навсегда остался в памяти однополчан как пример самоотверженного служения Родине в самые трудные для нее дни…

Штурман Василий Галухин

Он появился у нас в эскадрильской землянке в один из мартовских дней сорок третьего года — плотный, в белесом от соли реглане, с припухлым от зимних штормов лицом, больше похожий на бедолагу шкипера с какого-нибудь портового катеришки, чем на нашего брата, чье основное рабочее место отделено плексигласом от внешних стихий.

— Старший лейтенант Галухин, — без промаха выделил из однородной компании в летном комэска. — Назначен к вам штурманом звена.

Сел, по-домашнему огляделся, крепко потер ладонь о ладонь и вдруг улыбнулся так весело и счастливо, что и нам на минуту почудилось, будто со стужи попали в уют чуть не родимого отчего дома.

Между тем за окном стоял тихий весенний день, в меру серый и обещающий солнце.

— В «мокрой» летал? — наметанным глазом определил собрата капитан Бесов, сам начинавший войну в гидроавиации.

— Двести боевых, — готовно ответил штурман заодно и на следующий вопрос. И, без стеснения, еще и на третий, прочтенный во взглядах сбившихся в уголке новичков: — Пара Красного Знамени, ребятишки!

Ребята, похоже, успели в него влюбиться. Что-то в нем было, в его улыбке, что позволяло не то что представить, а и как будто припомнить его широколицым задорным мальчишкой, хоть по годам новый штурман скорей подходил к комэску, чем даже к нам, предвоенным выпускникам.

— Будете летать с капитаном Осиновым, — принял решение Федор Михайлович. Выдержал паузу, хмурясь, покосился на лица, невольно оттягивая всем известный и ожидаемый всеми момент. — Для допуска к полетам должны в течение недели изучить район боевых действий, материальную часть и… сдать соответствующие зачеты.

Это и был тот момент, всякий раз с нетерпением ожидаемый не избалованной развлечениями аэродромной публикой, — с тем большим нетерпением, чем более заслуженным казался вновь прибывший. В землянке повисла особая тишина, в нескольких лицах, как в зеркалах, отразилось то самое выражение.

Галухин, однако, обескуражил не только одних эскадрильских весельчаков.

— И по штурманскому делу, — спокойно восполнил пропущенное комэском. Что, впрочем, должно разуметься само

собой.

И улыбнулся еще довольней. И подмигнул молодежи: "Гвардейский порядок! Цените, куда попали, друзья".

В землянку как будто пахнуло весенним ветром. Стало шумно, пошли разговоры наперебой.

Со 119-м морским разведывательным авиаполком у нас была особая, родственная, можно сказать, связь. Вместе мы не летали, и работать на нас ближним разведчикам почти не приходилось, но почему-то именно оттуда к нам чаще всего прибывали летчики и штурманы и — почему-то опять же, — как на подбор, в самом скором времени становились лучшими из лучших. Какую-то особенную закалку характера давала работа на МБР-2, этих юрких летающих лодках, которые, как истинно морские птицы, признавали родными лишь две стихии — воздух и воду, — на землю же выбирались на посторонней тяге и на «чужих» ногах.

Тяжкая это была работа!

…Экипаж уходит на задание со своего морского аэродрома — с бухты Матюшенко, к примеру, у Херсонесского маяка. Здесь с берега в воду уходит огромный дощатый настил, вроде наплавного моста, затопленного весенним половодьем, — гидроспуск. Водолазы в резиновых костюмах с помощью трактора бережно спускают по нему самолет, а затем, когда он встает на редан и начинает держаться на плаву, снимают колесное шасси. Это самое трудное дело. Стоя по горло в ледяной воде, они работают на ощупь. Волны сбивают их с ног, временами накрывают с головой, раскачивают самолет, вырывая из рук рычаги механизмов…

Наконец все готово. Работяга-трактор вытаскивает из воды шасси, водолазы, разгребая руками воду, выходят на площадку. Теперь дело за буксировщиками. Их катерок, фыркая и захлебываясь, принимает конец, натягивает буксирный трос. Немало сноровки требуется от моряков, чтобы при ветре и волне оттащить капризную крылатую машину на простор. Но вот буксир отдан, зарокотал мотор. Самолет, поднимая каскады брызг, побежал по воде, вышел на редан и, черкнув по последней волне, взмыл в воздух…

Почти то же и с возвращением. Только катер не нужен, машина подруливает к гидроспуску сама. Зато ставить ее на колеса куда трудней, чем снимать с них…

— А вообще замечательная машина! — закончил свои объяснения Галухин. — При замечательном летчике, штурмане и стрелке. При нечувствительных к холоду водолазах, при виртуозах катерниках и трактористах. Ну и, желательно, при хорошей погоде.

Все расхохотались. Штурман удивленно огляделся, сделал вид, что зарапортовался, и мигом поправил дело своей неотразимой улыбкой.

— А что? Ну обшивка фанерная, так для легкости. Скорость сто шестьдесят… пять…

— …так для маневренности!

— Ну да. Поднимает четыреста килограммов бомб — это уже для фрица. Для него же имеет два ШКАСа. Что может? Да чуть ли не все! Это теперь в основном разведка, а когда Севастополь обороняли, так и конвои свои от подводных лодок оберегали, и немецкие катера топили, и за штурмовиков на передний край ходили, батареи, аэродромы бомбили… Замечательный, говорю, самолет!

В наш Ил-4 Галухин влюбился сразу. Тем более, что это и в самом деле была замечательная машина. Новый штурман быстро изучил ее, не стесняясь прибегать к помощи рядовых механиков и мотористов. А вскоре ему довелось и лично присутствовать при рождении новых «илов», увидеть те руки, которые их создавали.

В мае сорок третьего года пять экипажей полка вылетели в Иркутск на авиационный завод за новой матчастью. Жили там три недели, бывали в цехах, встречались с рабочими в общежитиях и клубах. Галухин с его обаянием был тут незаменим. В свои тридцать четыре года он успел повидать многое, а боевой путь начал еще в 1929 году, в конфликте на КВЖД, был там воздушным разведчиком, производил фотосъемки объектов…

Когда вернулись в полк, узнали о потерях. Погибло четыре экипажа и среди них — командира второй эскадрильи майора Дмитрия Михайловича Минчугова. На его место назначили капитана Федора Ивановича Федорова, а штурманом эскадрильи стал капитан Василий Григорьевич Галухин.

В свои новые обязанности он вошел сразу — как тут и был. Неторопливый, спокойный, во всем основательный, Василий Григорьевич обладал редкой способностью не только располагать к себе людей, но и оставаться при этом исключительно требовательным начальником. За короткий срок сумел образцово поставить штурманское дело, организовать систематическое обучение молодых.

Одновременно учился сам.

10 августа четыре экипажа, ведомые комэском, вылетели на торпедный удар по конвою противника на траверзе Евпатории. Два транспорта шли под сильным охранением — три быстроходные десантные баржи, шесть сторожевых кораблей.

Галухин впервые выполнял такую задачу. Точно вывести

группу в район цели, обнаружить ее — это было для старого разведчика почти пустяковым делом: — Но эффективный торпедный удар…

Атаковать такой сильный конвой возможно только с ходу. Фашистские корабли вовремя обнаружили самолеты, открыли бешеный огонь. Машина комэска шла впереди, Галухин тщательно прицеливался. Один доворот, второй… Боевой курс! Снаряды рвутся рядом, осколки секут обшивку. Высота тридцать метров…

В машину капитана Аристова попадает снаряд, она переворачивается "на лопатки", врезается в воду. Атака продолжается…

Сброс!

Три самолета, обогнав свои торпеды, проносятся сквозь огонь над кораблями, едва не задевая их мачты. Штурманы и стрелки следят за торпедами. Взрыв! Взрыв! Участь одного из транспортов решена…

Машина Корбузанова тяжело повреждена, тянет на одном моторе, потом отказывает и он. Летчик планирует, садится на воду…

На аэродром на сильно поврежденных самолетах возвратились экипажи Федорова и Скробова. За успешное выполнение задания ведущий штурман Галухин был награжден орденом Отечественной войны I степени…

…Отгремели бои за освобождение Новороссийска и Тамани, началась подготовка к Крымской наступательной операции.

Особое значение в этот период приобрели минные постановки на морских и речных коммуникациях врага, на подходах к его портам и базам.

28 ноября полк получил задачу поставить мины в устье реки Ингулец.

С утра вершины гор скрыла густая дымка. Ветер гнал по небу серые тучи, хлестал в лица редким холодным дождем. Вылетавший на разведку погоды экипаж полностью подтвердил данные синоптиков: высота нижнего края облаков двести пятьдесят — шестьсот метров, видимость два — три километра.

— Погодка что надо! — похвастался полковой метеоролог Коля Иванов — так, будто сам заказал ее накануне.

Галухин его восторга не разделил.

— Что надо, что надо… — раздумчиво повторил, колдуя над картой.

— А что, Василий Григорьевич? Ведь минные постановки…

— Постановки-то постановки, да только не днем. И нижний край ваш хваленый до вечера может еще опуститься. Верхнего-то

разведчик ведь не достиг?

Опытный штурман, конечно, был прав. В ночных условиях пролететь сотни километров на малых высотах — само по себе не простое дело. А если еще в облаках да с угрозой обледенения…

Были проблемы и кроме погоды. Какими зенитными средствами прикрыт район постановки? Не патрулируют ли в нем ночные истребители противника? Нет ли аэростатов заграждения?

На все эти вопросы точных ответов никто дать не мог.

Вообще-то, не изучив самым тщательным образом противовоздушную оборону района, на минные постановки мы не летали. На этот раз время, видимо, не ждало. Тактику действий предстояло избрать на месте.

Задание было поручено девяти самым опытным экипажам полка. Мне также пришлось участвовать в этом вылете и все его трудности испытать на себе.

Весь день ушел на подготовку. Штурманы тщательно разработали маршрут. Лететь напрямик до Приморско-Ахтарска, затем на запад, пересечь Азовское море до Молочного лимана, от него пройти через всю Северную Таврию до реки Ингулец.

Несколько метеорологических фронтов…

Напоследок начальник штаба полка указал запасные аэродромы: в районах Мелитополя и Ростова-на-Дону.

За час до наступления темноты поднялись в воздух комэски Федор Федоров, Николай Саликов, Евгений Лобанов. За ними — замкомэски Яков Карпенко, Борис Громов, командиры звеньев Валерий Федоров, Александр Жестков, Александр Ковтун. Последним покинул аэродром наш экипаж.

Ночной полет, каждый экипаж действует самостоятельно. Впрочем, в таких метеоусловиях и днем удержать строй было бы невозможно.

Вышло так, как предсказал Галухин. Чем дальше мы уходили на север, тем ниже становилась облачность. На остеклении кабины появились штрихи от дождя. Оставив справа Приморско-Ахтарск, взяли курс на Молочный лиман. Летим на высоте сто метров, как в коридоре: справа и слева низко провисшие облака почти касаются поверхности моря. Дождь усиливается, затем превращается в ливень. Вода пеленой обволакивает фонарь. К тому же начинается сильная болтанка.

— Что будем делать? — советуюсь со штурманом. Тот долго молчит. Затем, против обыкновения, отвечает только на половину вопроса:

— Решай сам, командир. Проводку по маршруту гарантирую.

Теперь задумываюсь я. Спустя минуту включаю переговорное

устройство, объявляю экипажу:

— Задание будем выполнять.

Такое же решение приняли и Федоров с Галухиным. Но об этом мы узнали гораздо позже…

Почти весь маршрут им пришлось пройти по расчету, лишь изредка сверяясь со скупыми и неверными ориентирами на земле. В район вышли точно. Для маскировки сманеврировали: на подходе к Ингульцу повернули на юг, набрали высоту, затем легли на обратный. Снизились, благополучно сбросили мину, стали отходить…

И в этот момент по облакам заметались слепящие пятна прожекторных лучей. Два из них схватили самолет и цепко удерживали его в перекрестии. Вспышки разрывов, снопы огненных трасс, сцепленные шары «эрликонов»…

— Напоролись на переправу! — крикнул Галухин. — Уходи в сторону, командир!

Федоров отчаянно маневрировал, пытаясь вырваться из огненных клещей. Раздался оглушительный треск, брызнули осколки плексигласа. Галухин на мгновение потерял сознание. Когда очнулся, понял, что ранен несколькими осколками. Еще разрыв. Затем мертвая тишина в наушниках…

— Командир, жив?

Связи не было. Самолет ковылял, едва удерживая горизонт. Прожектора отстали. Галухин чувствовал, как по телу ползут теплые ручейки, но сознание больше не покидало его. Нашел карту, карманный фонарик. На глаз определил курс, попробовал связаться с командиром по пневмопочте. Это не удалось, да и детальная ориентировка была потеряна…

С поврежденным рулевым управлением и шасси комэск Федоров довел самолет до своей территории, на исходе горючего посадил его на фюзеляж на пахотном поле в районе Донбасса…

Пять из остальных восьми самолетов вернулись с маршрута с минами. Один совершил аварию при посадке, из-за плохой видимости и сильного бокового ветра поломал два самолета на стоянке. Лишь комэску Саликову и мне в эту ночь повезло: сбросили мины и благополучно приземлились на своем аэродроме на последних каплях бензина…

Подлечившись, Василий Григорьевич продолжал водить эскадрилью на боевые задания. Наступила зима, каждый вылет стоил неимоверных усилий. Летали порой и тогда, когда по всем правилам выпускать самолеты в воздух не разрешалось.

9 января сорок четвертого года полк получил задание: подавить артиллерию и прожектора на Керченском полуострове. Цели расположены непосредственно у линии фронта, это требует

безошибочного их распознавания и особой точности бомбометания.

А бомбить возможно только ночью.

Закончив постановку задачи, начальник штаба майор Константин Григорьевич Немировский спросил, как всегда, есть ли вопросы.

Всегда находились.

На этот раз — нет.

Полученное задание было, пожалуй, самым трудным и необычным из всех, что нам приходилось выполнять в последнее время. Ночная бомбардировка вблизи переднего края. На тяжелых машинах, приспособленных к действиям на широких морских просторах. С экипажами, не привыкшими или уже отвыкшими — после Севастопольской обороны — различать во тьме извилистые контуры траншей и ходов сообщения, а главное, отличать свои позиции от чужих. «Ил» — не По-2, чтобы крутиться над передним краем часами…

Исполняющий обязанности командира полка майор Александр Васильевич Корнилов, нахмурившись, смотрел в карту.

— Ну, если все так понятно…

И вдруг встретил спокойный и ясный взгляд Галухина.

— И вам все понятно, Василий Григорьевич?

— Пока — почти ничего. Но до ночи еще есть время. Надеюсь, что будет понятно, товарищ майор!

— Я тоже на вас надеюсь, И очень прошу: как следует поработайте со штурманами.

Взлет был назначен на вторую половину ночи. Под каждую машину подвесили по шесть соток и по две двухсотпятидесятикилограммовые фугаски.

И вот самолет комэска Федорова на старте. Мигает зеленый огонь, взревывают моторы, срывают тяжелую машину с места, несут по раскисшей от непогод полосе. Лишь в конце ее самолет тяжело отрывается от земли — это мы узнаем по звуку.

Все облегченно вздыхают, расходятся к своим машинам. Дарьин, Жестков, Ковтун, Киценко, Дурновцев, Ольховой, я…

Ночной полет.

У каждого экипажа свое задание, у каждого свой маршрут.

У каждого летчика, штурмана, стрелка свой личный счет с ненавистными оккупантами…

— Штурман, видишь чего-нибудь?

— А как же, командир! Луна вышла, на счастье. Вон черная змейка… Тень от бруствера! Ракеты большинство на восток, значит их передок пролетаем… Сейчас буду выводить на боевой. Возьми десять вправо…

На артиллерийскую позицию зашли вдоль линии фронта. Несколько напряженных секунд — сброс!

— Во угодили! Прямо в окоп! — кричит Александр Кошкин, начальник связи эскадрильи, летающий с комэском за стрелка. — Точно в окоп, там от луны черная скобочка…

— Ишь ты, научился! Не спеши, дорогой, точно пехотка доложит…

Однако и в голосе штурмана явное удовлетворение. Просыпаются зенитки, вспыхивают лучи прожекторов.

— …Пять, семь, девять! — подсчитывает Галухин. — Может, ударим по ним, командир? Гостинцев я сэкономил. Специально для наших лучших друзей приберег…

Снова боевой. Плотная завеса сверкающих молний, неистово пляшущие лучи…

— Скоро, штурман?

— Так уже сбросил. Еще две осталось, давай на повторный заход.

— Ну и… хозяйственный ты человек, Василий Григорьич! Вот влепят самим…

— Это возможно. Пять влево возьми… Еще один… Так держать!

Корректирует точно как днем.

— Подавили зенитную батарею, — докладывает скромно. — Можно идти домой, командир!

Вернулись последними. У стоянки Галухина ждали все штурманы. Набросились, обнимали, жали руку. Стоявшие в стороне техники удивлялись: не группой же действовали, ночной полет…

Федорову с трудом удалось вытащить штурмана на доклад к начштаба. По дороге и сам не мог не спросить:

— За что они к тебе воспылали такой любовью?

— Да так, пустяки вообще… Кой-какие секреты дела. Мы-то на своих штурмовиках фанерных в Севастополе, бывало, чуть не каждую ночь передок щупали. Ну научились кое-чему…

И вот наступил долгожданный день. Войска 4-го Украинского фронта перешли в решительное наступление на группировку противника, зажатую в Крыму. Лозунгом черноморских летчиков в эти дни стало: "Не выпустить из Крыма ни одного гитлеровца!"

10 апреля в полк поступило приказание: нанести удар по пяти транспортам противника в районе Сулинского гирла. Выполнение этой задачи поручили второй эскадрилье — она находилась в тридцатиминутной готовности.

Первым обнаружил корабли комэск.

— Видишь цель, штурман?

— Видеть-то вижу, — в голосе Галухина прозвучало разочарование, — да только что.

Майор вгляделся и чуть не плюнул с досады. Между Сулинским гирлом и островом Змеиным ползли шесть барж и два буксира.

— Да, маху дали разведчики! Должно быть, молодежь…

— А может, и не дали…

— То есть как?

— А так, что иная баржонка может большого транспорта стоить. Особенно в такое время, когда… Во, видал? Рассредоточиваются, гады! Верно, груз не простой… Сейчас такой огонек дадут, небу жарко станет! Давай, командир, сигнал: бомбить звеньями!

"Клин" эскадрильи раздвинулся, разделился на тройки. С кораблей открыли бешеный огонь. Галухин вывел свое звено на цель с ходу: главное не дать пристреляться зениткам.

— На боевом!

Нажал кнопку сброса, приник к остеклению.

— Есть! Влепили в одну! Прямое! — захлебываясь от радости, докладывал Кошкин. — И две накрыты серией…

— Молодец, внимательно наблюдаешь, — скупо похвалил Василий Григорьевич.

В результате бомбоудара была потоплена одна баржа-лихтер, одна повреждена. Но и эскадрилья понесла тяжелую потерю: в машину летчика Шеховцова попал снаряд, она взорвалась при ударе о воду.

Галухин трудно переносил гибель друзей. Однако долго предаваться печали не позволяла война. Через два часа он уже получил приказание возглавить подготовку штурманов к ночному вылету на постановку мин в бухтах Севастополя…

И так день за днем…

В мае, когда бегство оккупантов из Крыма приняло панический характер, приходилось делать по два, по три вылета в сутки — с торпедами, с бомбами, с минами…

Как-то, после очередного доклада Галухина об успешном выполнении задания, наш полковой замполит Иван Григорьевич Шевченко воскликнул, невольно залюбовавшись спокойным, приветливым лицом любимого штурмана:

— Эх, знали бы гитлеровцы, видел бы сам их безмозглый фюрер, какой хороший, добрый человек отправляет на дно корабли с его вояками!

— Вынужден отправлять, — застенчиво улыбнулся Галухин. — Не мы начинали. А кончать некому, кроме нас…

Этот разговор я услышал 11 мая. Тогда мы еще не знали, что

потопленный нами накануне крупный вражеский транспорт был новейший дизель-электроход «Тейя» и на его борту находилось три с половиной тысячи гитлеровских солдат и офицеров…

Три с половиной тысячи!

Участником того вылета довелось быть и мне. Во второй эскадрилье оставались одни молодые летчики, и в пятерку для усиления был включен наш экипаж, из первой. Галухин прекрасно подготовил штурманов к удару, с ходу вывел бомбардировщики на цель и первым сбросил бомбы, ювелирно выполнив все расчеты. Транспорт получил огромные пробоины в борту, накренился, начал тонуть на глазах у летчиков…

Это было 10 мая сорок четвертого года.

А на другой день Василий Григорьевич совершал свой последний боевой вылет в качестве штурмана эскадрильи: вскоре его назначили начальником бомбардировочной службы авиадивизии. Уже был освобожден Севастополь, оставалось два дня до того, как последний гитлеровский солдат поднимет руки на полуострове Херсонес.

В тот день группы полка уже сделали шесть вылетов. В семнадцать часов поступило еще одно донесение: транспорт, груженный войсками, под охраной сторожевых кораблей, обнаружен в открытом море. Нанести удар было приказано комэску-два, в качестве его заместителя снова послали меня.

Молодые штурманы собрались вокруг Василия Григорьевича. Мне всегда доставляло огромное удовольствие наблюдать за его работой. Вводная за вводной, вариант за вариантом, и в каждом свое, оригинальное решение. И рождается оно как бы общими усилиями, и первую мысль подает не опытнейший флаг-штурман, а какой-нибудь вчерашний новичок с горящими азартом глазами…

В семнадцать тридцать группа была в воздухе. Через час обнаружила конвой и с ходу устремилась на него. Над кораблями барражировали Ме-110, зенитки постановили мощный заградогонь. Но недаром Василий Григорьевич готовил свои варианты. «Мессеры» оказались много ниже нас, искусный противозенитный маневр с последующим выходом на цель сбил с толку вражеских артиллеристов. Транспорт мы потопили, потерь не понесли. На аэродром вернулись уже в сумерках.

Вот тут и состоялся тот упомянутый разговор. Галухин застенчиво уклонялся от поздравлений, подталкивал вперед молодых. Но от Ивана Григорьевича еще никому не удалось отвертеться.

— Какой симпатичнейший, черт побери, человек! — призвал он меня на помощь. — И как топит, как топит! Ну-ка придержи

его, Минаков, а то убежит. А у меня к нему не одни комплименты…

Я придержал, и темпераментный наш замполит смог по порядку поздравить скромного штурмана и с потоплением транспорта, и с двести тридцать седьмым боевым вылетом, и… с представлением к третьему ордену Красного Знамени.

Пятнадцать вылетов Дмитрия Старикова

В небе над Эльтигеном особенно отличился однополчанин Литвинчука командир звена Дмитрий Стариков. Только за один день 6 ноября сорок третьего года, прикрывая десантников с воздуха, он уничтожил четыре вражеских самолета.

Диму я знал давно, еще по Ставрополью. Простой рабочий паренек, по комсомольской путевке попал в аэроклуб в Черкесске, затем в Ейское военно-морское авиационное училище. Окончил его накануне войны летчиком-истребителем. В июле сорок первого включился в боевые действия в составе 32-го истребительного авиаполка — будущего 11-го гвардейского. Вылетал на штурмовку вражеских колонн, смело вступал в бои с «мессерами».

"У Старикова рука сильного человека и глаз снайпера. В бою не подведет". Так охарактеризовал молодого пилота замкомэск Владимир Снесарев.

Дмитрий был невысок, коренаст, курнос. Сведенные в линию брови над светло-серыми глазами, твердые скулы, твердая черточка губ — результат постоянных предельных нагрузок. В деле сурово сосредоточен, в часы отдыха мягок и незлобив.

В июле сорок второго был назначен командиром звена. Это совпало с удивительным взлетом личного мастерства Димы. За короткий срок, с 17 июля по 10 сентября, он сбил десять самолетов противника! Бесстрашно навязывал бой, бил напористо, метко. Надежным щитом его был ведомый Сурен Тащиев.

17 июля истребители прикрывали наши корабли на переходе в Новороссийск. Пара Старикова барражировала поодаль от конвоя — гитлеровские бомбардировщики ожидались со стороны моря. Дмитрий первый заметил вырисовывающиеся в дымке силуэты — девять Ю-88 под прикрытием восьмерки «мессеров». По четыре на каждого? Но медлить нельзя. Когда их увидят, будет еще труднее.

— Сурен, прикрой, бью ведущего бомбера! Преимущество в высоте было за ними. Диме хватило мгновения, чтобы с близкой дистанции поразить «юнкерс». Тот взорвался в воздухе. Остальные бомбардировщики нарушили строй, начали метаться, пытаясь маневрировать в одиночку.

— Теперь будем драться, Сурен!

Противником Дмитрия оказался ведущий группы «мессеров». По его почерку Стариков понял: противник тяжелый, искусный боец и отличный пилотажник. Тащиев маневрировал за хвостом

друга, отвлекая на себя других фашистов. Стариков попытался набрать высоту, враг опередил его. Стариков вышел из горки мертвой петлей, стараясь зайти ему в хвост, гитлеровец четкой полубочкой обошел его слева. Стариков почувствовал преимущество врага в технике пилотирования. Явственно представил его волчью усмешку: победа над молодым советским пилотом была для него несомненной. Можно, мол, и позволить себе поиграться, как кошка с мышкой. Тем более, что и со стороны ничего не грозило: там метался одинокий «як» в окружении семи «мессеров».

"Ну, ну… поразвлекайся", — каменно сжал челюсти Стариков, давая немцу зайти с задней полусферы. И тут же, крутым разворотом, бросил свою машину в лобовую атаку. Секунда, вторая, третья… На бешеных скоростях двое мчались навстречу друг другу. Исход поединка решала отчаянность. Оказалось, что немец ценил себя дороже: в последний момент рванул вверх. В более удобной позиции оказался Сурен. Ударил из всех точек. Трассы уткнулись в желтое брюхо «мессера».

— Спасибо, дружище! — крикнул Стариков. — Ныряй в сторону, наши идут!

Подоспела подмога — группа «яков», вызванная с аэродрома. Гитлеровцы, не приняв боя, поспешили ретироваться…

…6 августа группа, в которую входил Стариков, прикрывала транспорты, идущие в Геленджик. Истребители, маневрируя, вели круговой обзор.

После тридцати минут барражирования, когда им на смену должна была подойти другая группа, увидели около сорока бомбардировщиков Хе-111 в сопровождении «мессеров». Гитлеровцы шли четырьмя группами. Первым на одну из них ринулся Стариков. Сбил ведущего, внес растерянность в строй остальных. Но три группы продолжали идти на наши корабли. Стариков атаковал еще одну и вновь поразил ведущего.

Вдохновленные его удачей ястребки за несколько минут расстроили боевой порядок «хейнкелей», не дав им возможности отбомбиться прицельно, а затем вступили в бой с «мессерами». Схватка была ожесточенной. Стариков с Тащиевым связали боем шесть истребителей противника. Пользуясь преимуществом в числе, те несколько раз пытались зайти в хвост «якам». Стариков каждый раз успевал развернуться и ринуться в лобовую. Тогда «мессеры» стали в круг, прижимая пару «яков» к воде. Горючее у наших было на исходе, это, кажется, поняли немцы. Ждали, что «яки» будут вырываться вверх и окажутся в «вилке». Стариков и Тащиев не торопились. Немцы увеличили радиус круга, стремясь заманить их в него. Стариков принял их «предложение», другого

выхода не было. Еще на вираже выбрал цель, открыл огонь. Атака оказалась успешной: гитлеровец задымил и скрылся, снижаясь. Круг на какое-то время разомкнулся, затем сомкнулся вновь. Стариков резко развернулся и снова устремился в атаку. Фашисты, видя решимость советских летчиков драться до конца, выпустили их из круга. Стариков и Тащиев вернулись на свой аэродром с совершенно сухими бензобаками…

…8 августа. День клонился к закату. На аэродром, затерявшийся среди прибрежных гор, возвращались «яки», ходившие на прикрытие кораблей.

— Нам лететь на смену, — предупредил Сурена Стариков.

— Есть, командир! — готовно откозырял Тащиев и обнял за плечи друга. После драки поужинаем, да? Угощу шашлычком тебя. Собственного приготовления! С поваром договорился: если, говорит, фрица собьете, пущу к плите.

— Не мало берешь за фрица?

— Что ты! Едва сторговался, он требовал двух! Трудно, казалось, найти столь различных людей, как эти двое. Стариков серьезен, сдержан, молчалив. Тащиев — веселый, темпераментный южанин. А может быть, различие в характерах и сделало их неразлучными друзьями? Как бы то ни было, но в бою они понимали друг друга без слов.

Корабли шли в Цемесскую бухту. Едва развернувшись в сторону моря, друзья увидели группу «хейнкелей». Бомбардировщики охранялись восьмеркой «мессеров».

— Атакуем, пока нас не видят, — как всегда, решил Дмитрий, заходя со стороны солнца.

Вечернее небо прочертили молнии. Две из очередей вонзились в крыло и фюзеляж фашистского бомбардировщика. Разваливаясь, он рухнул в море. Остальные начали сбрасывать бомбы в воду. «Мессершмитты», разделившись на две группы, набросились на дерзких советских летчиков.

В кабине Тащиева раздался хлопок, в лицо брызнули осколки плексигласа. К счастью, в глаза не попали. Через несколько секунд от его меткой очереди задымил один из «мессеров». Третью вражескую машину сбила подоспевшая четверка «яков», возглавляемая комэском Борисом Литвинчуком. Гитлеровцам пришлось отступить обратно в море.

В этот день Тащиев сбил свой второй самолет, Стариков — шестой.

— Зря торговался с поваром, — посетовал Сурен, когда друзья направлялись в столовую.

…9 августа. В полуоткрытую дверь землянки заглянул солнечный луч, закружил золотые пылинки. На аэродроме

заработали моторы.

— Подъем, Сурен! Опоздаешь на завтрак.

— Будь добр, захвати сюда, Дима…

Через час летчики собрались у КП уточнить задание. Последним появился Тащиев. На смуглом небритом лице — густо-зеленые пятачки.

— Что с тобой, Сурен? — посыпались вопросы.

— Решил воздействовать на фрица психически. Ведь непременно хоть на секунду реакцию потеряет, правда? Тут я ему и влеплю!

— А что, братцы, идея! — одобрительно подхватили летчики. — Хитер Сурен!

— Доктор и вовсе хотел замотать башку, как горшок с кашей. Пожалуй, еще бы страшней было, а?

— Не горюй, в следующий раз попробуешь!

— Нет уж, в следующий раз — твоя очередь. Мне еще, может, жениться придется.

— Ну так тоже рябую бери.

Стариков в этом вылете шел ведущим четверки. Задача — обеспечение действий группы лейтенанта Виктора Щербакова, назначенной на практике кораблей в районе Туапсе.

Но через несколько минут после взлета поступил новый приказ:

— Следуйте в район Анапы на перехват бомбардировщиков противника. Идут на Новороссийск!

— Вас понял, — голос Щербакова.

— И возможно скорей!

Необычное напоминание. Командир полка Наум Захарович Павлов своих летчиков знал…

Видимость прекрасная, чистая голубизна неба пронизана лучами уже поднявшегося над горизонтом солнца. Внизу просверкала серебром Цемесская бухта, в дымах проплыл Новороссийск. Над Абрау-Дюрсо высоко кружились, поблескивая, четыре «мессера». Бомбардировщиков не видно. Однако «мессеры» сразу пошли навстречу. Неспроста!

Стариков развернулся, передал Щербакову:

— Витя, не отвлекайся, хитрят! Уже в ходе схватки заметил на небольшой высоте в стороне группу «хейнкелей». Так и есть!

— Атакуй, не оглядывайся! Прикрою!

— Понял, — спокойно прозвучал ответ друга.

Ударная четверка обрушилась на «хейнкели» сверху. Стремительная атака ошеломила врага. Только два бомбардировщика сбросили бомбы на порт, остальные — куда попало. Два Хе-111 загорелись.

В разгаре боя Стариков заметил еще одну группу бомбардировщиков — они уже подходили к Цемесской бухте. Что делать? Резким рывком он выводит машину из боевой «карусели». Оставив троих ведомых связывать боем «мессеры», в одиночку устремляется на перехват.

Атака, вторая… Один бомбардировщик задымил, остальные развернулись в сторону Анапы. «Мессеры», выйдя из боя, последовали за ними.

Стариков быстро собрал свою четверку, бросился вдогон. На подходе к Анапе прошил фюзеляж еще одного из бомбардировщиков. Стрелок из горящего «хейнкеля» успел послать в него очередь. Мотор продолжал работать, машина хорошо слушалась рулей. Однако горючего оставалось лишь на обратный путь. Подал команду на сбор…

Подходя к аэродрому, проверил шасси. Заклинило! Приказал ведомым садиться, сам начал выполнять каскад фигур, стараясь высвободить колеса силой инерции. Тщетно. Тогда приземлил машину на фюзеляж…

…10 августа. Стариков с Тащиевым вылетели на патрулирование. Перехватили шестерку Хе-111, направляющуюся на удар по нашим кораблям. Заставили противника сбросить бомбы в воду далеко от транспортов. Дмитрий пристроился в хвост к одному из уходящих на запад «хейнкелей» и с короткой дистанции поджег его. Опытный фашист сумел скольжением сбить пламя. Стариков вновь зашел ему в хвост и поливал огнем из всего бортового оружия до тех пор, пока бомбардировщик не перешел в крутое пикирование и не врезался в воду. Убедившись, что кораблям больше ничего не угрожает, друзья взяли курс на восток. Неожиданно со стороны солнца на них свалилась пятерка «мессеров». Завязался жаркий воздушный бой. Одному из гитлеровцев удалось незамеченным зайти в хвост Старикову. Тащиев бросился на выручку, не обращая внимания на то, что в тот миг ему самому в хвост нацелились два фашиста. Подойдя вплотную, выпустил длинную очередь. «Мессер» стал на крыло и рухнул вниз, как сорвавшийся со скалы камень. Должно быть, только это и спасло Сурена: фашисты, уже поймавшие его в прицел, от неожиданности запоздали нажать на гашетки…

Стариков никогда не уставал в полете. На аэродроме, шагая своей легкой походкой несколько впереди Сурена, не оборачиваясь заметил:

— Между прочим, учти. Если бы тебя срезали…

Горячий Сурен попытался что-то возразить, но вдруг увидел окаменевшие скулы друга.

— Учту, командир. Спасибо…

…12 августа. В летную книжку Старикова вносится запись об уничтоженном «юнкерсе».

Утром он вылетел во главе четверки на прикрытие кораблей, идущих в Новороссийск. В районе мыса Идокопас встретил большую группу «мессершмиттов»: фашисты намеревались расчистить воздушное пространство для беспрепятственных действий своих бомбардировщиков. Молниеносно оценив обстановку, скомандовал:

— Атакуем с ходу!

Четверка плотным строем понеслась в лобовую.

— Беру ведущего!

"Мессер" быстро увеличивался в размерах. Дмитрий шел как на таран. Нервы фашиста не выдержали, он взял ручку на себя. Этого мгновения оказалось достаточно: в сетке прицела возникло желтое брюхо, последовал разящий залп…

В стороне падал еще один сбитый самолет противника.

— Молодцы, ребята! — крикнул Стариков, разворачиваясь для новой атаки.

Строй вражеских истребителей рассыпался. Вскоре, разбившись на мелкие группы, фашисты уже удирали.

— Не отвлекаться на преследование!

И в самом деле, не успел он собрать свою группу, как в наушниках прозвучал голос одного из товарищей:

— Командир, слева девятка «юнкерсов»!

Фашисты шли стороной, словно давая понять, что бомбить корабли в их задачу не входит.

— Извиняются, видел? — ехидно заметил Сурен. — Еще бы крылышками помахали.

— Разговоры! Рассредоточиться!

Фашисты развернулись, строем устремились на корабли. Шесть «мессеров» прикрытия пытались навязать бой четверке Старикова. Но в этот момент неожиданно для всех сверху спикировала еще одна пара «яков» — подтянулась с аэродрома — и с ходу сбила двух фашистов.

Воспользовавшись замешательством врага, Стариков увернулся от боя, направил свою группу на «юнкерсы». Несколькими очередями прошил хвостовую часть ведущего, его кормовой пулемет захлебнулся. Потянулись трассы с соседних «юнкерсов». Дмитрий пробил левый мотор бомбардировщика, показался дым. Опытный гитлеровец попытался спастись пикированием. Снизившись до бреющего, змейкой уходил в сторону моря. Но Стариков и Тащиев не теряли его из виду. Группа вражеских бомбардировщиков, лишившись вожака, стала расползаться.

— Сурен, добей гада! — крикнул Стариков, решив вернуться к охраняемым кораблям.

Догнав противника, Тащиев нажал на гашетки. Оружие молчало: кончились боеприпасы! Стариков успел это понять, вышел из разворота и, прижав «юнкерс» к воде, поливал его огнем до тех пор, пока тот не врезался в море…

Трудные это были дни. Кровопролитные бои шли южнее Краснодара, Майкопа, на перевалах Главного Кавказского хребта. И особенно — на новороссийском направлении. Враг бросал в бой все новые и новые силы, нашим войскам приходилось беспрерывно восполнять потери. Большое значение приобрели морские коммуникации: по ним осуществлялся подвоз живой силы, техники, боеприпасов, горючего. Удары по нашим плавсредствам стали едва не основной задачей фашистской авиации. Флотские истребители самоотверженно защищали свои корабли.

Два дня у побережья стоял густой туман. К утру 15 августа погода улучшилась. Полк подполковника Павлова начал свой очередной боевой день.

Первой ушла в воздух эскадрилья капитана Литвинчука. Ее «дежурство» прошло спокойно: над морем еще висела голубоватая дымка, бомбометание по точечным целям было фашистам затруднено.

Двум звеньям второй эскадрильи «повезло» больше: видимость улучшилась, встречи с противником надо было ждать с минуты на минуту.

Стариков первым заметил двенадцать «хейнкелей» — двумя группами они заходили на удар по нашим транспортам.

— Атакуем! — скомандовал своему звену.

Вдвоем с Тащиевым свалились на ведущего: «хейнкель» загорелся. Затем Сурен на резком снижении догнал второго. Очередью с тридцати метров сбил и его. Подоспевшее другое звено решило участь третьего фашиста. Остальные девять, беспорядочно сбросив бомбы и не нанеся никакого урона нашим кораблям, поспешно ушли на запад…

Снабжение наших войск, сражающихся в районе Новороссийска, производилось почти исключительно морем.

5 сентября очередной караван транспортных судов совершал свой опасный рейс на прибрежной коммуникации. В воздухе появился «Фокке-Вульф-189» — наводчик вражеских бомбардировщиков. Этот отлично вооруженный, защищенный броней и исключительно маневренный самолет-разведчик считался у немцев неуязвимым и действовал без прикрытия.

Задача уничтожить «раму» была поручена Старикову и

Тащиеву. Через две минуты друзья были в воздухе. Набрали высоту, пошли на сближение. Двухмоторный, двухфюзеляжный разведчик почти неподвижно висел над кораблями. Дмитрий с ходу устремился в атаку, Сурен, искусно маневрируя, стал отвлекать на себя огонь противника.

Нетрудно было представить, с каким волнением наблюдают за этим боем со всех корабельных палуб: ненавистную «раму» знал каждый боец и моряк, но едва ли кому довелось ее видеть сбитой.

Первая атака успеха не принесла: «рама» вильнула, хладнокровно отстреливаясь. Искусно сманеврировав, Стариков и Тащиев взяли ее в клещи. Одна очередь угодила в фюзеляж. Подбитый «фоккер» вывернулся, стал уходить. Стариков выбрал удачный угол: вражеский стрелок заслонен правой балкой фюзеляжа. «Рама» накренилась, открыла стрелку обзор. И фашист, и Стариков ударили одновременно. Дмитрию хорошо были видны трассы своих пулеметов. Мимо… мимо… Но вот попала одна. Стариков ударил из пушки. «Рама» описала нелепый полукруг, встала на крыло, дымя и кувыркаясь, обрушилась в море…

Враг рвался на приморское шоссе. Наши войска упорно держались в Новороссийске. Кровопролитные схватки происходили уже у цементных заводов.

10 сентября утром командир полка вызвал капитана Литвинчука.

— Погода — сами видите. Однако местами возможно, наверно, пошарить.

— "Свободная охота"?

— Кого в напарники возьмете?

— Старикова.

— Из второй эскадрильи? — Наум Захарович улыбнулся.

— Погода, сами видите, — его же словами пояснил свое решение самолюбивый комэск-один.

Старикова он нашел у хозяйственной землянки — тот самозабвенно рубил дрова. Кажется, из всех «земных» дел он больше всего любил эту работу.

— Сходим на охоту, дровосек?

— Со мной?

— Со мной.

Стариков оглядел небо, с сожалением вогнал топор в чурбак.

Кисея дымки висела низко, на взлете Литвинчук едва не задел за дерево. Стариков, взлетев вслед, поскромничал:

— Я привяжусь…

И весь полет держался как на буксире.

То и дело приходилось вести машины по приборам. Только опытнейших своих пилотов мог командир полка выпустить в воздух в такую погоду.

На подходе к Анапе разглядели колонну грузовиков. Проштурмовали с ходу. В районе Геленджика, у Цемесской бухты, на малой высоте встретили «Гамбург-138». Огромная четырехмоторная двухкилевая летающая лодка. Размах крыла тридцать метров. Экипаж из шести человек, отличный обзор, сильнейшая броня, три пулемета, пушка. Боевое применение: разведка на коммуникациях, поиск подводных лодок, наводка торпедных катеров и бомбардировщиков на обнаруженные цели, спасательные операции, прикрытие кораблей… Как-то этого крокодила видели у самого нашего приморского шоссе: лежа на воде, спокойно корректировал огонь с моря…

— Это тебе не дрова рубить!

— Не дрова.

— Атакуем?

— Атакуем.

Ринулись с ходу, без подготовки. Враг такой дерзости не ожидал. Но изготовился моментально! Ответные пушечные и пулеметные трассы прошили небо. Одна из очередей ударила в крыло Старикова.

— Видал, гад!

— Видал.

У самой воды вышли из атаки. «Гамбург» продолжал полет в том же направлении.

— Повреждение есть?

— Консоль крыла.

— Управление?

— Нормально.

— Повторяем?

— Есть. Разрешите мне первым? Литвинчук помедлил.

— Ладно, руби давай! Я отвлеку.

Стариков развернулся на заход, Литвинчук сделал вид, что атакует. Гитлеровцы ударили по нему, он использовал дымку. Стариков приближался с другой стороны, держа в прицеле один из моторов «Гамбурга». Вот он, как на ладони! Пора… Огненные струи впились в капот. Перенося трассу на второй мотор, прошил бензобаки. Взрыв…

Когда последний пылающий обломок воткнулся в море, в наушниках прозвучало:

— …и вечная память! Большая была машина. В первую эскадрилью не перейдешь?

— Не стоит, пожалуй. Там и своих самоубийц хватает. К тому

же не актуален вопрос…

— А что, не дотянешь, думаешь?

— Вообще-то надо бы дотянуть. Дровишки там не дорубленные остались. Повар, пока спохватится, задержит ребятам обед…

Прошел год. И какой! Разгром гитлеровцев под Сталинградом, грандиозная победа под Курском и Орлом…

Успешно развивались события и на юге. Большая часть Северного Кавказа была освобождена, наступление на Украине создало благоприятную обстановку для разгрома немецко-фашистских войск на Кубани и освобождения Таманского полуострова. Главный удар в районе Новороссийска было решено нанести с трех направлений: с моря, со стороны цементных заводов и с плацдарма Малой земли. Операция началась в ночь на 10 сентября сорок третьего года.

…После ночного вылета на поддержку морского десанта гвардии лейтенанты Стариков и Тащиев вновь заступили на дежурство на прифронтовом геленджикском аэродроме. Замаскированные ветками, их ястребки стояли под деревьями, винтами к взлетной полосе.

Сидя на крыле своей машины, Стариков беседовал со стажером, инструктором летного училища, прибывшим на боевую практику.

— Что нового в тактике вражеских истребителей? — спрашивал тот, с уважением глядя на скромного лейтенанта, на личном счету которого было больше сбитых самолетов, чем у командира эскадрильи.

— С тех пор как утратили господство в воздухе? Угощайся, — Дмитрий протянул собеседнику огромное спелое яблоко, сорванное в брошенном хозяевами саду. — Как сказать… Еще злее стали. Как мы в сорок первом, когда фриц нас одолевал. Ну и, конечно, хитрее. — Откусил яблоко, похрустел. — Много новичков. Как и у нас, впрочем. Поэтому надо стараться бить ведущего. Срежешь туза — успех обеспечен.

— Ну это для вас… — стажер невольно перешел на вы, незаметно оглядывая скромную фигуру прославленного морского аса — не богатырь, лицо простого крестьянского парня: чуть курносый, с шелушинкой от солнца нос, выгоревшие брови, простецкие скулы. Сидит, как на завалинке, жует, болтает ногами…

— Во, так и знал, — вдруг забросил недоеденное яблоко в куст.

— Что, товарищ гвардии…

— "Фокки"! Сейчас сыпанут, гады… Сурен, за мной!

Стажер удивленно оглядел совершенно чистое небо. Лишь через минуту с ветерком долетел до ушей обрывок гула. "И ведь жевал, с хрустом…"

Взвилась ракета. Тащиев замешкался с парашютом и едва не угодил под бомбы «фокке-вульфов», вывалившихся на большой скорости из-за гор…

Когда фашисты были отогнаны, с земли последовала команда:

— Отставить преследование! Идите на прикрытие войск в район Новороссийска.

Город увидели издали — он был весь в дыму. Пожары, разрывы снарядов, бомб… Приблизившись, осмотрелись, определили места самых ожесточенных схваток — у цементных заводов, возле Федотовки, в порту.

В районе Гайдука встретили два истребителя ФВ-190. Пошли на сближение. Немцы не рассчитали маневр, разделились. Стариков оказался выше ведомого, выпустил длинную очередь. «Фоккер» отвильнул и совсем оторвался от своего ведущего. Теперь его спасение только в глубоком, с максимальной перегрузкой, вираже или отвесном пикировании. Фашист выбрал первое: расчет на то, что русский не выдержит, сорвется в штопор.

Стариков обернулся: Сурен уверенно следовал за ним. Перегрузка вдавила в сиденье, стало трудно дышать. Круг сужался. Немец оказался искусным пилотом. Менял высоту, надеясь, что русский запоздает с маневром и оторвется. Стариков, в свою очередь, усиливал давление на ручку, вламываясь внутрь виража. "Та-ак… — машинально выдавливал сквозь зубы. — Силен, силен… пять с плюсом… А ну-ка…"

Чуть спрямив вираж, нашел прицельный ракурс, Увидел, как враг втянул голову в плечи, уменьшил крен, резко вскинул тупой сизый нос машины. Смертельный рывок оттянул его конец на секунды. Едва «фоккер» сорвался в пике, Стариков хладнокровно поджег его.

Снял палец с гашетки, распрямился, покрутил головой, разминая одеревеневшую шею. Из-под шлема текло, во рту было солоно. То ли от пота, то ли от крови из прикушенной губы. Размякшей перчаткой вытер лицо, оглянулся.

— Здорово, Дима! Высший класс! — раздался в наушниках веселый голос Сурена.

Гигантскими зигзагами они продолжали ходить над городом. Искали бомбардировщики противника. Вот они — девятка «хейнкелей». За ней вторая. Прикрытие — дюжина «мессеров». Высота шесть тысяч, «хейнкели» идут гораздо ниже. Стариков

собрался атаковать, но на врага уже свалилась восьмерка наших ястребков. Стариков и Тащиев получили указание с земли выполнять роль сковывающей группы.

Сковали. Ударная группа атаковала бомбардировщики. Строй «хейнкелей» рассыпался, ведущий их первой группы был сбит. Затем, после короткой схватки, рассеялись и вражеские истребители…

16 сентября Сурен Тащиев облетывал свой самолет над морем. Его прикрывал Дмитрий. Со стороны мыса Утриш появилась группа вражеских истребителей. Шла встречным курсом. У Сурена не было времени раздумывать. Поймав ведущего в прицел, дал очередь из 37-миллиметровой пушки. Встречные пушечно-пулеметные трассы понеслись к нему. Успел увидеть: у гитлеровца снесен фонарь кабины, машина потеряла управление. Строй фашистов мгновенно распался: как потом выяснилось, Тащиев сбил видного руководителя немецких авиационных частей в Крыму.

Очередь, выпущенная фашистом, тоже оказалась меткой: разбила верхнюю часть кабины, повредила стабилизатор. Сам Сурен был ранен в голову. Машина продолжала полет со снижением, ее неотлучно сопровождал Стариков. Под его прикрытием Тащиев долетел до своего аэродрома и чудом сумел посадить израненный самолет…

Наступление на земле продолжалось. Авиаторы флота, поддерживая сухопутные войска, громили врага за пределами Новороссийска, на перевале Волчьи Ворота, в Неберджаевской, Южной Озерейке, Верхне-Баканской. Срывали готовящиеся контратаки, уничтожали корабли с живой силой и техникой в портах Тамани и Керчи…

22 сентября эскадрилья Пе-2 40-го авиаполка под прикрытием двенадцати истребителей 11-го гвардейского вылетела на бомбоудар по плавсредствам в порту Тамань. Девятку пикировщиков вел комэск капитан Андрей Кузьмич Кондрашин, группу истребителей — сам командир 11-го полка подполковник Иван Степанович Любимов. Истребители рассредоточились по высоте в группах непосредственного прикрытия и ударной; группы возглавляли прославленные мастера воздушного боя Дмитрий Стариков, Владимир Снесарев, Владимир Наржимский.

Ястребки-гвардейцы беззаветно любили своего командира. Любимов был им примером во всем. И в первую очередь в том, чего больше всего не хватало им, молодым и горячим. "Нельзя увлекаться боем до безрассудства, — по-отечески наставлял их Иван Степанович. — Летчик-истребитель должен все видеть, все

понимать, до конца сохранять ясную голову".

Сами по себе слова значат не много. Важно, кто говорит. А говорил человек, каждый боевой вылет которого являлся подвигом. И не было ни одного из его подчиненных, кто бы не слышал о его славных делах, не рассказывал бы о них с восторгом и восхищением.

…Это случилось 9 октября сорок первого года. Истребители под командой комэска Любимова вылетели на прикрытие штурмовиков. На обратном пути встретились с большой группой Ме-109. Силы были неравными: на каждый наш ястребок приходилось по пять фашистов. В ожесточенном бою самолет Любимова был поврежден, он сам тяжело ранен. Пара стервятников бросилась его добивать. Любимов развернулся и пошел в лобовую. Фашисты струсили. Истекающий кровью комэск сумел перетянуть за линию фронта и посадил машину в степи. Его продолжали обстреливать, ранили еще раз. Около года находился на излечении. Несмотря на все усилия врачей и самого пациента, пришлось расстаться со ступней левой ноги. В полк он вернулся на протезе, но добился разрешения летать. В октябре сорок второго его назначили командиром 32-го ИАП, в мае сорок третьего полк стал 11-м гвардейским. Много замечательных воздушных бойцов воспитал за это время Иван Степанович. И при каждой возможности выходил в воздух сам. Вот и сейчас…

При подходе пикировщиков к цели группа была встречена четверкой Ме-109. За ними вдали «паслись» "фокке-вульфы". Пара «мессеров» пошла в атаку на левое звено Пе-2. Снесарев кинулся на выручку, открыл заградительный огонь. «Мессеры» отвернули. Им на смену пришла вторая пара. Снесарев спикировал на ведущего, ударил из пушки. «Мессершмитт» вспыхнул и завертелся, падая…

Яростно забили зенитки противника. Комэск Кондрашин перевел машину в почти отвесное пикирование, вслед ему заскользили его боевые друзья. Удар был разящим. В порту полыхнули взрывы: часть барж была нагружена горючим. Один из пикировщиков получил повреждения, к нему устремилась пара «фоккеров». Навстречу — Любимов и Наржимский. Первым успел Любимов. Сблизившись с ведущим до предела, ударил из всего бортового оружия. «Фоккер» взорвался. Наржимский круто взмыл вверх, нацелился и тремя очередями зажег второй.

Появилось еще четыре «фоккера». Бросились на тот же подбитый Пе-2, он уже снизился до пятисот метров. Стариков и Тащиев бросили машины в пике. Перехватили атаку фашистов в самый последний момент. Меткой пушечной очередью с ходу Дмитрий буквально развалил один из «фоккеров».

Итогом этого боя было три сбитых ФВ-190 и один Ме-109. Все наши пикировщики и истребители благополучно вернулись на свой аэродром.

День 25 сентября сорок третьего года оказался для Дмитрия самым печальным во всей его фронтовой жизни. В полдень с аэродрома Геленджик на бомбоудар по порту Керчь взлетело девять Пе-2. Бомбардировщики вел Герой Советского Союза командир 40-го авиаполка майор Иван Егорович Корзунов со своим штурманом капитаном Иваном Ивановичем Филатовым. Группу прикрывали двенадцать истребителей. Две четверки, составлявшие непосредственное прикрытие, возглавляли капитан Литвинчук и лейтенант Стариков, ударную группу — капитан Карасев.

На подходе к Керчи, на высоте пять тысяч метров летчик-истребитель младший лейтенант Трофимов обнаружил позади себя четыре Ме-109. Развернувшись влево, увидел еще два. Доложил своему ведущему младшему лейтенанту Шевцову и завязал бой на виражах. «Мессершмитты» ушли на высоту, Трофимов догнал свою группу. Ведущего пары Шевцова в ней не нашел…

Дмитрий Стариков, находясь в это время над целью, услышал по радио: "Я Шевцов, я подбит, на помощь…" Но своего места товарищ не указал. Экипажи бомбардировщиков наблюдали падение одного Ме-109, сбитого им. Сам Шевцов с этого боевого задания не вернулся…

Пикировщики отбомбились успешно. Потопили три баржи, буксир, катер-тральщик и четыре моторных судна. После удара два Пе-2 оторвались от группы и пошли Керченским проливом в сторону мыса Такил. Стариков и Тащиев направились на их прикрытие. Отбили атаку четверки «мессеров». И почти тут же вступили в бой с шестеркой…

Виражи, боевые развороты, бочки, пикирование, горки, схватки на вертикалях. Одного за другим друзья сбили трех фашистов. Остальные обратились в бегство. Но снизу подкрались два «фоккера». Стариков заметил их, когда они уже сидели на хвосте Тащиева. "Не успею!" — пронзила мозг страшная мысль. Огненная струя уперлась в самолет друга, отбила хвост. Машина начала беспорядочно падать.

— Сурен, прыгай! — отчаянно закричал Дмитрий.

Тащиев не отвечал. Ранен? Убит?

Вокруг беспорядочно падающего изуродованного ястребка беспомощно метался самолет Старикова. "Прыгай, Сурен! Прыгай!.." — кричал, заклинал Дмитрий. Наконец от бесхвостой машины оторвался черный клубок, за ним потянулся

грибовидный хвост. В ту же минуту «кобра» упала в воду…

Купол парашюта надулся, слепя белизной, повис в воздухе. Под ним широко и медленно раскачивался летчик. Жив? Стариков подошел ближе. Тело Сурена бессильно обвисло на лямках, голова уронена на грудь, руки и ноги как у ватной куклы. Стариков разглядел окровавленное лицо…

Через минуту все было кончено. Сурен опустился в Керченский пролив и сразу ушел под воду. Вокруг никого не было…

Смертью отважных погиб замечательный летчик, отличный боевой товарищ, великодушный, самоотверженный человек. В час гибели на боевом счету его была дюжина вражеских самолетов, сбитых им лично. А сколько он помог уничтожить их своему другу и командиру, сколько раз выручал его из неминуемой беды…

За боевые подвиги Сурен Амбарцумович Тащиев был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Тяжело переживал потерю верного друга Дмитрий. Товарищи с трудом узнавали его изменившееся лицо, командиры опасались выпускать его в воздух. Через несколько дней на фюзеляже его боевой машины появилась надпись "Сурен Тащиев". Что это значило, враг испытал на себе не раз.

…6 ноября, в канун великого праздника, шла битва на Эльтигенском плацдарме. И битва под ним. На позиции наших десантников с Керченского полуострова вылетела большая группа «юнкерсов» под прикрытием «мессершмиттов». Навстречу с аэродрома Анапа взмыла четверка истребителей во главе с прославленным черноморским асом Дмитрием Стариковым. Его новым ведомым был младший лейтенант Георгий Кочурин — тот самый стажер, с которым два месяца назад он так беззаботно беседовал, сидя на крыле своего ястребка и хрустя яблоком. Потом команда: "Сурен, за мной!.."

Миновали плацдарм, увидели на западе множество черных точек. «Лапотники» — спустя минуту определил ведущий, разглядев характерные обтекатели на колесах пикировщиков Ю-87. Идут густо, эшелонами, над ними роем кружат «мессеры».

Дмитрий прикинул обстановку. Около трех «юнкерсов» идут четырьмя группами, на порядочном удалении одна от другой. Истребители прикрывают их с задней полусферы.

— Боевой порядок — фронт. Идем в лобовую! — принял решение.

Расчет оказался верным. Пока «мессеры» успели опомниться, два «юнкерса» уже задымили, подожженные метким огнем

Старикова и Щербакова. Остальные рассыпались, стали поспешно освобождаться от бомб…

С ходу ринулись на вторую группу. Она шла выше, удар пришелся снизу. Еще один «юнкерс», дымя, потянул к земле — его срезал лейтенант Карпунин. Проскочив строй, вышли на истребителей. «Мессеров» было десять, но на помощь им спешило еще около десятка из прикрытия первой группы. Имея подавляющее превосходство в силах, фашисты сразу бросились в бой. Старикову показалась странной такая согласованность в их действиях. Выводя группу боевым разворотом в наиболее выгодное положение, он внимательно осмотрелся. Так и есть! В вышине барражировал одинокий «мессершмитт»: управлял действиями своих истребителей.

— Выхожу для атаки на главного, — передал товарищам, уже закружившимся в огненной карусели.

Пока оставшаяся тройка отбивалась от слаженно и неторопливо действовавших фашистов, Дмитрий ушел в сторону солнца, набрал высоту и неожиданно обрушился на увлеченного боем их командира. Ударил наверняка: с пятидесяти метров. «Главный» взорвался. Потерявшие управление «мессеры» вслед за рассеявшимися «юнкерсами» поспешили повернуть на запад…

В итоге этого боя враг потерял три бомбардировщика и один «мессершмитт». На долю Старикова пришлось два самолета.

Второй вылет — в этот же день в шестнадцать часов. Над Керченским проливом встретили десять бомбардировщиков и восемь истребителей противника. Стариков подал команду сомкнуть строй. И вновь повел свою четверку в лоб. Но затем сманеврировал и ударил сзади. Атакованный им «мессер» загорелся, вошел в штопор. Остальные разделились, стали атаковать с разных сторон. На Старикова навалились двое. На выручку поспешил старший лейтенант Виктор Щербаков. С ходу сбил одного.

Но главной целью были «юнкерсы». Стариков оставил пару Щербакова связывать боем «мессершмитты», а сам с Белоусовым устремился на бомберов. В считанные секунды свалил одного. Остальные начали сбрасывать бомбы в море. К группе фашистских истребителей подоспела еще четверка «мессеров», Стариков поспешил на помощь товарищам. В неравном бою отважное звено гвардейцев уничтожило еще один «мессершмитт».

Таким образом, за один этот день лично Дмитрием было сбито четыре самолета противника и столько же пришлось на долю его ведомых.

Так сражался отважный черноморский воздушный боец Дмитрий Стариков.

Так вместе с ним — и после смерти своей — продолжал сражаться его незабвенный боевой друг Сурен Тащиев. О бесстрашном советском асе, имя которого было начертано на неуязвимой, внушающей ужас машине. среди гитлеровцев стали распространяться легенды…

Этим и хотелось бы закончить мне свой далеко не полный, заведомо ограниченный рамками немногих боевых вылетов, рассказ об одном из моих боевых друзей — простом рабочем пареньке с "рукой сильного человека и глазом снайпера". И с верным, преданным сердцем, с великой душой. Кончить тем, чем и начал, одним из самых печальных и самых удачных в его боевой жизни дней, когда он впервые вылетел в бой без своего неразлучного друга.

Но… Все равно же возникнет вопрос: а что было с ним дальше?

Дальше все то же — бои и бои… Освобождение Крыма, красный вымпел над Севастополем… На счету Дмитрия Старикова, прославленного воздушного бойца, четыреста девяносто девять боевых вылетов, двадцать один лично сбитый им самолет — самый большой на то время счет на всем Черноморском флоте. Из поверженных им гитлеровских машин можно было бы составить целую коллекцию: «мессершмитты» и «фокке-вульфы» различных марок и назначений, «хейнкели», "хеншели", «юнкерсы», "Гамбург"…

Сражался, водил в бой друзей, срывал удары вражеских бомбардировщиков по нашим наступающим войскам, обеспечивал успешные действия своих бомбардировщиков и торпедоносцев…

И вот — тишина.

Закончилась Великая Отечественная война.

В эти непривычно тихие дни летчики отдыхали, ждали, куда перебросят, набирались сил. Стояли на старом, многим знакомом еще по довоенным временам, крымском аэродроме Саки.

Один из этих дней оказался для Дмитрия особенно радостным: его отпустили в Краснодар свидеться с женой, она ждала ребенка…

Да… Сколько раз приходилось мне поражаться жестокой нелепости многих смертей. Даже казалось, судьба издевательски выбирает самых умелых, сметливых, отважных, будто бы чтоб убедить остальных: никто на войне сам себе не хозяин.

Но — после войны…

Дима ехал в Симферополь в кабине грузовика. Заранее переживал счастье встречи, радовался жизни, победе. За одним из поворотов шофер притормозил: на дороге стоял с поднятой рукой

офицер. По званию он был старше, Дима не раздумывая вылез из кабины, перебросил упругое тело через борт. Скамеек в кузове не было, стал, навалившись локтями на скользкую крышу кабины. И снова воспоминания, раздумья, мечты, веселый ветер навстречу…

Крымская «серпантинная» магистраль. Изувеченная войной, изъезженная, изрытая…

В полку только и поняли: "Орденов полна грудь… Герой! Не иначе как ваш, наверно…"

Помчались, нашли, привезли…

Наш аэродром от Саки был далеко, я узнал обо всем позже. Но все равно как удар в сердце: "Дима Стариков, слышал? Под машиной… Да нет, при чем тут самолет, грузовиком на дороге. На повороте выбросило из кузова — головой об асфальт…"

Сколько ни привыкай к смертям, не привыкнешь. И рассказывать о них без нужды не станешь. Но… все равно спросят.

"Полна грудь орденов…"

За свои подвиги летчик-истребитель капитан Дмитрий Александрович Стариков удостоился высшего признания Родины — звания Героя Советского Союза. Был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени.

"Мы — рязанские!"

Началось это еще до войны. По чистой случайности в одну эскадрилью попали штурман Иван Филатов и летчик Михаил Андрианов, родом из одной деревни, и летчик Андрей Кондрашин — из соседней. Обе деревни находились на Рязанщине. А в памяти всех еще свеж был знаменитый в то время фильм с забавной, дурашливой приговоркой, тем и смешной, что употреблялась тогда, когда было совсем не до смеху. "Мы — рязанские!" — стало шутливым девизом этой неунывающей тройки, душой которой был, несомненно, Андрей.

"Рязанские" старались быть самыми лучшими в каждом полете, самыми точными в каждой бомбардировке, самыми меткими в боевых стрельбах. И это им удавалось. Превосходные штурманские качества Филатова, удивительные способности одного из лучших военных летчиков, каких мне приходилось знать, Андрея Кондрашина, стали заметны еще тогда. А в первых боях, в которые эскадрилья вступила 22 июня, выявилось и еще одно качество: все рязанцы отличались завидным бесстрашием.

Особенно это понадобилось, когда полк, почти не выключаясь из боевых действий, стал срочно перевооружаться: взамен СБ получил стремительные и маневренные Пе-2, приспособленные к бомбардировке с пикирования.

Эскадрильей командовал капитан Александр Пехович Цурцумия. О том, что это был за человек и какой летчик, можно судить по такому, например, эпизоду, разыгравшемуся как раз в эти дни.

Надо было сфотографировать вражеский аэродром, на который намечался удар. На аэродроме базировались истребители. Ясно, что такой полет сопряжен с крайним риском. Летчик, получивший это задание, счел нужным попрощаться с товарищами:

— Вряд ли удастся вернуться…

Комэск услышал, вспыхнул:

— Отставить! Я сам полечу.

Через пять минут он ушел в воздух. Казалось бы, только со злости можно было провести разведку так отчаянно, как сделал это комэск. Он подошел к аэродрому противника над облачностью, затем спикировал, прошел над самым летным полем, поливая вражеские машины пулеметным огнем. Произвел необходимые фотосъемки и зажег на земле два вражеских самолета.

Нет, это было не со злости. В том-то и суть доблести этого

замечательного летчика, что его действия, которые со стороны казались отчаянными, основывались на трезвом расчете, на знании качеств новой боевой машины. Пойди он под облачностью, горизонтальным полетом, как это обычно делалось при фотографировании, его почти наверняка бы сбили. Фотографируя же на выходе из пикирования и одновременно внося в стан врага сумятицу своей внезапной штурмовкой, он лишил зенитчиков возможности вести прицельный огонь, помешал взлету истребителей и сократил до минимума время пребывания над объектом.

Скоро имя Цурцумии прогремело по всей стране и даже за ее пределами после первого же дальнего полета на новых машинах. Эскадрилье поручили разбомбить нефтебазы и заводы в Плоешти, и она блестяще выполнила задание…

Андрей Кондрашин в отваге не уступал комэску. И учился у него сочетать смелость с трезвым расчетом. Его звали в полку Кузьмичом — должно быть, за добродушный, веселый характер. Невысокий, плечистый, светло-русые волосы буйными кольцами. Страстный шахматист, любитель поспорить, пофилософствовать, покопаться "в корне вещей"…

И — страстный до фанатичности пикировщик.

Как-то, на пятый или шестой месяц войны, когда имя Кондрашина уже гремело, к нему приехал корреспондент флотской газеты. В целом он остался доволен собеседником, хоть и подосадовал на его привычку все обращать в шутку. В конце поинтересовался:

— А почему вы младший лейтенант, когда все ваши товарищи — лейтенанты?

Кузьмич потеребил свои кудри, сверкнул изумительно белыми, крупными зубами.

— Этого не пишите. Еще выговор схлопочете от своего начальства. Не тот, так сказать, пример. Увлекся я прежде времени пикированием. Так понравилось, терпения нет! А машины были еще к этому делу не приспособлены. Раз спикировал, два… На меня глядя и товарищи стали баловаться. Однажды старший начальник приехал, смотрит — машина деформирована. "В чем дело? Откуда перегрузки?" "Пикировали…" — "Без разрешения? Кто конкретно?" Я вышел из строя, чего же ребят подводить. Расплатился одной «узенькой». Правда, не дорого? Как, на ваш взгляд?

Пока был жив Цурцумия, Кондрашин неизменно участвовал во всех его полетах. От их бомб горела нефть Плоешти, рушились портовые здания, шли ко дну корабли в Констанце. Особенно запомнился налет на Черноводский мост, где под

ожесточеннейшим огнем противника требовалось положить бомбы с ювелирной точностью.

Смелость, граничащая с отчаянным удальством, постепенно сменялась рассчитанной, непреклонной отвагой. Товарищи по праву стали считать Кузьмича лучшим мастером пикирования.

По-настоящему незаурядный талант летчика развернулся во время обороны Севастополя. На маленьком поле у Херсонесского маяка уместились все виды флотской авиации — самые отважные бомбардировщики, торпедоносцы, истребители, штурмовики. Героические защитники Мекензиевых высот и Итальянского кладбища считали их своими «братишками», знали по именам, узнавали в небе по почерку. И не только ястребков, спасавших их от бомбежек и штурмовок врага. Пикировщики появлялись над полем боя в самые напряженные моменты, перед очередной вражеской атакой. Чуть не отвесно скользнув с высоты, обрушивали на головы гитлеровцев бомбы, затем проходили на бреющем, разя их пулеметным огнем…

Пехотинцы и матросы пытались по стилю пикирования, по маневрам отличить Корзунова от Аккуратова, Кондрашина от Стразова. Кондрашин стал общим любимцем. Считалось, что на самые трудные задания, под огнем немецких батарей, обстреливавших аэродром, чаще всех поднимается он. Хоть в общем-то полеты между друзьями делились поровну.

В те дни Андрей не знал, что такое отдых. Неизменный весельчак и балагур, он разучился смеяться. С запорошенным каменной пылью лицом, с запавшими, горящими боевым азартом глазами, он только и ждал команды взвиться в воздух. О смерти не думал. И, как потом вспоминал, еще острее ощущал жизнь, с особенным чувством смотрел на бирюзовое море, радовался каждой зеленой травинке на пыльном, изрытом бомбами и снарядами, казалось, навечно бесплодном клочке земли.

И эта любовь к жизни управляла его волей, помогала не ослепнуть от ненависти к врагу, не совершить роковой ошибки.

После каждого удачного вылета он возвращался на аэродром бодрый, повеселевший. И неизменно мрачнел и тосковал, если в полетах случался вынужденный перерыв. Вид белокаменного красавца-города, разрушаемого на глазах, вызывал в его душе содрогание и гнев.

Впрочем, без шуток и здесь не обходилось. Такой уж был характер у Кузьмича. Под стать ему подобрался и экипаж — штурман Слава Богомолов, воздушный стрелок-радист Владимир Крищенко. Тройка была неразлучной: к этому вынуждала и боевая обстановка, и теснота стоянки. В моменты вражеских налетов на аэродром друзья укрывались тоже вместе. А укрытие

было весьма своеобразное. Самолеты эскадрильи стояли на краю аэродрома, на высоком скалистом берегу. Кузьмичевцы закрепили на каком-то выступе длинную веревку и, когда начиналась бомбежка, спускались под скалу. Защита была надежная, а взбираться обратно Кондрашин считал необходимым для экипажа спортивным упражнением.

Когда бомбежка кончалась, Кузьмич выбирался наверх первым, бежал к самолету и на ходу кричал: "От винта!" Это был способ поторопить несколько медлительного Славу Богомолова.

Как-то случилось, что целую неделю подряд экипаж пролетал, ни разу не вступив в воздушный бой с «мессерами». Такое положение не устроило стрелка-радиста. Он нашел выход: нагрузил свою кабину мелкими бомбами и вручную выбрасывал их через люк. Потом рассказывал друзьям о результатах «личного» бомбометания.

Но вот на пикировщиков напали сразу восемь «мессершмиттов». Одного Крищенко сбил, еще двух сбили стрелки других самолетов. Но бой был долгий, и у Володи кончились патроны. А пять «мессеров» атакуют, один как раз пристраивается в "хвост. Крищенко со злости, что нечем отбиться, схватил пачку лежавших на полу кабины листовок и швырнул в воздух. Эффект получился поразительный. Большое разноцветное облако стало стеной за самолетом. «Мессершмитт» мгновенно отвернул и больше не приближался. Наверно, вернувшись к своим, взахлеб рассказывал о новом советском оружии…

В последние месяцы севастопольской обороны взлетать днем стало немыслимо: вражеские истребители висели над аэродромом в три яруса. Кондрашин вылетал со своим звеном минут за сорок до рассвета и убивал это время, кружась над морем. Как чуть развиднеется, наносил удар. И успевал, как правило, вернуться до появления над аэродромом «мессеров».

Однажды чуть запоздал. Прилетел, когда первый утренний «мессершмитт» уже оповестил о своем прибытии "на дежурство" бомбой. Через несколько минут налетела и вся орава. Кондрашин спустился до бреющего, с аэродрома открыли огонь. Большая часть «мессеров» не рискнула снизиться, лишь два особенно азартных продолжали преследование.

Наши стали в круг в двадцати метрах от земли и ходили над батареями так, чтобы подставить фашистов под огонь. Атаки «мессеров» сверху были не эффективны: большой риск врезаться в землю. Но гитлеровцы попались отчаянные и ловкие, сумели вклиниться в круг. Получилась смешанная цепочка: Кондрашин, за ним «мессер», затем Чеботарев, второй «мессер» и сзади третий летчик звена Гоноуков. Так и кружились, обстреливая друг друга.

В бою принимал участие весь аэродром. Все были на летном поле, у блиндажей, стреляли по гитлеровцам из автоматов, винтовок, пистолетов, даже из ракетниц. Наконец Гоноуков сбил одного. «Мессер» с ходу врезался в море, и через минуту на поверхность всплыла генеральская фуражка: матерый бандит успел поднять «фонарь», хоть спрыгнуть с такой высоты все равно бы не смог. Второй продолжал ходить за Кондрашиным, как привязанный. Андрей водил его с таким расчетом, чтобы он в конце концов зацепился за капонир или врезался в землю.

Двадцать минут шел этот немыслимый воздушный бой. Наконец удалось подняться нашему «яку». Герой Советского Союза Михаил Авдеев одной очередью сбил нахрапистого фашиста.

Самым удивительным во всей этой истории оказалось то, что когда Кондрашин сел на землю, в его машине техник не нашел ни единой пробоины…

Перед одним из вылетов капитан Кондрашин написал заявление в партию. В нем говорилось: "Жизнь моя принадлежит Родине. В бой с фашистскими варварами хочу идти в рядах коммунистов. Храбро и мужественно буду отстаивать каждую пядь советской земли, буду драться, не жалея своих сил, а если потребуется, и самой жизни".

Все последующие его вылеты с Херсонесского маяка были поистине героическими. Летать приходилось уже только ночью. Пикировать в темноте? Кондрашин научился и этому. И научил товарищей.

В декабре 1942 года погиб Герой Советского Союза майор Александр Пехович Цурцумия. Вся эскадрилья — теперь носящая имя своего славного первого командира — тяжело переживала эту потерю. Но для Кондрашина Цурцумия был не только учитель и командир. Сколько раз он — сам до отчаянности дерзкий и смелый — удерживал младшего друга на крайней грани риска, сколько раз выручал его, спасал от гнева вышестоящих начальников… Еще и через полгода, когда я встретился с Андреем впервые после училища, в глазах его при упоминании дорогого имени вспыхивал сухой блеск, руки невольно стискивались в кулаки. "Какой человек был, какой красивый человек!"

Красивым человеком был и сам Андрей Кондрашин. Веселым и вдумчивым, добрым и беспощадным, беззаветно отважным и по-крестьянски рачительным. Когда приходилось летать на свои города и села, где временно обосновался враг, он требовал от штурмана особенно тщательного изучения района цели, становился даже порой раздражительным. "Не можем же мы

перебить немцев в санатории, а санаторий оставить целехоньким!" — возмущался обиженный штурман. "Надо стараться, — отвечал Кузьмич. — Ты постарайся, пожалуйста, Слава!"

В то время нам часто приходилось летать на крымские города и порты, где еще совсем недавно располагались наши аэродромы, куда мы часто ездили по служебным, а иногда и сугубо личным делам.

Постепенно обнаружилось новое качество этого талантливого летчика. Нисколько не изменяя своему стилю, летая по-прежнему исключительно дерзко и смело, он стал все глубже вникать в суть дела, в теорию летного мастерства. Прежняя склонность к «философии», к поиску "корня вещей", получила конкретное содержание. На разборах боевых вылетов, на летно-технических конференциях Кондрашин выступал как отличный знаток материальной части, искал пути к раскрытию всех боевых возможностей машины, развивал свою методику пикирования, предлагал новые тактические приемы для захода на цель.

Его слушали с полным вниманием: за плечами Кондрашина было уже две сотни боевых вылетов. Без единой аварии, без единого повреждения машины при взлетах и посадках. Невольно вспоминалось знаменитое суворовское изречение: "Вчера счастье, сегодня счастье, помилуй бог, надо же сколько-нибудь и умения!" Восхищение отчаянной смелостью и «везением» Кузьмича заменялось во мнении летчиков подлинным и глубоким уважением к одаренному мастеру своего дела.

В боях за Кавказ Андрей был впервые ранен. Но даже и тут сказалась его привычка в самых серьезных делах не терять чувства юмора, всегда оставаться хозяином обстоятельств.

Группе Кондрашина была поставлена задача: взлететь с аэродрома постоянного базирования и нанести удар по кораблям в порту Керчи. Затем сесть на запасной аэродром, заправиться, подвесить бомбы и снова пойти на ту же цель с возвратом уже на свой аэродром.

К Керчи летчики подошли на высоте около четырех тысяч метров. Спикировали. И когда бомбы были уже сброшены, самолет Кондрашина сильно встряхнуло разрывом снаряда, он принял почти вертикальное положение. Ведомые решили, что произошло непоправимое. Но Кондрашин сумел выровнять машину и, как ни в чем не бывало, вернуться в горизонтальный полет и вновь возглавить группу.

Когда сели на запасном аэродроме, летчики сбежались к машине ведущего. Они увидели, что осколком снаряда насквозь пробит фюзеляж под кабиной. Командир вылез, прихрамывая, из

сапога сочилась кровь. На вопросы товарищей не ответил.

— Быстро заправляться! Подвешивать стокилограммовые бомбы!

Снарядил группу для нового вылета, выпустил ее в воздух, потом сел в свою изуродованную машину, запустил моторы, взлетел и пошел в сторону основного аэродрома. И никто не знал, что сев в кабину, летчик привязал поврежденную ногу к педали, что от боли его мутило, временами и вовсе подступала дурнота…

Когда товарищи пришли к нему в госпиталь, похвастался:

— Во, братцы, как меня хватило!

И показал свой сапог с развороченным носком. Ребята переглянулись: отлетался Кузьмич, ясно, что осколком отхватило чуть не полступни. Принялись ободрять, выражать сочувствие. Кондрашин выслушал все с подобающим вниманием, принял советы, соболезнования. И вдруг расхохотался.

— Спасибо, хлопцы! Только ошибочка вышла. У фрицев. Не учли одного обстоятельства…

Через минуту общий хохот потряс палату. Оказалось, что сапоги у Кондрашина были с чужой ноги, с огромным запасом, осколок оторвал только палец…

Полностью проявился зрелый талант этого замечательного летчика в дни боев за изгнание врага с Кубани, за освобождение Новороссийска, Таманского полуострова. Кондрашин стал командиром звена, а затем и комэском, водил большие группы пикировщиков на порты и конвои, наносил сокрушительные удары по живой силе и технике отступающего противника. Танкеры, баржи, транспорты, портовые сооружения, склады, танки и автомашины, сотни гитлеровских солдат могли быть записаны на боевой счет Андрея Кондрашина и его друга штурмана Анатолия Коваленко.

Боевое напряжение стало как бы родной стихией отважного летчика. Он думает только об одном: будет ли погода и какую цель обнаружит сегодня разведка. О себе забывает начисто.

Перед высадкой десанта в Новороссийский порт, в начале сентября сорок третьего года, авиация Черноморского флота нанесла несколько бомбоштурмовых ударов по аэродрому Анапа. Целью их было ослабить группировку истребителей, стянутых сюда фашистами.

Первой на это задание вылетела эскадрилья Кондрашина. Ее прикрывали десять истребителей.

При подходе к городу перед бомбардировщиками встала стена разрывов: противник решил, что самолеты идут на порт. Кондрашин прошел заградогонь, не меняя курса. Вот и аэродром. На стоянках, в капонирах и в поле в шахматном порядке

рассредоточены «фоккеры» и «мессеры». Маскировочные сети не мешают видеть их издали.

— Пошли, братцы, — командует негромко Кондрашин, ложась на боевой.

Оглядывается, видит, как еле заметными эволюциями летчики корректируют свои места в боевом порядке. Все правильно.

— Пикируем по команде!

Цель площадная, бить надо не по отдельным самолетам, а по всей стоянке, для этого он и приказал взять бомбы небольшого калибра: разброс при серийном бомбометании будет большим.

— Пошли!

Кондрашин входит в пике. Моторы приглушены, но скорость стремительно нарастает. Тишина сменяется воем. Вой переходит в свист. Угол пикирования семьдесят градусов. Встречные трассы, вьюга разрывов… Кнопка нажата… Изо всех сил ручку на себя… Тело становится стопудовым, внутренности опускаются вниз…

И так — три захода. Каждый — сквозь огненную метель.

— Сбор!

Уходя, сосчитали: девять дымовых столбов. Сжечь девять вражеских самолетов за один налет — результат хороший. На каждого по одному. Да еще сколько побитых осколками…

Ни один истребитель противника взлететь не успел.

23 сентября 1943 года Советское информбюро передало: "Авиация Черноморского флота атаковала в районе Керченского пролива и порта Керчь транспортные средства противника и уничтожила десять быстроходных десантных барж и три сторожевых катера противника".

Это было так.

Группу из двадцати четырех Пе-2 возглавлял Андрей Кузьмич Кондрашин. Он же был ведущим первой девятки. Вторую вел капитан Александр Алексеевич Гнедой. Впереди замыкающей шестерки шел майор Юрий Викторович Колечиц. Пикировщиков сопровождали шестнадцать истребителей 11-го гвардейского авиаполка, их ведущим был капитан Семен Евстигнеевич Карасев. Он же — командир ударного звена. С каждой группой бомбардировщиков шли по четыре истребителя непосредственного прикрытия, их командирами были лейтенант Петр Краснов, старший лейтенант Владимир Наржимский, майор Борис Юдин.

Маршрут прошли, не встретив противодействия. Вблизи района цели появились четыре Ме-109, но в бой не вступили, ушли в сторону Азовского моря. Внизу то справа, то слева виднелись дымы пожаров: наши войска вели бой в районе лимана

Кизилташского.

В небе повисли серые шапки разрывов. Их становилось все больше и больше. Осколки достигали самолетов, однако никто не нарушал строй.

Показался порт. Он был забит судами. Штурман Коваленко передал командиру необходимые расчетные данные. Кондрашин довернул машину, повел ее вдоль причала. Коваленко нажал на кнопку, освобожденный от груза самолет слегка «привспух». Бомбы разорвались на баржах и между ними. Когда вся группа развернулась на обратный курс, замыкающий доложил: порт объят огнем. Горели и взрывались суда, цистерны с бензином на берегу, склады с боеприпасами…

Появились вражеские истребители. К группе Гнедого устремился Ме-110. Краснов атаковал его и сбил с дистанции сто метров.

В районе Курчанского лимана Наржимский, догонявший основную группу после воздушного боя, был атакован двумя Ме-109. Сбил одного, второй поспешил ретироваться в сторону Темрюка…

Повторный удар по Керчи был выполнен в тот же день после обеда.

— Пойдете без прикрытия, — сказал командир полка Герой Советского Союза майор Иван Егорович Корзунов. — Что поделаешь, истребителей не хватает…

— Сообразим что-нибудь, — ответил Кондрашин.

Первую девятку повел он, вторую — Трофим Лушаков.

До цели летели не напрямик, как утром, а по изломанному маршруту. Высоту держали минимальную. Благополучно вышли в Азовское море, набрали высоту. На большой скорости устремились к порту. Зенитки хотя били ожесточенно, но пристреляться как следует не успели. Девятки отбомбились успешно и покинули район цели без потерь.

На разборе оба полета были признаны образцовыми. За Андреем Кондрашиным установилась слава не только лучшего пикировщика, но и вдумчивого, изобретательного тактика, спокойного и умелого организатора боевых действий больших групп.

Октябрь сорок третьего года для пикировщиков 40-го авиаполка был особенно напряженным. Часто приходилось вылетать в такую погоду, которая в другое время считалась бы нелетной. И тут Кондрашин был незаменим.

…Ветер несет с моря клочья тумана, водяную пыль. На сером небе темными рваными пятнами проглядываются дождевые тучи. На стоянке перед своим командиром столпились летчики

эскадрильи: угрюмоватый, немногословный Егоров, веселый Забияка, смуглый, стройный Тарарин, молоденький, розовощекий Бриллиантов…

— Помните, ребята! Главное — строй. В одиночку в таком небе делать нечего, — дает последнее напутствие Кондрашин.

Эскадрилья взлетает, выстраивается. Почти сразу попадает в полосу дождя. Затем — в липкую, серую, как овсяный кисель, пелену облаков.

Кондрашин то и дело оглядывается. Самолеты скользят, то скрываясь, то появляясь. Весь строй — как скованный. Молодцы ребята!

— Вижу караван! — докладывает Коваленко. Вражеские корабли идут без опаски. Только когда эскадрилья ложится на боевой курс, вокруг машин возникают клубочки разрывов. Ведущий ложится в пике. За ним, как с горки, поочередно соскальзывают остальные.

— Истребители! — докладывает стрелок-радист. Поздно! Бомбы идут на цель. Кондрашин выводит самолет из пикирования. До слуха доносится приглушенная наушниками и ревом моторов пулеметная дробь: один из «мессеров» атакует машину летчика Плохого. Трассы стрелка-радиста Лукьянова прошивают его, фашист поспешно отваливает в сторону…

— Результат, штурман!

Коваленко жадно всматривается вниз, улыбается.

— Порядок, командир!

Выйдя из зоны огня, Кондрашин убеждается собственными глазами: окутанный дымом транспорт с большим креном уходит под воду. Возле него, объятые пламенем, мечутся два самоходных понтона и мотобот. Взрыв… Дым рассеивается, на поверхности моря видны только догорающие обломки…

Когда возбужденные летчики вновь окружают своего командира на стоянке, Кондрашин неожиданно предлагает:

— А может, слетаем на Ялту, ребята? Погодка-то в нашу пользу оказывается, а?

Ребята согласны: погодка что надо! Согласен и Корзунов.

— Тебе чем хуже, тем лучше, Кузьмин! Учти все же, риск столкновения…

— Без риска войны не бывает, Иван Егорович. Через два часа снова все в сборе на том же месте — рассматривают дешифрированные снимки, принимают поздравления. Потоплен танкер, две баржи, взорван склад боеприпасов в порту…

Во второй половине октября эскадрилья перелетела в Южную Таврию, на аэродром Скадовск. Задача — не допускать корабли противника в отрезанный Крым.

Через несколько дней Кондрашин переслал донесение своему боевому другу и командиру майору Корзунову. Письмо было «трехъярусным».

"Дорогой товарищ майор, спасибо Вам за внимание. Сообщаю о наших делах". Далее следует перечисление потопленных судов противника. И добавление: "Еще вот сейчас мы потопили одну сухогрузную баржу метров в сто длиной и сторожевой корабль. Баржа взорвалась, а корабль разломился в щепки". И снова пауза, и другим карандашом: "Простите, товарищ майор, опять улетаем. Хотел написать подробнее, а ничего не выходит".

В эти первые дни в Скадовске, действуя, по сути, самостоятельно, Кондрашин со своими боевыми друзьями проявлял еще большую самоотверженность, неутомимость, граничащую с одержимостью.

К середине ноября на этот приближенный к районам боевых действий аэродром перебазировались по одной эскадрилье из 36-го минно-торпедного и 11-го гвардейского истребительного полков. Отсюда же вылетали на задания группы «илов» 11-й штурмовой авиадивизии.

Погода не благоприятствовала комбинированным ударам. Дожди, туманы, мокрые снегопады… Кондрашин, однако, использовал каждую возможность, летал, когда для других это было немыслимо.

Вот некоторые сведения о действиях эскадрильи в эти последние полтора месяца жизни Андрея Кондрашина.

26 ноября самолетом-разведчиком был обнаружен конвой противника. По тревоге в воздух поднялась пятерка Пе-2 во главе с комэском. Пикировщиков сопровождали четыре истребителя 11-го гвардейского авиаполка.

Конвой состоял из двух транспортов, нефтеналивного судна и сухогрузной баржи, охраняемых пятью сторожевыми катерами. Чтобы ударить наверняка, Кондрашин приказал ведомым сбрасывать бомбы с минимальной высоты. Каждый экипаж определил себе цель. Высота выхода из пикирования не превышала шестисот метров. В результате удара были потоплены транспорт водоизмещением более тысячи тонн, нефтеналивное судно и сторожевой катер. В воздушном бою ведущий истребителей капитан Семен Карасев сбил «Гамбург-140».

Спустя два дня та же пятерка потопила транспорт в две тысячи тонн и две баржи. Еще через день в порту Очаков вывела из строя транспорт и крупную баржу и потопила баржу, груженную автомашинами. 1 декабря четверка Пе-2 уничтожила баржу и сторожевой катер, 4 декабря потопила крупную баржу и повредила портовые сооружения…

После многих ненастных дней выглянуло солнце. Можно было организовать комбинированный удар.

Ждали возвращения разведчиков. Последним прилетел младший лейтенант Плохой, из эскадрильи Кондрашина. Привез исчерпывающие данные: в порту Ак-Мечеть скопилось до сорока различных судов, среди которых два крупных транспорта.

Первой взлетела шестерка Ил-2, ее возглавил Костин. Штурмовики обрушились на скопление судов внезапно, со стороны солнца. Корабли открыли огонь, когда они уже зашли в атаку. Мастерски маневрируя, «илы» сделали несколько заходов, потопили две баржи и двум нанесли значительные повреждения.

Затем на цель вышла пятерка А-20, ведомая капитаном Обуховым и штурманом майором Маркиным. Бомбардировщики ожидали организованного противодействия корабельных зенитчиков, но налет «илов» расстроил их взаимодействие и они открыли огонь только в момент сбрасывания бомб. Две быстроходные десантные баржи получили значительные повреждения. На берегу был взорван штабель боеприпасов.

Тут же появилась семерка «Петляковых». Пикировщики зашли на цель, когда внизу еще рвались бомбы, и не встретили почти никакого сопротивления. Ведущий группы комэск Кондрашин избрал для прицельного удара транспорт и лихтер. Когда летчики вышли из пикирования, то увидели, что лихтер быстро погружается в воду, а на транспорте бушует пламя.

В момент отхода от цели на самолет младшего лейтенанта Ларионова накинулись два «Фокке-Вульфа-190». Немцы, видимо, не заметили прикрытия: ястребки находились выше. Опытный истребитель Виктор Щербаков, почти отвесно спикировав на одного из фашистов, мгновенно расправился с ним…

День 11 января 1944 года стал последним днем жизни отважного морского летчика капитана Андрея Кузьмича Кондрашина.

Над приморским аэродромом свирепый зимний ветер рвал в клочья низкие облака. Видимость переменная, взлетать можно.

Штурман 11-го гвардейского авиаполка старший лейтенант Николай Кисляк вылетел на разведку с летчиком лейтенантом Владимиром Орловым. В Одесском порту они обнаружили транспорты, по радио сообщили на аэродром. Кондрашин немедленно поднял в воздух шестерку пикировщиков. В его экипаже в качестве стрелка-радиста летел начальник связи эскадрильи младший лейтенант Анзин. Пикировщиков сопровождали шесть истребителей во главе с отважным Дмитрием Зюзиным. За ними шла группа штурмовиков.

После взлета в машине Кондрашина выявилась

неисправность: не удалось убрать шасси. Это, конечно, не могло заставить его вернуться на аэродром.

Держались подальше от берега, от проторенных воздушных путей: успех налета на такой сильно укрепленный объект в немалой степени зависел от внезапности.

Это в основном удалось.

Перед заходом на цель пикировщики увеличили скорость, оторвались от «илов», штурмовая атака которых должна была начаться через минуту после выхода «Петляковых» из пике. И тут все портовые и корабельные зенитки открыли ураганный огонь. Разрывы снарядов, трассы «эрликонов» и пулеметов встали стеной перед заходящими в атаку машинами. Маневрировать было бесполезно: при следующей попытке их встретил бы еще более организованный огонь. А уйти от цели, сбросить бомбы с горизонтального полета, для Андрея было немыслимо…

Снаряд попал, когда самолет ложился в пике. Ложился точно на цель. Андрей попытался сбить пламя, но это было невозможно. Видя, что через считанные секунды самолет взорвется, посадил его на воду…

Машина тут же затонула. Штурман и начальник связи погибли, Кондрашина, еще с признаками жизни, подобрал румынский катер. На берегу, не приходя в сознание, летчик умер…

…Над морем, на Аллее Славы, у памятника Неизвестному матросу, горит Вечный огонь. Здесь в день 22-й годовщины освобождения Одессы от немецко-фашистских захватчиков состоялось символическое захоронение отважного советского летчика, коммуниста — Героя Советского Союза Андрея Кузьмича Кондрашина.

У могилы несут вахту пионеры и комсомольцы Одессы. Здесь всегда живые цветы. Сюда приходят родные героя, его боевые друзья, тысячи и тысячи знакомых и незнакомых людей…

С первых дней Великой Отечественной войны морской летчик Кондрашин не выходил из боев. В конце 1943 года, когда в летную карточку Андрея был записан триста одиннадцатый успешный боевой вылет, командование представило его к званию Героя Советского Союза. Указ Президиума Верховного Совета СССР вышел 31 мая 1944 года, когда героя уже не было в живых.

За последние свои подвиги Кондрашин был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Его имя навечно зачислено в списки родного полка.

Снайперский экипаж

Судьба штурмана Ивана Филатова подобна судьбам многих его сверстников. Рабочий, в 1936 году окончил Московский рабфак имени Калинина, поступил в пединститут, после первого курса по комсомольскому набору пошел в Ейское военно-морское авиационное училище. Затем служба в частях ВВС Черноморского флота, учеба на штурманских курсах, война…

Тот же примерно путь прошел и его командир Иван Корзунов. Впрочем, в одном экипаже они оказались не сразу.

В первые дни войны Филатов летал с лейтенантом Родионовым. Бомбили корабли, нефтехранилища, портовые сооружения в Констанце и Сулине.

13 июля комэск Цурцумия повел два звена, только что освоившие новые самолеты-пикировщики Пе-2, на бомбоудар по нефтепромыслам в Плоешти. Бомбардировщики летели на предел своей дальности, истребители сопровождать их не могли.

Мастерски избранный маршрут, заход со стороны Карпат обеспечили полную внезапность удара. Короткий боевой курс, и бомбы сброшены. От прямых попаданий загорелись два нефтеперегонных завода, нефтебаки, склады, сильные повреждения получили крекинговые установки, железнодорожные пути…

Это был тот удар, о котором писали газеты не только у нас, но и за границей.

Противник открыл огонь, когда все Пе-2 были уже для зениток недосягаемы. На перехват вылетела группа «мессершмиттов». Они с ходу атаковали второе звено, сбили замыкающего лейтенанта Александрова…

У пикировщиков еще недоставало опыта воздушных боев, штурманы и стрелки торопились с прицеливанием, летчики не использовали противоистребительного маневра. Да и горючего было в обрез. «Мессеры», разделившись попарно, атаковали группу с разных направлений. Опьяненные первым успехом, они навалились на головную машину, пилотируемую командиром звена Иваном Корзуновым, и одной из очередей подожгли ее. Однако на выходе «мессера» из атаки его достала пулеметная очередь штурмана Филатова с летевшего сзади пикировщика. «Мессершмитт» задымил, перевернулся и через минуту врезался в землю.

Корзунов не растерялся, сумел скольжением сбить пламя. Самолет Родионова пристроился слева, Филатов и стрелок огнем прикрывали поврежденную машину командира от непрерывных

атак вражеских истребителей. «Мессерам» все же удалось вторично поджечь самолет Корзунова, вывести из строя один из моторов.

И вновь летчик проявил исключительное хладнокровие и умение. Глубоким скольжением сбил пламя и на одном моторе вышел в горизонтальный полет. Тем временем штурманам и воздушным стрелкам групповым огнем удалось сбить еще один «мессер», остальные отстали.

Корзунов перелетел линию фронта, дотянул до Аккермана и благополучно посадил избитую машину на передовой аэродром.

С этих пор он стал летать с Филатовым. И вряд ли в полку была более неразлучная пара, чем эти "два Ивана". Дружба, завязавшаяся в бою, крепла от полета к полету.

В августе 1941 года бомбардировочной авиации ВВС Черноморского флота было приказано вывести из строя Черноводский мост на Дунае — объект стратегического значения.

Узкая, ленточная цель. Прямая, как стрела, эстакада за километр от Дуная поднимает над топями полотно железной дороги. Надводная часть моста протяженностью семьсот пятьдесят метров висит на тридцатипятиметровой высоте. Стальные фермы возвышаются до семидесяти пяти метров. Чуть не воздушная цель!

По Черноводскому мосту шли резервы, вооружение, боеприпасы. По нефтепроводу, подвешенному под его полотном, — нефть из Плоешти в хранилища и на нефтеперегонные заводы Констанцы, затем в цистерны, направляющиеся на фронт. Эта жизненно важная для врага, непрерывно пульсирующая артерия, питающая весь правый фланг немецкого Восточного фронта, надежно прикрывалась истребителями и несколькими поясами зенитных заслонов, способных создать многослойный огонь на всех досягаемых высотах. Фашисты считали мост неуязвимым.

Настал день удара. В воздухе бомбардировщики 2-го и 40-го авиаполков. Группу пикировщиков ведут Корзунов с Филатовым. При подходе к цели — шквальный огонь зенитной артиллерии. Все воздушное пространство вокруг моста заполнено шапками разрывов, исчерчено трассами «эрликонов» и пулеметов. «Мессеры» атакуют, рискуя попасть под огонь своих зениток…

Бомбардировщики не сворачивают с пути. Под адским огнем ложатся на боевой курс. Вода вокруг моста кипит. Но сам он невредим. Завершают удар пикировщики. Бомбы, сброшенные Филатовым, попадают в крайнюю ферму и опору. Мост выведен из строя…

В августе началась героическая оборона Одессы.

Черноморская авиация, взаимодействуя с кораблями, оказывала поддержку сухопутным войскам. По нескольку боевых вылетов в день делали пикировщики, нанося меткие удары по железнодорожным узлам и эшелонам, по танкам и артиллерийским позициям в полосе фронта, по переднему краю противника.

Один из этих дней остался на всю жизнь в памяти друзей. Звено вылетело на Одессу, где к линии фронта подтягивалась артиллерия врага. Пикировщики вышли на цель на небольшой высоте, бомбы легли ровной строчкой как раз вдоль колонны.

— Цель накры… — голос стрелка-радиста прервался на полуслове. Самолет вздрогнул, свалился на нос. Филатов бросил взгляд на Корзунова. Летчик с искаженным лицом сжимал рукой правую ногу, кровь сквозь пальцы сочилась по комбинезону, стекала на пол кабины…

— Держись, командир! — крикнул Филатов. Помог другу выровнять самолет, перевести его в набор высоты. Выйдя из зоны огня, увидел пронесшиеся рядом трассы, пробоины на крыле. Вражеский истребитель выходил из атаки.

— Ушкалов, огонь! — крикнул, бросившись к своему пулемету.

Стрелок не отвечал.

"Мессер" снова заходил в атаку. Филатов держал его в прицеле, подпустил на двести метров. На секунду опередил фашиста, который готовился ударить наверняка. Длинная очередь пересекла тело «мессера», он отвернул, потянул шлейф дыма к линии фронта…

Филатов быстро отстегнул ремешок от планшета и изо всех сил перетянул ногу друга. Тот, крепко сжав зубы и все больше бледнея, продолжал вести самолет. Филатов помогал ему. Так дотянули до своего аэродрома. Выпустили шасси, благополучно посадили израненную машину. Тут только узнали, что разорвавшимся в самолете снарядом убило их боевого друга — воздушного стрелка-радиста старшину Ушкалова Андрея Емельяновича.

Пока командир находился на излечении, Филатов летал с известным на Черноморском флоте летчиком Луниным. А когда Корзунов вернулся, друзья снова стали неразлучны.

…Фашистские полчища, не считаясь с потерями, рвались в Крым. Наши войска вели тяжелые оборонительные бои.

Поступило приказание уничтожить танки противника на Перекопе. Они были укрыты в окопах и использовались как артиллерия.

Группу пикировщиков повели в бой командир звена старший

лейтенант Корзунов и его штурман старший лейтенант Филатов. По пути к ним присоединились группы штурмовиков и истребителей с других аэродромов.

Показалась прорезавшая мутные воды Сиваша узкая полоска земли. По обеим сторонам железной дороги то и дело вставали желтые кусты — шла артиллерийская перестрелка. Пелена сизого дыма стелилась над окопами. Затем засверкали вспышки, вокруг самолетов повисли черные шапки — заработали зенитки врага. В небе появились его истребители…

Держать строй! — подал условный знак Корзунов. Филатов точно вывел группу на цель, прицельно положил бомбы. По выходе из пикирования группа вновь собралась в плотный строй, отбила атаки «мессеров». Один вражеский истребитель был сбит. Все пикировщики благополучно вернулись на свою базу…

…Враг прорвался в Крым, осадил Севастополь. Сосредоточив большие силы, предпринял первый штурм легендарного города. Севастополь устоял…

22 ноября 1941 года воздушная разведка донесла, что на аэродроме Саки сосредоточилось около сорока самолетов противника. Было решено нанести бомбоштурмовой удар по этой цели. Для выполнения задачи выделили четыре самолета Пе-2, пять Ил-2, шесть Як-1 и четыре И-16. Ведущим был назначен экипаж Корзунова.

Затемно группа была уже в воздухе. Корзунов с Филатовым избрали маршрут над морем. Подходя к береговой черте, бомбардировщики резко увеличили скорость, штурмовики, не теряя их из виду, перешли на бреющий.

Первыми на цель вышли пикировщики. Бомбы, сброшенные Иваном Филатовым и другими штурманами группы, разрушили казарму, взорвали склад боеприпасов. Минутой позже пошли в атаку штурмовики. Удар оказался настолько неожиданным, что зенитная артиллерия противника открыла огонь, когда группа была уже на отходе. На летном поле взрывались и горели более десятка немецких самолетов…

В один из декабрьских дней Ивана Корзунова вызвал комэск капитан Цурцумия. Предложил перебазироваться со звеном на Херсонесский маяк.

Звено было сборное, вылетать предстояло в тот же день. Корзунов вызвал летчиков Дмитрия Николаева и Дмитрия Лебедева, спросил, представляют ли они, в каких условиях предстоит воевать. Ребята представляли.

Через два часа звено ушло в воздух.

Началась напряженнейшая работа.

На второй день декабрьского наступления немцев на

Севастополь Корзунову с Филатовым пришлось решать весьма ответственную тактическую задачу. Неприятель накапливался в одной из балок на расстоянии двухсот метров от переднего края наших войск. Надо было бомбовым ударом сорвать атаку врага. Бомбить в такой близости от своих Корзунову еще не приходилось. Филатов собрал штурманов, тщательно изучил местность по карте, наметил ориентиры, рассчитал точку прицеливания. Строго проэкзаменовал каждого из ведомых.

— Что бы ни было, от нас не отрываться! Бомбить только по ведущему!

Когда звено приблизилось к цели, Корзунов впервые почувствовал, что его штурман нервничает. В самом деле, что может быть страшнее: вместо помощи пехотинцам нанести им урон. Однако ничто не помешало Филатову точно вывести машину на створ ориентиров, вовремя положить на боевой курс. Небо вокруг кипело от разрывов. Корзунов вел тройку как по линейке. Соскользнул в пике. Ведомые за ним — как с горки…

И так — семь раз. Под ожесточенным огнем из всех видов зенитного оружия. Двадцать три бомбы из двадцати четырех легли точно на головы фашистов. Одна разорвалась близ наших позиций, но не причинила вреда. Вечером летчикам зачитали благодарность Военного совета флота. "Звено Корзунова… сорвало готовившийся прорыв". Пришла телеграмма и с линии фронта: армейское командование благодарило бомбардировщиков за помощь.

Через три дня звено еще раз заслужило благодарность Военного совета.

Противник занял село Верхний Чоргунь. Надо было выбить его из этого важного опорного пункта. Но немцы вели такой сильный огонь, что пехота не могла подняться в атаку. Звено Корзунова сделало шесть вылетов, подавило много огневых точек. Но этого оказалось недостаточно, пехотные командиры попросили обработать немецкие позиции еще раз. Наступали сумерки, местность просматривалась плохо. Под сильным зенитным огнем летчикам пришлось сделать несколько заходов, чтобы точно определить позиции вражеских батарей.

Хладнокровие и выдержка Корзунова и снайперский глаз Филатова позволили и в этих условиях обнаружить и точно накрыть самые активные огневые точки врага. После седьмого удара пикировщиков пехота поднялась в атаку, и к ночи село было отбито у противника…

Враг усиленно подтягивал резервы. Звену Корзунова часто приходилось вылетать на удары по скоплениям войск и техники на дорогах. Однажды разведка обнаружила движение большой

колонны от Симферополя к Бахчисараю. Дорога была так забита автомашинами, пехотой, орудиями, что куда ни брось бомбы, попадешь. Но у Корзунова с Филатовым выработалось правило: каждый раз наносить врагу наибольший возможный урон, поражать самую крупную, самую важную цель. Иногда для этого требовалось "создать соответствующие условия", как выражались друзья. Плотный огонь зенитных орудий и пулеметов не помешал им выйти в голову колонны и с высоты тысяча двести метров положить бомбы в самую гущу вражеских войск.

Движение колонны застопорилось. Корзунов скомандовал ведомым разойтись и работать самостоятельно. Самому ему тут же пришла в голову идея: вести огонь не только на пикировании, как это обычно делалось, но и на выходе из него. Это позволяло накрыть больший отрезок дороги.

Сделав по два захода и израсходовав все боеприпасы, поспешили на аэродром. Быстро заправились, пополнили боезапас и получили разрешение повторить вылет. Противник на этот раз встретил их ураганным огнем. Но «пешки» опять отбомбились успешно и, снизившись, проштурмовали в панике мечущихся фашистов.

На обратном пути, над самым Качинским аэродромом, звено неожиданно выскочило из-за прикрытия облаков. На аэродроме — десятки вражеских истребителей, готовых к взлету в любую минуту. К тому же зенитки…

Корзунов вспомнил уроки Цурцумии: дерзкое нападение — лучшая защита. На свой аэродром все равно уйти не успеешь…

Считанные секунды находились бомбардировщики на виду у противника. Даже зенитки еще не успели открыть огонь, как Корзунов скользнул в пике. Можно было ручаться, что ни один гитлеровский летчик не подумал, что все это произошло случайно. Хоть и безумие — три самолета на целый аэродром! Наверно, решили, что в самом деле какой-то русский сошел с ума…

И все удалось. Проштурмовали поле, не дали взлететь ни одному гитлеровцу. Правда, машину Дмитрия Лебедева повредило зенитным снарядом, и несколько следующих вылетов пришлось делать парой. Когда над линией фронта прошли не три, а два пикировщика, на командный пункт посыпались запросы пехотинцев: что случилось с третьим, не сбит ли, остался ли жив…

Корзунов, узнав об этом, собрал своих ребят.

— Севастопольцы нас знают и любят. Какой сделаем вывод, друзья?

Вывод был сделан логичный: воевать по-севастопольски!

Успех бомбометания зависит от штурмана в такой же степени, как и от летчика.

Когда самолет ложился на боевой курс, Филатов жил только одной мыслью: нанести как можно больший урон врагу. Не было случая, чтобы он поторопился со сбросом бомб из-за ураганного огня зениток или атак истребителей. И, как и его командир, постоянно думал. Думал на земле, думал в воздухе. И часто идеи посещали его в самые напряженные минуты боя.

Как-то, еще до Севастополя, пошли на скопление танков. Приблизились к указанному району, но не могли найти цель. Минут пятнадцать кружили — ни выстрела, ни малейшего движения на земле. Сбросили на пробу одну бомбу. Эффект превзошел все ожидания: в воздух взвились десятки трасс. Филатов и не подумал освобождаться от груза. Внимательно изучал, откуда идет стрельба. Оказалось, танки искусно замаскированы в стогах сена. Заметил, где они расположились наиболее кучно, и дал командиру курс на отход.

Корзунов мгновенно понял его замысел, умело имитировал бегство от огня противника. Минут двадцать покружились в стороне, вне видимости немцев. Потом зашли с того же направления, что и в первый раз, как будто это был другой бомбардировщик, посланный им на смену. Немцы опять затаились. Филатов старательно, без помех выбрал цель и отбомбился. Наградой за удачную выдумку явился огромный взрыв: под один из стогов был замаскирован склад боеприпасов…

Иногда пунктуальность Филатова выводила из себя даже такого хладнокровного командира, как Корзунов.

Во время декабрьского штурма Севастополя гитлеровцы особенно упорно обстреливали аэродром у Херсонесского маяка. Взлетать стало почти невозможно. Нужно было уничтожить или, по крайней мере, подавить дальнобойную батарею, хорошо пристрелявшуюся по аэродрому. Погода была на редкость неблагоприятная: облачность до четырехсот метров, с земли ей навстречу поднимается туман. Бомбить, спустившись ниже облаков, — значит быть сбитым осколками своих же бомб: цель возможно рассмотреть только с моря, при полете на бреющем. Подняться выше облачности — значит свести вероятность попадания чуть не к нулю.

Решили так. При первом заходе с моря точно определить направление к цели и время полета к ней. На втором — сбросить бомбы из-за облаков по расчету времени, пользуясь секундомером.

Корзунов сделал первый заход, пошел на второй. Старательно выдерживает курс и скорость, несмотря на отчаянный огонь.

Чувствует, что прошли над целью. Спрашивает Филатова:

— Сбросил?

— Нет…

Пошел на третий.

— Сбросил?

— Не сбросил.

— Сколько же ты меня будешь мучить?

— А что я могу сделать, если ориентира нет?

— Ладно, пойду на бреющем. Тогда ориентира не понадобится.

— Смотри, командир. Боюсь, что тогда уже ничего нам не понадобится.

— А что делать?

— Давай еще заход.

В сущности, штурман поставил себе немыслимую задачу. В море не было никакой точки, от которой можно бы отсчитать время. А установить его приблизительно — это для Филатова было невозможно.

Пошли на четвертый заход. Самолет то и дело вздрагивал от близких разрывов.

— Сбросил?

— Не успел рассчитать…

— Ну черт с тобой, собьют, так обоих!

Корзунов развернулся, зашел еще раз на вставшие сплошной стеной разрывы зенитных снарядов. Через минуту услышал радостный голос друга:

— Вот теперь сбросил. Думаю, в самую точку! Спасибо, командир!

И на земле сам больше всех удивлялся, как им удалось вернуться из этого полета живыми и невредимыми…

Подобные же сцены разыгрывались между друзьями почти каждый раз при отходе от цели. Предельная сосредоточенность, напряжение всех сил при заходе сменялись у Филатова бурным проявлением чувств после меткого удара. Бывало, что штурман просил командира зайти на цель еще раз, чтобы полюбоваться результатом.

— Следи за воздухом! — сурово обрывал его восторги командир, закладывая противозенитный маневр. — Тут тебе не театр!

К счастью, всегда начеку был третий член экипажа — воздушный стрелок-радист Анатолий Калиненко. Не было случая, чтобы он прозевал вражеский самолет в воздухе. Человек по тем понятиям уже немолодой, он отличался той же добросовестностью в работе, что и штурман, но никогда не

позволял себе увлекаться. Надежно держал связь с землей на всех этапах полета, надежно наблюдал за воздухом, хладнокровно и метко стрелял. На личном его боевом счету числилось два сбитых вражеских истребителя.

В период декабрьского штурма немцев звено Корзунова делало по шесть-семь вылетов в день, уничтожая живую силу и технику врага в районе Итальянского кладбища, на Мекензиевых высотах, в Сухарной балке, в селе Верхний Чоргунь и на других участках фронта.

Во время Керченско-Феодосийской десантной операции наших войск немцы стали спешно перебрасывать силы от Севастополя на восток. По дороге на Симферополь двигались в три ряда колонны автомашин, танков, артиллерии. С аэродрома Херсонес поднялось звено пикировщиков во главе с Корзуновым, группа штурмовиков, ведомая Губрием, и истребители Юмашева.

Удар Филатов нанес с высоты восемьсот метров. Все бомбы легли на дорогу. Штурмовики и истребители докончили дело. Когда, израсходовав весь боезапас, группа отходила от цели, дорога была усеяна сотнями трупов вражеских солдат. Горели танки, взрывались груженые автомашины, по обеим сторонам валялись искореженные артиллерийские тягачи и орудия…

В январе сорок второго, после гибели Александра Цурцумии, Корзунова назначили командиром эскадрильи. Иван Егорович дал себе слово удержать завоеванный подразделением авторитет, стать достойным преемником прославленного воздушного воина и командира.

Вскоре вся эскадрилья перебазировалась с Кавказа в Севастополь. Она пополнилась новыми экипажами. Их надо было приобщить к боевым традициям славного коллектива. А прибывшие два звена сделать столь же надежными и самоотверженными в бою, каким было испытанное «севастопольское» звено.

Кольцо блокады вокруг осажденного города после декабрьского штурма сжалось. Снаряды вражеской дальнобойной артиллерии сотнями рвались на аэродроме. Усилилось «дежурство» над ним немецких истребителей: почти каждый взлет сопровождался воздушным боем. Тренировать новичков в таких условиях было невозможно. Молодой комэск применил способ, который использовал в бывшем своем звене — обучение во время боевых вылетов. Прошедшим севастопольскую школу летчикам надо было научить новых товарищей крепкому строю во время нападения истребителей, мгновенному переходу в атаку и выходу из нее, ювелирной точности бомбометания. (Полигоном для упражнений в прицельном сбрасывании бомб с пикирования

служили моторные мастерские врага в близком тылу и участок его передовых позиций, требовавший наиболее частого воздействия нашей авиации.)

Не говоря о других «мелочах». Быстро и безошибочно ориентироваться, отыскивать мелкие, хорошо замаскированные среди сопок и балок цели, взлетать, не вызывая огня вражеской артиллерии, как можно меньше подымая пыли…

21 января два звена нанесли бомбоудар по самолетам противника, сосредоточенным на аэродроме Сарабуз. Внезапности не получилось, так как маршрут проходил над территорией, занятой фашистами. На боевом курсе звено, которое вел Корзунов, было атаковано тремя «мессершмиттами». Однако экипажи дружно отразили атаки, сбили один «мессер» и прицельно сбросили свой смертоносный груз на аэродром противника.

На самолете старшего лейтенанта Мордина из второго звена после сбрасывания не закрылись люки. Он стал заметно отставать. Оставшаяся пара «мессеров» накинулась на него. Оба звена развернулись на помощь товарищу. Общими усилиями атака была отражена, при этом сбит еще один Ме-109. Другой, получив повреждения, потянул к своему аэродрому.

За один этот вылет шестерка Пе-2, не понеся никаких потерь, сумела уничтожить четыре Ю-88 на аэродроме и два «мессершмитта» в воздушном бою.

— Вот что значит взаимная выручка! — подвел итог полета Корзунов.

В тот же день воздушная разведка донесла о скоплении артиллерии и большого количества автомашин в Евпатории. В воздух поднялась та же шестерка.

Сложные метеорологические условия, огонь вражеских автоматов не помешали группе выполнить боевую задачу. Корзунов с Филатовым выработали особую тактику ударов по целям противника, сильно прикрытым зенитной артиллерией. Маршрут проходили, как правило, на малых и сверхмалых высотах над морем. Затем набор высоты до восьмисот — тысячи метров, пикирование до четырехсот, полтора-два десятка секунд на боевом курсе, бомбоудар и выход из атаки с противозенитным маневром. Смелость и неожиданность налета ошеломляли противника. Пока он приходил в себя, Филатов успевал положить в цель весь запас бомб.

Так было и на этот раз. Несмотря на сплошную низкую облачность, быстро обнаружили скопление противника на городской площади. Бомбы накрыли всю цель, гитлеровцы понесли большие потери в живой силе и технике…

Выполняли и свои прямые обязанности. Вели разведку в море и портах, бомбили корабли на переходах из Констанцы в Евпаторию и Ак-Мечеть…

В короткий срок эскадрилья обрела опыт, слеталась так же, как и первое звено «севастопольцев». В невыносимой, казалось бы, обстановке работала не просто успешно, но и бодро, с неизменной готовностью к любому заданию. В самые трудные дни — никакого упадка духа, никакой усталости.

Самые трудные дни наступили в начале лета. Для третьего штурма города противник сосредоточил огромное количество наземных сил, более шестисот самолетов…

На херсонесском пятачке, в выдолбленных в каменистой земле капонирах, укрывалось пятьдесят три машины. Личный состав спасался от бомбежек и обстрелов под скалами южной стороны. Только за один день 24 июня 1942 года по аэродрому было выпущено более тысячи двухсот артиллерийских снарядов, сброшено до двухсот крупнокалиберных бомб. Артобстрелы и бомбоудары заставали самолеты при посадке и выруливании на старт. Один из осколков попал в бензобак машины Корзунова, самолет сгорел…

Эскадрилья сражалась до приказа на последний взлет и покинула Херсонесский аэродром только за четыре дня до оставления Севастополя последними нашими частями.

По два ордена Красного Знамени заслужили в этих памятных боях командир эскадрильи Иван Егорович Корзунов и его штурман Иван Иванович Филатов.

Летом и осенью сорок второго отважный экипаж водил эскадрилью на скопления вражеских войск в кубанских степях, под Новороссийском, на перевалах Главного Кавказского хребта…

Как-то во второй половине августа командир полка, вызвав друзей, молча обвел кружком отдельный домик на Клухарском перевале. Карта была крупномасштабная, но и на ней синий карандаш едва не залез за красную черту, обозначающую позицию нашей обороняющейся пехоты.

— Ваша цель, друзья! Севастопольская!

Глаза Филатова заблестели: соскучился по ювелирной работе.

— А карту свою дадите?

Карту дали. Корзунов отобрал три лучших экипажа. Филатов тщательно проинструктировал штурманов.

Пикировать в теснине между гор — само по себе дело нелегкое. А тут точечная цель, близость своих позиций…

Однако спикировали. Бомбы угодили точно в указанное строение, разнесли в щепки командный пункт гитлеровских горноегерей. И тут наблюдающие результат штурманы и стрелки

в один голос закричали своим командирам:

— Смотрите, смотрите!..

Огромная толпа каких-то людей, выскочив из-под нависающих над дорогой скал, на бегу рассыпаясь, устремилась к нашей передовой…

Загадка разъяснилась только к вечеру. Из штаба наземных войск передали в дивизию благодарность: ваши летчики освободили из фашистского плена шестьсот советских граждан. Оказалось, гитлеровцы заставили этих людей таскать к перевалу грузы, используя их как вьючных животных. По этому случаю в полку были проведены беседы, летчики выражали свой гнев и ненависть к бесчеловечному врагу.

Филатов же, сверх всего, сделал свой вывод в беседе со штурманами:

— Вот, братцы, как важна точность в нашем деле…

Через несколько дней в штаб поступило тревожное сообщение: противник просачивается на южные склоны перевала.

Основную дорогу надежно защищали наши войска. Преодолеть их сопротивление врагу не удавалось, но, как доносила разведка, гитлеровские егеря нашли обходную тропинку. По словам разведчиков выходило, что она защищена не только от налетов, но и от наблюдения с воздуха нависшими над ней скалами. В то же время немедленно остановить врага могла только авиация. Необходимо было в кратчайший срок разыскать тропу. Эту задачу Корзунов поставил перед лучшим пикировщиком эскадрильи капитаном Андреем Кондрашиным. Тот взял себе в напарники лейтенанта Михаила Плохого из своего звена — летчика, не раз отличавшегося в разведке.

О Кондрашине я уже кое-что рассказывал в предыдущем очерке. Всего о нем не расскажешь. Удивительный был человек! Вот и на этот раз он двумя экипажами сумел решить такую задачу, которая и целому полку едва ли была под силу.

Обнаружив тропу и двигавшихся по ней вражеских автоматчиков, Кондрашин и его штурман Анатолий Коваленко решили обрушить на них скалу, нависшую над склоном. Сброшенные ими бомбы сделали дело так, как сумели бы разве что опытные подрывники. Оказавшиеся в западне гитлеровцы были уничтожены нашей пехотой. А имя Кондрашина стало чуть ли не самым популярным в частях 46-й армии, защищавших этот труднейший рубеж…

В сорок третьем, во время изгнания немцев с Кавказа, действия полка в основном были направлены на порты Феодосия, Керчь, Тамань. Через них осуществлялось снабжение обороняющихся вражеских войск. Постоянно держать под

контролем эту важнейшую морскую коммуникацию противника было главной задачей всей авиации Черноморского флота.

Особенно трудными целями являлись быстроходные десантные баржи, которые стал широко использовать противник.

Первая встреча с ними обескуражила даже таких бывалых воздушных бойцов, как Корзунов с Филатовым.

Воздушной разведкой был обнаружен караван, состоящий из двенадцати судов. Пятерка пикировщиков, вылетевшая на удар по тревоге, нашла в указанном районе дюжину незнакомых по силуэту судов, идущих в двухкильватерной колонне.

— Зайдем под углом тридцать — сорок градусов, — предложил Корзунов. — В какую-нибудь да попадем. Будто не знал своего штурмана.

— Зачем торопиться, командир? Сейчас разберемся. И с целью, и с ветерком, чтобы точненько снос рассчитать. Может, сбросим одну для пристрелки?

Сбросили сотку. И тут с посудин открылся бешеный огонь. Особенно неистовствовали «эрликоны».

— Педант чокнутый… — выругал друга Корзунов, закладывая противозенитный маневр.

Но тут же услышал восторженный крик стрелка-радиста:

— Попала! Тонет!

Филатов, однако, молчал. Потом не то удивленно, не то смущенно:

— Да нет, в том-то и дело… Даже и крена не видно… И тут началось самое поразительное. Все суда с проворностью юрких букашек рассредоточились, повиляли и вдруг стали в правильный круг. Огонь с них достиг такой силы, словно это были хорошо вооруженные военные корабли.

— Ложимся на боевой! — безоговорочно приказал Корзунов.

Филатов сбросил серию. Одна из бомб опять угодила прямо в судно. И опять тот же результат…

Так состоялось первое знакомство пикировщиков с этой новинкой немецкой морской техники. Вскоре в полку были получены данные о БДБ — быстроходных десантных баржах. Их необычайная живучесть объяснялась наличием в корпусе множества отсеков, разделенных водонепроницаемыми переборками. Три сильных двигателя обеспечивали отличную маневренность: БДБ успевала отвильнуть с курса за время падения бомбы с небольшой высоты, то есть за шесть-семь секунд. Вооружение — четыре автоматические пушки «эрликон».

Необходимо было разработать соответствующую тактику. Корзунов, Кондрашин, Филатов принялись за дело с охотничьим азартом. Все жизненно важные механизмы и емкости с горючим у

БДБ располагались в кормовой части. Но длина баржи сорок семь метров, ширина — восемь. Вот тут и выбирай, куда попасть…

Выбрали. Подобрали соответствующие бомбы, разработали метод ведения прицельного огня, тактику групповых ударов. Сорок три БДБ, потопленные эскадрильей со времени появления этих посудин на Черном море и до окончания боев за Крым, — лучшее свидетельство того, что для подлинных мастеров воздушных атак неуязвимых целей не существует.

24 июля 1943 года майору Корзунову присваивается звание Героя Советского Союза. В августе его назначают командиром 40-го бомбардировочного авиаполка. Капитан Филатов становится соответственно штурманом полка. А эскадрилью имени Героя Советского Союза Александра Цурцумии принимает капитан Кондрашин.

Осенью все трое друзей награждаются за отвагу и мастерство, проявленные в боях за освобождение Тамани. Корзунов и Кондрашин — орденом Красного Знамени, Филатов — Отечественной войны I степени.

На новой должности Корзунов продолжал лично водить группы пикирующих бомбардировщиков на корабли противника в море и в базах. Мастер снайперских бомбоударов Филатов был примером для всех штурманов полка, неустанно совершенствовал их боевую выучку.

В феврале 1944 года Ивану Корзунову присвоили звание подполковника и назначили командиром 13-й авиационной дивизии пикирующих бомбардировщиков. Майор Иван Филатов стал соответственно флаг-штурманом вновь созданного соединения.

Флагманский экипаж по-прежнему водил группы пикировщиков на удары, собственным примером вдохновляя молодых воздушных бойцов.

Шло победное наступление на фронтах. Войска 4-го Украинского освободили большую часть Крыма, подошли к Севастополю. Каждый летчик, штурман, воздушный стрелок дивизии стремился внести свой достойный вклад в дело победы, у каждого были личные счеты с ненавистным врагом.

Корзунов и Филатов вспоминали погибшего в январе Андрея Кондрашина, первого командира их родной эскадрильи Александра Пеховича Цурцумию…

Счет за гибель друзей был предъявлен такой: всякий фашистский корабль, вышедший из крымского порта, должен погибнуть в пути!

Молодые летчики равнялись на ветеранов. В каждом полку появилось по нескольку экипажей, для которых не существовало

слишком мелких или слишком подвижных целей. Их девизом было уметь уничтожить любой объект. Застрельщиками и в этом деле оставались старые, прославленные экипажи эскадрильи имени Цурцумии. Они были боевым ядром дивизии, ее гордостью, ее совестью. Летали без устали, разили врага беспощадно и метко. Летчики Александр Гнедой, Сергей Тарарин, Анатолий Бриллиантов, Казимир Казаковский, Михаил Плохой, штурманы Александр Борисов, Виктор Гриша… Эти имена были известны не только каждому бойцу дивизии, но и всем авиаторам Черноморского флота.

Когда наши войска прижали немцев к Южному Бугу у города Николаева, пикировщикам было приказано разбить мост — единственный возможный путь их отхода.

Мосты для бомбардировщиков — одна из труднейших целей. По обычным нормативам на такой объект требуется посылать около тридцати самолетов. Сильное противодействие зенитных средств соответственно увеличивает эту норму.

Замкомэск капитан Гнедой и его штурман лейтенант Гриша (кстати, только что вернувшиеся из полета в море, где потопили транспорт) решили, что хватит одной шестерки. Той же, с которой летали на конвой. Тем более, что враг ждет не менее тридцати самолетов — немцы порядок любят.

Обманным маневром вышли к мосту, спикировали с тысячи двухсот метров, бомбы сбросили с минимальной высоты. В мост попали из них три, две фермы были разрушены. Больше ничего и не требовалось. "Скромность украшает героя", — говорил в таких случаях Корзунов. В эти напряженнейшие дни комдив и его неизменный штурман использовали каждую возможность, чтобы лично возглавить группу пикировщиков, направляемую на ответственный массированный удар.

За успешное руководство боевыми действиями дивизии в операции по освобождению Крыма и проявленную при этом личную отвагу Иван Егорович Корзунов был награжден орденами Нахимова I степени и Отечественной войны I степени. Штурман дивизии Иван Иванович Филатов — орденом Нахимова II степени.

Друзья не разлучались до конца войны. Водили воздушные армады дивизии с той же скромной самоотверженностью и отвагой, как вместе когда-то водили звено. И теми же маршрутами, что и в сорок первом — на Констанцу, Плоешти, Сулину… Только, если тогда это были глубокие вражеские тылы, то теперь города, которые вот-вот будут освобождены из-под гитлеровского ига…

Комэск Николай Николаев

С Николаем мы подружились в училище. Вместе учились летать, вместе мечтали о будущем. Завидовали героям боев в Испании, на Хасане и Халхин-Голе, на Карельском перешейке. Хотели быть похожими на них.

И вот декабрь 1940 года. Торжественное построение выпускников училища. Николаева направляли служить на Балтику, меня на Тихоокеанский флот. Коля написал на обороте своей маленькой — для командирского удостоверения фотокарточки: "Дороги наши обязательно встретятся". Я на своей: "Будущему герою небесных просторов".

Что ж, юность есть юность. Впрочем, и то и другое сбылось. Дороги наши встречались не раз. Встречались и расходились. Пока… Сколько таких же вот памятных карточек с такими же наивными пожеланиями сгорело в небе, на суше и потонуло в водах — Балтийского, Баренцева, Черного морей…

На всех на них были запечатлены такие же молодые, открытые, смелые лица. Лица героев…

…30 июня 1941 года эскадрилья ВВС Балтфлота одна за другой уходили на бомбоудар по скоплению противника в районе Двинска. Туда же повел свою девятку бомбардировщиков капитан Челноков. Погода стояла скверная. Темные тучи низко нависали над землей, пошел дождь. Летели под облаками. Рядом с комэском Николаев и Мазуренко, справа Уваров, Абраменко, Новицкий, слева Тальянов с ведомыми Игашевым и Копыловым. Почти все — выпускники нашего Ейского военно-морского…

Противник, конечно, их ждал. Заслон огня зениток, пулеметов, скорострельных пушек «эрликон».

Прорвавшись к цели. Челноков сбросил бомбы, за ним — остальные. И тут навалились истребители. Комэск сомкнул строй.

Отбили первую атаку, вторую, третью… Но силы были неравны. Взорвалась в воздухе машина Абраменко. Врезался в землю самолет Копылова — видимо, летчик был убит. Загорелась машина Игашева. Он направил ее на вражеский истребитель, таранил его, а затем огромным факелом обрушился на вражеские танки, скопившиеся на дороге…

На аэродром Челноков привел пятерых. Шестой уцелевший, Новицкий, на подожженной машине перетянул через Западную Двину и сел на своей территории…

Первые дни войны, первые победы, первые потери — самые тяжелые, как ни готовь себя к ним.

В августе группу летчиков с Балтики направили в Воронеж —

переучиваться на штурмовиков. Срок был короткий. Переучились. Получили приказ лететь на Черное море.

Десятка Ил-2 под командой капитана Челнокова взяла курс на юг. На одном из промежуточных аэродромов, в Богодухове, Челнокову передали приказание самого главнокомандующего войсками Юго-Западного направления Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного: нанести бомбоштурмовой удар по танковой и моторизованной колонне противника, движущейся в сторону Кременчуга.

Челноков повел группу к цели. Спикировали на дорогу, на придорожный кустарник. В движение пришли танки, машины, тягачи с орудиями… Николаев, Степанян, Виноградов, Евсеев, прицельно отбомбившись, принялись косить фашистов пулеметным огнем. Колонна была разгромлена, первая атака неожиданно вошедших в боевой строй штурмовиков увенчалась блестящим успехом.

Такие же вылеты последовали с кременчугского, с полтавского аэродромов. Помогая нашим войскам сдерживать наступление врага на суше, морские штурмовики получили боевую закалку еще в пути к новому месту службы. Двое из десяти погибли смертью храбрых — летчики Евсеев и Виноградов. Большинство из остальных были представлены к наградам. Николаев, с учетом прошлых его боевых заслуг, — к ордену Красного Знамени.

Сдав семерку обученных и испытанных в бою штурмовиков командованию ВВС Черноморского флота, комэск Челноков вернулся в Воронеж, где его ждала новая группа курсантов.

Николай Николаев стал летчиком 18-го штурмового авиаполка, в котором и воевал до конца.

Героическая оборона Одессы, бои у Перекопа… В один из осенних дней сорок первого года Николаев вылетел на очередное боевое задание и не вернулся. Подбитый «ил» упал в штормовое море, у летчика была сломана правая рука, три ребра. Целые сутки боролся он со стихией, плывя к своему берегу в маленькой надувной лодке. Больше всего боялся встречи с вражескими сторожевиками. Держал наготове пистолет: лучше смерть, чем… Трудно представить, каких усилий стоило ему добраться до земли. Но он добрался. Быстро подлечился, и снова в бой…

Потом — оборона Севастополя.

Боевой опыт Николаева, его личная отвага снискали ему авторитет одного из лучших летчиков в полку. В боях за Севастополь Николай стал коммунистом, командиром звена, ему поручали водить на удары группы штурмовиков эскадрильи.

…4 ноября самолеты-разведчики выявили скопление

самолетов противника на аэродроме в районе Симферополя. Командир эскадрильи Герой Советского Союза капитан Алексей Губрий вызвал к себе старшего лейтенанта Николаева.

— Даю вам шесть экипажей…

Удар был неожиданным и точным. Николаев видел, как полыхали внизу самолеты, как взвился черный клуб дыма над складом горючего. Для верности решил удар повторить. Вторую атаку гитлеровцы встретили сильным зенитным огнем. Однако штурмовики не свернули с боевого курса. Закончив штурмовку, увидели, что к аэродрому подходит бомбардировщик До-215. Первым атаковал его командир второго звена Виктор Куликов. Вражеская машина задымила. Николаев докончил дело. Пушечная очередь отбила крыло, огромный бомбардировщик перевернулся и через минуту врезался в землю…

Два звена штурмовиков уничтожили около десятка вражеских самолетов, многим нанесли повреждения и без потерь вернулись на свой аэродром.

Через два дня был нанесен удар по самолетам противника на аэродроме Сарабуз.

Группу возглавил комэск Губрий. С ним шли Николаев, Голубев, Куликов, Тургенев, Евграфов. Прикрытие — два звена «яков». Успех зависел от внезапности. Ведущий избрал маршрут трудный, но надежный: над самыми вершинами Крымских гор.

На подходе к Сарабузу штурмовики были замечены барражирующими «мессерами». "Яки" вступили с ними в бой, «илы» устремились к аэродрому. Первый заход оказался внезапным, вражеские зенитки не успели открыть огонь. Для обеспечения второго два «ила», оторвавшись от группы, штурмовали позиции зенитных батарей, обстреляли их реактивными снарядами. Во время штурмовки с аэродрома попытался взлететь бомбардировщик «Хе-111». Евграфов сбил его, едва он оторвался от полосы. На поле горели девять вражеских самолетов…

На отходе группу перехватили восемь «мессершмиттов», взлетевших с другого аэродрома. Штурмовики шли уже без прикрытия.

— Круг! — скомандовал Губрий.

Летчики быстро перестроились. Видя свое превосходство, враги наседали. Один зашел в хвост Губрию. Комэск положил машину на крыло и с разворотом ушел вниз. «Мессер» оказался в прицеле Николаева. Меткая трасса прошила серое тело стервятника. В ту же минуту подоспели «яки». Штурмовики вернулись на свою базу без потерь.

23 ноября удар по Сарабузскому аэродрому был повторен. На

поле было уничтожено пятнадцать вражеских бомбардировщиков, взорваны боеприпасы, заправочные цистерны. Особенно отличился в этом бою Николаев. На сильно поврежденной машине он оставался в боевом строю до конца.

На обратном пути израненная машина разворачивалась, кренилась на бок. Николай стал отставать. Для его прикрытия остался Евгений Лобанов. Дважды они отбивались вдвоем от атак «мессершмиттов», пока на помощь не подоспели истребители прикрытия. Один «мессер» был сбит, остальные отстали. Николаев благополучно дотянул до Севастополя и произвел посадку на площадке Херсонесского маяка…

В эскадрилье существовал железный закон: один за всех, все за одного. Лететь в бой, зная, что товарищи в случае беды приложат все усилия, чтобы тебя выручить, намного легче, чем надеясь только на себя.

Николай штурмовал дерзко, без оглядки, заботясь только о том, чтобы нанести врагу наибольший урон, и потому не раз попадал в безвыходные, казалось бы, положения.

Однажды, после штурмовки автоколонны в районе Перекопа, он посадил охваченную пламенем машину на занятом немцами поле. Старший лейтенант Михаил Талалаев заметил, что друг в беде. Спросив разрешение у ведущего, вышел из строя, вернулся. Поле вокруг было изрыто разрывами бомб и снарядов. Но выбора не было. Михаил выпустил шасси и повел самолет на посадку. Николай, все поняв, побежал к нему. Едва машина остановилась, открыл ножом люк и влез в него. Два вражеских тягача с солдатами, спешащие к месту катастрофы, опоздали, немцы успели только выпалить несколько бесполезных очередей из пулемета.

Однако на этом не кончилось. При пересечении береговой черты в районе Саки штурмовик был атакован «мессершмиттами». Михаил снизился над морем до бреющего, взял курс к Севастополю. Воздушный стрелок отбивался от наседающих стервятников. Николай, сидя в бомболюке, досадовал на свою беспомощность. Вскоре подоспели два «яка», вызванные Талалаевым. Самолет благополучно приземлился на Херсонесском аэродроме…

На штурмовку аэродромов, войск и техники под Севастополем Николаев преимущественно летал ведущим. На личном его счету за этот период прибавилось семь уничтоженных на земле самолетов врага, семь танков, один сбитый в воздушном бою самолет. Плюс семнадцать самолетов, пятьдесят восемь автомашин и четыре миномета, уничтоженные совместно с товарищами. На груди отважного штурмовика было два ордена

Красного Знамени, Военный совет Черноморского флота наградил его именным оружием и часами.

Затем лето и осень сорок второго, ожесточенные сражения за Кубань, за Новороссийск…

Капитан Николаев уже командовал эскадрильей. В эти труднейшие месяцы войны, когда на счету был каждый воздушный боец, каждый самолет, девизом эскадрильи стало суворовское "Бить врага не числом, а умением".

Однажды в сентябре Николаев во главе четверки вылетел на штурмовку аэродрома Анапа, где, по данным разведки, накануне приземлились «мессершмитты». Зашел не со стороны моря, как обычно, а с суши. На бреющем пересек линию фронта и углубился на территорию противника. Затем, круто развернувшись, взял курс на цель. Удар с тыла оказался настолько неожиданным, что даже вражеские пулеметчики не успели открыть огонь. В результате четверкой штурмовиков было уничтожено восемь «мессершмиттов».

Комэск воспитывал подчиненных личным примером. И это касалось не только летно-тактического мастерства.

В октябре он повел группу на удар по вражескому штабу, расположенному в станице Крымская. Через шквал огня штурмовики прорвались к цели. Но при первой же атаке в самолет ведущего попал снаряд. Пробит фюзеляж, поврежден фонарь кабины, сам Николай получил два ранения. Но не покинул группу, продолжал раз за разом заходить в атаку, увлекая за собой ведомых. Лишь после того, как помещение вражеского штаба было сверху донизу охвачено пламенем, взял курс на свой аэродром…

Прекрасный командир, прославленный воздушный боец, Николаев в полку пользовался всеобщим уважением и любовью. А в эскадрилье его буквально боготворили. В свободную минуту вокруг комэска неизменно собирались летчики, техники, младшие авиаспециалисты. Николай — признанный баянист еще в училище, не смущаясь своим командирским званием, играл по заказу ребят памятные довоенные мелодии и даже напевал негромким, задушевным голосом русские народные и фронтовые лирические песни. Землянка гостеприимного командира была желанным прибежищем для соскучившихся по домашнему уюту летчиков. Особенно когда наступила зима и знаменитый новороссийский ветер «бора» пронизывал на дежурстве до костей. А тут всегда тепло, светло, потрескивают в печурке сухие поленца, пыхтит большой медный чайник. Ребята делились впечатлениями о полете, откровенно рассказывали, что чувствовали в тот или иной момент боя, беспощадно критиковали

себя и товарищей, высказывали соображения на будущее. Такие дружеские «вечёрки» не только укрепляли коллектив, помогали установить взаимопонимание, но порой и непосредственно для дела давали больше, чем самый строгий и подробный разбор.

Месяц за месяцем шла напряженная боевая работа. Николай Николаев участвовал почти во всех боевых вылетах полка. Исключением являлись лишь дни, когда требовалось сменить мотор или устранить серьезные повреждения самолета.

В марте 1943 года 18-й штурмовой авиаполк был преобразован в 8-й гвардейский. Этого почетного звания он удостоился за успешные действия при обороне Севастополя и Кавказа. Летчики под гвардейским знаменем поклялись бить врага, не щадя сил и жизни.

На Черном море противник широко использовал быстроходные десантные баржи БДБ. На них перевозились техника, оружие, войска. Они же служили прикрытием для крупных транспортных судов. Исключительно маневренные и хорошо вооруженные БДБ были очень трудной и опасной целью. Для успешного группового удара по ним от ведущего требовался большой опыт, бесстрашие, сосредоточенность, точность. Комэск Николаев стал признанным мастером штурмовых ударов по этим «точечным» морским целям.

19 мая 1943 года четверка «илов» под прикрытием десяти истребителей Як-1 вылетела на штурмовку БДБ, идущих в Анапу. Николаев повел группу на малой высоте, вдали от побережья, чтобы исключить ее обнаружение вражескими постами ВНОС.

Обойдя Анапу с моря, обнаружил в районе Благовещенской четыре БДБ. На бреющем устремился к цели. Противник держался наготове и открыл сильный заградительный огонь.

— Атака! — не теряя ни секунды, скомандовал Николаев.

Сделав подскок до трехсот метров, первым нанес разящий удар. Огромный взрыв окутал баржу, обломки палубных надстроек взлетели вверх. Ведомые один за другим прорывались сквозь огонь, метали бомбы, вели огонь реактивными снарядами. Взорвалась вторая баржа.

При следующем заходе зенитным снарядом был сбит Алексей Колесник. Самолет упал в воду около атакуемой баржи, летчик и воздушный стрелок Алексей Ильченко погибли…

Враг отчаянно сопротивлялся. Вокруг штурмовиков рвались снаряды, перекрещивались трассы. Гвардейцы, умело маневрируя, бросали машины в очередные атаки. Третья баржа накренилась и стала быстро тонуть, с нее в воду прыгали гитлеровцы. Четвертая была повреждена и потеряла ход. Спаслась тем, что у штурмовиков кончились боеприпасы.

Тройка «илов» вернулась на свою базу. Самолеты имели повреждения, много пробоин. Но враг дорого заплатил за гибель одного экипажа. Как после стало известно, на двух взорвавшихся баржах транспортировался боезапас, на третьей в трюмах была техника, а на палубе около сотни солдат. Все они нашли свою гибель в море…

Капитана Николаева и его ведомых Сергея Нагаева и Самоила Чернегу командование представило к наградам. Награждены посмертно были Алексей Колесник и Алексей Ильченко.

Каждый удар по быстроходным десантным баржам был жесточайшим испытанием для летчиков, каждый был чреват тяжелыми потерями. Ветеран гвардейского полка капитан Николаев ходил на них чуть не ежедневно. Если цели в указанном разведчиками районе не удавалось обнаружить, вел группу на запасную цель и штурмовал ее с той же самоотверженностью.

25 июня. Тяжелый день. Утром шестерка «илов» вылетела на уничтожение шести БДБ противника в районе мыса Железный Рог. Прикрытие — десять «яков».

Барж на месте не оказалось. Очевидно, они, заметив наш самолет-разведчик, изменили курс. Продолжать поиск было бесполезно: запас топлива невелик. Николаев развернулся и взял курс на восток, к мысу Утриш: там были размещены армейские склады противника. Истребители прикрытия или не поняли его маневр, или рассчитали, что горючего у них не хватит, ушли на свой аэродром.

Штурмовики с ходу спикировали на цель, сбросили бомбы. Взрывы, очаги пожаров… На втором заходе выпустили реактивные снаряды, пушечно-пулеметным огнем обстреляли складские постройки, мечущихся вокруг них гитлеровцев. В этот момент появилась шестерка Ме-109. Гитлеровцы разделились на пары, атаковали со всех сторон. Воздушные стрелки отбивались дружным огнем, летчики уклонялись от трасс противоистребительными маневрами…

Длинная очередь сержанта Эсауленко достала один из «мессеров», он врезался в воду у берега. Второго фашиста сбил краснофлотец Сергей Иванов. Враг еще больше ожесточился. После очередной атаки «мессеров» загорелся самолет Палуева, он и воздушный стрелок Иванов были ранены. Пылающая машина села в районе Марьиной рощи…

Штурмовик лейтенанта Чернеги был сильно покалечен, воздушный стрелок Константин Брилев убит. Заклинило мотор. Чернега посадил машину на воду у Мысхако, там его подобрал наш катер…

Еще один штурмовик упал в море, летчик сержант Давыд

Жвания и воздушный стрелок-бомбардир младший лейтенант Андрей Матвейкин не смогли выбраться из него и погибли…

Два «мессера» повисли над хвостом «ила» Николаева. Он увернулся скольжением. Штурман младший лейтенант Яков Сериков поймал момент, всадил очередь в одного из фашистов. Одновременно ударила пушка. «Мессер» задымил и ушел в сторону берега…

На аэродром возвратились три штурмовика. Все машины имели повреждения…

Удары штурмовиков заставили гитлеровских моряков отказаться от компактных строев. При этом они проигрывали в организации огня, но распыляли и силы наших летчиков. Трудность новой тактики для Николаева состояла в том, что не хватало опытных ведущих для каждого звена, пары: из-за потерь эскадрилья то и дело пополнялась молодежью, приходилось учить ее в бою.

10 июня восьмерка штурмовиков взяла курс к мысу Железный Рог: обнаружены семь БДБ и три сторожевых катера. По пути к «илам» присоединилось двенадцать «ЯКОВ».

Цель обнаружили юго-западнее озера Солёное: баржи рассредоточенно шли в сторону Анапы.

Самолеты разошлись, как было решено на земле. Под сильным зенитным огнем Николаев вывел свое звено в атаку. Бомбы легли на палубы барж. Второе звено атаковало другие две баржи. Часть бомб и реактивных снарядов попали в цель, остальные легли у бортов.

На втором заходе обстреляли палубы из пушек и пулеметов. Один сторожевой катер пошел на дно. При отходе от цели наблюдали пожары на четырех БДБ. Одна из них, объятая пламенем, уже тонула…

Три «ила» были повреждены огнем, больше всех — машина молодого летчика сержанта Полуэктова. Ее мотор давал перебои. Вблизи аэродрома он отказал совсем. Полуэктову пришлось садиться с убранным шасси на лес. Экипаж остался жив.

На разборе этот полет был признан в общем удачным. Все летчики действовали решительно, смело и грамотно. Молодые не отставали от ведущих, поэтому удары получились достаточно массированными. Недостаток — пренебрежение противозенитным маневрированием при выходе из атак.

Обучая летчиков совершенному владению техникой пилотирования, боевым приемам, настойчивости в достижении результата, Николаев каждую свою рекомендацию, каждый прием демонстрировал лично в боевых вылетах. "Храбрости тоже нужно обучать", — говорил своим командирам звеньев.

Памятным для Николая был вылет 16 июля сорок третьего года. В тот день в полк поступил приказ: уничтожить восемь БДБ противника, вышедших из порта Анапа курсом на Керчь.

Николаев вылетел во главе семерки, под прикрытием «яков». Ведомым с ним в паре шел его бывший учитель Герой Советского Союза подполковник Челноков. Николай Васильевич недавно прибыл с Балтики на должность помощника командира 8-го гвардейского штурмового авиаполка. Пока изучал обстановку на море, районы боевых действий. Этот боевой вылет был для него здесь первым.

Николай собрал группу, лег на курс. Бросил взгляд вправо: хорошо просматривались Цемесская бухта, Мысхако, Малая земля. Вчера он водил туда группу для удара по скоплению вражеских войск перед передним краем, сорвал очередную атаку гитлеровцев на плацдарм…

На траверзе Благовещенской обнаружили БДБ — точно, восемь. Идут рассредоточенно, в сопровождении четырех сторожевых катеров и под прикрытием шести истребителей Ме-109. Последнее было неожиданностью.

— В атаку! — подал команду Николаев, не колеблясь ни минуты.

Штурмовики пикировали на баржи, на них самих пикировали «мессеры». Прикрывающую группу «яков» с ходу связали боем появившиеся со стороны суши четыре пары «фоккеров».

Умело сманеврировав, Николай развернул самолет так, что его штурман получил возможность прицельно ударить по одному из «мессеров». Сериков и штурман полка майор Филипп Новохатский, летящий с Челноковым, поймали гитлеровца на выходе из атаки и сбили его.

Разозленные потерей фашисты сосредоточили огонь на ведущем. Николаев не выпускал из виду основную цель — баржи. Штурмовики продолжали нестись на них. Прорвались сквозь зенитный огонь, сбросили бомбы. Два прямых попадания, одна из барж взорвалась. Реактивный снаряд разорвался на палубе третьей.

При повторном заходе штурмовиков в атаку два «мессера» взяли в клещи крайний самолет. Командир звена старший лейтенант Николай Кладинога и штурман капитан Олег Смирнов отбивались огнем, не сходя с курса. Вражеские трассы впились в их машину, она круто взмыла вверх, перевернулась, упала в воду. Куполов парашютов не появилось…

Остальные штурмовики вихрем пронеслись над верткими посудинами, обстреливая их из пушек и пулеметов. Две баржи подожгли…

На отходе воздушный бой продолжался. Еще один штурмовик упал в море. Погибли лейтенант Самоил Чернега и воздушный стрелок старший сержант Василий Ермаков. Николаев скомандовал: "Стать в круг!" Выстраиваться пришлось, не выходя из боя. «Мессеры» сбили самолет младшего лейтенанта Виктора Петрашина. Воздушным стрелком с ним летел краснофлотец Сергей Иванов…

Штурмовики в карусели, в свою очередь, сбили еще один Ме-109. Горючего в баках осталось только до аэродрома. Николаев расчетливо прижал группу к воде, на бреющем повел в сторону своего берега. Вражеские истребители тоже, очевидно, израсходовали запас горючего и, видя бесполезность дальнейших атак, отстали.

Четыре «ила» вернулись на свой аэродром, два из них имели серьезные повреждения.

Спрыгнув с плоскости на землю, Челноков смахнул катившийся на глаза пот, подошел к Николаеву и молча обнял его…

Комэск Николаев был специалистом не только по баржам. Признанный мастер ударов по «точечным» целям, подлинный истребитель вражеских плавсредств, он и в штурмовках на суше проявлял ту же изобретательность, смелость, точный и хладнокровный расчет.

В день освобождения Новороссийска, 16 сентября 1943 года, шестерка штурмовиков вылетела на удар по колонне врага, отходящей по дороге на Абрау-Дюрсо. Прошли линию фронта, углубились во вражеский тыл.

— Район цели оставим слева, — напомнил Николаев ведомым.

Развернулись над вершинами гор и вышли на дорогу со стороны тыла. Расчет был точным: прямо по курсу, в узком ущелье, зажатом с обеих сторон горами, показалась колонна.

— Выходим на цель!

Пара Сергея Вашебабина вышла вперед, ударила из пулеметов и пушек по голове колонны, остановив ее движение. Гитлеровцы заметались, но деться было некуда. Основная четверка вышла на удар, когда машины гитлеровцев уже налезали друг на друга…

Атака следовала за атакой. На дороге творилось невообразимое. Горели бензозаправщики, поджигая соседние грузовики, рвались боеприпасы… Зенитчики покинули свои посты и не оказывали никакого сопротивления…

Колонна была разбита вдребезги. Одним налетом гвардейцы уничтожили десятки автомашин, более сотни гитлеровцев.

На другой день Николаев и Вашебабин с утра водили группу на удар по вражеской батарее, сильно досаждавшей нашей морской пехоте в районе Владимировки. Батарею нашли, разбили и — «попутно» — уничтожили пяток «эрликонов» и более полусотни гитлеровцев.

Это был «артиллерийский» день. После обеда поступил «заказ» командующего 18-й армией генерал-лейтенанта Леселидзе — уничтожить батареи в районе Волчьи Ворота. Семерку «илов» вновь возглавили Николаев и Вашебабин.

Налета фашисты ждали. Еще на подходе штурмовиков встретил плотный огневой заслон. Но у Николаева был отлично отработан противозенитный маневр. Летчики вслед за ведущим бросали свои машины то вниз, то вверх, маневрировали по курсу…

У Волчьих Ворот — «эрликоны». Пробили и эту завесу зловещих трасс.

Батареи стояли на открытых позициях, били по нашей пехоте. Штурмовики разделились: на одну батарею пошел с четверкой «илов» Николаев, на вторую Вашебабин во главе тройки.

Николай перевел самолет в пикирование, когда вышел на курс вдоль фронта батареи. За ним, как с горы, — Александр Данилов, Виктор Глухарев, Борис Морозов. Через полминуты на месте орудий взметнулись кусты разрывов. Еще, еще…

Отлично сработала и тройка Вашебабина. Он и его ведомые Степан Бабенко и Павел Богдан положили бомбы также вдоль фронта вражеской батареи.

На втором заходе штурмовики, умело уклоняясь от трасс зениток, отыскали орудия, еще оставшиеся невредимыми. Выпустили по ним реактивные снаряды. Затем полили разбегавшихся во все стороны гитлеровцев пушечно-пулеметным огнем.

Группа еще не вернулась на аэродром, а на столе у командира 8-го гвардейского авиаполка уже лежала телеграмма от командующего армией. Генерал Леселидзе благодарил летчиков за помощь.

Вечером гвардейцы узнали: войска 18-й армии прорвали оборону противника у Волчьих Ворот. Эта весть была лучшей наградой "воздушным танкистам". В течение двух суток велись ожесточенные бои за этот перевал; 11-я штурмовая авиадивизия подполковника Губрия оказала большую помощь сухопутным войскам в боях на этом важном участке фронта.

В период боев за освобождение Крыма Николай Николаев водил в бой уже не только свою эскадрилью, но большие штурмовые группы, составляемые в масштабе полка. Наносил

массированные удары по морским базам противника, по конвоям в открытом море, на важных коммуникациях. К этому времени штурмовики дивизии освоили новый метод атаки кораблей — топмачтовое бомбометание.

…22 апреля 1944 года в полк поступил приказ уничтожить два транспорта противника на подходе к Севастополю. Груженые суда шли под сильным охранением. Для нанесения удара было выделено восемнадцать самолетов. Действовать было решено тремя шестерками, ведущий всей группы — капитан Николаев.

Взлетела первая шестерка Николаева. За ней вторая и третья, возглавляемые старшими лейтенантами Николаем Пысиным и Александром Гургенидзе.

Видимость была отличная. Шли в плотном строю. На подходе к району цели увеличили дистанции между машинами до пятидесяти метров, чтобы улучшить обзор.

На горизонте показались дымы. Николаев доворачивает вправо, занимая наиболее выгодное положение для штурмового удара. Дает команду ведущему топмачтовиков Пысину. Тот начинает снижаться.

В воздухе появляются первые шапки разрывов. Видны силуэты кораблей, можно определить состав конвоя: два транспорта, эскадренный миноносец, два сторожевых катера. Прикрытие с воздуха — восемь Ме-109. Принимается решение на действия штурмовиков: группа Гургенидзе наносит удар с правого борта, с траверзных курсовых углов, Николаева — с носовых. Это осложнит кораблям маневрирование.

Задача штурмовиков в комбинированной атаке — подавить зенитные средства кораблей, обеспечить топмачтовикам возможность удара с близкого расстояния.

Николаев вводит свою шестерку в пикирование. К штурмовикам тянутся белые, красные, желтые трассы: заработали зенитные автоматы — «эрликоны». Доворот на сторожевик, огонь из пушек и пулеметов. Затем сброс бомб. Прямое попадание! Катер разломился. Окутался дымом эскадренный миноносец…

Топмачтовики Пысина, разделившись на тройки, атакуют транспорты с высоты тридцать метров. Штурмовики ведут огонь из всех стволов по всем кораблям. Подойдя на двести — триста метров, топмачтовики сбрасывают бомбы, они рикошетируют от воды, вздымая фонтаны брызг…

Николаев выводит штурмовиков на повторную атаку. Маневрируя под разрывами, видит: бомбы рвутся на палубах транспортов…

— Командир, "мессеры"! — в наушниках голос стрелка.

Противоистребительный маневр. Воздушные стрелки ведут

дружный огонь. Атака отбита, но одна из очередей повредила мотор и рули машины Алексея Штоколова…

Алексей в воздушном бою прикрывал Николаева и, хотя машина плохо слушалась рулей, продолжал держаться позади командира. В какой-то момент, когда «илы» уже легли на обратный курс, вдруг увидел: на машину ведущего сверху пикирует «мессер». Фашист рассчитывал, что летчику на подбитом «иле» не до него. Алексей, напрягая все силы, сумел сманеврировать и поразить врага меткой очередью. С густым хвостом дыма фашист провалился под строй штурмовиков…

Штоколов посадил свой самолет с убранным шасси на берегу озера Саки, немного не дотянув до аэродрома. Другая подбитая машина — Михаила Казакова села на фюзеляж на своем летном поле. Оба «ила» остались целы, задача была выполнена без потерь…

Близился полный разгром вражеской группировки в Крыму. Гитлеровцы пытались спасти, что возможно. Авиаторы-черноморцы в эти последние дни работали с предельным напряжением. По нескольку боевых вылетов в день делали бомбардировщики, торпедоносцы, штурмовики, истребители…

К вечеру 9 мая, когда войска 4-го Украинского фронта уже вели бои на улицах Севастополя, 8-й гвардейский штурмовой авиаполк получил приказ нанести удар по шести быстроходным десантным баржам противника в районе мыса Херсонес. Группу из восемнадцати «илов» повел комэск Николаев, он же — ведущий первой шестерки. Вторую и третью возглавили Николай Пысин и Александр Гургенидзе. На прикрытие вылетела восьмерка «яков» 6-го Краснознаменного гвардейского истребительного авиаполка.

В указанном районе десантных барж не оказалось. Николаев принял решение идти на запасную цель — корабли в Казачьей бухте, близ оконечности Херсонесского полуострова, откуда пытались эвакуироваться последние остатки разгромленной группировки врага.

В бухте стояли под погрузкой три транспорта, две быстроходные десантные баржи; на воде находились также три гидросамолета «Гамбург-138». Подойти незамеченными было невозможно. С земли и с кораблей ударили зенитные орудия, «эрликоны». Николаев меняет курс, высоту, но транспорты из виду не выпускает. Переводит машину в пикирование на самый большой из них — три с половиной тысячи тонн. Группы, поняв командира без слов, распределяются по двум остальным. На подходе бьют из пушек и пулеметов, затем прицельно сбрасывают бомбы. Прямые попадания, разрывы на трех транспортах и одной

барже. Часть штурмовиков отделяется, поджигает два огромных гидросамолета…

Выйдя из атаки, обнаружили в километре южнее мыса Херсонес три сторожевых катера, до отказа забитых гитлеровцами. Решили проштурмовать их. Пушки и пулеметы смели с палуб все живое. Два сторожевика загорелись. Взлетевшие с аэродрома Херсонесский маяк «мессершмитты» были немедленно скованы «яками». Все восемнадцать машин благополучно возвратились на свой аэродром.

Штурмовка была настолько результативной, что на следующий день о ней сообщило Совинформбюро.

Утром 10 мая тринадцать штурмовиков под прикрытием пяти Як-9 вылетели на уничтожение плавсредств, вышедших из оставленного противником Севастополя. Три группы штурмовиков вели капитаны Николай Николаев, Алексей Покалихин и старший лейтенант Александр Гургенидзе. Два «ила» шли в варианте топмачтовиков.

Конвой обнаружили недалеко от Херсонесского маяка. В атаку вышли с ходу, врага застали врасплох. В развернутом пеленге открыли шквальный огонь.

Второй заход фашисты встретили бешеным огнем с берега и с кораблей. Приходилось маневрировать с такими нагрузками, что летчики опасались за машины. «Илы» выдержали и крены, и град осколков. Выдержали и сами летчики.

Третий, четвертый, пятый, шестой заход… В результате прямых попаданий бомб — пожары на транспорте в три тысячи тонн, быстроходной десантной барже и понтоне. Один понтон типа «зибель» пошел на дно вместе с вражеской солдатней. На палубах остальных кораблей нашли свою гибель до трехсот гитлеровцев…

При возвращении с полностью израсходованным боезапасом встретили караван судов с пустыми дымящимися палубами и горящий транспорт без хода. Это поработала восьмерка штурмовиков, которых водил в бой старший лейтенант Николай Пысин. В результате их вылета были потоплены транспорт водоизмещением четыре тысячи тонн, три понтона и поврежден один транспорт.

Сразу после посадки новое задание: нанести удар по плавсредствам западнее мыса Херсонес.

В воздух поднялось четырнадцать самолетов. Первую группу вел Николаев, вторую — комэск капитан Алексей Покалихин. Прикрытие — девять «яков» 6-го гвардейского авиаполка.

Хорошая видимость позволила обнаружить цель еще на дальнем подходе. Николаев принял решение атаковать баржи с

пикирования в строю пеленг, с высоты восемьсот метров. Встретив сильный заградительный огонь, подал команду рассредоточиться. Внезапно огонь прекратился. Это могло означать лишь одно: в атаку заходят истребители противника. Группа снова сомкнулась в плотный боевой порядок. Воздушные стрелки отражали атаку «мессеров», летчики заходили на удар. Затем фашистские истребители были атакованы «яками» прикрытия, и «илы» беспрепятственно легли на боевой курс. Посыпались бомбы…

Снова забили зенитки. Под огнем «эрликонов» Николаев повел группу в новую атаку. Поймав в прицел одну из барж, нажал на кнопку, затем на гашетки пушек и пулеметов. Из-под крыльев шипящими огненными струями вырвались реактивные снаряды, за ними устремились трассы. Баржа противника скрылась в клубах дыма…

Пять заходов под ураганным огнем произвели штурмовики, обрушивая смертельные шквалы на палубы барж, до отказа заполненные гитлеровцами. Когда группа выходила из предпоследней атаки, были замечены два нагруженных сборных плота у берега. Николаев приказал Пысину проштурмовать их. Огненные струи пушек и пулеметов буквально смели гитлеровцев с плотов…

Несколько Ме-110 пытались атаковать штурмовик. Пысин маневрировал. Истребитель Стефан Войтенко меткой очередью сбил один «мессершмитт», остальные поспешили ретироваться…

В результате удара были сильно повреждены две баржи, уничтожено до двухсот вражеских солдат. В бою получил тяжелое ранение штурман эскадрильи капитан Иван Эктов. Все самолеты благополучно вернулись на свой аэродром.

На третий вылет Николаев повел десятку «илов». Опять двумя группами, вторую возглавлял лейтенант Георгий Кузнецов. Снова — заградительный огонь, затем «эрликоны» и пулеметы…

Николай выбрал головную баржу. Когда перекрестие прицела легло точно на цель, нажал кнопку бомбосбрасывания. Внизу рвануло так, что выходившую из пикирования машину подбросило вверх. Метко отбомбилась и группа Кузнецова. Две самоходки окутались дымом.

Заходя на новую атаку, Николаев обнаружил в конвое транспорт. Спикировал, за ним устремились ведомые. Судно было забито гитлеровцами, огонь штурмовиков косил их на палубе, доставал в трюме.

Во время захода в очередную атаку в самолет ведущего попал снаряд. Нечеловеческими усилиями Николаю удалось вывести его из пикирования, дотянуть до своего аэродрома. Когда комэск

приземлился, однополчане были поражены: вместо хвостового оперения в конце машины дыбились бесформенные клочья металла…

Так воевал комэск капитан Николаев на последнем этапе боев за освобождение Крыма.

Сто двадцать семь боевых вылетов числилось к этому времени в его летной книжке. На личном боевом счету — четырнадцать различных кораблей противника, семь самолетов, уничтоженных на земле, один — в воздухе, тринадцать танков, четыре бронемашины, двадцать полевых и зенитных орудий, тридцать один миномет, более сотни автомашин…

16 мая 1944 года за боевые подвиги Николаю Ивановичу Николаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

После разгрома гитлеровских войск в Крыму 8-й гвардейский, дважды Краснознаменный Феодосийский штурмовой авиаполк был перебазирован на Балтику и принял участие в наступлении наших войск на Карельском перешейке.

За восемь дней пребывания на Балтфлоте Николаев успел сделать еще восемь боевых вылетов на уничтожение живой силы и техники противника, его артиллерийских батарей и плавсредств.

18 июня 1944 года три группы «илов» вылетели на удар по кораблям противника в Выборгском заливе. Одна из них возвратилась из-за сложных метеоусловий. Несмотря на сильный дождь и ограниченную видимость, комэск Николаев привел свою группу к цели, прорвался сквозь заслон зенитного огня и нанес прицельный удар по самоходным баржам. Но в тот же момент его самолет был подбит огнем «эрликонов». Не выйдя из пикирования, он врезался в землю на берегу и взорвался. Командир и воздушный стрелок старший сержант Алексей Андреевич Черенков погибли…

Да, Николай Николаев стал героем. И — как герой — живет в памяти своих ровесников и друзей. И будет жить в памяти поколений.

Награжденный посмертно

Наградной лист на гвардии капитана Георгия Васильевича Москаленко. Подписан командующим ВВС Черноморского флота 17 мая 1944 года: орденом Отечественной войны I степени, посмертно…

Жора Москаленко? Давний товарищ по Пятигорскому аэроклубу, затем по училищу… Ну да, он. Комэск 6-го гвардейского, дважды Краснознаменного Севастопольского…

Вызываю Ростов-на-Дону. Георгий дома, чувствует себя «прилично». О награждении помнит, конечно, обещает рассказать при встрече.

— Сколько у тебя боевых вылетов, Жора? — уточняю попутно, хоть документам не верить нельзя.

— Пятьсот девятнадцать, браток, как и было. Прибавиться неоткуда, сам знаешь. Сто тридцать воздушных боев.

— Ну, брат!

— Так, брат!

— Бывай!

— Бывай!

Вот теперь и сиди, и думай. Легко сказать — отбирай. Из пятидесяти, из ста, из двухсот хотя бы. Но из пятисот девятнадцати…

…22 июня сорок первого года, перед рассветом, в районе Севастополя появились неизвестные самолеты. 8-й истребительный авиаполк — будущий 6-й гвардейский — был поднят по тревоге.

В полдень уверились точно: началась война,

В первый боевой вылет Георгий Москаленко пошел ведущим звена. Задача стояла простая: патрулировать над главной базой Черноморского флота. То есть над Севастополем. Оберегать его от налетов врага.

День был прекрасный, безоблачное небо, безукоризненная видимость. Только оберегай. Но враг не появлялся. Двадцать, десять минут до смены. Не появляется, хоть убей. Ясно, что и ведомые, Иван Кириченко и Гриша Гуриненко, мечтают о том же. Ну, не мечтают пусть, представляют. Представляют, как сядут, доложат: задание выполнено, встреч с вражескими самолетами не было. Им откозыряют, кивнут: «Отдыхайте». Каждому в летную книжку запишут первый боевой вылет. Первый, боевой! Но сами-то они не будут считать его ни боевым, ни первым…

И вдруг…

Не завершив очередной патрульной «восьмерки», машина

Москаленко резко метнулась влево. С дрогнувшими сердцами ведомые повторили маневр. Щурясь, всмотрелись в слепящее небо. Ну да, «юнкерс»! Идет в одиночку, Ю-88, разведчик…

Немец летел на большой высоте. Георгий лихорадочно соображал. Идти на перехват звеном? А вдруг это обман, и следом появятся…

Подал сигнал: "Продолжать патрулирование. Атакую один!"

Ну вот. Сектор газа до упора вперед, ручку рулей высоты на себя. Легкая «чайка» послушно взмыла в голубизну. «Юнкерс» идет своим курсом, не замечает. Расстояние уменьшается. Неужели не видит? Спит у него стрелок?

Когда дистанция сократилась почти до выстрела, за моторами «юнкерса» рельсовой колеёй протянулись две сизые полосы. Он стал отдаляться, все так же идя своим курсом. Все так же, не замечая. На деле — дразня. Матерый фашист знал прекрасно: советский истребитель И-153, ласково прозванный в свое время «чайкой», уступает в скорости не только современным немецким истребителям, но и обоим «юнкерсам» — бомбардировщику и разведчику…

На аэродроме летчиков встретил замполит полка Иван Григорьевич Шевченко, сам отлично летающий и на «чайке», и даже на новом «яке».

— Товарищ батальонный комиссар, — четко отрапортовал ему Москаленко, задание выполнено. На мой личный боевой счет прошу записать минус один вражеский самолет!

— Повторите, — не понял замполит.

— Минус один. «Юнкерс». Улизнул за счет скорости. Вот если бы «як»…

— Значит, не могли сбить на "чайке"? — нахмурился Шевченко.

Георгий подумал.

— Мог бы. Если бы находился в более выгодном положении. Есть предложение, товарищ батальонный комиссар. Над главной базой вести многоярусное патрулирование. На разных высотах. Конечно, это увеличит боевую нагрузку на экипажи. Но наше звено обязуется делать по пять-шесть вылетов в день!

Теперь задумался замполит. И вдруг широко улыбнулся.

— Не буду писать минус вам, лейтенант. За предложение — благодарность. Вот и выходит минус на плюс. Думаю, что и командир полка со мной согласится. А насчет «яка»… Придется пока подождать. Да и «чайку» сдавать в архив рано. Еще как пригодится, поверьте мне…

Пощурился, полюбовался стройной, подтянутой фигурой молодого командира, решительным, умным лицом.

— Пишите заявление в партию, товарищ Москаленко!

Принимали в начале июля. Георгий немногословно рассказывал о себе.

Родился в 1918 году в станице Пискуновское Краснодарского края, в бедной крестьянской семье. Родители умерли, оставив шестерых детей. Ему, младшему, было три года… Старший женился, чтобы растить остальных в семье, но было голодно. Братья стали один за другим умирать. Тогда решили отдать его в детдом. Там прижился, работал на огороде, в мастерских, стал активным пионером, вступил в комсомол. В 1936 году был определен на завод в Пятигорске. Работал, учился, поступил в аэроклуб, потом в Ейское военно-морское авиационное училище…

Закончил несколько неожиданно:

— Ну вот теперь, как сказать… воюю. На сегодняшний день имею двадцать два боевых вылета и ни одного сбитого самолета противника. Даром, можно сказать, потребляю летный паек.

Все рассмеялись, зашумели. Председательствующий постучал по столу:

— Тихо, товарищи! У кого есть вопросы? Но Иван Григорьевич его остановил.

— Не будем так строго придерживаться порядка. Кстати, хочу доложить собранию: товарищ Москаленко является в нашем полку инициатором тактики многоярусного патрулирования. Его звено почти не покидает аэродром, даже пищу им подвозят на летное поле…

— Да, но толку-то…

— Есть толк, Георгий Васильевич, — замполит подчеркнуто назвал его по имени-отчеству. — Сколько немцев вы встретили в воздухе над Севастополем?

— Близко только того одного…

— Ну вот. Разве это не толк?

— Толк, да не тот! Гитлеровские воздушные разведчики нас обманывают, товарищ батальонный комиссар. То ли перехватывают донесения постов ВНОС, то ли каждый раз меняют курс. Надо проследить, дать задание службе воздушного наблюдения…

Разговор подхватили другие. Председательствующий, забыв свои обязанности, сам страстно включился в спор.

Наконец, вспомнили о повестке дня.

— Поздравляю, Георгий Васильевич, — первым пожал ему руку замполит. — И с приемом, и с первым толковым выступлением на партсобрании!

— Так я же не выступал…

— А о чем же мы копья ломали? Спасибо, спасибо, брат! По-партийному подходишь к делу. Будут еще гитлеровцы у нас сыпаться с неба, как горох!

Иван Григорьевич сам летал наравне со всеми. И больше всех переживал, что боевой счет полка остается пока неоткрытым. Новые самолеты должны были вот-вот войти в строй, главной задачей сейчас являлось сохранить боевой дух летчиков, их уверенность в своей летно-тактической подготовке.

— Как горох! — рассмеялся своему сравнению замполит, еще раз пожимая руку молодому коммунисту.

Первым в полку открыл счет старший лейтенант Спиров. Его звено прикрывало транспортное судно, шедшее с грузом. Показались два «юнкерса», Николай Спиров и его ведомый Фрол Тюленин атаковали их в лоб. Гитлеровцы отвернули, сбросили бомбы в море и попытались уйти. Но меткая очередь Николая подожгла мотор на одном из бомбардировщиков, и он врезался в воду.

А 25 июля пришло известие о подвиге летчика-истребителя 32-го авиаполка лейтенанта Евграфа Рыжова. На поврежденном самолете МиГ-3 он первым на флоте совершил воздушный таран. Сбил «Хейнкель-111», совершил посадку на воду и был подобран нашим морским охотником…

Гоняться за одиночными воздушными разведчиками, пробиравшимися к нашим портам, аэродромам и железнодорожным узлам, черноморским истребителям пришлось недолго. Фронт приближался, вражеская авиация стала действовать активно.

В августе из полка была выделена группа истребителей для участия в обороне Одессы. Георгий попросился в нее, но получил решительный отказ.

Вскоре начались ожесточенные бои в районе Перекопа.

24 сентября звено получило задание прикрыть наши наземные войска на переднем крае и не допустить бомбардировки моста в их ближайшем тылу. Прилетев в район патрулирования, Москаленко сразу обнаружил идущую со стороны Каркинитского залива большую группу «юнкерсов». На принятие решения оставались считанные секунды. Атаковать с ходу или сманеврировать, зайти с удобного направления?

Выбрал второе. Оставаясь незамеченным, ушел вверх, в сторону солнца. Внизу строем клина шли четырнадцать Ю-87, прикрытия истребителей не было. "Пора!" — подал сигнал ведомым.

Тройка свалилась на «клин», как гром с ясного неба. Москаленко, Гуриненко, Тюленин первыми же очередями

подожгли каждый по «юнкерсу». Развернулись, зашли повторно. Бомбардировщики сбросили свой груз в залив и перестроились в оборонительное кольцо. Ястребки атаковали раз за разом, «юнкерсы» отбивались огнем крупнокалиберных пулеметов и пушек, установленных в плоскостях. Наконец еще один фашист задымил и устремился вниз. Остальные стали отходить, с земли открыли бешеный огонь зенитки…

Москаленко огляделся. В левом пеленге шел Гуриненко, правого ведомого не было видно. Кончалось горючее, надо было возвращаться домой…

Тюленина они догнали на полпути. «Чайка» вся была залита маслом, из мотора валил дым, с плоскостей свисали клочья перкали. Друзья пристроились по сторонам, подбадривали летчика жестами. У того сил хватило ровно настолько, чтобы совершить посадку, — из кабины его вытащили уже без сознания. Тюленин был изранен не меньше, чем его «чайка»…

Командир эскадрильи майор Ион Гурьевич Чесноков, не дослушав доклад, спросил о состоянии остальных двух машин.

— Для ремонта потребуется часа три…

— Много! Полетите на самолетах звена Спирова. Вместо Тюленина возьмите младшего лейтенанта Петрова. Задача — подавить огневые точки вблизи переднего края…

За нашей траншеей их встретил заградогонь. Майор Чесноков, летевший во главе семерки, дал команду рассредоточиться. Но огонь вдруг прекратился. "Значит, истребители", — сообразил Москаленко. Увидел их первым, дал очередь трассирующими, чтобы предупредить товарищей. Комэск оставил звено Москаленко на прикрытие, сам во главе четверки устремился на штурмовку наземных целей.

Сверху хорошо были видны вражеские артиллерийские позиции. Из окопов вырывались язычки выстрелов. Вдруг немцев от орудий как ветром сдуло. Сотни огненных брызг осыпали хода сообщения, спины в панике разбегающихся артиллеристов…

Москаленко завязал бой с «мессерами». Затем роли переменились: разгрузившаяся четверка комэска набрала высоту, дала возможность звену выйти из боя и спикировать на батарею тяжелых минометов. И опять эрэсы сделали свое дело, а густые пулеметные трассы завершили его…

"Мессершмитты" с досады преследовали группу до самого Джанкоя. Перед тем как отстать, один из фашистов нерасчетливо набросился на Гуриненко и тут же попал под меткую очередь Михаила Петрова. Все «чайки» вернулись на свой аэродром, блестяще выполнив задание и сбив один вражеский истребитель.

В тот же день звено сделало еще три успешных боевых вылета

на штурмовку войск противника.

Вечером Иван Григорьевич разыскал до смерти уставшего Москаленко под крылом замаскированной охапками сена машины.

— Ну что, Георгий, значит, можно воевать и на нашей птичке?

— По наземным целям…

— Но и воздушные поражать научились? Падают фрицы?

— Как горох, — усмехнулся Георгий.

— Ничего, ничего! Сейчас главное дело — помочь пехотке. Видел, что там творится? Вот то-то! Звездочками украсить машину еще успеешь…

Москаленко не удивился. Об Иване Григорьевиче в полку говорили: видит человека насквозь. Да он и сам не скрывал, что не чувствует вкуса к штурмовке. И «чайку» не ощущает как штурмовик. Не использует всю ее верткость, способность маневром пробиться к цели. Вот комэск чувствует! Такие восьмерки плетет у самой земли, что все огненные метели его стороной обходят. И поле боя видит, как ящик с песком. А тут в глазах одно мелькание. Только увертываться успевай. То ли дело высота! Противник видимый, открытый…

— Понятно, что установка у нас на воздушный бой, — продолжал комиссар (эта должность была вновь восстановлена в войсках и на флоте). — Психология истребителя! С училища только о том и мечтали — встретить врага, победить… Но ведь и пушки, и танки — противник. Еще и какой! Вот майор у вас понимает… Ты приглядись-ка получше к его работе, ребят своих нацель…

Этот разговор не прошел для Георгия даром. Комиссару он верил, как самому себе. Не такая война, чтобы думать о собственных вкусах…

27 сентября смешанной группе из десяти И-153, одного Ил-2, двух КОР-2 и двух И-16 была поставлена двойная задача: отбомбиться по танкам на выжидательных позициях, а затем реактивными снарядами и пулеметным огнем уничтожить кавалерию, сосредоточившуюся за линией фронта.

Комэск Чесноков уверенно вывел группу на боевой курс, спикировал первым. Бомбы рвались вблизи вражеских танков, с них слетали башни, многие из машин загорелись. Затем, рассредоточившись по фронту, вышли на кавалерию. Несмотря на плотный огонь зениток и крупнокалиберных пулеметов, снизились до предела, в упор ударили реактивными снарядами, развернулись, прошлись пулеметным огнем…

После нескольких заходов с земли было буквально сметено

все живое. С усеянного трупами людей и лошадей поля в панике разбегались уцелевшие гитлеровцы, лошади волочили изуродованные упряжки, покалеченные орудия…

В этом вылете Москаленко впервые по-настоящему ощутил силу истребителя-штурмовика, почувствовал себя хозяином поля боя. Видеть небо — это еще не все, надо научиться как следует видеть и землю…

30 сентября 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования приказала эвакуировать Одесский оборонительный район и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова.

Истребительная авиация флота была подтянута как можно ближе к морским коммуникациям, по которым производилась эвакуация. Для этой цели пригодилась и Тендровская коса — узкий песчаный островок у северного побережья Черного моря. На низменной полоске земли, овеваемой всеми ветрами, в довоенные годы ютился лишь небольшой рыбачий поселок, покидаемый на период штормов, да многочисленные гнездовья чаек. Немцы беспечно смирились с тем, что в начале войны здесь обосновался наш батальон морской пехоты и зенитная батарея, снятая с корабля, выскочившего на мель…

И вдруг на импровизированную посадочную площадку косы опустились три «чайки» невиданных здесь размеров. Спустя несколько дней — еще три. Два звена истребителей-черноморцев стали устраиваться на бесприютном песчаном островке, осаждаемом штормовыми волнами. Старший лейтенант Николай Спиров и лейтенант Георгий Москаленко принялись деятельно готовиться к предстоящим полетам. Ведомыми у Спирова были Петр Максимов и Иван Басов, у Москаленко — его верные друзья Григорий Гуриненко и Иван Кириченко.

Редкий, чахлый кустарник, иссушенная ветрами и солнцем трава. Пытаться вырыть окоп бесполезно: на штык лопаты — вода. В случае налета одно спасение — воздух. Если, конечно, успеешь взлететь. А для этого — глаз не спускать с неба.

Посменно — по пять-шесть раз в день — звенья несли воздушную вахту над кораблями, эвакуировавшими войска. Ввиду своей малочисленности главной задачей имели не сбивать бомбардировщики противника, а лишь мешать им лечь на боевой курс и прицельно сбросить бомбы. На остров возвращались на бреющем, чтобы враг не смог выследить их «базу». Догадаться же, что отсюда взлетают машины, он просто не мог…

Особенно запомнился Георгию день 16 октября. Пришлось прикрывать два конвоя, в каждый из которых входило по крейсеру, по два эсминца, по семнадцать крупных транспортов, а

кроме того — тральщики, десятки сторожевых и торпедных катеров, буксиры, баржи, шхуны. В этот день из Одессы вывозилось тридцать пять тысяч бойцов и командиров с техникой и вооружением, много тысяч раненых и эвакуированных гражданских.

Гитлеровские армады беспрерывно пытались прорваться к конвоям. Особенно ожесточенные воздушные бои завязались во второй половине дня. Около пятидесяти самолетов врага почти одновременно устремились на корабли. Черноморские истребители срывали атаку за атакой. Фашистам удалось потопить лишь транспорт «Большевик», шедший концевым в конвое. Большую часть команды и находившихся на судне бойцов спасли наши торпедные катера…

Для шестерки «чаек» с Тендровской косы весь этот день слился в сплошную цепь смертельных схваток. Восстановить последовательность событий летчики не смогли бы и сообща.

…Вылетев в очередной раз на смену Спирову, Георгий стал ждать вражеских бомбардировщиков. Но появились одни «мессершмитты»: решили предварительно расчистить небо. Их было вчетверо больше, и они с ходу бросились на звено «чаек». Москаленко ничего иного не оставалось, как принять бой.

Кружась в смертной карусели, ведомый Георгия — Иван Кириченко — увидел, что в стороне, курсом на караван, идут два косяка по пятнадцать «юнкерсов» в каждом. Раций на «чайках» не было, Иван покачал крыльями. Занятый боем командир не заметил сигнала. Времени на его повторение не было, Кириченко один бросился на «юнкерсы». Григорий Гуриненко, также увидевший опасность, устремился на вторую группу бомбардировщиков.

Москаленко продолжал драться один. «Чайка» значительно уступала «мессеру» в скорости, зато была намного изворотливей. Москаленко ускользал из-под атак, заходившие с разных сторон фашисты рисковали всадить очередь друг в друга. Озлившись, один потерял терпение и тут же попал в прицел Георгия, задымил…

Кириченко, терзаясь тем, что пришлось бросить в бою командира, шел на «юнкерсы» прямо в лоб. Один маленький самолет — на целую мощную армаду. Шел бесстрашно, готовый тараном искупить свою «вину» перед другом. И ведущий фашист отвернул. Четкий, как на параде, строй стал расползаться, давая проход отчаянной маленькой «чайке». Иван поймал в прицел один отвернувший в сторону «юнкерс», ударил из всех четырех пулеметов. Бомбардировщик тяжко перевернулся через крыло, вспыхнул и головешкой упал в море. И случилось невероятное:

разрозненные, потерявшие управление фашистские экипажи начали сбрасывать бомбы в море и уходить…

У Гуриненко получилось и еще проще. Оказавшись намного выше «юнкерсов», он спикировал на ведущего и сразу поджег его. Остальные, ничего не поняв, кинулись врассыпную…

Появилось звено Спирова. Николай понял по времени, что друзья связаны боем, не могут выйти из него. Он моментально отогнал «мессеров» и сбил один из удиравших бомбардировщиков…

Всего за этот день черноморскими истребителями было сбито семнадцать самолетов противника. Своих потеряно шесть. На долю шестерки тендровцев пришлось четыре сбитых. Потерь «чайки» не понесли.

Во второй половине октября летчики с косы Тендра штурмовали тылы врага. Уничтожили не один десяток автомашин, много гитлеровцев, направлявшихся к линии фронта. Передали немало ценных разведданных о передвижениях войск противника.

Оставлен был этот памятный кусочек советской земли шестеркой храбрых, когда враг завязал бои на подступах к Севастополю. С 30 октября для группы самолетов И-153 и И-15 посадочной площадкой стало Куликово поле, непосредственно вблизи города.

Севастополь отсюда — как на ладони. Сама площадка тоже как ладони — у немцев, с окружающих город высот.

Гитлеровцы бомбили поле, обстреливали из дальнобойных орудий. Летчики учились взлетать и садиться под разрывами. Из города прибыли комсомольцы, добровольно работали под огнем, оборудовали укрытия для машин и личного состава…

Георгий давно научился видеть землю. Именно так, как ящик с песком в тактическом классе. В Севастополе это понадобилось, как нигде.

Защитникам города особенно досаждала вражеская батарея, бившая из района Мекензиевых гор. Разведать ее позицию было поручено Москаленко. Георгию и его ведомому Михаилу Петрову понадобилось на это два вылета. В первом пришлось отбиваться от истребителей противника, во втором, длившемся менее часа, батарея была обнаружена по вспышкам выстрелов.

Командир полка полковник Юмашев, поблагодарив Москаленко, решил:

— Вам, старший лейтенант, и докончить дело. Поведете на цель группу штурмовиков с Херсонесского маяка.

Штурмовики шли под командованием Героя Советского Союза капитана Алексея Губрия. Москаленко с Петровым

встретили их в воздухе, заняли место лидеров. На цель зашли с моря. Георгий подал сигнал Губрию, сам с Петровым отошел в сторону. «Илы» горкой устремились ввысь, скрылись под кромкой низкой облачности. Вынырнув над батареей, обрушили на нее бомбы. Еще заход. Снизу ударили «эрликоны», штурмовики не дрогнули. Спикировав, хлестнули по орудийным окопам реактивными снарядами, пушечно-пулеметным огнем…

За успешное выполнение важного боевого задания штурмовиков наградили орденами, Москаленко объявили благодарность.

Через несколько дней приказали обнаружить артиллерийскую позицию, с которой обстреливалась наша знаменитая 35-я береговая батарея. Орудия были найдены с первого вылета. Уничтожить решили огнем той же 35-й батареи. Корректировать его с воздуха поручили Москаленко. Полковник Юмашев направил его на инструктаж к артиллеристам.

Георгий блестяще справился и с этой, новой для него, задачей. Вражеская батарея была уничтожена с минимальным расходом боеприпасов.

7 ноября эскадрилья майора Чеснокова получила задание нанести бомбоштурмовой удар по аэродрому Сарабуз, где, по донесению партизан, сосредоточилось большое количество бомбардировщиков и транспортных самолетов врага. На подходе к цели группу встретили «мессершмитты», затем ожесточенный зенитный огонь. Не нарушая боевого порядка, а наоборот, уплотнив строй, эскадрилья со снижением устремилась к стоянкам вражеских самолетов. По ней било все, что могло стрелять. Но бомбы были сброшены прицельно. Над аэродромом взвилось пламя — взрывались бензозаправщики, баки самолетов, склады бомб…

Повторный заход завершил дело. На земле было уничтожено более десятка вражеских машин — подарок эскадрильи годовщине Великого Октября.

8 этом бою погиб верный друг Георгия бесстрашный летчик Григорий Гуриненко. Вся эскадрилья поклялась отомстить за него…

Героический Севастополь отражал второй штурм врага. Ожесточеннейшие бои начались два дня назад. Утром 19 декабря погода выдалась нелетная: низкая облачность, морось, температура около нуля. Летчики собрались в эскадрильской землянке, читали газеты, писали письма, делились новостями о ходе боев. На вылет не питали никакой надежды: обледенения для самолета страшнее любого огня…

Майора Чеснокова вызвал к телефону командующий ВВС

флота генерал Остряков.

— Здравствуйте, Ион Гурьевич!

Комэск невольно принял стойку смирно: по имени-отчеству командующий обращался к подчиненным нечасто, и это почти всегда было связано с чем-нибудь необычным.

С десяток секунд в трубке слышался только шорох. Затем:

— Что такое обледенение, знаем не только мы с вами. Знает и командарм. Но… два танка зашли в тыл морской пехоте. Орудий у нее нет. Под угрозой опорный пункт в районе Верхний Чоргунь. Если высоту не удержат, то возвращать ее после придется большой кровью. Очень большой, — сказал командарм!

— Понятно, — хрипловато ответил комэск.

— Вызовите добровольцев, Ион Гурьевич.

— Бесполезно, товарищ генерал. Все ребята…

— Ну да, знаю, знаю. Тогда возьмите карту. На восточном склоне высоты…

Комэск обвел кружком небольшой участок на крупномасштабной карте, сказал в трубку: «Есть», рассеянно оглядел всех, вышел. Спустя минуту на поле затрещал мотор.

— Пошел сам на разведку погоды, — вполголоса пояснил кто-то.

— Продержится минут пять…

— До Чоргуня около десяти…

Все, не сговариваясь, вышли на поле. Время едва подходило к полудню, но казалось, что уже вечер. Мокрая ледяная пыль залепляла глаза, струями растекалась по лицам.

— Больше пяти не продержится…

— И то сядет на фюзеляж. Мог бы и поручить кому-то…

Машина комэска взлетела, пошла над самой землей, цепляясь за облачность. Летчики примолкли. Каждый представлял чуть не зримо: вот на передней кромке крыла появился опасный блеск, пополз языками назад… На козырьке кабины волнистый нарост… Контуры самолета безобразно искажаются, до миллиметра рассчитанные, испытанные в аэродинамических лабораториях формы уродуются, машина теряет устойчивость, обледеневают рули… Выход один — садиться, пока самолет еще сколько-то подчиняется воле пилота, не упуская последних, спасительных секунд, не выбирая площадки, на брюхо…

— Идет! Семь минут…

— Еще три до посадки…

— Если сядет…

— Он сядет. Точненько рассчитал…

— Так семь минут — только до танков…

— До танков — и главное!

— Главное — до…

Комэск продержался пятнадцать минут. Сел на пределе, заметно ковыляя. Спрыгнул с крыла, стащил шлем, отер пот. Посмотрел на часы, пошел к летчикам. Те невольно разобрались в шеренгу.

— Пятнадцать минут, — сказал, подойдя. — Семь туда, семь обратно. Минута над целью. Маловато, конечно, но… Генерал сказал — добровольцев. Знаю, знаю! Полетит Москаленко. Ведомого выбери сам, Георгий.

Георгий вышел из строя, кивнул Ивану Кириченко. Чесноков передал им свой планшет.

— Как только выйдете к своим, садитесь, не тяните!

Пара взлетела, на бреющем скрылась из виду. Комэск и летчики остались стоять на поле. Молчали, то и дело взглядывали на часы. Время, казалось, остановилось…

…Георгий с Иваном на полном газу проскочили мимо немецких окопов, ведя огонь из всех стволов, загоняя в щели вражеских пулеметчиков и пехоту. Верхний Чоргунь, высота… Из траншеи взлетают вверх бескозырки, шапки. В изморосной дымке — еще высота, поменьше. Вон они, гады! Хищно высовывая стволы, прячутся на обратном склоне. Между ними сто метров. Не меняя высоты, рискуя задеть фюзеляжем башню, Георгий устремляется на один танк, Иван на другой…

…Из двери землянки высовывается телефонист:

— Товарищ майор, генерал…

Чесноков впрыгивает в землянку, хватает трубку.

— Спасибо, майор! Сожгли танки ваши ребята! Всадили эрэсы прямо в броню, только что позвонил командир бригады. Просит передать благодарность… — Голос в трубке на секунду замолкает. — Не слышно, не летят?

Майор высовывается наружу, вслушивается. Смотрит на часы. Семнадцатая минута…

— Я доложу, товарищ генерал… Минутку! За дверью мертвая тишина, затем крики:

— Летят! Летят, товарищ майор!..

— Доложу! — кричит в трубку майор и выскакивает наверх.

Здесь снова тишина. Все прислушиваются — оба? Появляется один. Затем второй. У Москаленко не выпущено шасси. Ковыляет? Нет, дает сигнал ведомому: "Садись. Ухожу на второй круг".

— Вот человек! Завел на посадку Ивана, а сам…

— А как иначе!

Выжимая из мотора все, что возможно, Москаленко ушел обратно в серую муть. Кириченко сел на шасси. Отрулив с

полосы, выскочил, поднял голову к небу…

Самолет появился, все закричали ура — под фюзеляжем видны были выпущенные колеса. Комэск впрыгнул в кабину полуторки-стартера, понесся в конец полосы. Когда подъехал, Георгий уже стоял под обледенелым крылом машины.

— Задание выполнено, товарищ майор!

— Знаю, знаю! Спасибо тебе! От эскадрильи, от моряков… От всего Севастополя, брат, спасибо!

В январе сорок второго года на «чайках» установили радиостанции. Это было неоценимым подарком. Особенно в зимние месяцы, в приморской зоне, где хорошая видимость — тоже редчайший подарок.

В один из этих дней звено Москаленко прикрывало боевые порядки пехоты. Появилось одиннадцать пикировщиков Ю-87. Шли намного ниже.

— Пропустим, — передал Георгий ведомым, явно наслаждаясь возможностью управлять боем. — Пора! — подал следующую команду. — Заходим с хвоста.

Выбрали цели, спикировали. Москаленко зашел в хвост одному из «юнкерсов» и первой же очередью вогнал его в землю. Кириченко поджег второго. Снова набрали высоту. Немцы, освобождаясь от груза, повернули на северо-запад.

— Берите в клещи крайнего! — приказал Георгий ведомым. — Я атакую переднего.

Выполнив переворот, Кириченко и Тюленин зажали гитлеровца с обеих сторон, приблизились. Пулеметы заработали одновременно. Бомбардировщик загорелся, потянул хвост к земле. Москаленко длинной очередью прошил ушедший вперед «юнкерс».

Юркие, маневренные «чайки» атаковали врага со всех сторон. Уже несколько фашистских машин догорало на земле. Москаленко догнал и сбил еще одного…

Кончились боеприпасы, стрелки бензиномеров приблизились к нулю.

— Домой! — скомандовал Москаленко. — Молодцы, ребята!

— Ты, командир, молодец!

На аэродроме Иван Григорьевич обнял Георгия.

— Ну как, можно бить врага и на «чайке»?

— Для Севастополя самая подходящая машина, товарищ комиссар! Теперь, когда у нас рации, можем потягаться и с «мессерами»…

Ждать долго не пришлось.

В середине февраля в порт вошел большой танкер, стал в Северной бухте, чтобы перекачать в береговые емкости

доставленное горючее. Звено Москаленко вылетело на его прикрытие.

Держались с таким расчетом, чтобы перехватить противника на подходе.

— Впереди по курсу, — доложил Тюленин. — Видишь, командир?

— Вижу!

Двенадцать Ю-87, над ними «мессершмитты». Доложил на землю. Через несколько минут услышал голос своего друга Михаила Кологривова:

— Жора, держись, иду на помощь!

Главным было не дать «юнкерсам» прицельно сбросить бомбы. Москаленко развернулся на них. Четверка «мессеров» бросилась на него. Тюленин ловким маневром сумел зайти им в хвост, гитлеровцы отвернули. Георгий с Иваном стремительно зашли на «юнкерсы», расчленили их строй. Подошел Кологривов, сменил Тюленина у «мессеров». Все звено Москаленко атаковало бомбардировщики. Те начали сбрасывать бомбы, не успев лечь на боевой курс. Москаленко поймал одного в перекрестие, сбил. Кириченко сбил второго. Затем все вернулись к Кологривову, помогли его звену обратить в бегство «мессеры». Освободившись, звено Кологривова догнало «юнкерсы» и тоже увеличило свой боевой счет на два сбитых самолета…

На аэродроме летчиков встретил командующий ВВС Черноморского флота генерал-майор авиации Николай Алексеевич Остряков. Поздравил, расцеловал их. А молодому истребителю Шелякину, сбившему в этот день Ю-88, прорвавшийся к Севастополю, подарил свой именной пистолет.

К вечеру в эскадрилье появился боевой листок:

"Авиаторы! Бейте врага так, как его сокрушают летчики звеньев Георгия Москаленко и Михаила Кологривова. Сегодня от их метких очередей рухнули на землю четыре Ю-87!"

И вновь — наземные цели.

В один из ярких, солнечных дней начала марта Георгий с Иваном вылетели на разведку шоссе Симферополь — Севастополь. Обнаружили автоколонну. Впереди бензовоз буксировал крытую штабную машину. Развернулись, спикировали на него. Пылающий бензин хлынул на шоссе, обе машины загорелись. Колонне свернуть некуда: справа гора, слева обрыв. Летчики раз за разом заходили на цель. Через четверть часа все было кончено. Реактивные снаряды и пулеметные ливни превратили технику врага в сплошное дымящееся крошево, по сторонам валялись десятки трупов…

Вместе с мастерством росла и отвага, обдуманная, точно

рассчитанная дерзость.

Как-то в воздухе Москаленко заметил, что два «мессершмитта» атакуют тройку возвращающихся с бомбежки пикировщиков Пе-2. В баках его машины почти не оставалось горючего, в пулеметных лентах — ни одного патрона. И тем не менее он бросился в лобовую. Нервы у гитлеровцев не выдержали, они отвернули, удрали. Вечером с аэродрома Херсонесский маяк позвонил известный в Севастополе летчик Иван Корзунов, горячо поблагодарил за выручку…

Запомнился Георгию один из весенних дней накануне третьего, последнего наступления вражеских войск на осажденный Севастополь.

На аэродром приехал новый командующий ВВС ЧФ генерал-майор авиации Ермаченков — это было уже после гибели Николая Алексеевича Острякова.

Комэск капитан Спиров построил летчиков.

— Кто из них самый глазастый? — оглядев строй, спросил генерал.

Оказалось, под Севастополь, по приказу самого Гитлера, переброшены мощные осадные орудия — 600-миллиметровые «карлы».

Комэск бросил взгляд на Георгия. Тот кивнул, вышел из строя.

— Готов выполнить задание, товарищ генерал!

— Ваше мнение, комэск?

— На старшего лейтенанта Москаленко можно положиться. В разведке он самый зоркий.

Ведомым Георгий взял уже испытанного в таких делах лейтенанта Михаила Петрова.

Линию фронта пересекли на большой высоте, потом снизились до бреющего. Заданный район — Мекензиевы горы. Забили зенитки. Сманеврировав, зашли на поиск. Обшаривали заросли, ущелья, посадку вдоль железной дороги. Зенитный огонь то резко усиливался, то стихал вовсе. Может быть, ориентироваться по нему? Беспрерывно маневрируя, пошли под огнем. На одном из крутых разворотов Георгий заметил мгновенный острый блеск. Вернулся, присмотрелся.

— Где-то тут, — подтвердил и Петров. — Если это не зенитки…

После нескольких заходов убедились: два сверхмощных орудия. Расположены на отлогом склоне высоты, на опушке соснового леса.

Спустя час шестерка «илов», лидируемая двумя «чайками», устремилась к цели. Проход маршрута на бреющем был

излюбленным приемом Георгия. Лишь перед опушкой леса «чайки» свечой взмыли вверх. Штурмовики тоже набрали высоту, положили бомбы с пикирования, по указанным разведчиками ориентирам.

Ураганный огонь зениток не помешал сделать еще несколько заходов. Цель была полностью демаскирована и поражена. Больше с этой позиции «карлы» огня не вели.

Генерал Ермаченков, учтя прежние боевые заслуги старшего лейтенанта Москаленко, приказал представить его к званию Героя Советского Союза. Остальные летчики, участвовавшие в уничтожении сверхмощной батареи, были награждены орденами.

30 июня 1942 года эскадрилье было приказано эвакуироваться на Кавказское побережье. Ночью прилетел транспортный самолет. Гвардейцы в молчании попрощались с дымящимся в зареве Севастополем, поклялись вернуться в него с победой…

На Кавказе их ждала радость: 6-й гвардейский истребительный авиаполк вооружался новыми самолетами Як-1 и ЛаГГ-3.

Москаленко одним из первых овладел «яком», учил летать на нем подчиненных. Он уже был комэском: заменил на этой должности своего лучшего друга Николая Спирова, погибшего в одном из последних воздушных боев над Севастополем. В марте сорок третьего года гвардейцы перелетели на передовой аэродром, оборудованный под Геленджиком, в пятнадцати километрах от линии фронта.

В небе Тамани, Новороссийска эскадрилья Героя Советского Союза гвардии капитана Москаленко стала грозой для фашистских бомбардировщиков и истребителей. В одном из первых же воздушных боев, прикрывая штурмовой удар «илов», группа «яков», ведомая комэском, уничтожила один бомбардировщик и два «мессера»…

Семь месяцев эскадрилья не выходила из боев. Георгий стал не только искусным воздушным бойцом, но и опытным тактиком. Умение правильно построить бой, разумно распределить силы, без колебаний отказаться от принятого плана, если представились лучшие возможности, — эти качества теперь ценились им больше всего. А способность моментально принимать решение отличала его и раньше.

Как-то в середине ноября сорок третьего года он вылетел во главе группы на прикрытие действий штурмовиков: «илы» должны были атаковать вражеские танки, прорвавшиеся в глубь обороны десантников под Эльтигеном. Москаленко поднял в воздух свои «яки» заранее, набрал высоту и барражировал в

стороне от плацдарма. Появились штурмовики. И тут же, конечно, «мессеры». Георгий хладнокровно выждал, когда они перестроились для атаки на «илы», и молниеносно ударил сверху. Немцы сразу недосчитались трех машин…

"Надо так овладеть своим мастерством, чтобы уверенно бить врага при любых условиях", — внушал комэск подчиненным.

И на деле показывал, что это возможно.

В боях над Эльтигеном и Керчью летчики эскадрильи показывали образцы умения и отваги и заслужили любовь героических защитников крымских плацдармов.

И лучшим из них был комэск.

Как-то вылетели опять со штурмовиками. Появилась шестерка «мессеров». Гитлеровцы шли смело, прямо на группу «илов», и это насторожило Георгия. "Всем оставаться в строю!" — передал он ведомым и один вышел навстречу. Застучали пушки, затрещали пулеметные очереди. Гитлеровцы предпринимали атаку за атакой, одинокий ястребок искусными маневрами уходил от огня и сам дерзко заходил в хвост пытавшимся выйти из боя «мессерам». А в это время штурмовики под надежным прикрытием остальных «яков» хладнокровно громили большую автоколонну противника, направлявшуюся к Керчи. Когда немцы, наконец, решились оторваться от Москаленко, один из них запылал и рухнул от его меткой очереди. Остальные поняли, что опоздали: колонна была разгромлена, штурмовики уходили к проливу…

И еще одна слякотная, штормовая, заполненная не столько полетами, сколько их ожиданиями зима…

И долгожданная, радостная весна — наступление, освобождение Крыма…

Пятьсот девятнадцать боевых вылетов, сто тридцать воздушных боев. Обо всех не расскажешь…

— Ну, а все-таки, как ты "погиб"? — спрашиваю, когда, наконец, выдается обещанная нами друг другу встреча.

Георгий смеется.

— Лучше спроси, как воскрес! Все-таки веселее. Задумывается, по давней привычке приглаживает то, что осталось от досаждавшей когда-то своей непокорностью шевелюры. Конечно, это уже не тот стройный и смелый летчик с плаката или из кинокадра, однако и стариком назвать еще не повернется язык.

— С кем из нас не бывало! Или, скажем, быть не могло…

Это и был его последний, пятьсот девятнадцатый боевой вылет. Гитлеровцев уже разгромили в Крыму, изгнали из Севастополя, недобитые остатки их отошли на Херсонес, закрепились на заранее подготовленном "аварийном рубеже", на

старом Турецком валу. Из последних сил удерживаясь на нем, пытались морем спасти, что возможно. Задачей черноморской авиации было не выпустить отсюда ни одной вражеской посудины.

Рано утром 11 мая сорок четвертого года эскадрилья Москаленко вылетела на прикрытие двенадцати Ил-2, идущих под командой прославленного летчика-штурмовика Георгия Попова. «Илам» предстояло нанести удар по вражескому конвою, состоящему из двух транспортов, двух быстроходных десантных барж и двух сторожевых катеров, груженных войсками и техникой.

Москаленко вел «яки» рассредоточенно, зигзагообразным полетом. Сам со своим ведомым Александром Ивановым, по обыкновению, летел несколько выше боевого порядка: так было удобнее наблюдать за действиями штурмовиков и своих подчиненных, руководить ими, в случае чего прийти кому-нибудь на помощь.

Вышли на Херсонес. Попов дал команду, его группа разделилась на три четверки, с ходу устремилась на корабли. Зенитный огонь опоздал, удар оказался снайперским: на обоих транспортах вспыхнули пожары.

Вторую атаку штурмовики выполняли с «горки», под сильным огнем. Гитлеровцы метались по палубам, их косили пушечно-пулеметные трассы, эрэсы били в борта кораблей…

Истребителей противника в небе не было, «яки» тоже присоединились к штурмовке.

Израсходовав боезапас, «илы» отошли от разгромленного конвоя, стали собираться в строй. Москаленко, как делал и прежде, поручил их сопровождение на аэродром своему заместителю капитану Борису Маслову, а сам в паре с ведомым остался на "свободной охоте". Нашел деревянный тральщик, уничтожил на нем «эрликон», проштурмовал палубу, основательно продырявил корпус. Больше боеприпасов не было, передал Иванову: "Идем домой!"

И в этот момент вызвали с земли: "Посмотрите, потонул ли транспорт у южного берега Херсонеса".

Развернулся, обходя уцелевшие корабли охранения, нашел нужную цель. "Транспорт гореть перестал, лежит с большим креном. Люди вокруг плавают, на чем попало. Еще приказания есть?" Спросил так, для порядка: стрелка бензиномера угрожающе подползала к нулю. Решил на повышенной скорости пересечь Херсонес, оставив под правым крылом мыс Фиолент, слева — Севастополь.

Но как только зашел на сушу, снизу взметнулся целый

фейерверк — трассы «эрликонов», пулеметные струи… Свечой взмыл вверх, но было поздно. Удар в правое крыло, взрыв. Самолет перевернуло вверх колесами. Чувствуя ожоги на руках и лице, открыл колпак, вывалился из кабины. Когда раскрыл парашют, десятки огненных жал потянулись с земли, сходясь у купола…

Натянул пучок строп, стал скользить. Приземлился, освободился от парашюта, пополз. Вокруг рвутся снаряды, жужжат осколки. Близкий разрыв, удар, левая рука онемела, повисла, как плеть. Порванный рукав моментально набух кровью…

Плохо соображая, вскочил, побежал. Огонь прекратился. Значит, побежал в сторону немцев. Увидел воронку, упал в нее. Снова огонь. Воронка мала и мелка. Еще ранение, еще… Уже, кажется, четыре. Прильнув ухом к земле, истекая кровью, слушал немецкий говор, стрельбу…

Потом разрывы у немцев. Наши артиллеристы открыли беглый огонь, чтоб его выручить. Вскочить, сделать перебежку? Но сил уже нет, сознание мутится. Запомнил, что прикрыл голову пистолетом…

Потом стемнело, стрельба прекратилась. Несколько раз пытался выбраться из воронки, но тут же терял сознание. Очнулся от приближающихся шагов. Вытянул навстречу руку с пистолетом, но услышал: "Свой, свой! Жив, летчик? Минутку обожди, сползаю за твоим парашютом, пригодится, не вам, так нам…"

— Окончательно я пришел в сознание только на третьи сутки, — продолжил рассказ Георгий. — В каком-то маленьком госпитале, в селе Эскели. Там был всего один хирург, майор Левин, до сих пор помню… Выходил, спас. Жаль, никогда не пришлось с ним больше встретиться…

— Ну, а с наградой?

— Так в том-то и суть. Ничего же не знали однополчане. Шесть дней искали подряд. Ездили всюду, расспрашивали бойцов… Наконец записали в погибшие, решили, упал в море. Только жена не могла поверить. Тут же была, медсестрой в Саки. Упросила майора Авдеева, командира полка, еще послать кого-нибудь на поиски. Бои уже кончились, вызвался техник мой Коля Гуринов. Объехал все госпитали, медпункты, набрел, наконец, и на Эскели. Неделю проездил, все не сдавался. И вот нашел. Сообщил в полк, подобрал площадку для посадки. Дня через два прилетел санитарный самолет, и верный друг перевез меня в Саки. Полгода пролечился в Сочи, затем вернулся в свой родной 6-й гвардейский, дважды Краснознаменный Севастопольский. Тут

и узнал, что награжден… посмертно. Тем более было приятно живым его получить. Дороже всех мне этот орден! «Посмертный» друзья переделали в «бессмертный». "Двух смертей не бывает, мол, Жора!" Ну вот и живу…

Как он жил после, я тоже знал. Летал, учил летать…

Много прекрасных летчиков подготовил Георгий Васильевич Москаленко для авиации ВМФ.

Сегодня в небе над морями уже ученики его учеников.

Меняются люди, меняются самолеты. Но главное остается. Передается от сердца к сердцу. Любовь к родному небу, к родному краю, к родной земле. И постоянная готовность, не щадя своей жизни, защитить их от любого врага.

К строкам летной книжки

Это книжка моего земляка и давнего друга — Героя Советского Союза полковника Александра Дмитриевича Карпова. Она у него до сих пор сохранилась, хоть и несет на себе следы лет — четырех военных и сорока послевоенных. Цифры неравные, но неизвестно, которая больше. Хоть и по тем же следам судя.

С Сашей мы вместе учились и в Пятигорском аэроклубе, и в Ейском училище, вместе и воевали, в одном небе над Черным морем. В воздухе, наверняка, и встречались, друг друга не узнавая и разлетаясь: у каждого свои дела. Теперь вместе живем в одном городе, в Ленинграде. И тоже встречаемся редко и походя, хоть вообще-то и было б что вспомнить. Дела, дела…

Служил он в 30-м разведывательном полку, который нам чаще других поставлял разведданные. Однако летал не на бомбардировщике А-20, способном в течение многих часов бороздить пространства, а в эскадрилье, что между своими именовалась то истребительной, то ближней, а в документах и вовсе двузначно истребительной эскадрильей ближней разведки, кажется, так. Отсюда ее и задачи…

Не будем перечислять. Лучше полистаем страницы книжки. Не выбирая почти, наугад.

Оговоримся еще перед этим. Младший лейтенант Карпов до фронта освоил ЛаГГ-3 и Як-1. Здесь же пришлось пересесть на заокеанский «киттихаук», не только кой в чем уступавший им как истребитель, но и вдобавок отягощенный оборудованием для аэрофотосъемки.

Со съемки приходится и начать.

"26 июня 1943 года. Полет на прикрытие транспорта. Воздушный бой".

Памятная запись. Не из-за сбитого «юнкерса» только. В тот вечер младший лейтенант Карпов впервые вылетел на задание в должности командира звена. Вылетел, чувствуя в душе неудобство: почему, в самом деле, назначен он, а не Алеша Гавриш, не Коля Крайний, отличные летчики, его земляки и друзья? Вместе с тем и, конечно, гордость, необходимость доверие оправдать.

С рассвета звенья эскадрильи поочередно сопровождали наш транспорт, идущий в составе конвоя в порт Туапсе. Все пока обходилось благополучно.

Вот и в этот, четвертый свой вылет Саша быстро нашел конвой, подал команду ведомым разобраться по секторам. Выбрал себе наиболее вероятный — на запад. Сумерки уже сгущались,

когда принял с земли предупреждение: в вашу сторону направляется группа бомбардировщиков противника. "Усилить наблюдение, приготовиться к бою!" — передал подчиненным. Усилил и приготовился сам.

Видимость ухудшалась с каждой минутой, со светлой, западной стороны, как назло, наплывала густая дымка. Решил набрать высоту, откуда закат хоть виден. Виден-то виден, но "юнкерсы"- две девятки — успели уже миновать горизонт. Выскочили из дымки. Пока передавал о них на землю — новая его обязанность, первый нацелился клюнуть в пике. "Матушки, ведь упустишь!" — сам себе ужаснулся Саша. Камнем метнулся сверху, ударил из пулеметов. Пучок трасс промелькнул перед клюнувшим носом, фриц оказался послушным, быстренько выровнялся, с разворотом исчез во тьме.

Появился второй — ничего не понял. Этому Саша врезал уже прицельно, из всех шести пулеметов сразу. «Лапотник» вспыхнул, потянул черный хвост к закату. На густо-синей поверхности моря стали вспухать белесые фурункулы — не выдержали враги. Обе потрепанные девятки принялись сбрасывать бомбы куда попало: ребятки работают тоже, не спят. Вспомнив о них, сам себя одернул: нельзя увлекаться преследованием…

— Объекта не оставлять!

Немцев за горизонт проводили крупнокалиберные зенитки конвоя…

На другой день в полк пришел приказ. Командующий Черноморским флотом объявлял благодарность всем летчикам звена, а их командира младшего лейтенанта Карпова ставил в пример особо.

"6 августа 1943 года. Ведение воздушной разведки на морских коммуникациях Анапа — Керчь".

Ну вот, и разведка. Полезнейшая работа. Карпов, как истребитель, вначале не очень ее уважал. Умом понимал ее важность, а сердцем… Сердцем нацелен был с первых полетов — на беспощадный воздушный бой! А обнаруживать цели для дяди…

Постепенно вошел во вкус. Немалую роль в этом деле сыграло расположение аэродрома — близ Геленджика, в пятнадцати километрах от знаменитой Малой земли. Когда ветер дул с той стороны, так не только артиллерийская канонада, а даже и пулеметные очереди по воде доносились, все напряжение боя испытывалось душой.

Из Керчи и Феодосии на Анапу шныряли БДБ — быстроходные десантные баржи. Днем и ночью шныряли. Подвозили подкрепления гитлеровским войскам, остервенело

атаковавшим плацдарм.

Вовремя их обнаружить, навести на них наши ударные группы — значило оказать непосредственную помощь героям-десантникам.

В тот день погода выдалась, лучше не надо. Буквально не надо, у разведчиков пожелания к ней свои. Цель обнаружить — одна забота, другая — не обнаружить себя. Своих намерений, по крайней мере. Тем более с этими БДБ. Юркие, гадины, как букашки. Сменят курс — и ищи их опять свищи. Решили побольше набрать высоту, пройти сторонкой. По своим будто, их не касающимся делам. Ну и пораньше их обнаружить, пересчитать, не спугнув.

Так вроде и получилось. У мыса Железный Рог Саша первым увидел на воде белые полоски. Передал Гавришу, тот подтвердил. Осторожно приблизились, пересчитали «букашек» (длина сорок семь метров, ширина восемь, вооружение шесть «эрликонов», маневренность — сказано, как у древесных клопов). Сообщили на ВПУ — временный пункт управления ВВС флота. И, по возможности, прошли стороной.

Через час на аэродроме узнали: «илы» 8-го гвардейского штурмового полка три БДБ потопили, две подожгли эрэсами…

Такая работа. Весь август и весь сентябрь. По два, по три вылета в день, по десять, по сорок обнаруженных плавединиц ежедневно.

Зачастую задание само собой «наращивалось» воздушным боем, штурмовкой малых судов. Но по сравнению с главным это казалось лишь эпизодом. Главное не допустить врага к Малой земле…

И вдруг такая запись: "Поиск и уничтожение торпедных катеров". Вот уж задача так задача! То есть вторая-то ее часть. Истребитель против торпедного катера? Было, оказывается, и такое.

Вражеские катера совершали набеги на наши транспорты и корабли в малозащищенных местах между Новороссийском и Туапсе. Командование флотом чего ни предпринимало против ночных налетчиков. Дошла очередь и до разведчиков-истребителей. Сами отыщут, мол, сами и истребят…

29 августа в два часа ночи третью эскадрилью подняли по тревоге:

— Четверке капитана Богданова взлет через тридцать минут. Ей на смену в десятиминутную готовность заступить четверке капитана Марченко…

— Чем же их уничтожать? — раздались нерешительные вопросы.

— Пулеметным огнем! — решительно ответил комэск. А что еще мог он ответить?

— Надо бить по моторам, они в корме… — начали появляться соображения.

— А в носовой бензобаки…

— Там дело покажет…

Последнее, кажется, было вернее всего. Взлетели. Чтобы удерживать строй, держали включенными аэронавигационные огни. Потом стало чуть посветлее. Через час обнаружили три белесые полосы: катера двигались в сомкнутом пеленге в направлении на Феодосию.

— Атакуем одновременно! — подал команду Богданов.

Гитлеровские моряки были бдительны. Тут же рассредоточились, стали перестраиваться.

— Всем на головной!

Карпов заходил третьим. Заметил, что противник сосредоточивает огонь всех трех катеров по пикирующей впереди паре, передал своему ведомому:

— Атакуй крайний справа! Одновременно со мной! Сам зашел на головной. "Попробуем в носовую…" Спикировал до предела, прицелился, выпустил длинную очередь из всех пулеметов. Взрыв! От радости чуть не воткнулся в воду, вырвал машину метрах в пяти от нее. Вот бы доставил фрицам радость…

Вторая атака. Вместе с ведомым, по одной цели. Катер, приняв в себя трассы, резко замедлил ход. Хитрость, уловка? Сейчас проверим…

Но прозвучала команда "Домой!" На бензиномере, и правда, едва-едва на обратный…

— Значит, можно бить торпедные катера из пулеметов? — спросил на аэродроме комэск.

— Может, случайность… надо проверить, — повторял смущенный бурными поздравлениями Александр.

Проверить довелось только в мае будущего года, вблизи Севастополя. Карпов и его ведомый дважды, друг за другом, атаковали одну и ту же цель. На вражеском торпедном катере произошел взрыв, и он затонул на глазах у летчиков…

…Приближались бои за освобождение Новороссийска, Таманского полуострова. Очередная запись в летной книжке Карпова: "Прикрытие торпедных катеров".

Задание было обычным: найти наши катера, возвращавшиеся с ночного торпедного удара по вражеским кораблям в порту Анапа и сопроводить их до Геленджикской бухты.

Вылетели парой: ведущий — замкомэск капитан Иван Марченко, ведомый Карпов. В предрассветных сумерках не без

труда отыскали катера по бурунам за кормой. Отсигналили огнями "Я — свой самолет", приступили к барражированию. На горизонте уже начали вырисовываться вершины гор, в море держалась темнота. Усилили внимание: излюбленный гитлеровцами час для нападения на наши плавсредства. Бдительность себя оправдала: спустя четверть часа Александр различил на фоне посветлевших облаков две размазанные черные точки.

— Вижу, — отозвался опытный Марченко. — Атакуем одновременно на встречных курсах. Бей правого!

Разошлись в стороны, стали набирать высоту. Александр досадовал, что не может определить тип неизвестного самолета: за ним снова встала темнота. Наконец различил — двухмоторный, двухкилевой. Выходит, Ме-110. А вдруг наш Пе-2? Минута колебания едва не стала дорого, враг скользнул в пике…

Александр с двойной скоростью спикировал наперерез, готовый подставить себя под бомбы. Пучок трасс и опасность внезапного столкновения заставили фашиста выровняться. "Не успел сбросить? А где второй?" — лихорадочно соображал Карпов, забыв, что несется на огромной скорости. Когда рванул ручку на себя, из глаз буквально посыпались искры. Преодолевая огромную тяжесть в руке, потянулся к рычагу, чтобы увеличить тягу мотора, и с ужасом почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. "Ну… ну, еще… немного… — командовал себе вслух. — Та-ак… теперь отжимай ручку…" Горизонт под углом уходил под крыло. "Сорвусь в штопор!" Двинул сектор газа до предела, самолет нехотя выровнялся…

Выдохнул из груди воздух, огляделся. Должно быть, прошло всего несколько секунд, вон он, фашист, уходит на форсаже. В наушниках — перекличка Марченко с ведущим пары, пришедшей на смену.

— Иван, разреши догнать фрица! Из-за него чуть не сковырнулся…

— Давай! Не забывай о горючем, — напомнил друг.

— Ну, держись, гад! — Это уже относилось к фашисту.

Догнать его было нелегко, скорость у «китти» совсем ненамного больше. Александр пожертвовал секундами, набрал высоту, пока фриц не подозревает о готовящейся погоне. Потом дал полный газ. Дистанция быстро сократилась, затем почти заморозилась. Штурман вражеской машины давал летчику довороты — держал преследователя в прицеле. Карпов повторял маневры, в свою очередь держа в прицеле его…

Небо на высоте уже было прозрачным, противники, зорко следя друг за другом, на предельных скоростях неслись на запад.

"Эдак он меня на свой аэродром приведет", — с усмешкой подумал Карпов, сверяясь с бензиномером.

Но вот наступил момент, когда все решал огонь. Александр угадал его первым. Трасса крупнокалиберных прошла сквозь серое тело «мессера», левый мотор его задымил. Карпов чуть отвернул, и шнуры встречных трасс остались слева. Снова поймал врага в прицел, уверенно выпустил длинную очередь из всех стволов. «Мессер» круто скользнул вниз, пытаясь сбить пламя. Карпов спикировал за ним, но это уже было излишним. Самолет с черно-белыми крестами черкнул фюзеляжем воду, подпрыгнул, проглиссировал несколько метров и стал погружаться.

— Ур-ра! — вслух закричал Карпов, закладывая над ним круг.

Через минуту на месте «мессера» стояли, как поплавки, на спасательных поясах два гитлеровца.

Спустя полтора часа Александр вернулся, приведя с собой катер соседнего отряда. На борт был поднят только штурман сбитой машины, летчик умер от ранений…

После освобождения Новороссийска эскадрилья перебазировалась на еще не остывшую от боев землю Мысхако. Отсюда она продолжала вести неустанное наблюдение за передвижением вражеских плавсредств, наводила на них наши штурмовики и бомбардировщики.

"8 октября 1943 года. Воздушная разведка портов и коммуникаций".

Пара разведчиков вылетела ранним утром. Ведущий Богданов, ведомый Карпов. Константин Богданов был самым старшим по возрасту летчиком в эскадрилье, в прошлом инструктор аэроклуба, опытный, смелый пилот и умелый воздушный боец.

В небе висела белесая дымка, с восходом видимость улучшилась, и на очередном галсе Карпов разглядел впереди себя силуэт самолета, показавшегося огромным. Сердце старого истребителя дрогнуло от охотничьего азарта: «Гамбург-140»! Этой птицы еще не было на счету ни у кого в эскадрилье.

— Заходим с двух сторон, атакуем одновременно! — передал свое решение Богданов.

— Понял, захожу слева!

Для экипажа «Гамбурга» атака оказалась неожиданной, огня он открыть не успел. Оба пучка трасс истребителей потонули в его фюзеляже. Александр был много наслышан о неуязвимости и неприступности этого гидросамолета, приготовился ко второму заходу. Но «Гамбург» неуклюже накренился на крыло, «посыпался» и врезался в воду, как самый обыкновенный «сухопутчик». Должно быть, как и в случае с Ме-110, одна из

очередей поразила пилота…

Только накануне командир полка подполковник Христофор Александрович Рождественский вручал младшему лейтенанту Карпову орден Красного Знамени. Вечером, после разбора полетов, он снова пожимал руку молодого летчика, благодаря его за успешно проведенную разведку и уничтожение самолета противника…

…Запись от 15 ноября 1943 года выглядит в книжке буднично:

"Воздушная разведка и аэрофотосъемка порта Камыш-Бурун в Керченском проливе".

Началось в самом деле с разведки. На задание вылетел по тревоге, один: у ведомого на взлете забарахлил мотор. Пришел в назначенный район, с ходу произвел съемку, передал по радио данные визуального наблюдения. Просто, быстро и хорошо.

Однако не тут-то было. Через две-три минуты с земли поступило приказание: "Проверьте данные".

Развернулся обратно на Камыш-Бурун, зашел на порт уже под огнем зениток. Снизился для верности на тысячу метров, пронесся над целью, подтвердил переданные сведения. "Радист, черт, наверно, напутал", — объяснил себе необычную придирчивость начальства.

Однако в наушниках снова, как гром:

— Проверьте еще раз!

Черт знает что! Больше ста боевых вылетов, награды, благодарности… Но приказ есть приказ.

Снизился еще, до двух с половиной, — как раз то, что нужно для зениток, прошел, чуть не руками ощупывая каждую из двенадцати БДБ, стоящих у причала. Для полной проверки, а больше со злости, спикировал, прошелся очередью из пулеметов. Ну? Не они?

Дымные гирлянды «эрликонов» мгновенно опутали машину зловещим серпантином. Вырвался, передал данные в третий раз. И лишь ожидая ответа, понял, что передал вхолостую. Рация отказала, в наушниках мертвая тишина…

Подвигал рычагом газа — не действует, мотор продолжает работать на полной мощности. Так и долетел до аэродрома. Посадку пришлось выполнять с выключением зажигания. Приземлился. Используя инерцию, стал заруливать на стоянку. И вдруг увидел, что нос машины круто задрался вверх…

Первым из капонира выскочил техник. Смотрит на Карпова и ничего не может сказать. Подбежали летчики, механики, мотористы…

— Ну и ну! Вот повезло, так повезло…

— В рубашке родился, Саша!..

Вылез, и сам удивился. Как только смог долететь? Еще и на полных оборотах…

В корпусе машины, сзади кабины, зияла огромная дырища, металл в этом месте переломился — очевидно, когда заруливал на стоянку…

В полной мере осознать свое «везение» не успел. Со стороны КП бежал замкомэск Марченко:

— Карпов! В «двадцатку», быстро! Поведешь «илы» на БДБ…

Час от часу не легче. Водить штурмовиков Александру не приходилось, а спрашивать, как это делается, ясно что некогда. Рации у истребителей и штурмовиков работают на разных частотах. Как дать знать, что ты лидер? Где идти на маршруте? Как указать цель? "Ладно, там дело покажет…"- вспомнил подходящую ко всем случаям жизни мудрость.

Штурмовики уже подходили к аэродрому. Взлетел, с ходу пристроился к ведущему. Тот показывает рукой:

"Вперед и выше!" Оторвался, набрал высоту, оглянулся — строй послушно следует за ним.

Подойдя к Камыш-Буруну, качнулся с крыла на крыло. Сигнал, всем известный: "Внимание!" У траверза порта развернулся — ведущий повторил маневр. Делать нечего, спикировал. За ним — «илы»…

Когда оглянулся, весь причал был накрыт густым облаком пыли и дыма. На месте стоянки БДБ — роща белых водяных столбов. Вот это работа! Выходящие из пикирования штурмовики выстраивались для новой атаки. Кажется, все как надо, житейская мудрость не подвела…

Набрал две тысячи метров, произвел фотосъемку результата. Визуально убедившись, что отряд вражеских кораблей разгромлен, догнал отходящую группу, просигналил ведущему: "Иду домой". Тот поднял в ответ большой палец, приложил руку к сердцу. Во как!

На земле узнал, чем были вызваны повторные запросы насчет обнаруженной цели. Оказалось, что баржи вошли в порт как раз перед его прилетом, а незадолго до этого разведчики засняли на их месте лишь несколько сейнеров…

Но и на этом не кончилось, такой выдался день. Едва Карпов закончил доклад о полете, к комэску подбежал адъютант:

— Сообщение с ВПУ: над Керчью сбит наш истребитель! Летчик держится на воде в проливе. Это младший лейтенант Крайний, товарищ капитан! Моряки выслали катер, но…

Александр поднял с земли парашют, вернулся к комэску.

— Товарищ капитан…

О дружбе Карпова и Крайнего комэск, конечно, помнил, но… третий полет, без передышки…

— Очень прошу…

Комэск колебался какие-то секунды.

— Ладно, — махнул рукой. — Беру на свою ответственность. А-а, какая там ответственность… Друг в беде! Машину проверить не забудь только…

Таманский полуостров был недавно освобожден от врага. Керченский еще занят. Ширина пролива в том месте, где ориентировочно приводнился Николай, около десяти километров. Немало! Одно дело знать квадрат на карте, другое найти его в море, где нет никаких ориентиров. Да и в квадрате, среди осенних бушующих волн, отыскать крохотную точку…

Пройдя Тамань, обогнал катер, спешащий в том же направлении. Снизился, покачал крыльями: "Скоро вернусь!"

Первый галс сделал вдоль своего побережья — ничего. Сдвинулся к середине пролива, вернулся — безрезультатно…

Волнение на море усиливалось, близился вечер. Всматривался до боли в глазах в будто застывшие полосы волн, вздрагивал от мысли, что может оставить здесь друга на ночь…

Галс за галсом, все ближе к вражескому берегу. Теперь нельзя забывать и про воздух. И все равно забывал. Хоть понимал, что связаться с «мессерами» сейчас значило потерять уже всякую надежду…

Когда в пестрой свинцово-белой глади внизу мелькнула оранжевая искорка, не поверил глазам, решил, что от усталости. Но она показалась вновь. Александр осторожно, как бы боясь спугнуть ее, развернулся, снизился до бреющего. Николай лежал в спасательной лодке на спине, махал рукой с зажатым в ней шлемом.

— Держись, дружище! — изо всех сил закричал Александр. — Сейчас приведу катер!

Опомнился, сделал круг, покачал крыльями. Сколько раз в этот день ему пришлось пользоваться этим универсальным сигналом…

Катер нашел быстро, подал тот же знак, на этот раз говорящий: "Следуй за мной!" Казалось бы, все сделано, можно расслабиться. Но получилось наоборот. Вдруг охватила тревога, почудилось, что моряки не торопятся, а к другу в любую минуту может подойти вражеский катер: гитлеровцы наверняка проследили, где приводнился сбитый летчик. Снизился, увидел мощный бурун за кормой спасателя, это несколько успокоило. Чтобы не исчезать из виду и не отрываться далеко вперед, делал «горки» по курсу, то круто взмывая, то опускаясь к самой воде.

Должно быть, эти маневры и привлекли внимание вражеских артиллерийских наблюдателей. С берега ударил залп, султаны воды поднялись на пути катера. Он замедлил ход и, показалось, начал разворачиваться. Неужели повернет обратно? Что делать, как дать знать морякам, что немцы их не видят, что залп случайный…

"Эх, не обидятся братишки!" Александр решился и выпустил очередь из всех стволов перед катером.

Такой сигнал был понят моментально. Через четверть часа основательно промокшего и продрогшего Николая благополучно подняли на борт…

Выручать из беды своего отчаянного друга Александру пришлось и еще раз, спустя примерно пять месяцев, уже при освобождении Крыма.

18 апреля сорок четвертого года, в разведывательном полете над вражескими кораблями, машина командира звена Николая Крайнего была сильно повреждена осколками зенитного снаряда. Мотор работал с перебоями, потом заклинился совсем. Николай возможно дальше отлетел от кораблей, искусно приводнился километрах в пятнадцати от мыса Тарханкут. Быстро вылез из кабины, соскользнул с плоскости, отплыл от тонущего самолета. Его ведомый Борис Крылов тщательно нанес место на карту и поспешил к своим. Кстати, и сам Крайний, планируя на воду, успел не только сообщить на аэродром, что подбит, но и кратко передать добытые разведданные.

— Карпов, у тебя уже есть опыт спасения своего земляка, — сказал капитан Новиков. — Как только сядет Крылов, уточни место и вылетай в паре с Гавришем. Катер выходит с мыса Тарханкут.

Море было спокойно, видимость отличная. Но и в этих условиях найти крохотную резиновую лодчонку — задача не из легких даже и для опытных воздушных разведчиков. Минут тридцать бороздили море впустую. И вдруг доклад Гавриша:

— Вижу «Гамбург», захожу в атаку! Помоги завалить каракатицу!

Каракатицей они прозвали Га-138 — огромный четырехмоторный, до зубов вооруженный гидросамолет. Это его «завалить». Ишь как просто! Но и характер друга был Александру известен: раз решил, не отстанет.

Алексей уже атаковал. Первые очереди не произвели на «Гамбург» никакого впечатления: продолжал лететь, как ни в чем не бывало, коротко отплевываясь из пушек и пулеметов. Попробуй подойди! Карпов представил себе лицо друга и чуть не расхохотался.

Однако в следующий момент не поверил своим глазам. «Гамбург» лежал на воде и горел. От него отходила большая шлюпка, в ней шестеро гитлеровцев…

— Саша! — услышал в наушниках еще хриплый от злости голос Гавриша. — У меня мотор… сильно трясет…

— Тяни домой! Пусть вышлют смену…

Оставшись один, продолжил поиск по курсу «Гамбурга»: вероятно, тот и летел, чтобы забрать сбитого советского летчика.

Так и оказалось.

Вернувшись к катеру, увидел, что моряки уже снимают со шлюпки экипаж каракатицы. Затем подняли на борт и Николая.

— Ну уж теперь-то тебя ни огонь, ни вода не возьмут! — поздравлял друга Карпов, когда они встретились вечером на аэродроме.

И в самом деле не взяли.

…Отдав многие годы жизни военной авиации, подполковник в отставке Николай Семенович Крайний перешел в гражданскую, где трудится и по сей день. Живет в Минводах, с нетерпением ждет каждой встречи со своим верным другом, дважды выручившим его из беды…

Вернемся, однако, к книжке.

…13 марта 1944 года. Это первый вылет из Северной Таврии, куда перебазировалась эскадрилья за месяц до начала решающего сражения за Крым. "Разведка по маршруту Очаков — Кабарга, Ярылчаг — Аккерман".

Марченко и Карпов. Небо безоблачно, внизу над водой полупрозрачная дымка. Карпов всматривается в нее, нажимает на кнопку передатчика, чтобы доложить ведущему: внизу самолет. Марченко опережает его: «Вижу».

До-24, в обиходе — «дора». Трехмоторный противолодочный гидросамолет. Используется и как разведчик. Сильное вооружение, бронезащита, живучесть. Поначалу даже легенды ходили о его неуязвимости…

Атака сверху затруднена: идет на высоте тридцать метров. Марченко снижается, бьет с той же высоты. За ним Карпов. Трассы не достигают цели — велика дистанция. Подойти сзади рискованно и бесполезно: мощная аэродинамическая струя огромной машины треплет легонький ястребок, как бабочку.

— Рискнем сверху! — предлагает Карпов. Марченко снова заходит первым. Зажигает у «дорнье» правый мотор. Карпов бьет по левому. Вражеский пилот пытается приводниться, но в момент касания самолет взрывается…

…Тот же день, тринадцатое, вторая половина. Карпов вылетает ведущим в паре с Крыловым. Опять «дора», на этот раз

под облаками.

— Не ваша ли утренняя воскресла? — ехидничает Борис.

— Наши не воскресают!

Пошли в набор, нырнули в облака. Несколько секунд летели по приборам. Пробили облачность, пошли над ней по курсу "доры"- поймать момент, когда она проглянется в просвете.

— Вон она!

Карпов стремительно переводит машину в пике, бьет с двухсот метров из всех стволов сквозь полупрозрачную дымку. Вражеские стрелки открыть ответный огонь не успевают, «дорнье» задирает нос вверх. Уйти в облака? Карпов спешит с разворотом, чтобы успеть еще врезать…

Но «дора» вдруг неуклюже встает на хвост, «сыплется» с переворотом и через минуту взрывается на воде.

— Везет тебе, Саша, опять угодил прямо в летчика! — Это им на меня везет! Избавляю от «хендехоха»…

Апрель, май… Последние бои за Крым, за Севастополь…

13 апреля — разведка конвоев. Потом съемка аэродромов в Евпатории и Саки. В Саки несколько транспортников Ю-52. Готовится драпать начальство? Или вывозить что-то ценное?

— Вот бы врезать, а, Боря?

— Врежут, Саша, без нас! Каждому своя работа.

— Да, но и мы ведь живые люди…

Во второй половине дня снова разведка с Крыловым. Гидроаэродром в Донузлаве пуст, в Евпатории — пара Ю-88. В Саки тоже два транспортника, возле них бензозаправщики: сейчас улизнут…

Решение приходит моментально. Карпов чуть не вертикально устремляется на распластавшиеся на земле громадины. За ним, со свистом, Крылов. Внизу переполох, никакого сопротивления. Карпов не отпускал гашетку до тех пор, пока не увидел пробоины от собственных пуль на крыльях «юнкерса»…

— Живые же люди, — пояснил Борису, через силу отпаявшись от спинки сиденья и прогнав черноту из глаз. — Мы-то.

— А я уж подумал, ты на таран… Решил заработать орден посмертно…

На аэродроме их встретил полковой фотограф. Так и заснял вместе — в летном, в шлемофонах с поднятыми очками, с ремешками планшетов поверх регланов. "И с искрами из глаз", — неизменно добавлял Александр, показывая друзьям этот снимок…

…И снова разведка.

В один из апрельских дней Карпов обнаружил конвой в составе двадцати четырех кораблей. Одиннадцать из них тут же

были уничтожены штурмовой, бомбардировочной и торпедоносной авиацией флота…

…И снова Ю-52. Пару свалили их в воздухе, как доложили потом, "между делом". В праздник как раз, 1 Мая, вылетели с Борисом в район Севастополя на разведку плавсредств. Один конвой обнаружили на траверзе Евпатории, передали, пошли дальше. Вдруг навстречу армада — десяток Ю-52 под прикрытием нескольких «фокке-вульфов». Александр, не раздумывая, взмыл в сторону солнца, развернулся на головной. Борис прикрыл его сзади. «Фоккеры» не успели опомниться, как первый «юнкерс», вращаясь винтом, поволок хвост книзу. Остальные раздвинулись в стороны, вокруг пары разведчиков образовался простор. Крылов развернулся, нагнал уползающий вправо «юнкерс», хлестнул по мотору и бензобакам. Проводил взглядом падающие в море обломки. Затем догнал Александра, и они спокойно продолжили «свою» работу…

Так воевал Александр Карпов в боях за освобождение Крыма, в последующих боях. Разведчик по летной своей специальности, об этом и записи прежде всего. А самолеты уничтожал "между делом". Как и другие морские, наземные цели…

Двести пятьдесят боевых вылетов — двести пятьдесят записей. Каждая — две строки. И неизвестно, которая стоила ему больше. Как и не видно по книжке, что больше — четыре те года или же вся остальная жизнь…

И еще один друг

С Колей Савельевым мы вместе встречали Новый год в родных Минводах 1941-й. Сразу после выпуска из училища, в новенькой летно-морской форме, с гордой скромностью принимая шумные поздравления школьных друзей, повзрослевших наших девчонок…

Николай, правда, с нами не учился — работал на пятигорском ремонтном заводе, с ним я сдружился в аэроклубе. Но парень живой, обаятельный, сразу для всех стал своим. Много было мечтаний в ту памятную ночь, много песен, веселья, счастливых признаний…

Потом вместе служили на Тихом, потом…

Раньше удалось вырваться на фронт мне, Коля прибыл на Черное море лишь в ноябре сорок третьего. Получил назначение в 30-й разведывательный, по пути заглянул в Геленджик. "Постараюсь догнать тебя", — улыбнулся на прощанье. Потом как-то в Скадовске увиделись на минутку. "Ну как, догоняешь?" "Стараюсь, Вася". Больше встречаться не довелось. Разве что, может быть, в небе…

В мае сорок четвертого, уже после освобождения Севастополя, на нашем аэродроме в Сокологорном приземлился известный на флоте разведчик капитан Александр Рожков. На вопрос о Николае ответил не сразу.

— Здорово воевал парень!

Оставалось спросить, как…

Христофору Александровичу Рождественскому он тоже понравился с первой встречи. Знаменитый командир воздушных разведчиков, прославившийся еще первыми полетами на Сулину, моментально разглядел в молодом лейтенанте не только талантливого летчика, но и надежного, неустрашимого человека, которому можно довериться, как самому себе. А у разведчиков, зачастую выполняющих задание в одиночку, это качество ценится больше всего.

…От крымских партизан поступило сообщение, что на Керченском полуострове приземлились «мессершмитты» эскадры «Удет» — отборного соединения гитлеровских «люфтваффе». Наши истребители, прикрывавшие десант северо-восточнее Керчи, уже имели с ними встречу. Бой был на редкость ожесточенным…

Христофор Александрович поправил очки, кивком подозвал Савельева и его штурмана к карте.

— Наши уже осмотрели аэродромы Керчь-2, Багерово,

Владиславовка. Истребителей на них нет. Надо как следует обшарить южную оконечность полуострова и особенно район Марфовки. Полетите одни. Понимаю, что без прикрытия истребителей искать «мессеры», да еще из «Удета»… Но — погода. Все равно потерялись бы в воздухе…

Оторвавшись от земли, самолет сразу растаял в серой изморозной дымке. Курс на мыс Чауда, затем к озеру Тобечикское. Замысел прост: создать у противника впечатление, что они возвращаются домой после выполнения задания. Над Камыш-Буруном развернулись — начало поиска. Летя вдоль дороги, увидели колонну мотопехоты.

— Не стрелять! — предупредил Николай.

До Марфовки прошли на предельно малой высоте.

Сменили курс — раз, другой, третий… Фашисты кой-где открывали огонь, но — ничего похожего. Виртуозно владея машиной, Николай напряженно вглядывался в землю. До боли в глазах вглядывались штурман, стрелки. И вот — блеснуло. Сквозь дымку мелькнули характерные темные пятна. Разворот на них — обложили огнем зенитки…

Сделав вид, что напоролся нечаянно, Николай ушел на восток. Описал полукруг вне видимости, появился с противоположной стороны.

— Держись, ребята!

Гитлеровцы пристреливались, экипаж считал вражеские самолеты, фотографировал. Затем резкая смена курса, прорыв к морю, полет на бреющем, посадка с ходу.

— Нашел?

— Нашел, товарищ подполковник. Не менее тридцати «мессеров»!

— Молодец! Устал? После удара штурмовиков придется тебе же лететь на уточнение результата.

Похоже было, что новичок с первых дней становится для командира полка незаменимым.

…В январе сорок четвертого получил задачу сфотографировать сильно защищенные порты Киик-Атлама, Феодосия и прилегающие к ним бухты. С вечера перелетел в Анапу, к истребителям 11-го гвардейского.

— Действуй, прикроем! — пообещали прославленные асы Литвинчук и Снесарев.

В воздух ушли в восемь утра. Море штормило, по стеклу кабины скользили капли мороси. Над мысом видимость улучшилась, появились «мессеры». Ястребки моментально связали их боем, отвели в сторону, Савельев приступил к фотографированию. На третьем маршруте увидел еще пару —

заходили в атаку с ходу. Скомандовал выключить фотоаппараты, развернулся навстречу. Заработали пулеметы. Трасса прошила левую плоскость, гитлеровцы оказались за хвостом. Но к ним уже спешил Литвинчук со своим ведомым…

Под ожесточенным огнем зениток прошли последний маршрут. Ястребки за это время срезали два «мессера». В тот же день по обнаруженному Савельевым скоплению вражеских торпедных катеров нанесли сокрушительный удар наши штурмовики…

Три года на Тихом не прошли для Николая даром. Стремительный рост боевого мастерства новичка вызывал изумление. О его дерзких, «нахальных» решениях разгорались споры даже среди бывалых разведчиков полка.

Как-то в марте произвел разведку плавсредств в северо-западной акватории Черного моря, сфотографировал порт Сулина. Решил еще и Одессу. Высота облачности доходила до пяти тысяч, видимость стопроцентная.

— Наверняка поймают "мессеры", — предупредил штурман.

— Стоит рискнуть.

— Как думаешь фотографировать?

— Порт — планово, с тысячи метров. Город — перспективно.

Штурман только присвистнул. Безумие!

Зашли от Большого Фонтана, не сводя глаз с вражеского аэродрома. Проскочили на порт сквозь стену огня. В конце маршрута пара «мессеров» пересекла курс. Савельев спикировал под нее, на предельной скорости ушел в море…

"Везучка! — говорили одни. — Не имел права так рисковать. Ведь на борту были добытые данные". "А что же тогда — инициатива? — возражали другие. Важна не работа, важен результат!"

Без результата Савельев не возвращался. Однажды зашел на Ак-Мечеть. Атаковали «фокке-вульфы». Отбился, отошел. Мог спокойно вернуться: полная видимость, в небе кишат вражеские истребители. Нет, выждал, зашел с другой стороны. Немцы атаковали четверкой. Еле ушел в море. Обогнул Тарханкут, вышел прямо со стороны суши. Немцы и рот раскрыли. Сфотографировал с прямой и, выжав из машины все, что возможно, ушел от преследования на бреющем…

Повторяли уже восхищенно: "Нахальство!" Савельев улыбался: "А с ними и надо нахально. Кто их сюда звал?" Возвращался с изрешеченными плоскостями. Возвращался на одном моторе. На одном с поврежденным вторым. Ничего себе нахальство…

9 апреля пошел на Констанцу. На пути, по всему горизонту — грозовой фронт. Набрал семь тысяч. В наушниках треск, справа,

слева — черные горы. Вошел в облачность. Сквозь сплошной уже треск — крики стрелков: "Командир, горим!" За плоскостями — языки, целые полотнища голубого, фиолетового пламени. "Электричество!" — крикнул. Машину встряхивало, бросало, подкидывало, валило, едва не переворачивало колесами вверх. Бешено прыгали стрелки приборов, штурвал вырывало из рук, на месте винтов полыхали огненные круги…

Пробились.

И тут — пара «мессеров». Ребята за пулеметы — молчат. Пока налаживали, гитлеровцы взяли безоружную машину в «клещи». Савельев близко увидел осклабившуюся физиономию — немец делал ему знаки: "За мной, за мной!" Стремительно бросил машину вниз — такого от «бостона» немцы не ожидали. Нырнул в облака, ушел…

9 мая, после известия об освобождении Севастополя, вылетел на разведку плавсредств. Штурманом в экипаже летел Александр Андреевич, стрелки — Михаил Лысенко и Петр Гусенков. Вскоре в полк поступили одно за другим три точных и обстоятельных сообщения об обнаруженных конвоях с отступающими гитлеровцами. Последнее — из района Херсонесского маяка.

Больше донесений не поступало…

Тридцать семь боевых вылетов совершил лейтенант Николай Андреевич Савельев. И почти все — на сильно защищенные, трудные для разведки объекты. И по всем обнаруженным целям были нанесены разящие удары наших штурмовиков, бомбардировщиков, торпедоносцев…

Что успел — сделал. И сделал так, как едва ли кто мог.

Многого не успел.

В том числе и получить первый свой орден — Красного Знамени, — которым был награжден.

Полет в бессмертие

О гибели нашего любимого комдива Николая Александровича Токарева я узнал только в апреле, вернувшись из командировки в полк перед началом сражения за Крым.

Погиб в торпедной атаке. Не сразу поверил ушам. За всю войну пришлось слышать лишь о трех случаях, когда на низкое торпедирование водили группы командиры полков. Все три случая имели место на Севере и все три окончились трагически. Двое из этих храбрецов — майор Филипп Васильевич Костькин и подполковник Борис Павлович Сыромятников — были сбиты шквальным огнем зениток над конвоями противника, третий — бывший наш командир полка на Тихом океане майор Николай Никитович Ведмеденко — погиб при возвращении с удара.

А тут — комдив, генерал…

У каждого на войне свое место, у каждого соответствующие навыки, которые надо поддерживать изо дня в день. Да и что за необходимость…

Да, вот в этом и весь вопрос. Разная бывает необходимость. И далеко не всегда она совпадает с очевидной целесообразностью.

Но эти размышления пришли после. А тогда, сразу — отрывки воспоминаний, без выбора, наугад.

…Самолет катится к кучам щебенки на недостроенной бетонной полосе, тормоза выжаты до отказа… В последний момент отворачиваю, колеса вязнут в расквашенном грунте, машина становится на нос, из-под капота вырываются языки пламени. Фонарь заклинен, переворачиваюсь вниз головой, ногой выдавливаю дверцу, вываливаюсь на крыло, с крыла на землю, бегу, ложусь за ближайшую кучу щебня, успеваю заметить: ребята отбежали дальше… Взрыв! Тринадцать «соток»… И — тишина. На месте машины — огромная дымящаяся воронка. Дым рассеивается, глаза слепит солнце, потом какие-то блики… Блики на лаке подъехавшей «эмки», губы комбрига шевелятся беззвучно, затем, как в наушниках ларингофона с плохим контактом: "… правильно комполка говорит… В рубашке родился ты, Минаков! Только все же учти: парашют понадежней твоей рубашки…"

Взлетал на чужом самолете, в воздухе загорелся мотор, бомбы сбросить некуда…

…В другой раз — то же, с контактной миной. Самолет удалось спасти. И опять, как назло, «эмка». "И как это ты умудряешься, Минаков? Каждый раз — к моему приезду! Или у тебя каждый день такое?" Спокойный, насмешливый голос. И все напряжение- как рукой…

…Ясный солнечный день, ясный до страшности, как только во сне бывает. Армада бомбардировщиков готовится к взлету. Массированный удар. По Севастопольскому порту, средь бела дня! "Ты, Минаков, как мне удалось заметить, большой мастер по аварийным посадкам. Полетишь в моей четверке. Если меня срежут, постараюсь дотянуть до Качи. Садись и ты. Улизнем из-под носа у фрицев! Идет?"

Садиться, по счастью, не пришлось. Но и сесть тоже было бы счастьем. Как бы не большим еще…

Или с Лобановым.

Приземлился, видит — комбриг. Подбегает, докладывает: летал на дальнюю воздушную разведку, задание выполнил. Вид, понятно, измотанный до предела. Но старается перед начальством держаться бодро.

"Сколько часов были в воздухе?" — "Более десяти". — "Который вылет в этом месяце?" — "Двенадцатый". — "За пятнадцать дней? Садитесь в мою машину! Начальник штаба, доложите командиру полка: забираю капитана на профилактику". — "Так у меня же все вроде нормально, товарищ полковник…" — "Нормально, нормально, садитесь!"

Привез в лазарет. И — Челушкину Константину Александровичу, начальнику медслужбы: "Под вашу личную ответственность! Обеспечьте капитану полноценный отдых. Стол с усиленным питанием. Для тонуса можно коньяк. Воздух и море. Выписывать только с моего разрешения!"

О жизненном пути Николая Александровича мне больше всего удалось узнать от его ближайших боевых друзей — штурманов Петра Ильича Хохлова и Александра Федоровича Толмачева.

Дед и отец — туляки, потомственные оружейники. Сам тоже родился в Туле. Комсомолец двадцатых годов. С 1926-го — коммунист. Мечтал стать инженером, окончил рабфак, поехал в Москву. Жизнь решила иначе: авиация призывала лучших из лучших в свои ряды. После окончания школы пилотов имени А. Ф. Мясникова стал летчиком-инструктором. Затем был направлен на Черноморский флот, в часть, которая называлась минно-торпедным авиационным отрядом.

Этот вид авиации был тогда новым, вокруг него велись споры. Молодой командир с первых дней сделался горячим поклонником нового оружия, новой тактики поражения морских целей. С энтузиазмом осваивает новые приемы пилотирования воздушного корабля, в короткое время достигает незаурядных успехов.

Вскоре, однако, уясняет, что для успешной торпедной атаки

одной дерзости, даже и помноженной на личное летное мастерство, недостаточно, что основа победы должна быть заложена в тщательно разработанном плане боя. С каждым полетом усложняя для себя и для летчиков отряда условия торпедометания, ищет приемы сближения с противником, способы определения упреждений, наиболее выгодные дистанции для поражения движущихся и маневрирующих кораблей, тщательно изучает штурманскую работу на торпедоносцах…

О Токареве распространяется слава как о летчике с характером. Одни считают его человеком честолюбивым и самоуверенным, другие — увлеченным фанатиком своего дела; кто-то поражается его безошибочному летному чутью, кто-то необыкновенному «везению». Однако всем ясно: это незаурядно одаренный летчик, человек большой авиационной судьбы.

За успехи в боевой и политической подготовке в феврале 1938 года Токарев награждается орденом "Знак Почета".

В 1939 году переводится на Балтику. Сначала в должности заместителя командира эскадрильи, затем комэска, вновь весь без остатка отдается любимому делу. Освоение нового самолета, отработка групповой слетанности, совершенствование тактических приемов…

Здесь он начал летать со штурманом Петром Хохловым. Боевое содружество вскоре превратилось в большую личную дружбу, окончательно окрепшую в дни первых военных испытаний.

…Утро 30 ноября 1939 года. Серое балтийское небо, колющий ветер. Метеорологи обещают погоду "в полоску". На аэродроме снега по колено, а под ним вязкая, хлюпающая, не промерзшая и на сантиметр земля.

Задание эскадрилье поставлено трудное: найти замаскированные в шхерных лабиринтах Ботнического залива финские броненосцы береговой обороны и нанести по ним удар.

Сложный взлет на перегруженных самолетах проходит благополучно. Эскадрилья выстраивается в журавлиный клин, берет курс к вражеским берегам. Первое в жизни боевое задание, первая настоящая проверка.

При подходе к Турку бомбардировщиков встречает гряда густых облаков и плотный туман, опустившийся чуть не до самой воды. Вдобавок с неба начинают падать крупные хлопья снега. Токарев снижается к воде, высота пятнадцать двадцать метров. Все еще пытается пробиться к шхерам, во что бы то ни стало выполнить боевой приказ. Вслед за ним, в белой мгле над черной водой, скользит весь журавлиный клин. Но уже ясно: природу не переспорить. Если сейчас и наткнешься на броненосец, все равно

ударить с такой высоты нельзя: подорвешься на собственных бомбах. Но вероятность встречи ничтожна: шхеры накрыты таким туманом, что в нем может укрыться сотня кораблей…

Штурман эскадрильи Хохлов тяжело переживал неудачу. Больше за командира, чем за себя. Возвратиться на аэродром с бомбами в первый день войны… А ведь надо еще посадить самолеты с огромными «пятисотками» на вязком, расквашенном поле. Подобных посадок в учебных целях никогда не производилось, о таком и помыслить в мирное время никто не мог.

Еще десять — пятнадцать минут рискованного, но совершенно безнадежного поиска…

Приземлились благополучно. Токарев слез по трапу, неуклюже переступая в снегу отяжелевшими ногами в собачьих унтах, молча двинулся на КП. За ним Хохлов. Спрятав лицо в меховой воротник, отвернувшись, будто от ветра, чтобы не видеть ссутулившуюся спину и опущенные плечи своего командира и друга…

В ту лютую зиму Токарев летал без устали. Топил транспорты, уничтожал воинские эшелоны, вел ожесточенные воздушные бои с вражескими «бристоль-бульдогами». Совершил пятьдесят семь успешных боевых вылетов.

Отлично воевали и его подчиненные. Эскадрилья за время боев с белофиннами уничтожила много важных целей, сбила одиннадцать самолетов врага и была награждена орденом Красного Знамени. Ее командир — орденом Ленина.

А 21 апреля 1940 года Николаю Александровичу Токареву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Он назначается командиром полка. Со всей энергией, свойственной его натуре, принимается за решение проблем, диктуемых сложной и напряженной обстановкой того периода.

Но молодому командиру не повезло. В начале 1941 года в полку произошла тяжелая авиационная катастрофа. Один из летчиков, выполняя сложный полет, потерял ориентировку в тумане. Погиб весь экипаж, погиб видный изобретатель, находившийся на борту самолета. В феврале пришел приказ о переводе Токарева на Юг с понижением в должности.

Взыскание не обидело боевого командира: он сам острее всех переживал потерю. В чем-то, конечно, была и его вина. Не хватало опыта, кое-где подводил и характер: горячность, стремление добиться своего, не считаясь со сроками и возможностями подчиненных… Став на должность заместителя командира 2-го минно-торпедного авиаполка Черноморского флота, майор Токарев отлично организовал летную подготовку.

Сам летал больше всех. В короткое время полк освоил ночные полеты, довел до виртуозности пилотирование по приборам…

И вот — Великая Отечественная война…

С первых дней — налеты на Констанцу. Один за другим, по два раза в день. Пять часов длится полет. Токарев отдыхает столько, сколько требуется для ремонта и заправки самолета. И снова — в воздух. Не пропускает ни одного группового полета. И это не только азарт боевого летчика, не только неукротимый токаревский темперамент. Руководитель полетов, неизменный ведущий боевых групп тщательно изучает противовоздушную оборону военных объектов врага, ищет наименее опасные подходы к целям, наиболее эффективные тактические приемы для их поражения. Вылет за вылетом, бомбежка за бомбежкой. Корабли на Дунае, батареи Тульчи, военные склады в Сулине, нефтяные заводы Плоешти, военные сооружения Констанцы, аэродромы, скопления вражеской техники на дорогах и переправах…

Потом оборона Одессы, Перекопа, бои в небе Ростова, Севастополя, Керчи…

В конце августа в полк возвратился из госпиталя штурман Александр Федорович Толмачев. 13 июля он вылетел со своим командиром капитаном Семенюком в составе семерки, ведомой Токаревым. Задача — бомбоудар по кораблям на Дунае, в Тульче. Экипаж Семенюка должен был отвлечь на себя огонь зенитных батарей противника. На подходе к цели самолет атаковали два истребителя. Толмачев успел прицельно сбросить бомбы, уничтожил батарею, но в этот момент в машину попал снаряд. Летчик был убит, штурман ранен. Неуправляемый самолет устремился к земле. Очнувшись, Толмачев откинул педали, вставил аварийную ручку управления и вывел машину в горизонтальный полет. Истекая кровью, сумел дотянуть до своей территории и совершить посадку в поле…

Токарев предложил Толмачеву летать с ним. Толмачев, разумеется, согласился. С тех пор они были неразлучны. Их боевое содружество стало образцом для всех экипажей полка.

С осени сорок первого Токарев стал командовать полком. Забот прибавилось. Но это не мешало ему чуть не каждый день водить в бой своих подчиненных.

Весной сорок второго года 2-й минно-торпедный полк был переименован в 5-й гвардейский. Преклонив колени перед новым, почетным знаменем, летчики и их командир поклялись биться с врагом еще самоотверженней, беспощадней.

Наступил самый тяжелый период войны. Фашистские полчища подошли к Сталинграду, к отрогам Главного

Кавказского хребта…

На новороссийском направлении идут тяжелые, кровопролитные бои. Немцы подтягивают подкрепления, готовясь к удару со стороны Неберджаевской.

24 августа, с утра, майор Токарев поднял в воздух восемнадцать бомбардировщиков. Ведущим пошел сам. Летели журавлиным клином, без прикрытия: свободных истребителей не было. Разбомбили колонну автомашин на дороге Крымская — Новороссийск. На обратном пути успешно отбились от «мессеров».

Тут же приказ на повторный удар. Пока подвешиваются бомбы и заправляются баки, командир полка делает разбор полета: огонь зениток не так силен, можно понизить высоту бомбометания до тысячи ста метров. Вылетает вторично ведущим первой девятки. Вторую ведет комэск Минчугов.

На подходе к дороге — огненная завеса. Снаряды рвутся в опасной близости. Группа проскакивает заслон без потерь, отбивает атаку семерки «мессеров». Узкая дорога у Неберджаевской забита потоком машин и пехоты. Толмачев сбрасывает часть бомб на головной отряд. Самолет атакуют два вражеских истребителя…

Осколок снаряда ожег руку штурмана, пулеметная очередь пробила бензобак. Появился огонь на правой плоскости. Толмачев затягивает руку бинтом, не отрывая глаз от дороги. «Мессершмитты» продолжают атаку.

— Правая плоскость горит, — повторяет доклад стрелок-радист Петр Конкин, ловя в прицел своего раскаленного пулемета наседающего сверху «мессера». Толмачев выводит самолет на участок дороги, где автомашины с гитлеровцами сомкнулись в сплошную цепочку.

— Горим, — еще раз напоминает стрелок.

Командир молчит. Напряженно дышит раненый штурман.

— Сброс, — докладывает Толмачев, поворачивая прицел, чтобы проследить падение бомб.

Бомбы несутся на дорогу, с дороги навстречу — прерывистые дымные трассы автоматических пушек «эрликон».

— И левая плоскость горит! — докладывает Конкин.

Все бомбы сброшены, ветер свищет в пробоинах, из левой плоскости валит дым, пламя с правой уже не сбить. Надо командовать прыгать с парашютом. Токарев колеблется.

— Дотянем до Мысхако, — подсказывает Толмачев.

На Мысхако — выдвинутый на крайнюю линию к фронту маленький полевой аэродром истребителей. Садиться на него и для ястребка — лишний раз испытывать судьбу.

Токарев выпускает шасси, но стойки не становятся на замки. Сажать "на брюхо" — горящий самолет наверняка взорвется. Уходит на встречный круг, пытается закрепить «ноги». Одна сигнальная лампочка загорается. Вторая «нога» беспомощно болтается под моторной гондолой…

На аэродроме все выскочили из землянок, задрали головы вверх. Огромная горящая машина заходит на посадку: заходит образцово — точно по осевой линии полосы…

Долетев до границы аэродрома, Токарев выключает мотор. Самолет стукается о землю одним колесом, подпрыгивает. От толчка до конца выпускается вторая стойка, становится на замок. Бомбардировщик, окутанный дымом и пылью, пробегает отпущенные ему две несчастные сотни метров. Успевает затормозить.

Не успели люди со стоянок подбежать к машине, как Токарев, высвободившись из лямок парашюта, уже взобрался на плоскость. Бросил парашют на пробоину, из которой выбивалось пламя. Навалился на него всем телом. Раненый штурман последовал его примеру, выбравшись на правое крыло. Подбежал Конкин с огнетушителем, за ним местные техники, летчики…

…На полковой аэродром из этого полета не возвратились три экипажа. Вернувшиеся видели, как падал простроченный очередями бомбардировщик Острошапкина, как потянул в сторону горящий самолет Бесова, как пошла на снижение густо дымящая машина командира полка…

Горькая весть моментально облетела полк. Ждали до конца этого дня. Ждали до вечера следующего. И когда уже не осталось почти никаких надежд, над аэродромом появился самолет. Он сел, весь в заплатах, отремонтированный на скорую руку, но спасенный, живой… Затем начались полеты на перевалы Главного Кавказского хребта. По шесть — восемь вылетов в день делал Токарев. Его неукротимая энергия, самоотверженность увлекали весь полк. Командир был кумиром летчиков…

В конце октября сорок второго года Николай Александрович назначается командиром авиабригады. Но и осваиваясь на новой должности, ни на неделю не расстается с полетами.

На аэродроме Майкоп сосредоточилось большое количество самолетов противника. Поразить их обыкновенным ударом с воздуха не представлялось возможным. Решено было высадить парашютный десант. На Токарева возлагалось осуществление первой части этого замысла. Десять бомбардировщиков, возглавляемые комбригом, блестяще обеспечили высадку. Дерзким налетом парашютистов были уничтожены десятки вражеских самолетов, цистерны с горючим, склады…

31 марта 1943 года Токарев с блеском осуществил бомбовый удар по Севастопольскому порту.

Будучи ведущим первой девятки, он от начала до конца боя управлял действиями всей группы по радио, моментально оценивал все изменения тактической обстановки, принимал соответствующие решения.

В результате внезапного одновременного бомбового удара с разных направлений в порту Севастополь было потоплено десять и повреждено пять плавединиц врага, разбито несколько складов, десятки железнодорожных вагонов, истреблены сотни гитлеровцев…

В июле 1943 года бригада была преобразована в 1-ю минно-торпедную авиационную дивизию. Следствием этого явилась неожиданная встреча: штурманом дивизии был назначен Герой Советского Союза Петр Ильич Хохлов, давний друг и соратник Токарева, один из лучших штурманов Балтфлота, в августе 1941 года принимавший участие в первых налетах на Берлин.

Радости обоих не было конца. Стали опять летать вместе…

26 сентября тридцать шесть бомбардировщиков дивизии вылетели на Южную бухту Севастополя. С момента взлета до выхода из боя под ураганным огнем зениток — все было организовано Николаем Александровичем. Это был тот полет, о котором я упомянул вначале. Садиться в Каче нам не пришлось. Мой самолет шел от ведущего в пятидесяти метрах. На цель вышли под сильным зенитным огнем. Токарев вывел свою четверку на удар и следил за действиями остальных групп. Результат был прекрасным: потоплен крупный транспорт и несколько тральщиков…

Это был последний массированный удар с личным участием комдива.

Вечером 13 января 1944 года Николай Александрович прилетел в Скадовск, на ближний к фронту аэродром, где базировалось несколько эскадрилий дивизии. Над полем нависало пасмурное небо, ветер гнал на восток рваные облака. Зарулив на стоянку, комдив ушел на командный пункт.

Девятка «хейнкелей» подкралась на большой высоте. Пробила облачность и выскочила на центр поля. Одна из сброшенных бомб попала в самолет командира дивизии…

Токарев прибежал с командного пункта. Стоил не шевелясь, глядя, как огонь пожирает любимую машину. Когда последний клуб дыма отнесло к Каркинитскому заливу и обнажился черный ребристый скелет самолета, решил:

— Останусь здесь. Буду летать на «бостоне».

Из Скадовска он руководит атаками на корабли, транспорты,

порты. Запертый на замок со стороны суши Крымский полуостров необходимо было блокировать и с моря.

— Надо добиться, чтобы ни один корабль не смог выйти из Крыма, ни один фашист не ушел оттуда живым!

22 января 1944 года Николаю Александровичу Токареву присваивают звание генерал-майора авиации.

…Данные о появлении в Евпатории вражеского транспорта в сопровождении пяти десантных барж были получены им спустя девять дней после этого знаменательного в его жизни события.

Токарев выслал группу бомбардировщиков. Полетели молодые летчики. Самолеты были встречены с берега и с кораблей сильным огнем. Все бомбы прошли мимо цели.

Токарев отдает приказание вооружить торпедами два А-20 — свой и майора Обухова.

После взлета у ведомого забарахлил мотор, и он вынужден был пойти на посадку. Токарев подождал его в воздухе, но, выяснив причину приземления, решил лететь один. Комдива прикрывали шесть истребителей 11-го полка, возглавляемые майором Денисовым. Хохлов был занят на соседнем аэродроме, штурманом с Токаревым полетел майор Николай Маркин. Воздушным стрелком-радистом — Василий Гончаров.

Самолет пронесся над Джарылгацким заливом, перескочил песчаную косу, вышел в море…

Погода была скверная, почти до воды свисали свинцовые облака. Одинокий торпедоносец несся над волнами, почти касаясь их гребешков. Обогнув мыс Тарханкут, устремился на восток…

Евпаторийский рейд. На седоватой воде — неподвижные черные точки. Через минуты они вырастают в характерные силуэты. Вражеский конвой…

Токарев с ходу повел самолет в атаку.

Весь огонь кораблей сосредоточился на одиноком смельчаке. Ударили зенитки с берега. На дневное торпедометание вообще мы ходили как минимум парами. А тут — на рейде, в порту… Чтобы отвлечь огонь противника от комдива, Денисов приказал четырем истребителям проштурмовать корабли. Ястребки пикировали смело, обрушивая на палубы ливни свинца. Однако ничто уже не могло помочь торпедоносцу, лежащему на боевом курсе. Вокруг него сплелись трассы автоматических пушек, ни одна из которых не могла упустить пристрелянную цель. А сойти с боевого курса было немыслимым для Токарева…

Самолет сбросил торпеду и тут же загорелся, продолжая нестись в сторону берега…

Истребители видели разгоравшееся пламя на крыле машины

комдива. Управлялась она с трудом, видимо, Токарев был тяжело ранен. Самолет по прямой пересек побережье, перелетел озеро Майнаки, приземлился и через минуту-другую взорвался…

Весть о гибели любимого командира отдалась болью в сердцах всех его подчиненных. Каждый боевой вылет в дивизии в эти дни был освящен местью за его смерть.

Сразу после освобождения Евпатории ближайший друг и боевой соратник погибшего комдива подполковник Петр Ильич Хохлов вылетел на По-2 к месту катастрофы. Многие жители города и его окрестностей оказались свидетелями героической атаки отважного торпедоносца и всего происшедшего после. Их рассказы подтвердили и дополнили то, что удалось увидеть летчикам-истребителям.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза генерал-майора авиации Николая Александровича Токарева Президиум Верховного Совета СССР издал 31 мая 1944 года специальный указ. Дивизия, которой он командовал, названа его именем. На Театральной площади Евпатории воздвигнут гранитный постамент, увенчанный бронзовой скульптурой героя.

И СНОВА ВЕСНА… Эпилог

Экипаж наш окончил войну счастливо. Все мы остались — живы, с победой вернулись домой. Впрочем, слово «вернулись» здесь вряд ли подходит. Дома, у себя на родине, побывал, разумеется, каждый. Но потом…

Не раз говорил я, и в этой книге, и в прежних, что за годы войны нашим домом стал полк. Полк, авиация, армия…

В этом, втором, нашем «взрослом» доме после войны и остались жить чуть не все мои боевые друзья.

Техник Миша Беляков. Служил, окончил академию, опять служил. И лишь тяжкий недуг — несомненное следствие нечеловеческих перегрузок — вынудил подполковника-инженера расстаться с любимым делом. Вырастил двух сыновей, дочь. Все трое пошли по стопам отца — инженеры.

Сам Миша до выхода этой книги не дожил.

С Николаем Прилуцким довелось встретиться через год после войны, на Балтийском флоте. Он был назначен штурманом полка, я — сначала комэском, затем помощником командира. Работали так же дружно, как на войне. Сейчас он полковник в отставке, живет в родном Житомире. Живет активно, не просто пенсионер. Встречается с молодежью, внушает ей любовь к тому делу, которому сам посвятил всю жизнь…

Коля Панов. Выучился на офицера, служил. Потом демобилизовался, работал в геологоразведке, не изменяя своей профессии, избранной еще в довоенные времена…

Сменивший его в нашем экипаже Иван Должиков трудился и трудится на «гражданке», живет в Подмосковье…

Саша Жуковец, как и мечтал всю войну, вернулся к родной земле, на Украину. Много сил отдал подъему родного села после военных бедствий…

Ну и о некоторых других героях этой книги: обо всех помянуть невозможно, прошу извинить.

На одной из московских улиц живет Герой Советского Союза полковник в отставке Александр Иванович Жестков. Бывший командир "счастливой девятки". После войны он окончил академию, командовал полком, долгое время служил в военно-транспортной авиации. Уволился по болезни. И даже после тяжелой операции, причиной которой была травма головы, полученная в далеком сорок втором, сумел остаться в трудовом строю. Работает ночным директором на одном из столичных заводов, всегда желанный гость в цехах у комсомольцев, в подшефной пионерской дружине. Хорошая, дружная семья: жена,

две дочери — журналист и инженер, внучата…

Бывший его штурман, подполковник в отставке Иван Григорьевич Локтюхин, — в Ленинграде. Работает в финансово-экономическом институте. Тоже долго служил в авиации. Служит ей и сейчас. Все, кому посчастливилось побывать на ежегодно устраиваемых встречах ветеранов войны в Пушкинском театре, конечно, помнят богатую фотовитрину "Ветераны в дни войны и мира". Это любимое детище бывшего штурмана знаменитой «девятки».

А ее «доктор», бессменный техник вечного «ила» Григорий Михайлович Гармаш, так напугавший когда-то фашистского аса обыкновенной ракетой, — также подполковник. Живет в памятном всем нам Новороссийске. Тяжелая болезнь — тоже несомненный результат тех ночей и дней — приковала его к постели. Но Григорий Михайлович остается в нашем строю: ведет активную переписку с однополчанами, с молодежью. Во всем помогает ему его верная подруга жизни Мария Алексеевна. Вот что она пишет в одном из последних писем:

"Всегда гордилась и горжусь однополчанами, их подвигами в боях с фашистами. А вот мой гвардеец занемог. Но не сдается. И верю — он будет всегда гвардейцем, пока бьется его сердце…"

Что возможно добавить к этим словам?

В начале 1953 года, после окончания Военно-морской академии, я был направлен на Тихоокеанский флот, командиром авиаполка. Там тепло и сердечно встретил меня командующий ВВС флота Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Виктор Павлович Канарев — бывший командир нашего 5-го гвардейского, а затем и авиадивизии. Хороший был командир и хороший командующий…

Ныне его уже нет в живых.

Как-то в Кисловодске довелось повстречаться с Героем Советского Союза генерал-майором авиации Михаилом Ивановичем Буркиным — другим нашим комполка. Звание Героя он заслужил на Тихом океане, куда был переведен от нас в конце сорок четвертого года. После войны служил на Балтфлоте заместителем командующего ВВС, потом начальником училища. Теперь живет в Куйбышеве, председатель Совета ветеранов войны…

Бывший штурман дивизии Петр Ильич Хохлов, также Герой, генерал-лейтенант, до ухода в запас руководил штабом ВВС Краснознаменного Балтийского флота, штабом авиации ВМФ. Это он в августе 1941 года первым бомбил Берлин. Затем оборона Ленинграда, бои на Черном и Баренцевом морях… Обо всем этом он рассказал в своей интересной книге — больше, конечно, о

друзьях, чем о себе…

С командующим ВВС Северного флота Героем Советского Союза генерал-полковником авиации Иваном Егоровичем Корзуновым мне довелось долгое время вместе служить в Заполярье. Я был его первым заместителем — начальником штаба ВВС флота. Вместе с нами служил и неразлучный штурман Ивана Егоровича полковник Иван Иванович Филатов, возглавлял один из ведущих отделов штаба.

Много успел сделать Иван Егорович Корзунов для нашей авиации, для флота. В 1966 году с ним пришлось распрощаться…

Да, война веку не прибавляет.

Тем дороже нам те друзья, что живут. Живут, трудятся, иные еще продолжают служить. Хоть, конечно, летают уже только в качестве пассажиров. С тоской смотрят на небо. До конца, верно, будут смотреть…

* * *

И вот мы снова в Севастополе. И снова весна.

Яркое крымское солнце слепит глаза, выбивает слезу. После Балтики, Тихого, Заполярья. Потом — Ленинграда. Должно быть, отвык. Да нет, просто — молодость, то есть…

Может, не солнце и виновато…

Наряженные в кумач и цветы улицы, узнаваемые только по плану. По плану города — того, старого, пронесенного в памяти через всю жизнь. Кумач и цветы, и гирлянды — для нас. Праздничный город принимает гостей — своих защитников и освободителей…

На Приморском бульваре пряный аромат жасмина, белой акации. И запах моря… Нет, прежде печаль и радость. Щемящая радость узнавания. Сколько лет прожил, на скольких морях побывал, и только сейчас открыл, что запах у всех морей разный. Нет, у всех, может быть, одинаковый, но у Черного…

Запах молодости, А может быть, где-то еще застоялись дымы…

Потом — встреча. Встреча как встреча, как сотни таких же встреч. Сколько раз их описывали в газетах, показывали по телевидению. Узнаванья и неузнаванья, объятья и поцелуи, молодецкое похлопывание по плечу, возгласы радости и удивления. Сотни раз повторенные, беспомощные слова…

Кажется, никогда в мире люди так не нуждались в единственном нужном слове и никогда и нигде не были так бессильны перед ним…

— Да неужели ж это ты, Иван? Это же три Ивана!

— Сашка! А где же твой чуб?

— А двух наших Иванов помнишь?

— Пятеро внуков? Ого!

— Зато голова цела, что там прическа…

— Шестидесяти нет? Салага!

— О! Товарищ генерал! А помнишь… Иду на Малахов курган. Оттуда все видно. Главное — море. Небо и море. Но море сейчас главней.

У пилотов морских
Не бывает могил на войне…

Выбираю уединенное место на узенькой тропке, вьющейся меж молодых тополей.

Да, отсюда все видно.

…Где-то там, за горизонтом, за далью времени и пространства, пылающим факелом несся на вражеский эсминец торпедоносец Михаила Панина. Взорвался, не долетев, будто не выдержав гнева и ненависти, накопившихся в душе ведущего его человека, в душах троих с ним летящих в бессмертье людей…

…Где-то дальше еще, с чужих берегов, взмыл в небо огромный султан от другого взрыва: Борис Шеховцов на пробитой снарядом машине врезался в море, не успев сбросить все бомбы на вражеские корабли…

…Где-то взрывается низко летящий, над самой водой, торпедоносец Семена Самущенко…

Александра Ковтуна…

Александра Пресича…

…Обогнав свою торпеду, перелетев через обреченный фашистский транспорт, падает в море убитый в воздухе Коля Синицын…

Николай Зайцев…

Евгений Шарловский…

Александр Вальцев…

В воздухе, в море…

Дотягивали и до земли. Взрывались на ней, над ней.

Николай Александрович Токарев…

Андрей Кондрашин…

Борис Громов…

В море, над морем. На земле, над землей.

Всех не помянешь. Даже в одном только нашем полку. А сколько друзей, соседей, вместе летавших, не раз выручавших, спасавших…

На Приморском бульваре цветут каштаны. Да, они очень похожи на огромные, потемневшие от времени шандалы с нежно-кремовыми стеариновыми свечами. Свечи горят. Горят и при

ослепительно ярком солнце…

Белокаменный город слепит глаза. Вновь и вновь обращает их к морю, к ровной, мягкой, спокойной его синеве. Удивительно гладкое море сегодня. Гладкое и просторное, каким, кажется, не было ни разу за войну.

"Герою воздушных просторов будущего". Что-то в этом роде написал я на маленькой карточке, подаренной в день выпуска из училища своему другу Коле Николаеву. Героем Николай стал. До будущего не дожил. Другие дожили. Пора идти к ним.

Герои, герои… Признанные, с Золотыми Звездами, мои однополчане Сергей Дуплий, Александр Жестков, Иван Киценко, Александр Толмачев, Георгий Черниенко…

И те, что не смогли сегодня приехать…

И те, что не смогут приехать уже никогда, чьи койки, аккуратно заправленные солдатскими одеялами, стоят навечно свободные в новых, светлых казармах и чьи имена выкликаются на вечерних поверках в сурово-торжественной тишине…

Десять воинов удостоились звания Героя Советского Союза в одном только нашем 5-м гвардейском минно-торпедном полку!

А сколько украшенных Звездами наших соратников по дивизии, по флоту, былых соседей по аэродрому, вместе с нами летавших на комбинированные удары, прикрывавших нас от смертельных атак «мессеров» и «фоккеров», разведывавших для нас вражеские конвои, скопления войск… Михаил Авдеев, Александр Гнедой, Борис Литвинчук, Иван Любимов, Георгий Москаленко, Николай Наумов, Владимир Наржимский, Владимир Снесарев, Владимир Скугарь…

Разве всех перечислишь!

А сколько героев без Звезд, но увешанных сплошь орденами, как золотыми щитами… А сколько героев без этих щитов…

Не надо считаться ни звездами, ни полками. Все мы — одна большая семья.

Торжественное шествие по улицам Севастополя…

Не знаю, какое впечатление оставил этот марш у жителей города, густо толпившихся на тротуарах. Мы, конечно, стеснялись. Давно не строевики. И это слепящее солнце, отблески от наград…

Страница памяти…

Страница истории?

Да. Вот что хотелось, что хочется больше всего — чтоб сохранилась эта страница. Оставить, оставить как можно больше им, здесь стоящим, гуляющим, молодым…

Что оставить? Только лишь память — о подвигах, именах…

Нет, наши помыслы, наши чувства. Ведь каждое поколение

неповторимо.

Наше — вдвойне.

Вот о чем думалось и мечталось в тот ослепительно яркий день в ослепительно белом, праздничном, мирном городе…